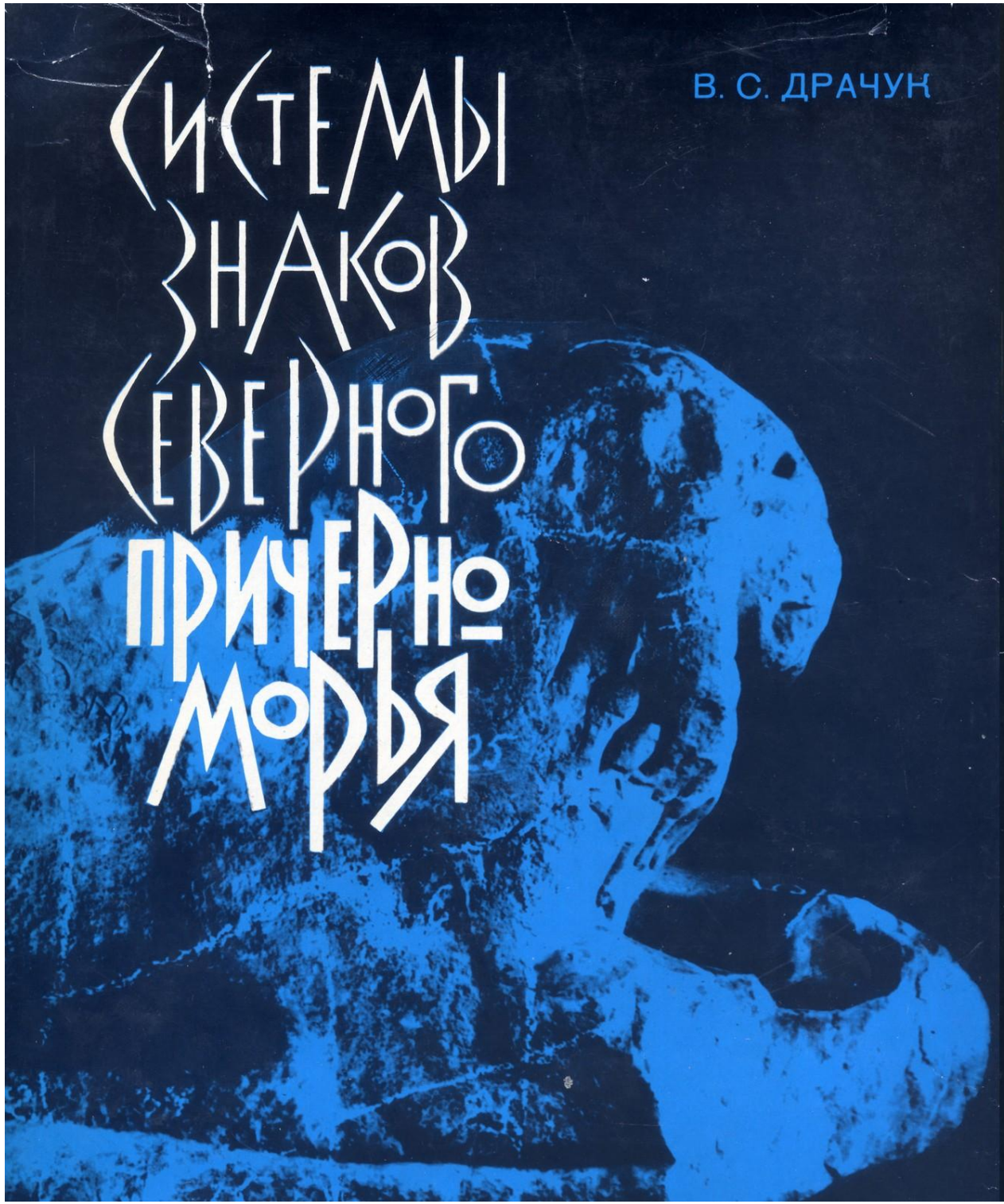
Системы знаков Северного Причерноморья

В. С. ДРАЧУК

В книге рассмотрены результаты исследований тамгообразных знаков Северного Причерноморья римского времени. Впервые в историографии дан анализ всех источников о знаках и изложены итоги изучения сарматских знаков, царских знаков Боспора, тамгообразных орнаментов на боспорских и сарматских памятниках первых веков нашей эры. Освещены вопросы происхождения знаков, их развития, смыслового значения, расшифровки, практического применения. Выделено около тысячи тамгообразных изображений северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры, а также представлены сравнительные таблицы знаков различных народов Европы и других континентов.

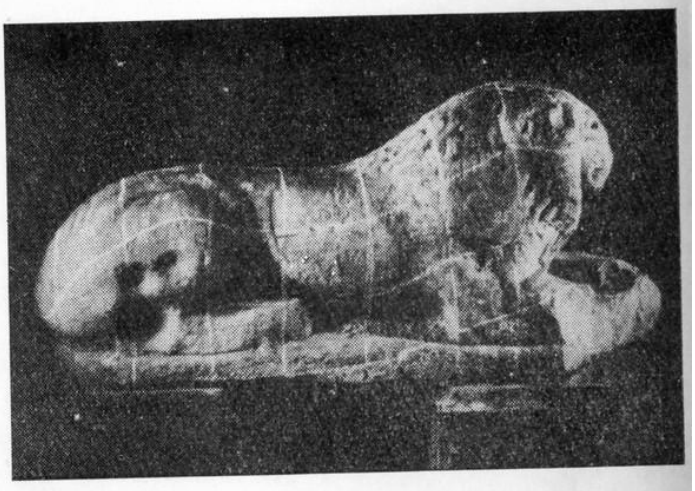
К

В. С. ДРАЧУК

СИСТЕМЫ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

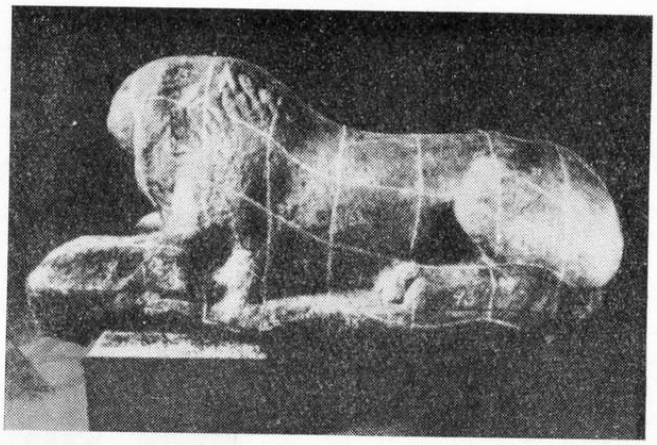
АКАДЕМИЯ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАУКОВА ДУМКА"
КИЕВ—1975

В. С. ДРАЧУК

СИСТЕМЫ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

902.6
Д72

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УССР *С. Н. Бибиков*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Э. И. Соломоник*,
кандидат исторических наук *Н. Н. Бондарь*,
О. И. Домбровский

Редакция археологии

Д $\frac{10602-160}{M221(04)-75}$ 202—74

© Издательство «Наукова думка», 1975

О Т Р Е Д А К Т О Р А

В книге рассказывается об уникальном наследии прошлого — различных эмблемах, гербах, знаках, символических изображениях и других начертаниях, оставленных теми, кто некогда населял Юг и Восток Европы.

Эти изображения — не просто немые свидетели давно минувших веков, а своеобразная «хроника» бурных дней и событий, ценнейшие документы прошедших эпох, разгадка которых помогает приоткрыть завесу над многими сторонами жизни, быта и культуры древних народов.

О чем же повествуют эти «записи» на столь порой различных по характеру и назначению памятниках: на монетах и детских игрушках, на печатях и зеркалах, на мраморных плитах и глиняных грузилах, на изделиях из золота и серебра и свинцовых гирях, фресковой росписи и боевом снаряжении воинов?..

Ученые многих стран мира и самых различных специальностей стремятся проникнуть в смысл этих изображений. Долгие годы упорных поисков позволили автору подобрать ключи к раскрытию смысла многих из них.

Знакомясь с книгой, читатель как бы шагнет вместе с ним в далекое прошлое древних обитателей нашей страны, узнает много о наших предках.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, которые помогут зрительно ощутить всю романтику этого поиска, узнать много нового из истории нашей Родины и других стран.

Настоящее издание рассчитано на широкого читателя.

Член-корреспондент АН УССР

С. Н. Бибиков

В В Е Д Е Н И Е

Всем, кто помог мне победить тяжелый недуг и возвратиться к научной и литературной работе, с благодарностью посвящаю эту книгу

Автор

В истории нашей страны немалая роль принадлежит Северному Причерноморью. Его изучение помогает разобраться во многих вопросах исторического развития юга европейской части СССР как в древние времена, так и в средневековье, когда на обширном пространстве к северу от Черного моря начало формироваться Киевское государство, ставшее колыбелью трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

Особое место в истории Северного Причерноморья занимают вторая половина I тысячелетия до н. э. и первая половина I тысячелетия н. э. В этот период античная цивилизация быстро укоренялась на берегах Черного и Азовского морей. Она оказала большое влияние на местное население и судьбы края, на формирование двух государств — Скифского и Боспорского. Это время ознаменовалось проникновением в районы Северного Причерноморья сарматских племен, гибелью первых на его территории государств, крушением рабовладельческой Римской империи, Великим переселением народов, что в конечном счете привело к сложению новых государственных объединений на территории Юго-Восточной Европы.

Соприкосновение античной и местной культур на обширной территории Северного Причерноморья (табл. I) привело к созданию оригинальной греко-варварской культуры, ярким наследием которой являются уникальные образцы различных ремесленных и художественных изделий. Античные города Северного Причерноморья были в течение многих веков экономически весомым поставщиком сырья и продовольственных товаров на рынки Средиземноморья и занимали не последнее место в политической жизни того времени. Внесли они немалый вклад и в развитие культуры древнего мира: в создании лучших образцов северопонтийского искусства принимали участие племена Северного Причерноморья. Результат

этого взаимодействия оказался плодотворным как для местной, так и античной культур.

Возникновение античных государств в Северном Причерноморье способствовало распаду племенного строя в среде местного населения и, в частности, развитию рабовладельческих отношений и государственности у скифских племен, что было важным этапом социального развития Восточной Европы.

Неповторимая греко-скифская культура стала ярким культурно-историческим явлением, сыгравшим немалую роль в истории племен, культурно или генетически связанных со многими народами СССР, а факт существования Скифского государства в значительной степени определил ход исторического развития юга и юго-востока нашей страны. А. В. Мишулин отметил, что «в своих общеисторических теориях древнегреческие историки и философы не могли представить себе и свою собственную национальную историю сколь-либо полно, без учета места и роли скифов в тогдашней жизни» [1].

Большую роль в судьбах северопонтийских районов сыграли и сарматские племена, которые в первые века до нашей эры завоевали значительную часть Скифии. Проникнув на Таманский п-ов и в Крым, заселив античные города Северного Причерноморья, они оказали в свою очередь сильное воздействие на экономику и общественное устройство северных окраин античного мира. Во многом изменив их быт и материальную культуру, сарматы со времени завоевания Скифии и до середины III в. н. э. стали ведущей политической силой Северного Причерноморья. Именно на примере истории и культуры сарматских племен хорошо прослеживается конкретное выражение некоторых общих закономерностей и общественных явлений, история некогда кочевого хозяйства, развитие производительных сил и общественных отношений в промежутке между распадом первобытнообщинного строя и формированием прочных политических союзов и объединений.

Сохранив в глубине степей кочевой и полукочевой тип хозяйства и не поднявшись в общественном развитии выше племенного строя, сарматы в городах Северного Причерноморья не только перешли к прочной оседлости, но и явились одной из активнейших сил в развитии древних государств на юго-западной территории СССР.

История сарматов, ставших в начале I тысячелетия н. э. главной силой Причерноморья, развертывалась не только в пределах нашей страны. Вступив вместе с другими племенами в длительную борьбу с Римом, сармато-аланы вместе с другими варварами прошли по Европе до Испании, способствуя крушению рабовладельческого строя, проникли в Северную Африку.

Позже, когда территорию Северного Причерноморья заняли тюркские племена, большая часть сарматов слилась со славянами и другими племенами Юго-Восточной Европы и Азии, став одним из важных компонентов в длительном процессе формирования многих народов, населяющих нашу страну.

В силу сказанного сарматская культура на начальном этапе развития многонациональной культуры народов СССР оказалась своего рода связующим звеном, с одной стороны, между культурами родственных, но самостоятельных миров Северного Причерноморья и сакским миром Средней Азии, а с другой — между античной культурой в целом и культурой северных славянских племен.

Однако наши знания об античных городах Северного Причерноморья, о Боспорском царстве, о скифах и сарматах и по сегодняшний день далеко не полны, значительная часть вопросов не решена. Греческие и римские авторы, письменно зафиксировавшие ценнейшие сведения по истории Причерноморья второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э., коснулись многих вопросов вскользь, не затронув иных вообще. К тому же большинство сочинений древних писателей, поэтов и ученых, военных и политических деятелей тех времен не сохранилось, а дошедшие к нам свидетельства иногда довольно противоречивы и необъективны.

Объективными источниками, необходимыми для изучения истории и культуры северопонтийских районов в рассматриваемое время, являются археологические памятники греков, скифов, сарматов и других древних племен и народов: остатки их поселений и могильников, различные предметы быта и культуры, древнегреческие и латинские надписи и пр.

Особую категорию памятников среди них составляют так называемые загадочные знаки, широко распространенные в первые века нашей эры в период усиленной сарматизации северопонтийской периферии античного мира. Отсюда и то большое значение, которое приобретает этот вид источников при изучении истории Причерноморья в римское время.

Знаки, разнообразные по форме, встречаемые на самых различных памятниках греческого, скифского и сарматского населения того времени,— прямые свидетели (а в некоторых случаях — прямой результат) теснейшего культурного взаимодействия греков и варваров; поэтому они вот уже почти два столетия привлекают к себе пристальное внимание специалистов.

В дореволюционное время существенных успехов в их научной трактовке достигнуто не

было: сказалась недостаточная систематичность и неплановость их изучения. И отечественные, и зарубежные исследователи по существу игнорировали важность всесторонней научной интерпретации этого вида источников, почти не поднимали вопросов теоретического порядка, не ставили целью историческое обобщение имеющихся материалов.

Графическая документация исследуемых нами памятников в большинстве случаев оставляла желать лучшего (а нередко была просто ошибочной), добытые материалы попадали в разные музеи и частные собрания, научной связи между которыми практически не существовало.

Недалеко ушла и публикация памятников с «загадочными знаками». В печать попадали неточные зарисовки, сведения о находках иногда подавались несистематизированными; статьи того времени писались от случая к случаю, были разбросаны по разным изданиям и стояли на невысоком научном уровне. Своды подобных памятников (за исключением попытки В. В. Шкорпила описать все известные в его время боспорские пряжки со знаками), как правило, совсем не практиковались.

Но самым главным недостатком дореволюционных изданий было то, что ни один из авторов так и не подошел вплотную к вопросам научно обоснованных исторических обобщений и научной систематизации всего наличного материала о знаках Причерноморья.

Коренной перелом в изучении причерноморских знаков наступил после Великой Октябрьской социалистической революции. С окончанием в 1920 г. гражданской войны в Крыму и других местах Северного Причерноморья возобновили работу местные музеи, появились новые научные центры, сотрудники которых с энтузиазмом приступили к изучению памятников древности, ставших достоянием народа.

Не были обойдены и «загадочные знаки»: в 1929 г. появилась интересная работа Н. А. Захарова [2], не потерявшая своей ценности и сегодня; а в 1933 г. И. И. Мещанинов опубликовал свое известное исследование «Загадочные знаки Причерноморья» [3], в котором предпринял попытку обобщить итоги изучения причерноморских знаков.

В послевоенные годы работа по систематизации и интерпретированию знаков продолжалась. В 1959 г. вышла из печати книга Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья» [4], позднее дополненная изданием новых памятников [5]. Той же задаче были посвящены работы, осветившие материалы о причерноморских знаках римского времени на амфорах (И. Т. Кругликова [6]), скифских памятниках (О. Д. Дашевская [7]) и государственных памятниках Боспора (Д. Б. Шелов [8]).

Попытки классификации знаков предпринимали и зарубежные ученые — немецкий исследователь Г. Енихен [9], польский историк Б. Надель [10].

В результате длительного изучения причерноморских знаков римского времени был не только собран значительный материал, но и накоплен определенный опыт систематизации различных видов памятников с тамгообразными знаками.

Так были созданы предпосылки сводных научных работ о системах знаков Северного Причерноморья римского времени. При оценке результатов и методов сбора, изучения археологических материалов и прочих исторических источников нельзя не признать, что ряд важных историко-филологических проблем, связанных с составлением сводов по тамгообразным знакам Причерноморья, остался еще не решенным — например, выделение сарматских знаков, царских знаков Боспора Киммерийского, знаков, принадлежавших знати Боспора, проблема тамгообразных орнаментов, а также дальнейшего развития знаков.

При освещении различных памятников со знаками и самих знаков не решены и частные вопросы, иногда отнюдь не второстепенного характера: о тамгообразных знаках на стелах, больших скоплениях разнообразных знаков на отдельных памятниках и пр.

Не перечисляя всех задач, все еще стоящих перед исследователями тамгообразных знаков Северного Причерноморья и прилегающих к нему районов, отметим одну из важных проблем, которая возникает при изучении названных памятников: «взаимоотношение» сарматских знаков, знаков на скифских памятниках римского времени, знаков царей и знати Боспора. Эти явления нуждаются в самой разносторонней исторической интерпретации.

В данной работе мы ставим перед собой определенные цели: анализ предыдущих исследований причерноморских знаков, введение в научный оборот по возможности всех известных сейчас тамгообразных знаков Северного Причерноморья римского времени, определение (где это возможно) их конкретной принадлежности, историческую интерпретацию знаков, выяснение путей их последующего развития.

Материалов для решения этих вопросов, как указывалось выше, уже накопилось довольно много, но они еще не были достаточно широко, всесторонне и комплексно анализированы. Часть авторов, систематизируя материал, не исчерпали скрытые в нем возможности, охватили не все аспекты его исследования и не успели рассмотреть некоторые из важных вопросов, непосредственно касающихся этого круга памятников (Э. И. Соломоник [11], О. Д. Дашевская [12], И. Т. Кругликова [13], Д. Б. Шелов [14]).

Другие рассматривали знаки под каким-либо одним углом зрения: И. И. Мещанинов [15], например, рассматривал взаимоотношение знаков и письменности; Г. Енихен [16] — взаимоотношение причерноморских знаков со знаками иранских народов. И, наконец, в работе Б. Наделя [17] поставлена (хотя и не выполнена) задача создания такой специальной работы, где рассматривался бы весь комплекс проблем, связанных со знаками.

Большим недостатком работ о причерноморских тамгообразных знаках римского времени является отсутствие в них специальных глав или разделов, подробно рассматривающих литературу по теме. В лучшем случае они дают беглый обзор высказываний отдельных авторов, и часто это сделано настолько неточно, что содержание тех или иных книг или статей остается неясным читателю, которому недоступны оригиналы.

Все это приводило не только к повторению устарелых, но и к появлению новых ошибок, на что обращала внимание еще Э. И. Соломоник. Рассматривая знак боспорского царя Савромата II в изданной с ошибками, а затем без исправлений переизданной публикации, специалисты пришли к выводу, что нижняя часть этого знака (в действительности не существующая) похожа на изображение коня, повернутого головой влево [18], а верхняя — напоминает человека с поднятыми руками. На основе мнимого сходства была поставлена задача отыскать прототип этого знака в схематизированных изображениях ритуальных сцен с участием коней, то есть в тех дако-сарматских мотивах, которые могли преломиться в русском народном творчестве [19].

В последние десятилетия тамгообразные знаки Северного Причерноморья приковывают к себе внимание многих ученых мира. В то же время в научной литературе по-прежнему отсутствует подробный анализ достаточно полной историографии вопроса, не вскрыты фактические ошибки прежних работ, нет и критической их оценки с позиций новейших исследований. Сложилось такое положение, когда даже в работах известных ученых не только повторяются старые, но и рождаются новые ошибки, появляются несуществующие формы знаков, в свою очередь заимствуемые и с полной серьезностью изучаемые другими специалистами.

Особенно разителен следующий пример. В Москве в Государственном историческом музее хранятся две известняковые плиты первых веков нашей эры из Керчи с большим количеством тамгообразных знаков — стелы Теоники и Ареты. Знаки на них выполнены различными резцами, нанесены разными людьми и в разное время.

Г. Енихен, изучая эти знаки, восстановил их графические начертания на основе публикаций, не выражающих разницы в технике исполнения знаков, порою неправильно передающих их формы. Таким образом, в научный оборот были введены мнимые тамгообразные изображения. Например, в результате невольного соединения двух различных знаков им был сделан вывод о наличии на стелах Теоники и Ареты несуществующего в действительности сложного знака, причем на одной изображенного якобы «целиком» (стела Ареты), а на другой (стела Теоники) — «разобранного» на две части — будто бы из-за небрежности исполнения и отсутствия места. При этом все знаки «оказались» прорисованными в одном направлении, в результате чего был сделан еще один ошибочный вывод об использовании названных стел в качестве надгробных сарматских памятников [20]. Как бы ни отнеслись к выводам Г. Енихена другие ученые, искаженные прорисовки знаков послужат и для них «основой» неверных заключений. Тем более, что в настоящее время книга этого исследователя является единственным зарубежным изданием, относительно полно обобщившим итоги исследований тамгообразных знаков.

Примеры такого же недоразумения дают и покрытые знаками ольвийские мраморные львы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, а также керченская известняковая плита с сотнями знаков, хранящаяся в дромосе Царского кургана в Керчи. Со времени выхода из печати в XIX в. первых работ, касающихся этих памятников, отечественные и зарубежные авторы переиздавали их много раз, все время заимствуя данные из предыдущих публикаций. Поэтому в них отсутствует графически верная развертка тамгообразных знаков, изображенных на львах и плите. В результате большая часть знаков на названных памятниках вообще не вошла в научный оборот, а значительное количество их изображено с ошибками. Предпринятая Г. Енихеном попытка сделать в названной работе такую развертку на основе предыдущих публикаций привела лишь к очередному неточному изданию знаков [21] и курьезам вроде «обнаружения» среди знаков на львах сразу нескольких тамг боспорского царя Инин-фимея (именуемых автором «двойной вилкой») [22] и пр.

Тем не менее искаженные публикации знаков продолжают использоваться учеными разных стран. Некоторые исследователи пытаются знак «двойной вилки» объяснить как равноценный знакам солнца или счастья, «конкурирующий» с гаммированными знаками [23].

Нет необходимости перечислять переиздаваемые в последние годы искаженные изображения знаков Северного Причерноморья рим-

ского времени и появляющиеся на этой основе ложные заключения и теории.

Рождению таких выводов в значительной мере способствовало то обстоятельство, что отечественная и зарубежная историография по северопричерноморским знакам в силу многих причин оказалась не использованной. Данные о работах отдельных ученых тоже иногда заимствовались из ссылок и описаний предшествующих авторов, которые их давали часто без должной критической оценки и с субъективным изложением их сути.

Исходя из сказанного, в данной работе серьезное внимание мы уделяем анализу литературы о знаках, посвятив ему первую часть нашей работы. Во всех необходимых случаях указаны не только ошибки, имеющиеся в рассматриваемых нами трудах, но и положения, сохраняющие научную ценность. При этом мы опираемся не только на собственные исследования знаков, но и на открытия многих авторов, благодаря которым изучение «загадочных знаков» перешло от случайных наблюдений и догадок к систематическому научному исследованию.

Знакам сарматских племен посвящена в этой книге глава «Сарматские знаки». В ней уделено внимание вопросам происхождения знаков и их расшифровки на основе изучения самих памятников, палеоэтнографических данных и этнографических аналогий. Освещены цели и случаи употребления сарматских знаков населением Северного Причерноморья в римский период.

Итоги исследования знаков боспорских царей изложены в главе «Царские знаки Боспора». Здесь выделена группа сложных царских знаков Боспора, сформировавшихся, в отличие от других знаков этого времени, непосредственно на территории Боспорского царства. Дана их историческая интерпретация, расшифрован их смысл.

Системы тамгообразных орнаментов, выделенные нами в особую группу, рассмотрены в главе «Боспорские и сарматские памятники римского времени с тамгообразным орнаментом». Исследованы следующие памятники: 1) с орнаментальными элементами, впервые вплетающимися в основную схему знаков, что знаменует начало сложных процессов образования тамговых орнаментов; 2) с такими тамгообразными знаками, в которых декоративное орнаментальное начало изменило основное смысловое значение, что свидетельствует об уже завершившемся процессе перерастания знаков в тамговый орнамент. В главе прослежено тамговое происхождение выделенных нами знаковых орнаментов.

Проблемам, связанным с дальнейшей судьбой рассмотренных систем знаков, посвящена глава «О путях развития тамгообразных знаков Северного Причерноморья». В результате выявления и сравнительного изучения возможных направлений развития знаков сделан вывод о перерастании рассмотренных в книге знаковых систем в декоративный орнамент. Такие орнаменты распространяются в Причерноморье и за его пределами уже в V—VII вв. н. э. вместе с изделиями, на которых они помещены. В книге также рассмотрен не однажды поднимавшийся вопрос о возможности трансформации сарматских знаков в письмо. Так как все эти знаки были, собственно, специфическими пиктограммами, можно согласиться с тем, что они применялись в сарматском обществе для примитивной записи и передачи каких-либо сведений. Говорить же о большем нет оснований. Есть данные полагать, что причерноморские знаки послужили также основой, на которой сложились геральдические знаки Киевской Руси.

В заключении книги изложены результаты исследования систем знаков, даны основные выводы о некоторых новых сторонах взаимоотношений греческого и варварского миров в первые века нашей эры и отдельных вопросах экономической, политической и культурной жизни населения Северного Причерноморья в этот период.

В приложении I интерпретируются памятники с единичными сарматскими тамгами, свидетельствующие о несомненно именном характере многих сарматских знаков.

В приложении II рассматривается более 700 сарматских знаков римского времени, выделенных из числа изображений на северопричерноморских памятниках с большим количеством тамг.

В пояснениях к таблицам и таблицах иллюстраций (I—LI) представлено по возможности полное собрание тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (около 1000), тогда как до этого было известно около 300. Среди приводимого в работе сравнительного материала дается большое количество близких или аналогичных по форме и содержанию знаков племен и народов Европы, Азии и других континентов. Таблицы построены следующим образом. После схематической карты Северного Причерноморья (табл. I) и таблицы ранних пиктографических и тамгообразных знаков (из числа символических, смысловых и орнаментальных изображений савроматов) (табл. II) даются причерноморские тамгообразные знаки и тамговые орнаменты римского и раннесредневекового времени (табл. III—XVIII), а также знаки многих народов Европы, Азии и других континентов (табл. XIX—XXX). Завершают таблицы памятники с единичными тамгами сарматов

(табл. XXXI), их «энциклопедическими» собраниями на керченской писанной плите (табл. XXXII—XL) и ольвийских мраморных львах (табл. XLI—LI).

В конце книги даны литература, список сокращений и резюме на английском, французском, немецком языках.

Источниковедческой базой книги являются прежде всего рассматриваемые в ней причерноморские тамгообразные знаки римского времени.

Кроме научной литературы о знаках широко использованы различные исторические данные, археологические памятники, этнографические примеры, а также письменные источники и архивные материалы (в том числе экспедиционные полевые отчеты, дневники, неопубликованные рукописи и пр.), хранящиеся в ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИА АН УССР, Отделе археологии Крыма ИА АН УССР и ряде музеев СССР.

Подавляющее большинство источников о знаках и самих памятников со знаками хранится в библиотеках и музеях РСФСР и УССР: в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (Москва), Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (Москва), Исторической библиотеке РСФСР (Москва), Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Центральной научной библиотеке АН УССР (Киев), Исторической библиотеке УССР (Киев), библиотеках институтов археологии АН СССР (в том числе и ЛОИА АН СССР), АН УССР и библиотеках Крыма, Государственном Эрмитаже (Ленинград), Государственном историческом музее (Москва), Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва), Археологическом музее Центрального научно-естественного музея АН УССР (Киев), Киевском историческом музее, Днепропетровском историческом музее имени Д. И. Яворницкого, Запорожском краеведческом музее, Херсонском историко-краеведческом, Одесском и Херсонесском археологических музеях, Керченском историко-археологическом музее имени А. С. Пушкина, Крымском областном краеведческом музее и Отделе археологии Крыма ИА АН УССР, Ялтинском краеведческом музее, Бахчисарайском историко-археологическом музее, Краснодарском историко-краеведческом музее, Ростовском и Новочеркасском музеях.

Э. И. Соломоник, М. А. Тиханова, Д. Б. Шелов, Н. И. Сокольский, О. Д. Дашевская, П. Н. Шульц, А. А. Щепинский, О. И. Домбровский, П. И. Карышковский, Г. Ф. Турчанинов, Л. П. Крылова, И. И. Лобода, Е. В. Махно, В. Ф. Пешанов, М. Я. Чореф разрешили использовать их неопубликованные материалы, что позволило автору расширить круг исследованных им памятников.

Особо нужно отметить ценные советы зарубежных коллег — Г. Боккиш (ГДР), И. Ирмшера (ГДР), И. Маевского (ПНР), Я. Печирки (ЧССР), Б. Свободы (ЧССР), Я. Харматы (ВНР), — хорошо знакомых с многими недоступными нам архивными источниками и археологическими памятниками.

Сложные технические работы по подготовке к изданию самих знаков, без которых публикация этой книги была бы практически невозможной, выполнены при неизменном участии О. И. Домбровского, Л. Т. Головиной, В. В. Головина, А. Т. Ненахова, П. Ф. Пархомца, М. И. Зелениной, С. М. Иленды, А. С. Мажуко, А. Н. Лещинской, А. И. Журило, Л. Н. Тарасовой, В. В. Меренбаха, А. В. Митюры, Э. В. Примак, Г. А. Ласского, З. П. Борисюк, В. П. Эггерт, А. С. Таращук, В. Н. Сковронского, Е. П. Подвысоцкой, С. Г. Лопатенко, Л. Ю. Орищенко, А. И. Байды.

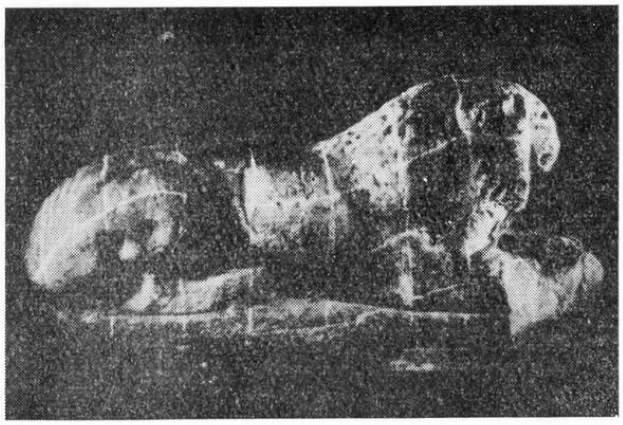
Многолетние исследования, приведшие автора к написанию этой книги, были начаты им еще в студенческие годы в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко (1953—1958 гг.), преподавателям которого автор глубоко признателен за неоценимую поддержку этого начинания. В 1958—1972 гг. автор продолжил и завершил работу в Институте археологии АН УССР.

В изучении памятников со знаками всестороннюю помощь, способствующую выполнению данной работы, автору оказали сотрудники ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИА АН УССР, Государственного Эрмитажа, исторических факультетов Московского и Ленинградского государственных университетов, многих вузов, музеев, библиотек и других учреждений. Автор считает своим долгом выразить всем искреннюю благодарность.

Надеемся, что наше исследование знаковых систем северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры, в котором излагаются главные итоги многолетней работы, выполненной автором в области изучения тамгообразных знаков, позволит еще ближе подойти к пониманию этих уникальных памятников культуры, являющихся, с одной стороны, продуктом собственного развития населения Северного Причерноморья, а с другой — результатом теснейших взаимосвязей позднескифских и сарматских племен с потомками древнегреческих колонистов на рубеже нашей эры (и, естественно, в ближайших столетиях до и после). Вероятно, оно поможет пролить новый свет и на экономические, политические и культурные связи античного и варварского миров, раскрыв еще одну из сторон их взаимовлияний на территории СССР.

[1] *А. В. Мишулин.* Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР.— ВДИ, № 1. М.— Л., стр. 256.
[2] *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком, из района Кубанских плавень.— ЗСККОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929.
[3] *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933.
[4] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
[5] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 158—168.
[6] *И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962, стр. 97—100.
[7] *О. Д. Дашевская.* Граффити на стенах здания в Неаполе скифском.— СА, № 1. М., 1962, стр. 173—194.
[8] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка.— Культура античного мира. М., 1966, стр. 268—277.
[9] *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956.
[10] *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 178—185.
[11] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки...; *ее же.* Нові пам'ятки...
[12] *О. Д. Дашевская.* Указ. соч.
[13] *И. Т. Кругликова.* Указ. соч.
[14] *Д. Б. Шелов.* Указ. соч.
[15] *И. И. Мещанинов.* Указ. соч.
[16] *H. Jänichen.* Указ. соч.
[17] *B. Nadel.* Указ. соч.
[18] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 58.
[19] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940, стр. 234.
[20] *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 14.
[21] *Там же,* табл. 11—13.
[22] *Там же,* стр. 17—18.
[23] *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961, стр. 231.

ЧАСТЬ I ПРОБЛЕМЫ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

ИССЛЕДОВАНИЕ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Впервые публикации памятников с тамгообразными знаками Северного Причерноморья римского времени появились в первом десятилетии XIX в., когда П. И. Сумароков [1] издал мраморную плиту с надписью Евпатерия, обнаруженную им на Таманском п-ове. Начало оказалось не весьма удачным: сохранившиеся на этой плите нижние части двух знаков римского времени П. И. Сумароков опубликовал в неверной зарисовке. В тексте же он вовсе не упомянул о знаках, а ограничился сообщением о греческой надписи, которая, как выяснилось позже, была связана со вторичным использованием плиты — 590 г. н. э.

В середине XIX в. А. Б. Ашик [2] вторично опубликовал найденную П. И. Сумароковым плиту, а также серебряные изображения в виде знака из соединенных букв «С» и «Ч» и бляшки от узды конского набора со штампованным знаком в виде буквы «У». В это же время появляются публикации и других памятников со знаками. А. С. Уваров издает два одинаковых рельефных знака [3] из накладной проволоки на ольвийском золотом шейном обруче и прорезную бляшку [4] в виде тамгообразного знака римского времени, трактуя их как украшения [5]. Н. Н. Мурзакевич довольно схематично и с грубыми ошибками публикует изображения знаков на двух мраморных львах из

Ольвии, назвав знаки какими-то особыми начертаниями на головах и туловищах изваяний [6]. Л. Э. Стефани издает втулку наконечника копья [7], богатый конский убор [8] и золотую пряжку [9] из Керчи, определив знаки на них как монограммы, смысл и значение которых ему не известны [10].

В 1863 г. Ф. К. Брун [11] повторно рассмотрел ольвийских львов, указав на неточность ранее изданных Н. Н. Мурзакевичем рисунков, и сообщил, что оба льва были найдены в одном из ольвийских курганов. В то же время он первый подчеркнул важность изучения начертаний на упомянутых львах, называя их еще неразгаданными буквами, загадочными знаками, иероглифами.

В 1870 г. Ф. Струве впервые издал ольвийскую известняковую плиту с греческой надписью, два знака под которой он определил как знаки собственности восточного происхождения, добавленные к надписи гораздо позже [12]. По мнению В. Н. Юргевича, догадаться о значении знаков под надписью, представляющих, как казалось ему, несколько соединенных букв, вообще трудно, хотя едва ли они были простым украшением оставшегося на камне свободного места [13]. Оба исследователя неудачно опубликовали знаки, исказив неточной зарисовкой их подлинные начертания.

Неизвестные ранее памятники обратили на себя внимание и других ученых. В 1875 г. появляются три публикации, посвященные причерноморским знакам. Главной из них была статья П. О. Бурачкова [14], иллюстрированная таблицей, в которой есть ряд графических неточностей. Изучив знаки на керченской известняковой плите, найденной случайно в 1871 г. при настилке мостовой, и знаки, обнаруженные под слоем позднейшей штукатурки на материковой глиняной стене керченского склепа, открытого в 1872 г. (склеп Стасовского), а также знаки на ольвийских львах [15], П. О. Бурачков пришел к выводу, что они являются надписями, выражающими определенную мысль, отчасти символами, а отчасти буквами. О наличии букв, по мнению П. О. Бурачкова, свидетельствует повторение якобы одного и того же знака. При этом он указал, что как буквы, так и символы расположены справа налево, как бы в подражание строчному письму определенным алфавитом [16].

Исследователь категорически высказался против возможности видеть в знаках тамги или клейма восточных народов, так как, по его мнению, никому бы не пришла в голову мысль собирать их, а тем более размещать в виде строчного письма на каких-либо предметах [17]. Признав в знаках подобие письменности «диких народов», П. О. Бурачков подобрал к ним и своего рода ближайших сородичей — рунические начертания Шлезвига и шведской провинции Скании. Последние Энгельгардт приписывал готам, вследствие чего, по мнению П. О. Бурачкова, возможно, не колеблясь, признать и перечисленные причерноморские «надписи» принадлежащими готам и перенесенными ими с севера на юг [18]. Развивая свою мысль и указав, что якобы еще до него была замечена связь между глаголицей и скандинавскими рунами, а также обратив внимание на очевидное родство между «керченскими руническими надписями» и начертаниями на ольвийских львах, П. О. Бурачков поставил вопрос о месте возникновения и генезисе глаголицы. По его мнению, «многие из ольвийских рунических знаков имеют поразительное сходство с буквами болгарской глаголицы», ибо «буквы или знаки ольвийских надписей состоят из кружков, полукружий и треугольников, напоминающих отличительный характер глаголицы». Продолжая его мысль его же словами — «не подлежит сомнению, что болгары могли быть не только в Крыму, но и в Ольвии», а «в развалинах города Болгар мы не встречаем надписей, которые стояли бы в столь близких отношениях к глаголице, как надписи на ольвийских львах» [19].

Пытаясь в конце статьи датировать рассмотренные им памятники с причерноморскими знаками, П. О. Бурачков счел древнейшими знаки на стенах керченского склепа 1872 г., датируемого им временем не ранее IV в. н. э. Здесь же он вскользь говорит об изданных Ф. Струве и В. Н. Юргевичем двух знаках на названной выше ольвийской плите с греческой надписью, назвав их монограммами, напоминающими изображения на упомянутых львах [20].

Пытался объяснить знаки на ольвийских львах и на стенах керченского склепа и А. И. Савельев. Дав недостаточно точные зарисовки знаков на одном из боков ольвийского льва и на фрагменте стены керченского склепа 1872 г.[21], он назвал изображения особенными знаками или начертаниями, имеющими некоторое взаимное сходство, и отнес их к тому времени, когда Крым находился под властью Гиреев, а вся степная полоса — от устья Дуная до верховьев Сыр-Дарьи — была владением татар. Эти знаки, по его мнению, были ничем иным, как своего рода эмблемами или тамгами тюркских и монгольских племен, «у которых каждый род, каждое поколение имеет свою тамгу, которые изображаются на их знаменах, на вещах, вместо подписи на взаимных условиях (для скрепления обязательств) накладываются везде, где нужно бывает обозначить свою собственность или приложить свою руку» [22]. В том же 1875 г. в отчете императорской Археологической Комиссии за 1872 г.[23]

изображения на известняковой керченской плите, найденной в 1871 г., на стене керченского склепа 1872 г. и на ольвийских львах были классифицированы как неизвестные знаки или письмена населения Боспорского царства. Приложенные изображения на правой стене склепа и на одной из сторон другого ольвийского льва тоже оказались довольно произвольными.

Переломным моментом в исследовании знаков явился V Археологический съезд, состоявшийся в 1881 г. в Тифлисе. Ему предшествовала большая и тщательная подготовка. Впервые в программу были включены вопросы изучения памятников не только античных и средневековых, но и первобытных. Поэтому хотя съезд и был посвящен истории Кавказа (в частности, памятникам Северного), он стимулировал изучение знаков различных народов, вследствие чего в научных кругах возник общий интерес к этим своеобразнейшим памятникам.

Выступивший на съезде Е. Т. Соловьев призвал к широкому изучению знаков и наметил в основном методику их исследования. Его доклад являлся результатом десятилетних исследований и был опубликован в 1887 г.[24] Подчеркнув значение передающихся из поколения в поколение знаков собственности для изучения хозяйства и быта древнего населения нашей страны, Е. Т. Соловьев привлек внимание исследователей к знакам на различных археологических памятниках Европейской России, Кавказа и Сибири [25].

Он прямо указал, что, изучив, например, знаки собственности, принятые у разных народностей России (если выяснен путь их исторического развития), можно определить по ним этническую принадлежность древних вещей, найденных во время археологических раскопок, и таким образом разыскать конкретные следы той или иной народности, определить более точно географическое расселение племен в ту или иную эпоху.

Одновременно Е. Т. Соловьев подчеркнул и важность факта превращения (в ходе культурно-исторического развития) знаков символических в буквенные и гербовые, что может послужить показателем достигнутого тем или иным народом уровня культурного и социального развития. Е. Т. Соловьев впервые отметил простоту и неправильность начертаний, присущие знакам представителей рядовых слоев населения, и художественность исполнения, четкость знаков и гербов представителей господствующих классов.

В результате изучения знаков народностей России Е. Т. Соловьев пришел к выводам, суть которых состоит в том, что простая и правильная форма «юридических знаков» в виде букв появляется уже у развитых народов в ходе исторического развития на определенном этапе формирования государственного устройства, а простая, но графически неправильная форма знаков является промежуточным звеном между наиболее поздней, названной выше, и наиболее древней — усложненной, воспроизводившейся под влиянием фантазии [26].

Набросанная Е. Т. Соловьевым примерная программа изучения юридических знаков разных племен и народов не утратила своего значения и сегодня. Она заключается в следующем:

«1. Точное обозначение местности, подвергающейся изучению, и название народности, а также объяснение способов изучения. 2. Определение характера формы знаков. 3. Происхождение их. 4. Отношение к ним закона и обычного права. 5. Способы обозначения или изображения юридических знаков на предметах и название этих знаков. 6. Изображение юридических знаков (чем больше придется собрать этих изображений, тем важней для дела). 7. Условия существования знаков. 8. Значение знаков в обыденной жизни исследуемой народности и степень ее культурного развития. 9. Сравнение знаков различных племен и выводы из этого сравнения. 10. Определение коренных знаков, принадлежащих известной народности, и заимствованных у другой народности» [27].

После V Археологического съезда интерес к знакам заметно возрос. 80-е и 90-е годы XIX в. характеризуются значительным оживлением в области изучения причерноморских знаков римского времени. В 1887 г. А. В. Орешников в «Каталоге собрания древностей» А. С. Уварова [28] впервые издает один из вариантов знака Фофорса на монетах, приняв его за монограмму.

Почти одновременно с каталогом появилась одна из первых обобщающих работ о скифах, автор которой А. С. Лаппо-Данилевский предпринял попытку рассмотреть причерноморские знаки как одно из явлений культуры скифских племен. Отметив, что у скифов, очевидно, не существовало своего письма и есть все основания говорить об использовании ими греческой письменности, автор подчеркнул, что в древней Скифии, преимущественно у берегов Черного моря, встречаются камни с загадочными знаками, происхождение и значение которых не было разъяснено. К последним исследователь отнес упомянутые выше знаки на ольвийских львах и ольвийские надписи, знаки на стене керченского склепа 1872 г., на камне, найденном в Керчи Гурьевым, на нескольких танаисских надписях и, предположительно, на плите из Александропольского кургана, на камнях Поднестровья, а также надпись из каких-то

«особенных» знаков на двух золотых браслетах, обнаруженных в долине Мокрого Чулека в 30 *км* от Таганрога. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, знаки, подобные этим, можно найти на Кавказе, в Сибири, на берегах Томи, Енисея, возле Минусинска, в Пермской губернии, на Онежском озере возле мыса Крестовый (Бес) и Пени (Бесиха по-фински), а также в Западной Европе [29].

Не отвергая символического значения знаков, А. С. Лаппо-Данилевский допускает, что они могли служить и чем-то вроде идеографического письма (в некоторых случаях весьма упрощенного). Далее он отрицает принадлежность таких знаков готам, а в заключении пишет, что, «как бы то ни было,... мы не пришли ни к каким определенным результатам относительно этих знаков, а потому пока еще не можем решить вопрос о том, находятся ли они в какой-либо связи с вопросом о письменности древних скифов или нет» [30].

В 1889 г. появляется несколько работ, в той или иной степени касающихся знаков. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков издали монету с вариантом знака Фофорса [31] и богатый конский убор из Керчи с двумя одинаковыми рельефными знаками, выштампованными на двух крайних бляшках [32].

В. В. Латышев опубликовал свои выводы из наблюдений знаков на плитах с греческими надписями. По его мнению, большое количество знаков, сложность начертаний и большая редкостность в употреблении их значительного числа делают маловероятным предположение о наличии прочно установленного алфавита и скорее заставляют думать о чисто условном письме, состоящем частично из букв (знаки простых форм), а частично из монограмм (знаки сложных форм).

Резюмируя свои выводы об ольвийских плитах с надписями и знаками, В. В. Латышев подчеркнул, что надписи, по-видимому, принадлежат самим ольвиополитам, а не окрестным варварам, что они имеют какое-то, пока неясное, отношение к погребальным обрядам или к представлениям о загробной жизни и, наконец, что они являются тайным письмом, состоящим из сочетаний монограмм с обыкновенными письменными знаками, возможно представляющими собой сокращения целых слов или их частей (за исключением плиты, изданной В. Н. Юргевичем). Не претендуя на окончательное решение вопроса, В. В. Латышев в заключение датировал эти изображения римским временем [33].

Одновременно он привел следующее высказывание И. К. Суручана (из письма В. В. Латышеву) о знаках, которое, по сообщению самого же В. В. Латышева, расходясь с его выводами по вопросу принадлежности плит со знаками и надписями, почти не представляет различия в частностях:

«По моему убеждению эти надписи, найденные в Ольвии, принадлежат к тем именно письменам, которые ввели у себя скифы не ранее как в III ст. по Р. Хр., благодаря влиянию эллинов; поэтому и неудивительно, что в этих письменах мы встречаем большей частью греческие буквы рядом с варварскими; последние, быть может, были заимствованы скифами от какого-либо соседнего народа или же изобретены ими самими. Что касается надписи № 6, то понятно, что она, содержа в себе и латинские буквы, принадлежит к более позднему периоду. Я предполагаю, что все эти письмена должны читаться от левой руки к правой следующим способом: одна, две, три или больше букв, взятых вместе, точно так же, как и монограммы, составляют или целое, или же только первоначальные буквы слова. Отнести эти памятники к мистическим, кабаллистическим или к типам абраксас я не решаюсь, а ввиду того, что 1) они найдены по настоящее время в довольно изрядном количестве, 2) что на них отсутствуют какие-либо мифические изображения и т. п., 3) взяв во внимание величину, и в особенности самое место нахождения этих памятников,— я склонен причислить их к письменным погребальным памятникам тех именно скифов, которые жили или в самом городе Ольвии, или возле него» [34].

Почти в это же время вышла и другая работа В. В. Латышева [35], посвященная загадочным ольвийским надписям, а также статья В. Н. Юргевича о камне с загадочными знаками, найденном вблизи Кривого Рога [36]. Подчеркнув большое сходство знаков на камне с кавказскими тамгами и фамильными знаками западнокавказских горцев, имеющуюся разницу между ними В. Н. Юргевич объяснил разветвлением родов на несколько семейств, каждое из которых сделало какое-нибудь видоизменение общего знака ради отличия себя от остальных. К таким же фамильным знакам он отнес и знаки на ольвийских львах, нанесенные, подобно знакам на камне из Кривого Рога, якобы народом, кочевавшим вблизи разрушенной Ольвии. В. Н. Юргевич утверждал, что народ пришел с Кавказа и что это были, вероятнее всего, аланы. Изображение конской головы на камне из Кривого Рога наводит, по его мнению, на мысль, что знаки на криворожском камне скопированы с тамг, которыми были таврованы лошади стоявшего вблизи отряда аланской конницы. К сожалению, изображения на камне из Кривого Рога также оказались изданными по непрофессионально выполненной зарисовке.

В 1892—1893 гг. появилось несколько публикаций. В «Древностях Боспора Киммерийского»

С. Рейнах переиздал богатый конский убор из керченского погребения с золотой маской. При этом одинаковые знаки на двух крайних пластинках подщечного ремня были названы им «необъяснимой монограммой», а погребенный, женой которого, возможно, была царица в золотой маске, был признан принадлежащим к царскому дому [37]. В. В. Латышев издал (с большими неточностями) знаки на мраморном пьедестале от статуи с надписью из Херсонеса [38] и большой знак на известняковой плите с надписью из Танаиса. Указав на значение большой и тщательно выполненной «монограммы» (знака), смысл которой трудно определить, В. В. Латышев подчеркнул, что эти монограммы или знаки уже встречались на многих эпиграфических памятниках Боспорского царства. Исходя из того, что на двух памятниках времени царя Ининфимея знак одинаков, исследователь высказал вполне убедительное предположение о возможности видеть в таких знаках тамги или именные знаки царей, подобные тем, которые и в конце XIX в. употреблялись кавказскими горцами и были опубликованы Е. Фелицыным в XV томе «Записок Одесского общества истории и древностей» в 1889 г.

Подводя итоги, В. В. Латышев сделал оговорку, что он только повторяет предположение, высказанное другими, и не считает возможным настаивать на нем за неимением данных для решения вопроса [39]. При этом он сообщил, что, по сведениям В. Г. Тизенгаузена, знак, подобный публикуемому, уже встречался на двух плитах из Тамани, на бронзовой пряжке, найденной в 1891 г. в Керчи А. А. Бобринским, и в несколько измененной форме на бляшках богатого конского убора из Керчи.

Знак оригинальной формы был найден в 1891 г. недалеко от Херсонеса в гробнице № 15 римского времени [40]. В отчете Археологической Комиссии за 1891 г. была опубликована упомянутая выше бронзовая пряжка с двумя знаками, найденная в Керчи А. А. Бобринским [41]. А. Л. Бертье-Делагард, коснувшись вопроса о толковании таких знаков на таманской плите с надписью Евпатерия и указав на мнение В. В. Латышева, согласно которому схожие монограммы на одной танаисской надписи являются чем-то вроде больших букв или тамг, назвал подобные знаки на таманской плите весьма близкими по форме к строчной латинской букве «эм», встречаемой на монетах Тиберия II и Маврикия [42].

Четыре новых знака на трех известняковых надгробиях из Керчи в 1895 г. издал В. В. Латышев [43]. Один из них он назвал загадочным знаком, часто встречающимся на боспорских памятниках [44]. Подводя в новой работе итоги исследованиям таманской плиты с надписью Евпатерия, В. В. Латышев впервые опубликовал ее точную фотографию, но изображения под надписью оставил необъясненными, назвав их просто двумя большими рельефными знаками, значение которых определить трудно [45]. И. Хампель переиздал бронзовый котел со знаком (хорошо известным по изделиям Причерноморья римского времени), найденный в д. Карагай Ишимского уезда Тобольской губернии [46].

Заканчивая разбор публикаций прошлого столетия, касающихся знаков Северного Причерноморья римского времени, нельзя не остановиться на собраниях древнегреческих и латинских надписей северного побережья Черного моря, публикация которых началась в 1885 г. и закончилась в 1916 г.[47] Издание, выполненное В. В. Латышевым по поручению Русского Археологического общества, и по сегодняшний день сохраняет свою научную ценность как своеобразная энциклопедия по эпиграфическим памятникам Причерноморья. К сожалению, опубликовав довольно большое количество северопричерноморских знаков [48], В. В. Латышев попытался объяснить только загадочные ольвийские надписи и знаки, встречающиеся особенно часто на боспорских памятниках. Так, публикуя знак Тиберия Эвпатора на известняковой плите из Танаиса с греческой надписью II в. н. э., он писал, что этот знак или монограмма подобен тамгам кавказских горцев [49]. А в так называемых загадочных ольвийских надписях В. В. Латышев увидел возможную криптографию одного из местных племен, применявших якобы греческий алфавит совместно о особыми знаками [50]. К тому же, публикуя отдельные знаки, исследователь допустил ошибки и искажения форм знаков.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались публикацией нового вида тамгообразных изображений Причерноморья — на маленьких сарматских зеркалах-подвесках, найденных в Киевской губернии (одно) и Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии (семь). Правда, последние были определены в семи случаях как круглые бронзовые литые бляхи с ушком от конской сбруи и узды, а в одном (с обломанной петлеобразной ручкой) — как зеркальце или бляшка с ушком посредине. Тамгообразный орнамент на них был расценен как геометрический узор в виде кругов, завитков и линий [51].

П. Беньковский, опубликовав фигурку терракотового бычка из Керчи, впервые обратил внимание на два знака, вырезанных острым орудием на передней левой ноге терракотовой статуэтки (по его предположению, уже после обжига) [52]. Заметив, что в знаках нет того комплекса загадочных линий и черт, которые

нередко встречаются в Керчи и Танаисе на надгробиях, зеркалах и пряжках, П. Беньковский ошибочно принял эти знаки за греческие буквы. Он писал, что, хотя и нет возможности определить эти знаки точно, они могут быть фрагментами имени ребенка или гончарного мастера либо цифрами — порядковыми номерами той мастерской, где была сделана игрушка. Наиболее же правдоподобным П. Беньковский считал предположение, согласно которому эти буквы (знаки) имели «профилактическое значение» и были оберегом от демонов и всякой нечистой силы. При этом исследователь допускал, что подобного рода загадочные знаки на надгробиях из Керчи и Танаиса (в том числе и сложный царский знак на мраморном надгробии с рельефами двух крылатых Ник из Тамани) имели такое же «профилактическое значение» [53].

В том же выпуске Известий Археологической Комиссии В. В. Шкорпил издал единичный знак на сарматском зеркальце римского времени [54]. Два знака на боспорских плитах опубликовал В. В. Латышев в следующем выпуске, назвав один из них загадочным [55]. В 17-м выпуске Известий Археологической Комиссии В. В. Шкорпил вновь издал три знака на точильных брусках, найденных в земляных гробницах на хуторе Корецкого, на берегу бухты [56].

В 1905 г. вышла в свет большая работа Б. Пошты, посвященная изучению многих археологических памятников различных народов. В ней была опубликована резная пряжка боспорского производства со знаком боспорского царя Тиберия Эвпатора, две золотые пряжки и два наконечника из тонкого листового золота со знаками того же царя и уже упомянутый бронзовый котел со знаком римского времени [57]. Автор правильно датировал золотые пряжки и наконечники римским временем и верно указал, что они служили не для практических целей, а только для погребальных ритуалов, так как небольшая толщина и хрупкость делали их непригодными для повседневного употребления. Рассматривая интерпретацию знаков, автор ошибочно назвал их орнаментальными узорами, связанными с варварством, но в то же время характерными для римской эпохи [58].

Уникальный памятник с причерноморскими тамгообразными знаками стал известен в 1907 г.[59] Это была стела высотой около 5,5 *м* и шириной около 1 *м,* найденная случайно в 1906 г. вблизи с. Заздрости на Тернопольщине (бывшего Теребовлянского уезда). На тщательно отесанной поверхности верхней части плиты аккуратно вырезаны три знака: два — на лицевой стороне, один — на боковой. Б. Януш, публикуя стелу, ограничился лишь замечанием, что это, возможно, надгробие или пограничный столб. В том же году были изданы два знака из Керчи — на резной бронзовой пряжке и бронзовом зеркале,— найденных в 1904 г. во время раскопок погребения первых веков нашей эры [60].

Серия работ, авторы которых в большей или меньшей степени коснулись вопросов изучения причерноморских знаков римского времени, появилась лишь в 1909—1911 гг. Большое количество знаков на надгробных стелах издали Г. Кизерицкий и К. Ватцингер [61]. Однако все знаки были ошибочно названы авторами либо готскими письменами [62], либо изображениями, небрежно перенесенными в более поздние времена с готского оружия и лошадиной упряжи юга России и являющимися, вероятно, тамгами — знаками собственности [63] либо настоящими готскими фамильными марками-тамгами [64]. Говоря о тесных связях и взаимодействии готской и боспорской культур, А. Гетце назвал многочисленные причерноморские знаки знаками собственности [65].

Оригинальной оказалась работа М. Эберта [66], который, исследуя ранние застегивающиеся шлемы с пряжкой, впервые использовал для определения их даты и происхождения рассматриваемые причерноморские знаки. Проанализировав с этой целью знаки на стенах керченского склепа 1872 г., множество знаков на керченской плите с надгробной надписью Ареты первых веков нашей эры, знаки на ольвийских львах, знаки боспорских царей Тиберия Эвпатора, Ининфимея и другие на плитах из Танаиса с греческими надписями 163, 192, 236 гг. н. э., знак Тиберия Эвпатора на бронзовой фибуле из Гурзуфа, царские и другие знаки на шести бронзовых пряжках боспорского производства, хранящихся в Берлинском музее, он пришел к следующим выводам.

Во-первых, М. Эберт правильно отметил ошибочность выводов тех исследователей, которые считают их знаками письменности (правда, он тут же высказал свое далеко не бесспорное мнение, согласно которому знаки имеют символическое значение).

Во-вторых, не ответив на вопрос, были ли знаки на ольвийских львах нанесены одновременно с изготовлением скульптур или позже, М. Эберт попытался осветить вопрос о времени нанесения множества знаков на боспорские надгробные плиты с греческими надписями. Подчеркнув, что знаки на них нанесены не теми, кто их изготовлял, исследователь, к сожалению, ошибочно указал, что они нанесены примерно в одно и то же время пантикапейцами, которые якобы заказывали надгробия по традиционным греческим образцам, но перед употреблением сами наносили на них символические или апотропеические знаки, не очень заботясь о ничего не значащей для них грече-

ской надписи, вырезанной по шаблону мастерами-изготовителями. В то же время М. Эберт, ссылаясь на танаисские плиты с греческими надписями и знаками Тиберия Эвпатора и Ининфимея, признал, что иногда и мастерские декорировали надгробия подобными знаками.

В-третьих, рассматривая знаки на бронзовой фибуле из Гурзуфа и резных бронзовых пряжках боспорского происхождения, он подчеркнул, что последние экспортировались из понтийских городов в другие местности, о чем свидетельствуют, например, находки в Венгрии, но опять ошибочно назвал знаки на пряжках образцом ажура, прийдя к выводу, что украшение или декорирование апотропеическими знаками, якобы искусно превращенными на пряжках в орнамент, напоминает об использовании христианских эмблем в качестве украшений на западноевропейских изделиях раннего средневековья [67].

Подводя общий итог, М. Эберт в основном верно датировал знаки, используемые сначала варварами, а затем и греками понтийских городов, I—III вв. н. э. Интерпретируя эти знаки, М. Эберт допустил ошибку, считая все северопричерноморские тамгообразные знаки римского времени только апотропеическими эмблемами [68].

После работы М. Эберта, явившейся серьезным шагом в изучении знаков, появился труд В. В. Шкорпила [69], поставившего себе целью уточнение датировок знаков и разработку других вопросов, связанных с изучением рассматриваемых памятников, что дало бы возможность использовать полученные выводы для выяснения еще не решенных проблем истории Боспора, в частности для определения даты знаков на плите с надписью Евпатерия.

Тщательно изучив знаки на 25 различных боспорских памятниках (мраморные плиты с изображениями крылатых Ник, плиты с греческими надписями и единичными, тщательно вырезанными знаками, боспорские надгробия, склеп 1872 г. с несколькими знаками, знаки на богатом конском уборе из Керчи и бронзовых пряжках боспорского производства) и сравнив их с аналогичными и подобными знаками на точно датированных боспорских памятниках, В. В. Шкорпил датировал эти знаки I—III вв. н. э. (знаки IV в. н. э. не были еще известны). В этом же исследовании имеется и ряд других правильных выводов: 1) о том, что знак на танаисских плитах с именем царя Ининфимея является его личным знаком; 2) о принадлежности знаков на монетах царя Фофорса последнему *; 3) о том, что высказанное раньше мнение о готском происхождении знака царя Тиберия Эвпатора является ошибочным [70]. Правильным оказался и вывод автора, согласно которому знаки на таманской плите с надписью Евпатерия никакого отношения к самой надписи не имеют, а были нанесены гораздо раньше, одновременно с таким же знаком на другой подобной таманской плите римского времени с изображением двух Ник, найденной в 1890 г. По мнению В. В. Шкорпила, обе плиты были в свое время укреплены на дворце боспорских царей или их наместников, или на каком-то общественном здании. Надпись же на одну из этих плит нанесена спустя несколько столетий, когда старое здание было восстановлено по приказу византийского императора Маврикия, а боспорские знаки, значение которых к этому времени утратилось, сколоты самим резчиком надписи [71].

Подойдя вплотную к датировке этих знаков временем царствования Тиберия Эвпатора, В. В. Шкорпил ошибочно отнес плиты ко второй половине I в. н. э. или, в крайнем случае, к началу II в. н. э. [72]

Более того, он сделал вывод, что одинаковый знак на плитах (знак Тиберия Эвпатора) является знаком не одного царя, а всего рода, царствовавшего на Боспоре в течение нескольких столетий. Кроме того, он предполагал, что некоторые знаки римского времени, встречаемые на Боспоре, готского происхождения, а знак Фофорса считал постоянным знаком только одного царя [73] (хотя он встречается на монетах Фофорса в различных вариантах).

Очередным этапом в изучении личных именных знаков боспорских царей стала новая работа В. В. Шкорпила, посвященная боспорским надписям, найденным в 1910 г. Опубликовав большой и тщательно вырезанный знак с греческой строительной надписью 208 г. н. э., В. В. Шкорпил впервые обратил внимание на то, что один и тот же знак встречается на двух боспорских памятниках, относящихся ко времени Савромата II. В результате он пришел к выводу, что это именной знак Савромата II, и поддержал мнение В. В. Латышева относительно двух одинаковых знаков на памятниках времени царствования Ининфимея как именных знаках последнего. Кроме того, указав на упоминание главного аланского переводчика в сопровождающей знак надписи, В. В. Шкорпил подчеркнул роль аланов в жизни Боспора этого времени [74].

Обратил внимание на знаки Е. Г. Миннз. Им был переиздан бронзовый котел со знаком, найденный в 1899 г. в погребении № 1 первого Хатажукаевского кургана среди вещей, датируемых I в. до н. э. — I в. н. э. Котел со знаком он отнес к специфическим скифским котлам, встречающимся на территории от

* Подобный вывод требует уточнения, так как, видимо, не все знаки на монетах Фофорса принадлежали ему. Подробно о знаках на монетах Фофорса см. в главе «Царские знаки Боспора» этой книги.

Красноярска до Будапешта, иногда с несомненными следами местной отделки, а иногда вполне греческого типа [75].

Отметив, что знаки встречаются как беспорядочно разбросанными и перевернутыми (подобно знакам на ольвийских львах, под штукатуркой керченского склепа 1872 г., на некоторых надгробиях), так и по одному или по два на монетах, плитах, пряжках и т. д., и подчеркнув их древнее происхождение, Е. Миннз высказал мнение, что они имели, вероятно, реальное значение, аналогичное значению тамг или клейм у кавказских племен. Группу сложных знаков типа знаков царей Тиберия Эвпатора и Савромата II он определил как боспорские клейма, отметив при этом, что порой трудно отличить простые вариации одних и тех же знаков от действительных разновидностей, и что многие, подобно средневековым купеческим или торговым знакам, имеют одинаковые верхние части (последнее утверждение Е. Миннза не соответствует действительности). Важным моментом стало то обстоятельство, что Е. Миннз, сделав обзор исследованных знаков, снова указал на знаки, принадлежавшие царям Тиберию Эвпатору, Савромату II и Ининфимею. При этом он впервые указал на наличие именного знака, принадлежавшего царю Рескупориду III, опубликовал знак на монете Рескупорида VI и еще раз переиздал один из вариантов знака на монетах боспорского царя Фофорса. Е. Миннз первый (и в основе верно) пришел к выводу, что знаки других форм, встречающиеся в паре со сложными знаками типа знаков боспорских царей Тиберия Эвпатора, Савромата II, Рескупорида III, являются, видимо, личными знаками царей или отдельных граждан [76].

В этой же книге Е. Миннз переиздал богатый конский убор с двумя одинаковыми знаками из керченского погребения с золотой маской (в основе верно определив знаки как боспорскую тамгу упомянутого выше сложного царского типа) [77] и бронзовую пряжку боспорского производства, найденную в 1890 г. в Херсонесе. Знак на пряжке не был понят Е. Миннзом, принявшим его за узор [78].

В 1914—1917 гг. выходят еще пять небольших публикаций, касающихся рассматриваемых нами знаков. Российский исторический музей в Москве издал два знака на бронзовом котле, найденном при распашке поля близ станицы Еланской (бывшая Донская область), и названном котлом скифского типа [79]. В. А. Канский впервые опубликовал песчаниковую плиту с несколькими знаками, обнаруженную одним из жителей Недвиговского хутора на одноименном городище. К сожалению, типичные причерноморские тамгообразные знаки римского времени были определены им неверно — как геометрические фигуры, представляющие собой, по его мнению, пробу резца ученика скульптора и вряд ли имеющие какое-либо значение [80].

М. И. Ростовцев, издавая роспись боспорских склепов 1867 (склеп Алкима) и 1872 гг., рассматривал единичный знак, вырезанный на северной глиняной стене склепа 1867 г. (направо от входа), как монограмму, не одновременную с росписью склепа и первым погребением, а относящуюся якобы к более позднему захоронению. Знаки подобного рода он назвал гербообразными монограммами и указал на сходство их с тамгами царей Боспора [81].

В знаках под штукатуркой на стенах входного коридора склепа 1872 г. М. И. Ростовцев увидел мнимые письмена того же характера, что и на ольвийском льве, и других керченских памятниках. Не решая окончательно вопрос, являются ли действительно эти знаки зачатками местного письма, М. И. Ростовцев пришел к выводу, что размещение знаков при входе в склеп под штукатуркой и на ольвийском льве (неясно — почему речь идет об одном льве), стоявшем, по его мнению, несомненно у входа в гробницу, наводит на мысль о том, что на указанных памятниках знаки имели магическое значение. Имели ли это профилактическое значение сами знаки или написанные ими тексты — вопрос, который, по его мнению, пока не поддается разрешению. Осложнение исследователь увидел еще и в том, что у многих или, быть может, даже у всех боспорских царей II и III вв. н. э. имелись монограммы или тамги, подобные знакам на склепах. При этом он согласился с ошибочным мнением В. В. Шкорпила, согласно которому тамги, возможно, были не индивидуальными, а обозначали принадлежность к известному роду, и высказал не подтвердившуюся позднее мысль об этих монограммах или знаках, якобы иногда служивших в боспорской эпиграфике II—III вв. н. э. еще и чем-то вроде даты, знаком, которым определялась принадлежность памятника, носящего знак, конкретному лицу или, может быть, группе лиц. В заключительных выводах он в принципе согласился с датировками М. Эберта и В. В. Шкорпила, согласно которым все памятники с рассматриваемыми причерноморскими знаками могут быть отнесены к I—III вв. н. э., хотя ошибочно сузил рамки бытования знаков от конца I в. н. э. до середины III в. н. э. Неверно и его последующее утверждение, согласно которому монограммами (так именует знаки М. И. Ростовцев) рассматриваемого типа украшали главным образом пряжки поясов и ремней конского убора. Особо следует сказать о его последнем выводе. М. И. Ростовцев впервые четко подчеркнул, что упомянутые знаки свидетельствуют о рез-

кой сарматизации династии Боспора, а также всего населения Боспорского царства. Но, отталкиваясь от этого верного вывода, он снова допустил ошибку, считая, что в связи с сарматизацией вырабатываются и зачатки самостоятельного письма (под последним М. И. Ростовцев подразумевал знаки), развитию которого был положен конец нашествиями готов и гуннов [82].

Две бронзовые боспорские пряжки римского времени со знаками из Керчи, приобретенными в 1898 г. отделом классического искусства Нью-Йоркского музея, были изданы в 1915 г. Г. Рихтер. Знак Тиберия Эвпатора на пряжке, опубликованной под № 1092, был ошибочно назван ажурным украшением. Сарматский знак очень редкой формы на второй пряжке под № 1093 не упоминался [83].

Редкие золотые прорезные бляшки из сарматских погребений на Кубани, формы которых близки или аналогичны формам рассматриваемых нами знаков, опубликовал в 1918 г. М. И. Ростовцев [84].

Работой М. И. Ростовцева и заканчивается, по существу, дореволюционная историография по северопричерноморским знакам римского времени, общую оценку которой мы уже дали во введении к нашей книге.

[1] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова, ч. II. СПб., 1805, стр. 127—128, рис. 19.
[2] *А. Б. Ашик.* Боспорское царство, ч. I. Одесса, 1848, рис. 12; ч. II, 1848, стр. 47; ч. III, 1849, стр. 72.
[3] Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова. СПб., 1851, табл. XIV, *2, 2*[1].
[4] *Там же,* табл. XV, *8.*
[5] *Там же,* стр. 120—121.
[6] *Н. Н. Мурзакевич.* Ольвийские древности.— ЗООИД, т. III. Одесса, 1853, стр. 247, табл. VI.
[7] *Л. Э. Стефани.* Древности Босфора Киммерийского, т. I. СПб., 1854, стр. 186, № 7, табл. XXVII, *7.*
[8] *Там же,* стр. 200, № 4, табл. XXIX, *4.*
[9] *Там же,* стр. 220, № 20, табл. XXXII, *20.*
[10] *Там же,* стр. 186, № 7, стр. 200, № 4.
[11] *Ф. К. Брун.* Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра.— ЗООИД, т. V. Одесса, 1863, стр. 993.
[12] *Th. Struve.* Pontische Briefe.— RMfP, Bd. 25, 1870, стр. 359—360.
[13] *В. Н. Юргевич.* Ольвийская надпись.— ЗООИД, т. VIII. Одесса, 1872, стр. 1—2.
[14] *П. О. Бурачков.* О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России.— ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875, стр. 191—199, табл. XIV.
[15] *Там же,* табл. XIV.
[16] *Там же,* стр. 192.
[17] *Там же,* стр. 192—193.
[18] *Там же,* стр. 194—195.
[19] *Там же,* стр. 197—199.
[20] *Там же,* стр. 199.
[21] *А. И. Савельев.* Два лапидарных памятника.— Древняя и новая Россия, № 4. СПб., 1875, стр. 372.
[22] *Там же,* стр. 374—375.
[23] ОАК за 1872 г. СПб., 1875, стр. 327—328, табл. XVI; XVII, *19.*
[24] *Е. Т. Соловьев.* О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию.— Труды V АС. М., 1887, стр. 108—114, табл. XIV.
[25] *Там же,* стр. 110—113.
[26] *Там же,* стр. 111—112.
[27] *Там же,* стр. 113.
[28] Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, вып. VII. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России (с 5 фототипическими таблицами). М., 1887, стр. 118, № 764; стр. 118, № 765—768, 772.
[29] *А. С. Лаппо-Данилевский.* Скифские древности. СПб., 1887, стр. 168—169.
[30] *Там же,* стр. 170.
[31] *И. И. Толстой* и *Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889, стр. 38, рис. 27.
[32] *И. И. Толстой* и *Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, стр. 155, рис. 137.
[33] *В. В. Латышев.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря («Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini»).— ЗРАО, т. IV, вып. 2. СПб., 1889, стр. 135—137.
[34] *Там же,* стр. 138.
[35] *В. В. Латышев.* Загадочные ольвийские надписи.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 498—502.
[36] *В. Н. Юргевич.* Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 504—505.
[37] *S. Reinach.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892, стр. 79, № 1—7, табл. XXIX, *1—7.*
[38] *В. В. Латышев.* Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 гг.— МАР, № 9. СПб., 1892, стр. 38.
[39] *Там же,* стр. 63—64, № 2.
[40] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 34, рис. 18; стр. 35, 130.
[41] ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 53, рис. 29.
[42] *А. Л. Бертье-Делагард.* Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, т. XVI. Одесса, 1893, стр. 84.
[43] *В. В. Латышев.* Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг.— МАР, № 17. СПб., 1895, стр. 30, № 7; стр. 36, № 18; стр. 53, № 56.
[44] *Там же,* стр. 53, № 56.
[45] *В. В. Латышев.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 105, табл. XI, *99.*
[46] *J. Hampel.* Sckythische Denkmäler aus Ungarn. Budapest, 1895, стр. 13, рис. 12.
[47] JOSPE, I, II, IV, I[2]. Petropoli, 1885, 1890, 1901, 1916.
[48] JOSPE, I, *67, 115, 118;* II, *219, 232, 304, 363, 423, 428, 431, 433, 434;* IV, *208, 477;* I[2], *105, 202, 205.*
[49] JOSPE, IV, *447.*
[50] JOSPE, I, *166, 167.*
[51] *Б. И.* и *В. И. Ханенко.* Древности Приднепровья, вып. II. К., 1899, стр. 24, № 240, табл. XV; вып. III, 1900, стр. 14, № 344, табл. XLII.
[52] *П. Беньковский.* О терракотовых повозочках из Керчи.— ИАК, вып. 9. СПб., 1904, стр. 66, табл. VII, *а.*
[53] *Там же,* стр. 69—70.
[54] *В. В. Шкорпил.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.— ИАК, вып. 9. СПб., 1904, стр. 155, № 444 (256).
[55] *В. В. Латышев.* Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 годов).— ИАК, вып. 10. СПб., 1904, стр. 35—36, № 27; стр. 36, № 28.
[56] *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— ИАК, вып. 17. СПб., 1905, стр. 50, № 238 (115); стр. 51, № 242 (119).

[57] *Béla Pósta.* Archaeologische Studien auf russischem Boden. Bd. IV. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 433, рис. 244, *3*; стр. 486; рис. 268, *1, 3;* стр. 538, рис. 302.

[58] *Там же,* стр. 487—488.

[59] *Б. Януш.* Камінь з загадковими знаками в с. Заздрости (Теребовельського пов.).— ЗНТШ, т. LXXX, кн. VI. Львів, 1907, стр. 125—128.

[60] *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.— ИАК, вып. 25. СПб., 1907, стр. 14, № 50, рис. 5; стр. 16, № 62, рис. 6.

[61] *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, № 192; стр. 40—41, № 232, табл. XVI, *232*; стр. 111, № 626, рис. 16, табл. XLIII, *626;* стр. 112—113, № 631, табл. XLIV, *631.*

[62] *Там же,* стр. 34, № 192.

[63] *Там же,* стр. 41, № 232.

[64] *Там же,* стр. 111, № 626; стр. 112, № 631.

[65] *A. Götze.* Ostgotische Helme und symbolische Zeichen.— Mannus. Würzburg, 1909, стр. 24—25, рис. 2, *4.*

[66] *M. Ebert.* Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus.—PZ, Bd. I. Südende—Berlin, 1909, стр. 69—73.

[67] *Там же,* стр. 69—71.

[68] *Там же,* стр. 71.

[69] *В. В. Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия.— ИАК, вып. 37. СПб., 1910, стр. 23—35.

[70] *В. В. Шкорпил.* Указ. соч., стр. 34.

[71] *Там же,* стр. 28.

[72] *Там же,* стр. 35.

[73] *Там же,* стр. 34.

[74] *В. В. Шкорпил.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г.— ИАК, вып. 40. СПб., 1911, стр. 112—114, № 28.

[75] *E. H. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 79, рис. 22.

[76] *Там же,* стр. 316—318, рис. 227, 228.

[77] *Там же,* стр. 433, 435, рис. 328.

[78] *Там же,* стр. 506, 507, рис. 339.

[79] ОРИМ за 1913 г. М., 1914, стр. 13, рис. 14, 15.

[80] *В. А. Канский.* Вновь найденные Недвиговские плиты.— ЗРОИДП, т. 2. Ростов-на-Дону, 1914, стр. 138, рис. 2.

[81] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас, табл. I—CXII. СПб., 1913, табл. L, *2; его же.* Античная декоративная живопись на юге России. Текст, т. I. СПб., 1914, стр. 163, 298.

[82] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись..., Атлас, табл. LXXXIII, *1—2; его же.* Античная декоративная живопись..., Текст, стр. 298—299.

[83] *Gisela M. A. Richter.* Greek, Etruscan and Roman bronzes. New York, 1915, стр. 335, № 1092, 1093; стр. 333, № 1092, 1093; стр. 331, где указывается, что пряжки прибыли из Керчи и были приобретены в 1898 г.

[84] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 133, табл. XIV.

ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920—1940 гг.

В 1920 г. выходит в свет работа В. Антоневича, посвященная любопытнейшим памятникам римского времени — инкрустированным копьям со знаками [1]. В. Антоневич осветил значение изображений не только на наконечниках копий, а и на подобных им знаках на надгробных стелах и других памятниках римского времени в Причерноморье и прилегающих районах. Он пришел к выводу, что эти изображения носят скорее характер рисуночного письма или знаков собственности. Мысль об их культовом характере В. Антоневич отверг на том основании, что для такого большого количества подобных знаков просто не хватит тех земных и небесных стихий, которые они могли бы символизировать. Кроме того, и размещение стольких, и притом самых различных, символов рядом было бы попросту бессмысленным. В доказательство он привел сравнительную таблицу знаков на копьях, а также на ряде причерноморских памятников римского времени. В заключение В. Антоневич указал время появления рассматриваемых знаков в Причерноморье — рубеж старой и новой эр.

Против выводов В. Антоневича выступил Й. Костржевский [2], который подчеркнул, что значительное на первый взгляд количество знаков, приведенных В. Антоневичем, можно сократить чуть ли не до десятка, ибо остальные представляют собой лишь их разновидности. Шаткость аргументации В. Антоневича видит Й. Костржевский и в том, что стоящие рядом и различные по начертаниям знаки на причерноморских стелах римского времени вырезались явно не одновременно, а в различное время и разными людьми.

Й. Костржевский отметил сходство многих знаков, свидетельствующее об их генетическом родстве и возникновении родственных знаков из одного первоначального. В то же время исследователь высказал и ряд ошибочных, даже предвзятых заключений. Особое его внимание привлек тип знаков (якобы выделяющийся своей многочисленностью и принимаемый в научной литературе за символ молнии), состоящий из двух вилкоподобных или дугообразных фигур, соединенных короткой чертой (к ним он отнес и знак боспорского царя Ининфимея вместе с родственными ему сарматскими знаками). Первоначальным образцом описываемого типа Й. Костржевский считает знаки на костяном наконечнике копья, гребне из Вимос и глиняных сосудах римского времени из Лещинского и Ильжецкого поветов и Пшеворска, представляющие собой два правильных двузубца, повернутых зубьями в разные стороны и соединенных посредине прямой линией [3].

Выводя типологическую схему развития вилкоподобных знаков из этого изначального образца и пытаясь объяснить, почему им стал именно такой двузубец, Й. Костржевский ссылается на его древность: он встречается и на неолитических глиняных сосудах из Тордоса и Семиградья [4], и костяном гарпуне из Дании. Й. Костржевский называет и шесть других неолитических знаков (гаммированный знак, а также в виде латинской буквы «С», лежащей горизонтально, и пр.), по начертанию аналогичных причерноморским знакам римского времени. Такое количество аналогий, по его мнению, исключает случайное совпадение форм и заставляет признать подобные знаки римского времени за наследие неолита и, возможно, синхронных присредиземноморских культур — эгейской, троянской, протоегипетской, в которых тоже встречаются похожие знаки. Упомянутые неолитические начертания (почти исключительно на глиняных сосудах и пряслицах) Й. Костржевский с наибольшей долей вероятности принимает за знаки собственности, хотя допускает возможность увидеть в них и культовые символы или разновидность рисуночного письма.

Й. Костржевский считает, что появлением этих знаков в период античной колонизации причерноморские страны обязаны посредниче-

ству Греции, которая позаимствовала их в начале бронзового века у носителей трипольской культуры. Подтверждение этой мысли он видит в том, что некоторые знаки, найденные в Тордосе, встречаются на территории античной Греции в микенской культуре (гаммированные знаки), в период господства геометрического стиля (знаки гаммированные, подобные латинской букве «С» и т. д.), в античном символе Зевсовой молнии [5], а также в предполагаемом знаке молнии на копье из Янково.

Ссылаясь на уже упомянутый знак на бронзовом котле из Хатажукаевского кургана, Й. Костржевский без достаточных оснований датирует его I в. до н. э. и видит в этом дополнительное подтверждение того, что черноморские знаки появились здесь не на рубеже нашей эры, как полагал В. Антоневич, а раньше.

Основываясь на этом заключении, Й. Костржевский отрицает восточное (иранское) происхождение причерноморских знаков римского времени, так как они (по его мнению) были известны в Европе со времен неолита, а иранские племена познакомились с ними через население греческих причерноморских колоний.

Рассматривая асимметричные вилкоподобные знаки молний на причерноморских памятниках римского времени, в которых Й. Костржевский видел переходную форму к симметричным знакам, и подчеркивая их разновременность и далеко не пиктографический характер, исследователь в то же время допускал возможность исторического изменения формы и смысла знаков. При этом их первоначальное символическое и культовое значение в отдельных случаях могло исчезнуть, они могли стать простыми знаками собственности. Отказываясь рассматривать тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира как рисуночное письмо, Й. Костржевский исходил из соображений о якобы незначительном числе исходных типов знаков, состоящих в близком родстве, и возникновении одних знаков из других.

Остановившись на сложных боспорских знаках [6] Тиберия Эвпатора, Савромата II и др., Й. Костржевский выделил их в особую группу вилкоподобных знаков, отличающуюся тем, что центральная черточка разделена кружком (реже, по его мнению, треугольником или четырехугольником) на две части. Он предположил, что центральный кружок в этих знаках является рудиментом руки Юпитера, держащей молнию, встречающийся в изображениях на древних памятниках и монетах. Попытавшись детально проследить эволюцию этих сложных знаков во всех их вариантах, Й. Костржевский объяснил различия между ними возникновением знаков в разное время и постепенным изменением старых форм в результате применения таких знаков на значительном пространстве, где они могли подвергаться самым различным влияниям.

Кратко рассматривая остальные знаки, Й. Костржевский выделяет среди них следующие формы: 1) гаммированные знаки — крестообразные и трехлучевые (трикветрум) и их разновидности: знаки, подобные латинской букве «С», а также разновидность последних в виде двойных спиралей; 2) пять различных знаков [7], которые нельзя связать с рассмотренными выше, являющиеся, по Й. Костржевскому, самостоятельными, а не результатом дегенерации вилкоподобных или гаммированных изображений.

Заключительные страницы своей работы Й. Костржевский посвятил знакам на копьях римского времени. Исходя из наличия на некоторых инкрустированных наконечниках изображений типа гаммированных знаков, полумесяцев, вилкоподобных знаков и т. д., рядом с рунами, то есть знаками звукового письма, он сделал вывод, что первые можно объяснить, только приняв их за некие дополнения рунических надписей. В противном случае, по мнению Й. Костржевского, пришлось бы сделать вывод, что народы германского происхождения (которым автор приписывает инкрустированные копья) применяли одновременно два вида письма — звуковое и рисуночное,— что неправдоподобно. Против пиктографического характера знаков на копьях свидетельствует также, по мнению Й. Костржевского, размещение их рядом с религиозными символами, каковыми являются гаммированные знаки, а также вилкоподобные символы молнии [8].

Исходя из таких соображений, Й. Костржевский считает наиболее вероятным тот факт, что прочие причерноморские знаки римского времени были знаками собственности, хотя некоторые из них могли быть одновременно и культовыми символами. При этом он ссылается на наличие либо удивительно похожих, либо совершенно идентичных знаков, употреблявшихся в середине XIX в. в Венесуэле для клеймения скота.

Резюмируя свою интерпретацию знаков на копьях, исследователь справедливо отказался видеть в них, как и в других знаках, рисуночное письмо — и в силу небольшого количества знаков на копьях, и в силу почти постоянного повторения одинаковых комбинаций знаков, встречающихся даже на современных костяных и керамических изделиях, и, наконец, потому, что подавляющее большинство изображений якобы вообще не знаки причерноморского происхождения, а представляют собой древнее наследие пришлых северных племен. Такими Й. Костржевский считает все гаммированные знаки, разновидности солнечных знаков, знаки,

подобные латинской букве «С», знаки в виде углов, воткнутых один в другой, и знаки-полумесяцы (подтверждение этому автор находит в аналогичных скандинавских и ирландских наскальных рисунках, на латенских памятниках, керамических изделиях раннего железного века в Гольштине, на плите гробницы из Швеции).

Вилкоподобные знаки на копьях (по твердому убеждению автора, являвшиеся символами Зевсовой молнии) были, как он считает, переняты от причерноморской цивилизации: их изображение долженствовало обеспечить оружию помощь Зевса, сообщить копью силу и скорость удара, свойственные молнии. Подтверждает свое предположение Й. Костржевский тем, что подобный знак с этой же целью помещался на греческих и римских свинцовых снарядах для пращи [9].

Й. Костржевский высказал догадку, что вилкоподобные знаки на копьях могли быть заимствованы с этих снарядов, иначе, по его мнению, нельзя объяснить, почему из множества знаков только вилкоподобные были употреблены на инкрустированных копьях. Как несомненный факт он допускает, что северные племена, прибывшие к Черному морю, видя камни с многочисленными причерноморскими знаками, могли присвоить себе некоторые из них, о чем свидетельствует, по его мнению, упоминавшийся выше монолит из Теребовлянщины. Й. Костржевский подчеркивает, что подтверждение его предположения о заимствовании вилкоподобных знаков с греческих снарядов будет лишним доказательством их символического характера — опять-таки не в пользу рисуночного письма.

В 1921 г. была опубликована работа А. В. Орешникова, посвященная нумизматике Причерноморского побережья. Автор рассмотрел изображения на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея, чеканенных, по его мнению, в Ольвии в I—II вв. н. э. Пытаясь объяснить эти изображения, он принял их за именной знак вроде тамги [10].

М. И. Ростовцев, касаясь интерпретации причерноморских знаков в английском издании своего труда «Иранство и эллинство на Юге России», предположил, что эти знаки можно рассматривать как попытку к образованию сарматского письма [11]. При этом он указывал, что и иероглифическое письмо у хеттов также развилось из знаков. Подобные мысли о знаках как о возможной попытке образования сарматского письма М. И. Ростовцев высказал и в другом фундаментальном исследовании, изданном в 1925 г.[12] В этой же работе М. И. Ростовцев называет знак на двух золотых бляшках от конского убора из Керчи монограммой из местных знаков [13].

Попытка дешифровки двух «скифо-сарматских надписей» из Керчи и Феодосии была предпринята в 1926 г. Л. Я. Лавровским [14].

Два года спустя в книге, посвященной истории Германии, К. Шухгардт, считавший, что в Южной России (в греко-римский период ее истории) руны были созданы готами, привел в доказательство надписи на железных инкрустированных серебром наконечниках копий из Ковеля (Волынь) и Мюнхенберга, где с помощью рун написаны имена владельцев — Тиларингса и Ранинга. Указав, что на противоположной стороне наконечника находятся гаммированные знаки — трехлучевой и крестообразный — и пытаясь объяснить вилкоподобный знак рядом с именем Ранинга, К. Шухгардт, как и Й. Костржевский, увидел в этом знаке символ молнии Зевса, хотя (в отличие от польского исследователя, выводившего последний из подобных знаков на снарядах от пращ древних греков и римлян) подчеркнул, что он чаще встречается на южнорусских надгробных стелах [15].

В том же году Е. Мерклин издал две резные пряжки боспорского производства со знаками типа сложных знаков боспорских царей, найденных, по сведениям издателя, в районе Ольвии и хранившихся в Гамбургском музее искусств и ремесел. Как и многие предыдущие издатели знаков, Е. Мерклин принял их ошибочно за орнамент, якобы представляющий собой изображение стилизованной птицы над чашелистником или листовидной чашей [16].

Новым в изучении тамгообразных знаков Северного Причерноморья римского времени было специальное исследование Н. А. Захарова, выполненное в связи с находкой летом 1928 г. в районе Кубанских плавней (на берегу р. Саги около хутора Батарейного) новой известняковой плиты с тщательно вырезанным и выкрашенным красной краской знаком (подобным упоминавшемуся ранее знаку Тиберия Эвпатора) и опубликованное в 5—6-м выпусках Северокавказского общества археологии, истории и этнографии [17] (в этих же выпусках см. и статью Б. В. Лунина, изложившего свои взгляды о тамгообразных знаках [18]). Автор исследования впервые поставил ряд серьезных вопросов, касающихся всех известных в то время тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (см. также главные выводы о знаках Н. А. Захарова в его работе 1935 г. «Краснодарское городище» [19]).

Указав на отсутствие специальных исследований, касающихся исключительно данных знаков, и сделав обзор основных точек зрения по этому вопросу, Н. А. Захаров обратил внимание на высказанное предположение В. В. Шкорпила о знаке Тиберия Эвпатора, как о гербе царствовавшей на Боспоре династии, а также,

что, следуя за М. И. Ростовцевым, можно считать этот герб принадлежавшим сарматской династии. Соображения такого рода заставляют, как пишет Н. А. Захаров, подробно проанализировать аналогичные знаки, что он и сделал в своей работе.

Впервые предприняв серьезную попытку классификации причерноморских знаков римского времени, он разделил знаки на четыре группы, ставшие основой первичной классификации, принятой и сегодня: 1) знаки, начерченные в большом количестве в беспорядке и без всякой системы на памятниках, отдельных камнях, стенах построек; 2) знаки на монетах; 3) знаки на разного рода металлических изделиях; 4) знаки, высеченные на больших каменных плитах [20].

Рассмотрев скопления множества беспорядочно расположенных знаков как особую группу, Н. А. Захаров в качестве примера привел начертания на ольвийских львах, стене керченского склепа 1872 г. (склеп Стасовского), на каменных плитах с Недвиговского городища, а также на камне из Кривого Рога. При этом он справедливо подчеркнул, что многие из этих знаков встречаются и в индивидуальных воспроизведениях, расходящихся лишь в некоторых деталях. В заключение Н. А. Захаров дал краткий обзор основных выводов о значении и этнической принадлежности этих знаков [21].

Изучив группу знаков на различных ремесленных изделиях, он высказал и свои предположения. Так, например, по его мнению, характер знака на двух крайних бляшках от богатого конского убора из погребения с золотой маской (Керчь) свидетельствует о его связи сначала с простыми, а потом и более сложными геральдическими знаками, которыми средневековое западноевропейское рыцарство украшало свои воинские кавалерийские доспехи (в то же время Н. А. Захаров ошибался, видя в нем якобы знак царя Рескупорида, погребенного в III в. н. э.). Исследователь высказал верную мысль о том, что знаки, имеющиеся на ряде золотых нашивных бляшек из сарматских погребений, аналогичны рассматриваемым [22].

Изображения знаков на боспорских монетах Н. А. Захаров связал с правителями Боспора Динамией и Фоформсом и скифскими царями Фарзоем и Инисмеем. Н. А. Захаров высказал мысли, во многом до сих пор не потерявшие своего значения, по поводу знака на монетах царицы Динамии (8—7 гг. до н. э.). Учитывая широкое применение боспорскими правителями буквенных монограмм (заменявших их изображения) в периоде с 9 г. до н. э. до 8 г. н. э., он отметил, что знак на упомянутых монетах, даже если признать в нем монограмму с именем Динамии, в характере своего начертания имеет все же известное сходство с рассматриваемыми причерноморскими знаками.

Учитывая сарматское происхождение рассматриваемых причерноморских знаков, а также политически важные родственные узы царицы с правящей семьей какого-то из сарматских племен, Н. А. Захаров высказал вполне правомерное предположение о влиянии окружавшей Динамию сарматской среды на стиль и характер рисунка ее монограммы. Последующие монограммы — чисто буквенные,— как отмечает Н. А. Захаров, подобного сходства уже не имеют. Лишь на монетах Фофорса, подчеркнул исследователь, появляется знак типа причерноморских тамгообразных знаков римского времени. Однако изучая знаки на монетах Фарзоя и Инисмея и верно подметив близость знака Инисмея к знаку на спине одного из ольвийских львов, а также правильно определив его личностный характер, Н. А. Захаров ошибочно принял за именной знак изображение кадуцея на монетах Фарзоя [23].

Большое внимание Н. А. Захаров уделил единичным знакам на отдельных каменных плитах. Подчеркнув, что они употреблялись не только в сопровождении греческих надписей, но и без таковых, он расценивает последнее как признак единого понимания этих знаков населением Боспора. Комментируя знак на плите со строительной надписью времени царя Тиберия Эвпатора (154/55—170/71 гг. н. э.; вероятно, как считают специалисты, Эвпатор царствовал до 173 г. н. э., однако три последних года не засвидетельствованы источниками), Н. А. Захаров высказал мнение об этом знаке, изображенном на стенах и башнях Танаиса, как о государственном гербе боспорского правителя. Аналогичная и верная мысль была приведена им и в отношении знака Савромата II (173/74—210/11 гг. н. э.), выбитого на плитах с надписями времени его царствования. Н. А. Захаров впервые четко выявил общность начертаний нижней части знаков названных боспорских правителей и различия в верхней. Менее определенно, но в принципе верно высказался он и о знаке на плите с надписью времени царствования сына Савромата II — Рескупорида III (210/11—226/27 гг. н. э.), подчеркнув попытку мастера начертить знак, похожий на знак Савромата II. Говоря о знаке на плитах со строительными надписями времени Ининфимея (234/35—239/40 гг. н. э.), он отметил, что аналогии последнему знаку приходится искать среди множества беспорядочно разбросанных знаков, встречающихся на двух керченских плитах с большим количеством знаков и на спине одного из ольвийских львов. В заключение обзора последней группы зна-

ков Н. А. Захаров подчеркнул преобладание знака Тиберия Эвпатора как на каменных плитах, так и на ремесленных изделиях и высказал предположение о существовании каких-то условий, вызвавших столь широкое применение этого знака еще до правления Эвпатора. Исходя из того, что знак Тиберия Эвпатора найден на вновь публикуемой плите из района Кубанских плавней, Н. А. Захаров предположил, что на азиатской стороне Боспора (в районе хутора Батарейного) в середине II в. н. э. могла проходить граница Боспорского царства. При этом он справедливо отметил, что смысл знака на общественном здании или укреплении может соответствовать позднейшему понятию герба и что высказанное мнение В. В. Шкорпила о принадлежности знака Тиберия Эвпатора одному роду нельзя признать доказанным, так как в трех знаках, связанных с тремя правителями — Эвпатором, Савроматом II и Рескупоридом III,— налицо различия в рисунке, хотя в то же время сходство в нижней части знаков дает основание думать о какой-то их родственной связи. Последнее, по мнению Н. А. Захарова, может пролить свет на фамильное родство царей и роль Эвпатора по отношению к его предшественнику и преемнику (по Н. А. Захарову,— Реметалку и Савромату II) [24].

Н. А. Захаров вполне убедительно датировал известные ему знаки преимущественно временем I — началом IV в. н. э. и связал факт их широкого распространения в Причерноморье с активизацией сарматских племен (в частности, алан) на территории от Дона и степей Северного Кавказа до Дуная, а исчезновение таких знаков в припонтийских и примеотских районах — с массовым вовлечением алан и других сарматских племен в широкое наступление «варваров» на Западную Европу в эпоху Великого переселения народов. Не утратили своего значения и сегодня некоторые последующие высказывания Н. А. Захарова о том, что различные племена, объединяясь на новых территориях, многое перенимали друг у друга. В этой смене форм было немало особенностей, принесенных ими со своего прежнего местопребывания, которые могли (безусловно, в видоизмененной форме) повториться на новом месте. Отталкиваясь от этих положений, Н. А. Захаров приходит к мысли, что в знаках на каменных плитах, украшавших крупные общественные сооружения Боспорского государства, как и на поясных бляшках или бляшках богатого конского убора, можно видеть основу средневекового обычая украшать замок феодала или рыцарское вооружение геральдическими изображениями [25].

Одновременно с Н. А. Захаровым большую работу по обобщению результатов исследований тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира выполнил И. И. Мещанинов, поставивший целью не только исследовать причерноморские знаки, но и рассмотреть их «на общем фоне мировой истории, как локальный вариант ее, выявляющийся в данном районе; иначе, в изолированном к ним (к знакам.— *В. Д.*) подходе знаки останутся не понятыми, так же как непонятен и скиф-сармат в его узкой изоляции» [26].

Изложив в первой главе (о «загадочных знаках» Причерноморья) выводы исследований П. О. Бурачкова, В. Н. Юргевича, В. В. Латышева, В. В. Шкорпила, М. И. Ростовцева, сопровождаемые к тому же не совсем точными рисунками знаков на камне из Кривого Рога, кабардинских тамг, тамг боспорских царей Тиберия Эвпатора и Савромата II, знаков на двух боспорских плитах из Мелек-Чесменского кургана и камнях из Маяцкого городища [27], И. И. Мещанинов высказал следующую точку зрения.

Прежде всего, исходя из собственного положения, что сложные царские знаки Боспора не отличаются от громадного количества остальных ни композицией линейного рисунка, ни его усложнением (а лишь более тщательной обработкой.— *В. Д.*), и будучи вынужден в таком случае искать причины выделения ряда якобы обычных знаков для обозначения господствующего слоя, И. И. Мещанинов пришел к выводу, что такой причиной мог быть некий «сильный трансформационный процесс» социального строя [28].

Рассматривая далее группу сложных царских знаков на плитах с единичными знаками, удилах, золотых и бронзовых пряжках и наконечниках, И. И. Мещанинов в основном верно определил совпадения этих знаков почти до тождества «с незначительными отступлениями в деталях трактовки средней части фигуры» (здесь уточним: не только средней, но и всей верхней части) и правильно отметил, что это царские именные знаки первых трех веков нашей эры, принадлежавшие главным образом царствовавшей династии этого времени [29]. И. И. Мещанинов рассмотрел сложные знаки и на некоторых других памятниках Боспора (двух боспорских плитах со многими знаками из Мелек-Чесменского кургана, на стене Стасовского склепа 1872 г.), уверенно отнеся их к группе сложных царских знаков. К сожалению, исследователь отнес одновременно к царским и некоторые нецарские знаки, исходя из сходных форм начертаний верхней части (а не нижней — единственно общей для всех сложных царских знаков Боспора). Что касается большого количества остальных знаков склепа 1872 г., то И. И. Мещанинов видел в них отметки родов неправящей династии (за иск-

лючением рисунков животных), тем или иным образом причастных к склепу: то ли как участников его сооружения, то ли погребальной церемонии (не той, во время которой склеп штукатурили, а когда сооружали). При этом он подчеркнул их близость к изображениям на ольвийских львах и многим другим причерноморским знакам, выходящим за пределы Боспора [30].

Как полагает И. И. Мещанинов, знаки под штукатуркой и сама штукатурка с росписью разновременны, что свидетельствует якобы о вторичном использовании склепа. Знаки, по мнению И. И. Мещанинова, могли в данном случае обозначать, «что покойник объединял такие-то роды, или что представители таких-то родов участвовали в совершении похоронного обряда; отдельные знаки могли высказывать напутствие умершему, служа предохранением против каких-либо препятствий, которые, по верованиям окружающих лиц или традициям культа, он мог еще встретить, и т. д.». Вопрос о рисунках животных на стене склепа, смысл которых исследователю не вполне понятен, И. И. Мещанинов оставил открытым [31].

О причинах самого факта массового нанесения знаков на львах, а также на всех других памятниках (как на территории Боспорского царства, так и за его пределами) И. И. Мещанинов писал, что это могли быть отметки отдельных родов и семей, присутствующих при захоронении сочлена, при совершении культового действия, при участии в военных операциях, в родовых собраниях, и т. д.; кроме того, могли быть и разновременно нанесенные знаки на один и тот же памятник [32].

Отвечая на вопрос о возможности видеть в разнообразных боспорских знаках знаки письма, И. И. Мещанинов решительно выступил против подобных утверждений, приводя простые, в основе верные возражения: во-первых, наличие одиночных знаков как с греческими текстами, так и без них; во-вторых, наличие большого количества знаков на одном памятнике, но без повторения тождественных форм [33]. К тому же единичные знаки из числа нецарских, встречающиеся на боспорских плитах с греческими надписями, тоже являются знаками представителей господствующего класса [34].

Генезис всех этих боспорских знаков он предлагает искать в знаках родовых союзов предшествующего периода, возражая против попыток выводить боспорские знаки из кабардинских. Под боспорскими И. И. Мещанинов подразумевает все рассматриваемые тамгообразные знаки Боспорского царства (и царские, и большое количество нецарских), без достаточных оснований (и явно вопреки фактам) выделяя их в данном месте своего исследования среди остальных знаков Причерноморья (к которым он, кстати, относит и знаки на ольвийских львах).

Пытаясь конкретизировать свой ответ, исследователь без достаточных оснований считал, что корни боспорских знаков нужно искать у местного населения, поскольку якобы нет основания «отрывать в генетической преемственности сарматов от сколотов». В связи с этим И. И. Мещанинов предложил обратить внимание на остальные, «не относящиеся к Боспорскому царству знаки Причерноморья», к которым от отнес знаки на «архаической закавказской керамике» и других памятниках Закавказья, а также греческие граффити на античных сосудах и знаки на ольвийских львах [35].

Рассмотрев подробно вопросы датировки знаков и сделав правильные выводы о невозможности относить все «загадочные знаки» только к трем векам нашей эры, а также о разновременности многих знаков, нанесенных даже на один и тот же памятник, он неправильно решил вопрос о действительных создателях большинства тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира, подчеркнув, что «сарматы, которым приписали эти знаки, оказались в конечном итоге лишь носителями их, а вовсе не творцами» [36].

В заключение главы, посвященной причерноморским знакам (которая названа «Загадочные знаки» Северного Причерноморья»), И. И. Мещанинов не рассмотрел причерноморские знаки «на общем фоне мировой истории», а только ограничился указанием, что на одной территории Восточной Европы есть много подобной графики и что знаки VIII в. н. э. на камнях Маяцкого городища, равно как и большое количество подобных примеров из других территорий, при взаимном сопоставлении открывают перспективу «построения исторической схемы с движущимися на социальном обосновании семантическими рядами и с вызываемыми ими изменениями во внешнем оформлении самих графических изображений» [37].

Довольно бегло коснулся И. И. Мещанинов стоящих перед ним задач и во второй главе, посвященной нечитаемым греческим надписям Причерноморья. Прежде всего, убедившись в процессе исследования в несовпадении своих выводов относительно отделения многочисленных нецарских знаков Боспора от аналогичных и не менее многочисленных знаков сарматской периферии с действительностью, он (в полном противоречии с утверждениями первой главы) неожиданно согласился с тем, что знаки обеих групп в основе своей имеют, несомненно, общие черты. Затем опять возвратился к прежней мысли, согласно которой «периферийные знаки содержат явные отличия от боспорских, так же как и в среде последних отчетливо вы-

деляется графика господствующего социального строя и в особенности та часть ее, которая признается за царские монограммы» [38]. Здесь, как и дальше, И. И. Мещанинов неточно называет царские знаки монограммами [39], хотя в первой главе он определил их как именные знаки.

Рассмотрев опубликованные в свое время В. В. Латышевым нечитаемые ольвийские надписи и верно дав отрицательный ответ на вопрос о возможности видеть в них «зачатки сарматской письменности» [40], И. И. Мещанинов снова возвратился к Боспору. Он объяснил разнообразие начертаний боспорских знаков сложной социальной структурой Боспора. Искусственность этой концепции видна из слов самого исследователя о том, что царский знак Савромата II «мог и не иметь вполне сходных себе параллелей в Скифо-Сарматии, если последняя, или одна из них, не достигла той же степени социального расслоения» [41]. Это значит, что знак Савромата II мог (по мнению И. И. Мещанинова) иметь сходные параллели при тождестве степеней социального расслоения. Но ведь форма знака полностью менялась с изменением династии или частично — при смене царей той же династии; в таком случае, причем тут характер социальной структуры?

Относительно остальных многочисленных нецарских знаков и знаков менее сложной формы И. И. Мещанинов высказал мысль, что сходством своего графического начертания они точно «не районируются» в пределах какой-либо территории, а форма знаков (в том числе и ольвийских) сама по себе далеко не всегда определяет вложенное в них содержание. И хотя И. И. Мещанинов не взял на себя ответственности утверждать, что в границах хотя бы одного Причерноморья сходные знаки имеют сходное значение, им все же была высказана мысль, что знаки разбиваются в пределах одного районного объединения на группы по сходству основных форм построения. Отталкиваясь от последнего заключения и назвав группы дериватом меньшего числа объединяющих их знаков, И. И. Мещанинов продолжил свою мысль: «По этому признаку... их можно считать за родовые знаки патриархальных семей, и датировка их будет обусловлена длительностью состояния данного этапа развития общества. Поэтому не царские боспорские знаки, а именно эти знаки патриархальных семей близки друг к другу на всем протяжении Причерноморья и, конечно, за его пределами, везде, где сходная социальная структура последнего периода доклассового общества выявляется в сходной графике» [42]. В «Заключительных выводах» И. И. Мещанинов высказался по этому поводу следующим образом: «Большое число родовых знаков при возможности сведения их в известные группировки по основной композиции линий имеет интерес не со стороны попыток их дешифровки, а совсем с другой стороны, со стороны определения социальной структуры использовавшего их общества, указывая на раздробление рода внутри его на патриархальные семьи, т. е. на состояние данного общества в последнем периоде доклассового оформления» [43].

Нельзя не отметить, что И. И. Мещанинов, несмотря на противоречивость, а иногда и ошибочность некоторых его мнений, вполне верно оценил всю опасность заключений, делаемых на основании типологических таблиц, сводящих подобные или аналогичные по форме знаки различных племен и народов. Такие таблицы могут привести к самым необоснованным выводам о единстве места происхождения графически сходных знаков. Подобные схемы всегда правильно улавливают, не считаясь с вложенным в форму содержанием,— общность не места происхождения, а самого процесса развития графики, хотя в то же время они не учитывают и разнообразия этого процесса в его единстве [44].

Эти заключения И. И. Мещанинова, иллюстрируемые им с помощью сводной таблицы знаков альвао, иберских, критских, пунических, рунических, причерноморских, кабардинских, цыганских и китайских, и в будущем не утратят своего значения; ими смогут руководствоваться исследователи систем знаков и письмен различных племен и народов земного шара. Ибо если строить схемы и делать выводы о знаках только на основе формы их начертаний, то о причерноморских знаках можно было бы сказать, пользуясь его словами — «...внешнее сходство с «цыганскими знаками», следовательно — воровское письмо; внешняя форма знака, сходная с кабардинскою тамгою, следовательно — наличие частной собственности; близость начертания некоторых знаков с таковыми же альваоского письма, значит — начало письменности в Причерноморье, относимое к тому же в века неолита; частичная близость начертания их к критским письменам, отсюда — распространение критской культуры и в южных степях, и в Закавказье и т. д.» [45] О типологических сравнениях знаков и письмен И. И. Мещанинов пишет и на других страницах своего исследования [46].

В этой же главе И. И. Мещанинов остановился на различных знаках, изображениях и надписях Закавказья, встречаемых на сосудах первой половины I тысячелетия до н. э., бусинах конца II тысячелетия до н. э., скалах, плитах из погребений и отдельных камнях разных времен и глиняных табличках VII в. до н. э.[47] Однако И. И. Мещанинову и в главе «Загадочные письмена Закавказья» не удалось раскрыть

картину, сходную с северопричерноморской, а также, что рассмотренные им закавказские знаки дали гораздо более богатый источник для сравнения с Северным Причерноморьем, чем кабардинские тамги и тамги других горцев Северного Кавказа [48].

Последнюю главу своей книги И. И. Мещанинов посвятил заключительным выводам. Исходя из верного отправного момента, согласно которому тотемный знак одного коллективного объединения, в противовес другому, является знаком точного семантического значения (полисемантичность знака, как в данном случае верно подчеркнуто им, проявляется лишь в конкретных отдельных случаях его употребления *: то ли для обозначения всего коллектива, то ли каких-либо особенностей последнего, то ли определенных действий данного коллектива, и т. п.), И. И. Мещанинов (несмотря на допущенные им ошибки в оценке социальных процессов, происходивших в Причерноморье) пришел к правильному в основе выводу о путях развития родовых знаков: во-первых, оторвавшись в процессе развития общества от своего конкретного тотемного значения, тот же знак на определенном этапе социального развития может получить семантику отдельного конкретного предмета или действия, превращаясь в пиктограмму, во-вторых, с одной стороны, родовые знаки в процессе объединения коллективов в племенные союзы продолжают развиваться внутри каждого коллектива, а с другой — происходит процесс объединения знаков и образования новых — племенных, используемых племенными союзами; в-третьих, где-то в дальнейшем все эти знаки в развитом классовом обществе приобретут значение геральдических эмблем [50].

Однако дальнейшие построения И. И. Мещанинова привели его к совершенно иным выводам. Исходя из своей теории социальных трансформаций, он пришел к заключению, что знак тотема может обратиться в идеографический знак иного значения, в слоговой знак и т. д. А пережив скачок с пиктограммы на идеограмму, письмо в дальнейшем трансформируется в элементно-слоговое, а еще позднее — в фонемно-алфавитное [51]. Эти положения, подкрепленные уверенностью исследователя в том, что фонемное письмо к тому же и результат требований довольно развитой в классовом отношении социальной структуры, привели к выводу, что с наступлением такой потребности система письменности в виде идеографических обозначений должна была «взорваться», создавая вместо себя фонемное письмо. В качестве возможного примера И. И. Мещанинов привел славянскую глаголицу, которая якобы вполне могла образоваться из идеограмм Северного Причерноморья [52]. Знаки же Маяцкого городища VIII—IX вв., в которых, как и во многих других знаках Восточной Европы, И. И. Мещанинов не нашел фонемного письма, он назвал идеографическими, являющимися магическими знаками тотемного происхождения [53]. Кабардинские тамги были определены как пережиточные формы графики тотемистических ячеек, уходящие корнями не к Египту, как полагал исследователь кабардинских тамг В. П. Пожидаев, а к одному кругу с сарматскими, к тому же территориально с ними не разобщенные [54].

Основные выводы об изучении тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира И. И. Мещанинов резюмировал следующим образом: «1) отсутствие фонемного письма, на чем можно настаивать достаточно определенно ввиду неповторяемости знаков, начертанных на одном памятнике, 2) большое количество этих знаков, сводимых по основным композициям в группы, 3) наличие их же в том же их состоянии совместно с буквами греческого алфавита на плитках, нечитаемых по-гречески, и 4) не возникновение их, но все же наличие, в сарматском периоде, при отсутствии на месте других письмен,— все это является в моих глазах достаточным подтверждением сделанного выше вывода о том, что даже сарматский период находился еще в последней стадии доклассового общества с родовым строем, выдвинувшим патриархальные семьи в процессе своего разложения. То же самое дословно, на тех же основаниях, приходится устанавливать и для Закавказья первого тысячелетия до н. э.» [55]

К сожалению, на этих выводах И. И. Мещанинова отразились многие, порой явно противоречивые положения, вытекающие из теоретических позиций, характерных для работ исследователя того периода, которые не только снизили научный уровень большой работы, проделанной И. И. Мещаниновым в процессе исследования «загадочных знаков» Причерноморья, но и явились (а в западной историографии являются зачастую и теперь) источником новых, не соответствующих действительности исторических построений.

К сожалению, некоторые авторы принимали неверные положения И. И. Мещанинова в качестве отправной точки для своих работ, что отрицательно сказалось на тех или иных выводах.

Через год после опубликования работы И. И. Мещанинова в печати появилась статья

---

* Правда, в дальнейшем исследователь частично отступил от этих положений, заявив, что «один и тот же знак нередко полисемантичен, означая, например, знак рода, принадлежность к нему и собственность его, а также культово-магическое значение, покровителя покойника и т. д.» [49]

Ю. Ю. Марти об эпиграфических памятниках Боспора. Автор верно определил один из публикуемых им знаков (на боспорском надгробии II в. н. э. с рельефным изображением двух всадников и греческой надписью в честь Атты, сына Трифона) как принадлежащий правящей царской династии. Второй знак он без достаточных оснований (за исключением ссылки на работу И. И. Мещанинова, причем без указания страницы последней) отнес к предполагаемому разряду фамильных тамг. Тут же он отнес явно ошибочно к знакам царствующей династии типичную сарматскую тамгу на другом керченском надгробии с изображением трех вооруженных юношей, изданном ранее В. В. Латышевым, а затем Г. Кизерицким и К. Ватцингером [56].

Подобную ошибку Ю. Ю. Марти [57] допустил и в другой статье. Верно определив сарматскую принадлежность знаков на керченском надгробии конца II — начала III в. н. э. в честь умершего фиасита Сосия и царскую принадлежность тамги правящей боспорской династии на керченской надгробной плите I в. н. э. с изображением всадника (изданной им в ошибочном изображении.— *В. Д.*), Ю. Ю. Марти неожиданно отнес к разряду сарматских тамгу царского типа на боспорской известняковой плите с рельефными изображениями мужчины и женщины. Некоторые выводы И. И. Мещанинова были использованы в работах М. И. Артамонова [58], Б. А. Рыбакова [59], С. П. Толстова [60].

В это же время появилась серия статей, авторы которых — М. Ю. Смишко [61], В. Краузе [62], Х. Рупп [63], Х. Арнтц [64], Н. Н. Морошан [65], М. А. Тиханова [66] — снова обратили внимание на наконечники копий с «загадочными знаками». При этом ими был опубликован ряд новых памятников со знаками, сделаны новые попытки интерпретации знаков Причерноморья и прилегающих территорий.

Так, М. Ю. Смишко, исследуя найденный в 1932 г. в предместьях Розвадова на Сане (Польша) наконечник копья с инкрустированными серебром знаками, рунической надписью и геометрическим орнаментом, предположительно признал в надписи имя владельца копья (по аналогии с подобными надписями на копьях из Сушично Ковельского повета и Мюнхенберга), а в знаках — символы с магическим значением и один знак собственности усложненной формы. Наконечник копья М. Ю. Смишко отнес к вандальской культуре, указав при этом, что такие копья появились в некоторых культурных обществах Северной Европы еще в предримскую эпоху и что форма их возрождается снова в тех же обществах уже в позднеримское время [67]. Датировав наконечник III в. н. э., он привел в заключение статистические данные [68], согласно которым из 33 известных в Европе орнаментированных наконечников копий типа римской эпохи символические знаки были встречены только на 11 (костяном наконечнике из Вимос, двух железных наконечниках из Фогланда, двух из Грановки, двух из Каменицы, а также из Сушично, Янково, Розвадово, Мюнхенберга), а рунические надписи — на трех копьях (из Сушично, Розвадово, Мюнхенберга).

Против мнения М. Ю. Смишко о вандальской принадлежности копья выступила М. А. Тиханова, предложившая, как более вероятное, не руническое, а латинское чтение надписей на копье из Розвадова и увидевшая в символических знаках изображения, весьма напоминающие причерноморские знаки собственности, метки-тамги, имеющие прямое отношение не к вандальскому, а к военному погребению периферийно-римского причерноморского облика [69].

Оригинальную, заслуживающую внимания мысль высказал В. Краузе. Рассматривая знаки на копьях III—IV вв. н. э. как символический орнамент, он прочитал рунические надписи на копьях из Волыни (Сушично на Ковельщине), Восточной Галиции (Розвадово на Сане, Польша), Бранденбургии (Мюнхенберг), Готландии (Моса) и юго-восточной Норвегии не как имена мастеров или собственников, а как магично-поэтические названия копий готского происхождения: «Нападающий» — на копье из Сушично; «Совершающий набег» — на копье из Мюнхенберга; «Звенящий» — на копье из Готландии; «Испытатель» — на копье из Норвегии. При этом он соглашается с мнением исследователей, выделяющих копья из Сушично, Розвадово, Мюнхенберга, Моса в так называемый понтийский тип рунических копий (в отличие от копий типа норвежских) [70].

Более смело (но явно ошибочно) высказался Х. Рупп. По его мнению, один из символических знаков на копье из Мюнхенберга является буддийским знаком «Трирадна», свидетельствующим якобы не только об индийском влиянии, но и о распространении буддизма в среде германских племен, проникших на территорию Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Этот же буддийский символ Х. Рупп увидел и в знаке боспорского царя Тиберия Эвпатора. Пытаясь объяснить подобное явление, Х. Рупп сослался на наблюдения М. Эберта, согласно которым «Трирадна» сначала повсеместно употреблялась пришедшими с востока сарматами, затем греками понтийских городов. В III в. н. э., как считает Х. Рупп, буддизм имел среди своих сторонников членов боспорского царствующего дома, о чем вроде бы и свидетельствует знак «Трирадна» на втулках копья и бляшках от богатого конского убора из погребения с золотой маской [71].

Почти одновременно вышла из печати работа Н. Н. Морошана. Опубликовав 15 позаимствованных из таблицы В. Антоневича различных разновидностей знаков на наконечниках копий из Каменицы, Сушично, Янково, Груновки, Мюнхенберга, Вимос и сопоставив их с многочисленными северопричерноморскими знаками римского времени и тамгами тюркских народов (из той же таблицы В. Антоневича), Н. Н. Морошан пришел к выводу, что при всем сходстве знаки очень различны [72]. Однако сопоставив с уже известными знаками впервые публикуемый им знак первых веков нашей эры из кургана у с. Тецканы (Северная Молдавия), исследователь ошибочно определил его как «иероглифико-символико-кабалистико-мистический знак» [73]. В своих выводах Н. Н. Морошан, как и В. Антоневич, искусственно объявил все причерноморские знаки римского времени и знаки на копьях единой изолированной группой, имеющей общее происхождение, являющейся выразителем религиозных символов и, наконец, близкой «до правдоподобности» к руническим знакам. Как бы перекликаясь с М. С. Грушевским, Н. Н. Морошан объявил все знаки перенесенными скифами и сарматами из Азии непосредственно в период перед концом I в. до н. э. и в I в. н. э. С приходом же гуннов, по мнению Н. Н. Морошана, знаки растерялись в областях скифо-сарматов. Благодаря готам эти знаки азиатского происхождения якобы сыграли свою роль в формировании рунической письменности, затем вошли в тюрко-татарскую письменность и долго сохранялись как знаки собственности у башкир и черкесов [74].

Нельзя не отметить имеющую большое значение для изучения тамговых знаков многолетнюю работу В. П. Пожидаева [75]. Итоги его исследований, посвященные проблемам кабардино-черкесской тамги, и теперь не утратили своего значения. Рассматривая причерноморские знаки римского времени, исследователь пришел к неверным выводам, считая, во-первых, что, хотя причерноморские тамги как примитивные знаки письма еще не передавали фонем у сарматов, они все же под давлением экономических обстоятельств со временем превратились в фонетическое письмо у славян [76]; во-вторых, тамги, являясь якобы во многих случаях исходными кабардинских, были в то же время и самыми сложными по форме, всегда упрощаясь только во времени — по мере их эволюции [77].

Несколько работ, касающихся причерноморских знаков римского времени, появилось в печати в 1949—1950 гг. П. Н. Шульц впервые верно определил большинство знаков из двух крымских пещер Ак-Кая как сарматские [78]. Т. Н. Книпович выделила основные типы зеркал Северного Причерноморья и прилегающих территорий, верно датировав маленькие зеркала с боковой петлеобразной ручкой и рельефным тамгообразным орнаментом на обратной стороне II—IV вв. н. э., а зеркала небольших размеров с таким же орнаментом и петлеобразной ручкой в центре — в основном V—VIII вв. н. э. При этом она отметила, что отдельные экземпляры зеркал последнего типа встречаются уже во II—III вв. н. э.[79] Т. Н. Книпович верно подчеркнула, что маленьких размеров зеркала с боковой петлеобразной ручкой и тамгообразным знаком на обратной стороне предшествуют во времени зеркалам с петлеобразной боковой ручкой и рельефным орнаментом. Все варианты знака на монетах Фофорса и знаки боспорских царей Радамсадия и Рескупорида VI издал Л. П. Харко, публикуя новый монетный клад из Тиритаки [80].

Коснулся загадочных знаков и известный исследователь Боспора В. Ф. Гайдукевич. К сожалению, не все его выводы подтвердились дальнейшими работами, в том числе о применении в качестве царских эмблем исключительно сарматских тамговых знаков только со средины II в. н. э.[81], о тамговом характере знаков на монетах скифского царя Фарзоя и кубанских керамических плитках, о возможности видеть в тамгообразных знаках зачатки сарматской письменности. Время бытования знаков В. Ф. Гайдукевич определил I в. — началом IV в. н. э., подчеркнул царскую принадлежность знаков Тиберия Эвпатора и Савромата II, высеченных на каменных плитах, где они должны были восприниматься как своего рода царский герб, высказал мысль о происхождении знаков из среды алано-сарматского населения. Он правильно отметил, что первоначально такие изображения выражали принадлежность к определенному роду, а затем стали эмблемами семей и их отдельных представителей (персональными символами) и были широко распространены в сарматизованных городах Боспора во II—III вв. н. э.; каждый боспорский царь также имел свой индивидуальный знак, отличающийся от знаков других царей. К числу последних он отнес и тамговые начертания на монетах скифского царя Инисмея I в. н. э. и боспорских монетах Фофорса [82]. Знак на монете Динамии В. Ф. Гайдукевич определил как монограмму, обозначавшую якобы ее имя [83]. Кроме того, В. Ф. Гайдукевич опубликовал также знаки на монетах Фофорса [84] и Радамсадия [85], на втулке наконечника копья [86] (последняя ошибочно опубликована им как ручка кинжала) и плите с греческой надписью времен Савромата II [87].

Тамгообразные изображения на глиняных подвесках III в. н. э. от ткацкого станка из Илурата он назвал знаками и украшениями [88].

А. П. Иванова, отметив сарматское происхождение знаков на боспорских антропоморфных надгробиях I—III вв. н. э., не полностью определила смысл «загадочных знаков», признав в них только родовые знаки [89].

В заключение остановимся на статье Е. М. Штаерман «О «загадочных знаках» Северного Причерноморья», не только названием перекликающейся с названием работы И. И. Мещанинова, но и написанной исходя целиком и полностью из позиций последнего. Почти все выводы автора о тамгообразных причерноморских знаках римского времени оказались искусственными. Так, некий «известный знак боспорских царей» был назван родовой тамгой, другие «какие-то знаки» — начертаниями начинавшейся местной письменности, а большинство херсонесских знаков — магическими и культовыми, якобы происшедшими из букв, монограмм и символов [90]. В связи с этим три типичных сарматских знака римского времени, процарапанных на донышке позднеримского краснолакового сосуда, также были объявлены магическими и якобы возникшими из монограмм, возможно означавших имена демона или бога *. В подтверждение своего мнения Е. М. Штаерман привела примеры образования подобных знаков из измененных букв, монограмм, символов, являющихся явно неверными: например, усложненный сарматский знак на зеркале из Керчи, родственный знаку боспорского царя Ининфимея, Е. М. Штаерман назвала латинской буквой «Н», происходящей от первой буквы имени Геракла и начертанной в соединении с непонятным значком [91].

Таким образом, несмотря на то, что в 20—40-е годы тамгообразным знакам северопонтийской периферии античного мира было уделено внимание, важные проблемы их изучения оставались нерешенными. Как и раньше, знаки продолжали фигурировать в научной литературе под все более утверждавшимся за ними названием — «загадочные знаки Северного Причерноморья». Но постепенно ореол загадочности развеивался; успешно накапливались новые материалы, решались отдельные вопросы изучения знаков.

[1] *W. Antoniewicz.* Żelazne oszczepy inkrustowane z Kamienicy, w pow. Jarosławskim.— PA, I, zesz. 3—4. Poznań, 1920, стр. 99—111, рис. 1—13.
[2] *J. Kostrzewski.* Pismo obrazkowe, znaki własności szy symbole religijne? — PA, II—III, zesz. 3—4. Poznań, 1921, стр. 127—134, рис. 1—6.
[3] *Там же,* стр. 127, рис. 1, № IX; стр. 128, рис. 2.
[4] *Там же,* стр. 129, рис. 4, *а.*
[5] *Там же,* стр. 130, рис. 5, *а, в.*
[6] *Там же,* стр. 131—132.
[7] *Там же,* стр. 127, рис. 1, № XIV, XV, XXXIV, XLIX, L.
[8] *Там же,* стр. 133.
[9] *Там же,* стр. 133—134.
[10] *А. В. Орешников.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, т. I. М.—Л., 1921, стр. 227—228.
[11] *M. Rostovtzeff.* Iranians and Greeks in Southe Russia. Oxford, 1922, стр. 167.
[12] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 154.
[13] *Там же,* стр. 248.
[14] Архив ЛОИА АН СССР, фонд 5, № 311, л. 77; см. также листы 49, 61—62, 71, 89.
[15] *K. Schuchhardt.* Vorgeschichte von Deutschland. München und Berlin, 1928, стр. 275—276, рис. 233.
[16] *E. Mercklin.* Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe.— AA, Bd. 43, Ht. III/IV, 1928. Berlin und Leipzig, 1929, стр. 453—455, № 139, *a, b,* рис. 165, *a, b.*
[17] *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком, из района Кубанских плавень.— ЗСКОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 9—20.
[18] *Б. В. Лунин.* Один из источников к познанию этнических элементов в населении Танаиса.— ЗСКОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 98—102.
[19] Архив ЛОИА АН СССР, фонд 2, оп. 2, № 475, стр. 26—37.
[20] *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком..., стр. 11.
[21] *Там же,* стр. 11—13.
[22] *Там же,* стр. 13—15.
[23] *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком..., стр. 15—16.
[24] *Там же,* стр. 16—19.
[25] *Там же,* стр. 19—20.
[26] *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.— Л., 1933, стр. 87.
[27] *Там же,* стр. 4, рис. 1; стр. 5, рис. 2; стр. 6, рис. 3; стр. 11, рис. 5; стр. 23, рис. 10.
[28] *Там же,* стр. 8—9.
[29] *Там же,* стр. 10—11, 31.
[30] *Там же,* стр. 11—14.
[31] *Там же,* стр. 17, примечание 1; стр. 29; стр. 45.
[32] *Там же,* стр. 84.
[33] *Там же,* стр. 14, 29, 83—84.
[34] *Там же,* стр. 15—16.
[35] *Там же,* стр. 16; стр. 43, примечание 1.
[36] *Там же,* стр. 19—22, 87.
[37] *Там же,* стр. 22—23.
[38] *Там же,* стр. 24; см. также стр. 31—32 (о сходстве форм нецарских знаков Боспора с ольвийскими).
[39] *Там же,* стр. 24, 29—31, 66.
[40] *Там же,* стр. 24—28; см. также стр. 33—34, 62—65, 77—79 (о нечитаемых греческих надписях).
[41] *Там же,* стр. 31.
[42] *Там же,* стр. 33; см. также стр. 31—32.
[43] *Там же,* стр. 84.
[44] *Там же,* стр. 32—33.
[45] *Там же,* стр. 44.
[46] *Там же,* стр. 34—47, 81—83.
[47] *Там же,* стр. 47—51; 52—53; 54—60; 60—65.
[48] *Там же,* стр. 34.
[49] *Там же,* стр. 80.
[50] *Там же,* стр. 69, 72—73.
[51] *Там же,* стр. 73.
[52] *Там же,* стр. 77, 82, 83.

* Донышко сосуда с тремя рассматриваемыми знаками в 1953 г. переиздали Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий, определив последние как обычные граффити, а само донышко, аккуратно оббитое и выровненное по краю,— как игрушку [92].

[53] *И. И. Мещанинов.* Указ. соч., стр. 80.
[54] *Там же,* стр. 86—87; см. также стр. 81.
[55] *Там же,* стр. 84; см. также стр. 82, 87.
[56] *Ю. Ю. Марти.* Новые эпиграфические памятники Боспора.— ИГАИМК, вып. 104. М.— Л., 1934, стр. 68—70; *его же.* Новые эпиграфические памятники Боспора.— Из истории Боспора. М.—Л., 1955, стр. 68—70.
[57] *Ю. Ю. Марти.* Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина.— ВДИ, № 1. М.—Л., 1941, стр. 207, 209.
[58] *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935, стр. 97—100.
[59] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940, стр. 227, 233—235.
[60] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 184—187, 342; *его же.* Из предистории Руси.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 46—52.
[61] *M. Śmiszko.* Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem.— WA, t. XIV. Warszawa, 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX; *его же.* Доба полів поховань в західних областях УРСР.— Археологія, т. II. К., 1948, стр. 112.
[62] *W. Krause.* Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 441—445, рис. 13—16.
[63] *H. Rupp.* Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinland.— RFzV, Bd. II. Bonn, 1937, стр. 29.
[64] *H. Arntz.* Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler. Halle, 1938, табл. I, *1—2;* см. также: *H. Arntz.* Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, табл. V, *15.*
[65] *N. N. Moroşan.* Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia. Chişinău, 1938, стр. 3—13; см. также: *его же.* Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia.— BMRaB, N 8. Chişinău, 1937.
[66] *М. А. Тиханова.* Культура западных областей Украины в первые века нашей эры.— МИА, № 6. М.—Л., 1941, стр. 274—275, рис. 13.
[67] *M. Śmiszko,* стр. 143—144.
[68] *Там же,* стр. 145.
[69] *М. А. Тиханова.* Указ. соч., стр. 275, рис. 13.
[70] *W. Krause.* Указ. соч., стр. 441—445, рис. 13—16.
[71] *H. Rupp.* Указ. соч., стр. 29.
[72] *N. N. Moroşan.* Указ. соч., стр. 8—10, рис. 2.
[73] *Там же,* стр. 7; см. также стр. 5—6, рис. 1.
[74] *Там же,* стр. 11—12.
[75] *В. П. Пожидаев.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— УЗ КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 239—263.
[76] *Там же,* стр. 240.
[77] *Там же,* стр. 240, 243—246, 250.
[78] *П. Н. Шульц.* Тавро-скифская экспедиция.— КСИИМК, вып. XXVII. М., 1949, стр. 66.
[79] *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.—Л., 1949, стр. 55—59.
[80] *Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад 1946 г.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1949, стр. 76—85, табл. III.
[81] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 325.
[82] *Там же,* стр. 427—430.
[83] *Там же,* стр. 317, 587, № 60.
[84] *Там же,* табл. VI, № 95; стр. 591, № 95.
[85] *Там же,* табл. VI, № 96; стр. 591, № 96.
[86] *Там же,* стр. 424, рис. 80.
[87] *Там же,* стр. 429, рис. 81.
[88] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат.— СА, т. XIII. М.—Л., 1950, стр. 196, рис. 9.
[89] *А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, т. XIII. М.—Л., 1950, стр. 243, 245, рис. 8; 9.
[90] *Е. М. Штаерман.* О «загадочных знаках» Северного Причерноморья.— ВДИ, № 1. М., 1950, стр. 115.
[91] *Там же,* стр. 113—115.
[92] *Г. Д. Белов* и *С. Ф. Стржелецкий.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.).— МИА, № 34. М.—Л., 1953, стр. 75—76, рис. 40, *в, г;* стр. 73, рис. 38, *46.*

ИЗУЧЕНИЕ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Переломным моментом в изучении «загадочных знаков» Северного Причерноморья римского времени стал 1951 г., когда советская историческая наука окончательно преодолела ошибочные взгляды Н. Я. Марра и его последователей. Этот и следующие годы ознаменовались не только публикацией новых материалов по причерноморским знакам первых веков нашей эры, но и пересмотром многих неверно ставившихся вопросов.

В 1951 г. был опубликован фундаментальный труд А. Н. Зографа о монетах античного мира. Автор критически рассмотрел высказывания ряда специалистов относительно знаков на монетах скифских царей Фарзоя (по А. Н. Зографу — середина I в. н. э. — *В. Д.*) и Инисмея (Иненсимея) (по А. Н. Зографу — конец I — начало II в. н. э. — *В. Д.*), боспорских царей Динамии (на монетах 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.) и Фофорса (286/7 — 308/9 гг. н. э.). Однако он сам не избежал некоторых ошибок. Приняв вслед за Е. Миннзом знаки на монетах Фарзоя и Инисмея за один родовой знак характера тамги, А. Н. Зограф использовал его как одно из доказательств вероятной преемственности власти этих царей. На указанных выше монетах хорошо видны отличия в форме знаков. Если добавить к этому, что далее А. Н. Зограф приводит ольвийскую монету, не только близкую по стилю и изображению оборотной стороны к монетам Фарзоя, но и имеющую действительно аналогичный изображению монет Фарзоя знак, верно определенный самим А. Н. Зографом как кадуцей, то остается только недоумевать по поводу высказанного им заключения о тамговом характере знака Фарзоя и его идентичности знаку Ининфимея [1].

Более осторожно исследователь подошел к не раз интерпретированному знаку на монетах Динамии (9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.), ограничившись замечанием в пользу попытки М. И. Ростовцева усмотреть в знаке вслед за Ф. Моммзеном и А. Заллетом монограмму этой царицы [2]. Такую же осторожность (и как дальше увидим, не без оснований) исследователь проявил в трактовке знака на монетах Фофорса. Отметив, что в этом своеобразном начертании на оборотной стороне монеты обычно видят родовой знак, он высказал законное удивление по поводу изображения знака не на лицевой стороне рядом с портретом царя, а на оборотной, где всегда помещался портрет римского императора [3]. Им было так же высказано верное предположение о том, что наличие знака совместно с необычным именем царя свидетельствует о принадлежности Фофорса, а может быть и его преемника Радамсадия не к исконной боспорской династии. Как можно заключить, исходя из опубликованного в указанной выше работе Л. П. Харко типичного сарматского знака Радамсадия, высказанное А. Н. Зографом предположение приобрело теперь более прочную основу.

В том же году К. В. Голенко и Д. Г. Капанадзе не без оснований поставили под сомнение принадлежность приписываемых Савмаку монет. Одновременно они привели многочисленные доводы в пользу отнесения рассматриваемых монет Саулаку колхскому [4]. Знак на монете был определен К. В. Голенко как монограмма [5]. Одновременно А. И. Болтунова правильно реконструировала новый большой единичный знак на плите с греческой надписью из Танаиса как знак боспорского царя Ининфимея [6], а И. В. Фабрициус переиздала известняковую плиту из Малой Козырки с изображением тавра на бедре лошади [7]. Отметим, что, опубликовав сарматское тавро, автор почему-то не издала большой сарматский знак, вырезанный более широкой линией в центре плиты, под изображением лошади.

Внимание исследователей привлекали и сарматские зеркала-подвески. Н. В. Анфимов, опубликовав хорошо сохранившийся образец зеркала со сложным тамговым орнаментом из

Краснодара, охарактеризовал последний как геометрический узор [8]. М. И. Вязьмитина в основном верно определила время бытования этих зеркал у сарматов и их соседей II—III вв. н. э.[9], но тамговый орнамент на них она ошибочно приняла за обычный. Опубликовав еще два сарматских зеркала с петлеобразной ручкой и новым видом тамгового орнамента на одном из них, М. И. Вязьмитина допустила ошибку (причем отошла от своих предыдущих выводов), отметив, что со II в. н. э. они были заменены зеркалами из белого металла с центральным ушком и рельефными тамгообразными знаками [10].

В это же время на страницах печатных изданий получают распространение неподтвердившиеся выводы о причерноморских знаках как возможном письме. Отчетливо наметились две основные тенденции: «сарматская» и «славянская». Сторонники первой из них либо прямо видели, либо признавали возможным видеть в «загадочных знаках» сарматские письмена. Так, В. Ф. Гайдукевич отнес к разряду сарматских письмен типичные сарматские знаки на одной из публикуемых им глиняных подвесок из Керченского музея [11], А. П. Иванова — сложный знак царского типа, являющийся к тому же якобы монограммой Рескупорида III [12]. Высказывания М. И. Вязьмитиной носят более общий характер: по ее мнению, «большой интерес, в связи с изучением сарматского языка, имеют те загадочные тамгообразные знаки, которые в большом количестве встречаются в I—IV вв. н. э. в причерноморских городах» и на других прилегающих территориях [13].

Приверженцы «славянской» тенденции либо считали, что есть все основания видеть во многих «загадочных знаках» Северного Причерноморья буквенные знаки письма древних антов, якобы свидетельствующие об их высоком культурном уровне уже в первой половине I тысячелетия н. э.[14], либо принимали их за письменные знаки первых столетий нашей эры, частично восходящие к греческим буквам, частично — к знакам рунической системы и положившие начало глаголическому письму, якобы возникшему из них где-то в Северном Причерноморье в процессе длительного развития [15]. «Теория» происхождения глаголицы из причерноморских знаков римского времени была доведена до абсурда в статьях Н. А. Константинова, который именовал эти знаки то «загадочными скифо-сарматскими начертаниями», то «скифо-сарматской графикой», то «причерноморской скифо-сарматской письменностью» и т. д., понимая под ними, в конечном итоге, скифские слоговые знаки или буквенные, условно обозначавшие буквы, с которых начинались те или иные слова. Н. А. Константинов заявил о якобы несомненной связи знаков с древнеславянской письменностью — глаголицей [16].

После выхода из печати этих статей Н. А. Константинов опубликовал еще несколько работ о знаках, в том числе в ленинградском журнале «Нева», № 7 за 1957 г. и три научные работы — в 1957, 1961 и 1963 гг. Первая из них была посвящена доказательству полного тождества букв славянской глаголицы с «загадочными черноморскими знаками», к которым он отнес знаки не только римского времени, но и средневекового Херсонеса и других средневековых городов Крыма, датируемые V—XIV вв. н. э., из которых якобы и произошла глаголица [17]. При этом он высказал мнение, что для знаков Боспора и подобных им знаков Хорезма, Бактрии, Парфии, Индии возможен общий и более древний источник и что большая часть знаков относится к какому-то алфавиту [18]. Знаки Боспора I—IV вв. н. э. он назвал правительственным письмом, официально признанным на Боспоре и существовавшим наряду с греческим, а царские знаки Боспора и некоторые другие изображения — монограммами, якобы составленными из этих знаков [19].

Дальнейшая эволюция знаков (по Н. А. Константинову) представляет следующую картину: из-за упадка Боспорского царства знаки прекратили свое существование на Боспоре и начиная с V в. н. э. стали интенсивно развиваться в Херсонесе (и других городах в основном западного Крыма), очень медленно изменяясь на протяжении V—XIV вв.[20] Свидетельством их дальнейшей эволюции являются якобы символы на кирпичах христианских храмов и свинцовых пломбах X—XIV вв. в Дрогичине [21]. После Херсонеса и Дрогичина загадочные знаки с X—XI вв. продолжают свое существование и в качестве славянских букв (в славянских рукописях). При этом все время происходит процесс количественного сокращения и формального упрощения знаков, хотя прежний полиформизм во многих случаях дает о себе знать [22].

В основе большинства знаков, а также многих подобных знаков народных резных календарей, имевших хождение на территории бывшей царской России до XIX и даже XX вв., Н. А. Константинов видит одну и ту же древнюю систему: аркадо-кипрский силлабарий, якобы завезенный в Причерноморье греками-колонистами [23]. По его мнению вполне вероятен такой маршрут распространения кипрского слогового письма: Кипр — Малая Азия — Юго-Восточное Причерноморье — Херсонес — Приднепровье [24].

Таким образом, «был найден ключ к загадочным фигурам, и расшифровка (самой расшифровки автор не приводит.— *В. Д.*) дала более пятисот имен, слов и названий на древ-

негреческом языке. Из 240 примеров общей таблицы Э. И. Соломоник 230 расшифровано более или менее достоверно»[25]. После этого утверждения Н. А. Константинов приводит семь примеров «расшифровки» тамговых знаков на так называемых древностях русов VI—VII вв. н. э. и княжеских тамг Киевской Руси, трактуя их как монограммы из кипрских графем. Не углубляясь в детали расшифровки знаков, отметим, что автор предложил не только весьма натянутое и искусственное их чтение, но и не заметил того простого факта, что даже в построении так называемых монограмм отсутствуют те твердые принципы их создания, которые, как правило, в них всегда соблюдались.

Большое значение для новых исследований причерноморских знаков первых веков нашей эры имела специальная сессия Академии наук СССР, посвященная истории Крыма. В основном докладе Б. А. Рыбаков решительно отвергнул выводы Н. А. Константинова о происхождении славянского письма из причерноморских знаков римского времени как бездоказательные. Одновременно были четко сформулированы дальнейшие задачи изучения знаков: их собирание, датировка, раскрытие смысла без увлечения случайными совпадениями начертаний[26]. В одной из статей, изданных в этом же году, Б. А. Рыбаков высказал предположение, что в III—V вв. часть русских дружин, проживая определенное время на юге, заимствовала некоторые черты сармато-аланской материальной культуры и что некоторые «загадочные знаки Причерноморья», идентичные знакам, встреченным на реке Рось, возможно являются следами пребывания росов на юге[27]. В дальнейшем, развивая свою мысль, Б. А. Рыбаков отметил, что связь знаков на древнерусских памятниках VI—VIII вв. как с причерноморским югом, с одной стороны, так и со знаками киевских князей XI—XII вв., с другой, не подлежит сомнению[28].

Против увлечений случайными совпадениями форм знаков выступил П. Н. Третьяков. Опубликовав ряд знаков киевских князей X—XII вв., знаки на подвесках середины I тысячелетия н. э. из Моцинского клада и из-под Смелы *, хорезмские тамги I—VIII вв. н. э., парфянскую тамгу и некоторые образцы причерноморских знаков римского времени (причерноморские знаки, к сожалению, опубликованы в ошибочной зарисовке) и указав вслед за Б. А. Рыбаковым и С. П. Толстовым на их сходство, П. Н. Третьяков пришел к выводу, что на основе названных параллелей еще нельзя говорить о генетической связи тамги киевских князей со знаком боспорского царя Савромата II или среднеазиатскими тамгами, как нельзя говорить о династических связях их владельцев, о чем пишет С. П. Толстов[29].

Во многом ошибочной оказалась и конструкция «взаимоотношений» тамгообразных изображений, предложенная известным исследователем Г. Ласло в специальном разделе о тамгах на поясах эпохи авар[30]. Рассматривая тамги скифо-сарматского времени и времени господства аваров на территории Европы[31] (исследователь использовал 21 причерноморский знак римского времени из числа изданных с большими ошибками Е. Миннзом в книге «Скифы и греки», а также коллекцию изображений на находках из некрополей и кладов аварского времени в Кискоросе — Венгрия, Мартыновке — СССР и пр., собранных Н. Феттихом и трактуемых последним как изображения животных), Г. Ласло вывел следующие основные положения: 1) знаки и рисунки аварского времени, характерные для Мартыновского клада (СССР) и Кискоросского некрополя (Венгрия) во многих случаях не только аналогичны, но находят параллели и среди сарматских тамг; 2) большинство сарматских знаков (к разряду которых Г. Ласло отнес и сложные царские знаки Боспора) представляет собой абстрактное изображение птицы, сидящей на палке или шесте; 3) наличие многих вариантов сарматских тамг, изображающих птицу, на одном из ольвийских львов не только дает возможность видеть среди них тамги, аналогичные тамгам аварского времени, но и свидетельствует о том, что уже в сарматское время первоначальное единообразие тамги-птицы было нарушено и широко использовались ее разновидности; 4) тамги были распространены у коренных жителей до завоевания их сарматами и представляли собой в основном именно птицу на палке. К числу древностей, среди которых можно найти знаки, аналогичные и в то же время предшествующие сарматским тамгам, изображающим птицу на палке, Г. Ласло отнес, прежде всего, скифские древности, а среди них — шаровидные погремушки с изображением сидящей на них птицы.

Широкое распространение палок с изображением птицы на различных территориях, начиная с железного века и позже, Г. Ласло объясняет тем, что повсюду было распространено понимание души как принимающей форму птицы. Своим звуком эти погремушки должны были прогонять злых духов. С этой целью они якобы увенчивали верхи шестов, поддерживавших балдахины праздничных повозок владык и глав племени. Сами погремушки должны были быть первоначалом тех тотемных знаков, которые в военное время выносили

* Эти знаки определены П. Н. Третьяковым как первые знаки киевских князей на бесспорно славянских древностях VI—VII вв. н. э.

на поле боя, а в мирное — ставили на помосте перед палаткой вождя племени. Г. Ласло допускает также, что их ставили в храмах и приносили им дары.

Эта искусственная схема не выдерживает критики, хотя в подтверждение своих взглядов Г. Ласло дважды ссылается на Е. Миннза. Так, он упоминает о том, что и Е. Миннз в большинстве сарматских тамг признавал форму птицы [32], приводит его мнение о погремушках как начальном этапе происхождения знаков войска, тотемных знаков, употреблявшихся на войне [33]. Г. Ласло приводит и другие положения, касающиеся этнической принадлежности и предыстории тамгообразных изображений аварского времени. Например, он упоминает мнение Н. Феттиха об этих изображениях как абстрактном искусстве неоскифской цивилизации [34], и о тех же изображениях как о продукте, сформировавшемся в Южной России в среде гуннов и поздних готов [35]. Говорит Г. Ласло и о тамгах якобы гуннов и готов, аналогичных тамгам на поясном наборе Мартыновского клада (СССР) [36]. Касаясь скифских корней аварских тамг, Г. Ласло указывает, что знак в виде трех шишечек или выпуклых кружков, встречающийся на древностях аварского времени не только на территории Венгрии, но и СССР (Мартыновка, Перещепино), существует, вероятно, со скифского периода; о тамге в виде оперенной стрелы Г. Ласло пишет как о принадлежавшей населению поздних гуннов и жителям Садовеков (Венгрия) эпохи переселения народов [37]. Из числа якобы аварских тамг он выделяет изображения в виде ветвовидного орнамента, принадлежавшие пришедшим из Прикамья венграм (формированию лучших форм растительных орнаментов в районе Прикамья способствовали, по мнению Г. Ласло, изделия сасанидских мастеров), и изображение грифонов якобы монголоидного населения Центральной Азии, завоевавшего вместе с венграми венгерских аваров [38].

О том, что изображение птицы является важнейшей составной частью многочисленных форм тамговых знаков, пишет и западнонемецкий ученый Г. Енихен [39]. Так как монография Г. Енихена отличается от предыдущих работ почти энциклопедическим охватом рассматриваемых памятников, считаем необходимым изложить по возможности подробно выводы автора, тем более, что в зарубежной историографии и в настоящее время она является своего рода единственным справочником как по северопричерноморским знакам, так и по знакам многих племен и народов различных территорий Евразии.

Указав уже в предисловии на большое значение иранских народов в истории Евразии, Г. Енихен следующим образом мотивировал необходимость совместного рассмотрения всех знаков сарматских, сасанидских, кушанских (Г. Енихен относит их к иранским символам), индийских, гунно-тюркских государств, германцев (последние Г. Енихен относит к знакам народов, в той или иной степени находившихся под иранским влиянием): 1) они выглядят внешне похожими; 2) построены на одинаковых принципах; 3) основываются на одних и тех же представлениях [40].

Г. Енихен называет сложные знаки боспорских царей (а также знаки, форма которых сходна с формой верхней части сложных царских знаков Боспора) «сарматскими главными знаками», являющимися якобы вариантами некоей главной формы и состоящими из четырех групп. В основу деления знаков по группам Г. Енихен положил, как он сам пишет, «место их расположения» [41].

К первой группе Г. Енихен отнес большие единичные знаки боспорских царей Тиберия Эвпатора, Савромата II и Рескупорида III на стелах II—III вв. н. э. (не определяя, однако, эти знаки как личные тамги названных царей), а также оба знака на таманской плите с надписью Евпатерия, верно указав на их гербообразный характер и приведя правильную реконструкцию верхней части знаков на плите Евпатерия. Во второй группе оказались «сарматские главные знаки», нанесенные небрежно при вторичном использовании стел, часто беспорядочно разбросанные и изображавшиеся не по отдельности, а вместе с другими вариантами «главного сарматского знака», со знаками иных видов и с изображениями животных. К этой же группе Г. Енихен отнес изображения Стасовского склепа, датировав их началом II в. н. э. и назвав древнейшими датируемыми сарматскими знаками. К третьей и четвертой группам Г. Енихен отнес, соответственно, бронзовые изделия — пряжки, поясные наконечники, фибулу из Гурзуфа и золотые погребальные штампованные пряжки из тонкого листового золота, золотые бляшки конского убора керченского погребения с золотой маской (с одним или двумя, как он пишет, изображениями «главных сарматских знаков») [42].

Пытаясь объяснить различные случаи применения «сарматских главных знаков» и в основном верно указав, что приведенные им примеры почти все относятся к погребальному культу (за исключением знаков на бронзовых пряжках, наконечниках, поясах, фибуле и больших единичных знаков на стелах, употреблявшихся в качестве гербов), Г. Енихен сделал в корне ошибочный вывод, будто во всех этих случаях знаки состоят из одинаковой верхней части и изменяющейся нижней. Подчеркнув невероятность трактовки нижней части сложных царских знаков Боспора как изображения

лошади, Г. Енихен без достаточных оснований определил их форму как изображения петуха, сидящего либо просто на шесте, либо на шесте, увенчанном кругом (по Г. Енихену, круг — земной шар), или треугольником (символизирующим, согласно Г. Енихену, небо и землю), или ромбом. Иногда, по утверждению Г. Енихена, круг, ромб или треугольник стоят на алтареподобной подставке, аналогичной изображению алтаря в Индии [43].

Подтверждение подобной трактовки Г. Енихен видит, с одной стороны, в том, что птица на шесте является будто бы древнейшим символом, уходящим корнями в палеолит, а с другой,— что такие фигуры встречаются, прежде всего, в Персии. Так как сарматский мир близок к Персии, то сарматский шест с петухом следует выводить именно из иранского знамени-штандарта с петухом первых веков нашей эры. Сославшись на примеры персидской археологии о наличии на монетах, печатях изображений петуха на шесте, а также изображений петуха над алтарем, и утверждая, что эти изображения играли видную роль в древней иранской религии и коренились частично в военном деле, частично в культе предков, Г. Енихен одновременно высказал сомнение в идентичности религии сарматов и Сасанидов. По его мнению, религия первых скорее имела сходство с религией парфян до того, когда они попали под влияние эллинизма. Доказательство иранского происхождения петуха на шесте Г. Енихен видит также в изображениях животных керченского склепа 1872 г., якобы представляющих собой характерных для персидской религии козлов, и особенно баранов, символизирующих «блеск власти». Сам же факт наличия многочисленных вариантов «главного сарматского знака» на надгробиях Г. Енихен разъяснил как попытку обозначить при их помощи знаки ранга, различные части войска или рода погребенных [44].

Кроме приведенных выше четырех групп так называемого главного сарматского знака, Г. Енихен подробно анализирует и знак сплюснутой или вытянутой «двойной вилки», как он называет тамгу Ининфимея (и ей подобные), не определяя ее, однако, как принадлежавшую указанному царю. Указав, что они встречаются чаще всего на зеркалах-подвесках римского времени из Румынии, из северопричерноморских областей СССР, на каменных плитах из Танаиса, ольвийских львах, плите с большим количеством знаков из Керчи (знаки на этой плите ошибочно изданы Г. Енихеном как изображения на одной из стен керченского склепа) [45] и верно датировав этот знак в основном III в. н. э., Г. Енихен высказал мнение о принадлежности его или язигам, или особой части алан, или другому иранскому народу, который появился в Причерноморье лишь в III в. н. э. Факт существования «двойной вилки» в III—IV вв. н. э. у восточногерманских племен исследователь объяснил заимствованием якобы у сарматов и применением германцами на парадных копьях в качестве символов власти. При этом Г. Енихен делает верный (хотя и ошибочно обоснованный) вывод, согласно которому знак «двойной вилки» у сарматов был символом власти. Одновременно он отмечает, что как у германцев, так и у сарматов можно будто бы проследить некоторую связь знаков «двойной вилки» с культом мертвых [46].

Из числа других сарматских знаков Г. Енихен рассматривает изображения на монетах боспорских царей конца III — первой половины IV в. н. э. Фофорса и Рескупорида VI, которые определяет как знаки власти (формы знаков обоих царей опубликованы Г. Енихеном в ошибочном изображении). Один из знаков на упомянутой выше керченской плите с большим количеством изображений трактуется Г. Енихеном в качестве знака власти, происшедшего якобы из широко распространенного в Индии и соседних странах герба Чандрагупты в виде луны над холмом и занесенного в район Керчи одним из сарматских племен с бактрийской территории. Имеющееся различие в изображении этих знаков Г. Енихен объясняет тем, что индийский знак реально передавал форму луны в виде полукруга, а сарматский якобы символически — в виде треугольника [47].

«В общем можно сказать,— резюмировал Г. Енихен содержание главы о сарматских знаках,— что рассмотренные выше знаки представляют символы власти, связанные одновременно с культом предков. Очевидно, могли иметь место некоторые родовые различия. Знак петуха на штандарте мог быть, по-видимому, символом главного рода или главного правителя. Этот основной знак выделяется из массы других уже тем, что он появляется во многих вариантах, причем верхняя часть (а именно петух) остается без изменения, в то время как средняя и нижняя части изображены по-разному. Возможно, вариацией выражались различия в ранге и положении. Может быть, знаки (штандарт с петухом на шесте) принадлежали военной касте, в то время как символ «петуха над алтарем» обозначал священника. Помещенные между ними ромбы, треугольники или круги могли обозначать соответствующий ранг воина или священника. Но это лишь одно из возможных объяснений вариации знака, так как упомянутые геометрические фигуры могли бы быть и упрощенным изображением определенных предметов» [48].

Далее Г. Енихен рассматривает сасанидские знаки Ирана [49] (в основном на печатях III—

VII вв. н. э.), где сходство с сарматскими знаками подтверждается будто бы следующим: 1) якобы идентичностью их верхней части при обязательном изменении нижней (это главное доказательство родства сарматских и сасанидских знаков, предложенное Г. Енихеном, не соответствует действительности); 2) наличием изображений животных рядом со знаками (заметим, что при огромном количестве памятников с сарматскими знаками изображения животных совместно с последними зафиксированы лишь в нескольких случаях); 3) совмещением в них религиозного (Г. Енихен предполагает, что к числу исключительно религиозных знаков относятся прежде всего три круга, начавшие свое распространение якобы из Ирана и встреченные затем в Индии, у германцев) и официально-государственного значения (время появления официальных знаков, являющихся варьируемым государственным гербом и представляющих собой изображение луны над царской колесницей — «царскую лунную тележку», Г. Енихен относит к первой трети сасанидского периода); 4) варьированием форм «главных знаков», наличием различных рядов знаков (Г. Енихен, решительно отвергая трактовку некоторыми исследователями сасанидских знаков как монограмм из букв пехлеви, согласен с выводами тех, кто рассматривает эти знаки как орнаментальные девизы, или как символы, составленные из отдельных знаков Зороастры, или просто как звездные знаки, или как изображения сасанидских корон); 5) рисуночным характером сарматских и сасанидских знаков (ссылаясь на сарматские знаки, Г. Енихен сделал верный в основе вывод, что упрощение картинки или изображения в рисуночный знак происходило не в сасанидскую эпоху, а в более древние времена); 6) обозначением в тех и других разнообразными вариациями «главного знака» различных рангов служителей, воинов, священников (пытаясь объяснить смысл формы упомянутого выше «главного знака» Сасанидов с лунным серпом в верхней части и его вариаций, Г. Енихен пришел, как он утверждает, к выводу, что основные составные части этих вариаций всегда изображают царскую «лунную тележку»); 7) наличием принципов варьирования в более древних периодах иранской истории — при Аршакидах и Ахеменидах, хотя в простой форме и иногда только в зачатке (Г. Енихен ссылается, в подтверждение, на знаки династии Элимаиса (150 г. до н. э. — 50 г. н. э.), употреблявшей так называемый якорь в виде перевернутого вниз триденса с урезанной ручкой и перекладиной в качестве герба, на марки индопарфянских монет аршакидского времени, где можно якобы отделить друг от друга индийские, греческие и иранские элементы, а также на специальные знаки ахеменидских монет, при этом сам Г. Енихен признает все эти знаки не только очень упрощенными, но и всегда без элементов «лунной тележки» — неотъемлемой части «главного знака» Сасанидов и его вариаций).

Описывая в третьей главе дальнейшую судьбу знаков в Индии [50], Г. Енихен подчеркнул наличие на царских монетах, кроме индийских знаков «Трирадна», знаков иранской царской семьи в виде четырехзубой вилки с изменяющейся нижней подставкой, а также других знаков на печатях и осколках керамики. Исходя из своей в корне ошибочной теории, согласно которой изменение нижней части является характерным признаком иранских знаков, Г. Енихен объявил знак четырехзубой вилки «главным знаком» Кушан, в котором можно найти упрощенное изображение полного царского герба. Изменение знака в I тысячелетии н. э. наследниками Кушан индийскими Гуптами Г. Енихен объяснил тем, что государство Гупта основывалось на других религиозных принципах.

Аналогичное характерно и для главы «Иранские знаки в греко-римском мире». Обнаружив на магическом кольце первой половины III в. н. э. из Пергама три знака с различной нижней частью, увенчанных одичаковыми кружками с подковообразными изображениями внутри, и отметив, что изображения кружков относятся к досасанидскому периоду, исследователь отнес все три знака к иранским и существовавшим в досасанидское время. По мнению Г. Енихена, в данном случае, как и с индийскими Гуптами, религиозная символика знака отсутствует [51].

Г. Енихен объявил иранскими и знаки тюркских народов [52]. Самые ранние из них — знаки белых гуннов или эфталитов второй половины IV в. н. э., знаки восточных тюрков на китайской границе, знаки на протоболгарских памятниках VIII—IX вв. н. э. — он определил как происшедшие из иранских изображений «лунной тележки», а знаки на стенах Маяцкого городища, датированные VIII—IX вв. н. э., объяснил принадлежностью их к тюрко-гуннским кочевым народам или сильно тюркизованным венграм. Корни часто встречающихся на Маяцком городище знаков «двойной вилки» Г. Енихен увидел в аналогичных символах сарматских племен. К сожалению, Г. Енихен допустил ошибку, приписав знаки Маяцкого городища тюрко-гуннским кочевникам или тюркизованным венграм и объявив тюркскими сарматские знаки на каменном столбе из Теребовлянщины.

По мнению Г. Енихена, иранские корни тюркских знаков сохранились до позднего средневековья, проявляясь либо в древнем

иранском принципе их конструкции (одинаковый верх и изменяющийся низ у тамг ханов Золотой Орды), либо в постоянном легком изменении (тамги монгольских ханов), либо в качестве герба (упомянутые выше три круга тамги Тимура). Гунно-тюркская должность хранителя государственной печати (тамги) *, как утверждает Г. Енихен, тоже скопирована у Сасанидов. Г. Енихен рассмотрел также знаки на наконечниках копий, на двух костяных гребнях, на тисовом луке из Дании и на различных обломках восточногерманских сосудов [53]. Он, как и некоторые исследователи, принял знаки за особые германские символы сарматского происхождения и высказал мнение, что тщательно украшенные наконечники не могли быть простыми предметами обихода, а скорее знаками чести, возможно — символами власти. Лучше обработанные экземпляры наконечников копий, по мнению Г. Енихена, имеют с обеих сторон противоположные символы — добра и зла, мира и войны, жизни и смерти. Их двойственный характер свидетельствует о разных клятвоприношениях на этих копьях: при военных ситуациях — на одной их стороне, при мирных — на другой стороне.

Подчеркнув сарматское происхождение знаков «двойной вилки» на копьях, исследователь пришел к выводу, что они будто бы имели, «...как и их сарматские прототипы, двоякое лицо в нескольких отношениях: сначала — в иранской противоположности между добром и злом, святым и нечистью, а затем — как символы власти и чести с одной стороны, и как религиозный знак вообще» [54].

Не прошел Г. Енихен и мимо так называемых знаков Рюриковичей [55]. Подчеркнув в следующей главе значение их изучения для раскрытия смысла вариаций иранских знаков, он явно ошибочно высказался против попыток отнести варьируемые знаки к определенным князьям. По его мнению, «знаки Рюриковичей», изображающие якобы сокола, скорее аналогичны по употреблению сарматскому знаку петуха на шесте и представляют собой разновидность государственного герба, заимствованного у иранских правителей более поздними, в том числе и киевскими князьями. Лишь со временем на монетах этих князей утверждается один из вариантов в качестве знака рода. Подобное явление («перерастание» государственных гербов в родовые знаки) характерно, как считает Г. Енихен, для тюркских тамг.

Весьма своеобразно Г. Енихен резюмировал итоги своих исследований.

1) Он считает, что данные его работы свидетельствуют о необходимости рассматривать описанные им иранские геометрические или рисуночные знаки отдельно от других, как имеющих определенное религиозно-государственное происхождение. Они возникли якобы из двух различных более древних групп знаков — лошадиных клейм кочевнического Севера и религиозных символов Древнего Востока и Средиземноморья [56].

2) Он справедливо относит появление самих клейм собственности к более древним временам, в частности, к появлению у кочевников скотоводства, и верно отмечает их различные пути дальнейшего развития. Например, в результате добавления младшими братьями при наследовании дополнительных черточек и точек, что характерно и для тамг собственности как тюркских народов, так и народов, находившихся под тюркским влиянием. В качестве примера Г. Енихен приводит клейма кабардинцев, волжских и крымских татар, Синопы; все они, по его мнению, отличаются характерной текучестью формы тамги, которая якобы не может быть независима от иранских знаков. Время исторически доказуемых лошадиных клейм Евразии — первые века нашей эры. К числу же других возможных источников вариаций клейма Г. Енихен относит уловки воров скота и появление у кочевников особых клейм, обозначавших конный завод или породу [57].

3) Религиозные клейма, появившиеся, по убеждению Г. Енихена, прежде всего в Египте и странах Древнего Востока, также распространяются и сохраняются вплоть до римлян и германцев [58].

4) Оба эти вида маркирований уже с самого начала несут в себе, как пишет Г. Енихен, элементы государственности, расцветавшие в парфяно-сарматском районе. Новые же иранские знаки, возникшие в результате слияния этих двух начал, отличаются якобы от более древних — восточных религиозных — тем, что могут варьироваться, а более древних — лошадиных клейм — тем, что в качестве верхней части имеют неизменный государственный символ, меняется только нижняя часть. Изменила смысл и сама вариация: она уже не относится к древнему наследованию внутри родов и попадает к тому же в государственную сферу [59].

5) Г. Енихен считает возможным признать, что варьируемые знаки у иранцев изображали различные виды знаков чести и орденов. В соответствии с этим, две различные формы сарматского знака с петухом на одной стеле свидетельствуют якобы о двойном награждении погребенного различными знаками чести, а сложные формы сасанидских знаков с «лунной

---

* Как сообщают древнетюркские надписи, у западных и восточных тюрков в VII—VIII вв. н. э. было три различных должности для хранителей тамг — Тамгахан-Кур, Тамгахан-Таркан, Альтун-Тамгахан-Таркан. Третья была самой высокой — охрана изготовленной из золота государственной печати-тамги.

тележкой» являются результатом объединения в одном рисунке различных орденов и знаков чести. Подобная трактовка иранской орденской системы способствует, как считает Г. Енихен, разрешению загадки сарматских и сасанидских знаков и их распространения у названных им народов. Так, иранский знак «лунной тележки» мог появиться у эфталитов в результате награды сасанидским царем князя или военного предводителя последних; соответственно сарматский знак «двойной вилки» на копьях у германцев или знаки киевских князей могли быть приобретены в качестве знака чести при службе у сарматского князя [60].

6) После распада сарматских княжеств в Северном Причерноморье и разрушения государства Сасанидов собственный смысл иранских знаков утратился, но их влияние на формы лошадиного клейма было настолько сильным, что оно ощущается вплоть до новейших времен, а принцип построения иранских знаков — одинаковая верхняя часть и изменяющаяся нижняя (предложенный Г. Енихеном и не всегда соответствующий действительности) — сохранялся якобы в тюркской тамге вплоть до XIV в. Позже Г. Енихен объяснил явное отсутствие хотя бы малейших признаков этого принципа тем, что будто бы он снова уступил место первоначальным древним формам вариации с помощью добавлений черточек и точек в любом месте знака [61].

Следует остановиться на второй части книги Г. Енихена, состоящей из 30 таблиц со знаками. Уделив большое внимание сарматским знакам в теоретической части книги, Г. Енихен, естественно, опубликовал их в большинстве таблиц [62]. Однако значительная часть знаков издана в ошибочном воспроизведении, часто непригодном для научных выводов [63]. Знаки боспорских царей Фофорса и Рескупорида VI опубликованы в такой форме [64], которая в других случаях нам известна только по Е. Минзу. К тому же на некоторых таблицах в пояснительном тексте к ним неверно указывается либо дата знаков, либо место и дата находки, либо текст вообще не относится к знакам, опубликованным в таблице [65]. Менее значительные погрешности встречаются в других таблицах.

Если же учесть, что изданные Г. Енихеном знаки разбросаны по источникам и музеям различных стран мира и для большинства исследователей недоступны в оригиналах, то можно понять, какую опасность для появления новых ошибочных выводов таит в себе пользование таблицами этой книги как своеобразным справочником по знакам и с какой осмотрительностью необходимо к ним обращаться.

Одновременно с книгой Г. Енихена вышла в свет и книга Д. Б. Шелова [66]. Автор коснулся главных итогов исследований сарматских знаков. Большинство знаков правильно определено как личные или родовые клейма-тамги, играющие роль печати или герба. По мнению Д. Б. Шелова, именно такими являются знаки на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея, боспорского царя Фофорса, а также на плитах с официальными греческими надписями. Все знаки, употребляемые боспорскими царями на монетах и надписях в качестве царских эмблем, являются, по мнению исследователя, сарматскими [67]. Тем не менее знаки, расположенные скученно или сгруппированные в определенном порядке, Д. Б. Шелов предположительно назвал зачатками письменности местных племен, таящими какие-то тексты, не поддающиеся пока дешифровке. Вероятнее всего, как полагает автор, это зачатки сарматской письменности [68].

В очерках древней истории Украинской ССР [69] относительно знаков были высказаны следующие положения: во-первых, каждый сарматский род имел на своем знамени изображение родового знака, одним из которых был дракон, описанный римским поэтом Валерием Флакком; во-вторых, большое количество разнообразных форм тамговых знаков, особенно характерных в I—IV вв. н. э. для Боспора и Прикубанья, было также сарматскими знаками родов или династий и применялось одновременно как знаки собственности и тавра; в-третьих, эти знаки не могли послужить основой славянской глаголицы, ибо все попытки расшифровать их как знаки письма не дали положительных результатов [70]. В этой же книге опубликована плита со знаком боспорского царя Савромата II [71], сложный знак царского типа на позолоченной бляшке от богатого конского убора из Керчи [72], сарматский знак на позолоченной втулке наконечника копья [73] (также из Керчи), зеркало-подвеска с тамгообразным орнаментом из Ново-Филипповки [74], нашивная бляшка в виде знака из Залевки [75], сарматский знак на глиняной курильнице из Золотой Балки [76], тамгообразные знаки римского времени на стене керченского склепа 1872 г. [77].

В 1956—1957 гг. вышли из печати и работы Й. Вернера [78], Н. П. Розановой [79], Э. И. Соломоник [80], О. Д. Дашевской [81], П. Н. Шульца [82], И. И. Козыренко [83], в той или иной мере коснувшиеся причерноморских знаков римского времени.

Й. Вернер переиздал группу сарматских зеркал с тамгообразным орнаментом и сарматским знаком, близким по форме к знаку боспорского царя Ининфимея [84]. Новые памятники со знаками впервые опубликовал И. И. Козыренко. К ним относятся: красноглиняная фляга из Пантикапея со знаком Тиберия Эвпатора; знаки на двух бронзовых пряжках из ок-

рестностей Симферополя; известняковая стела со знаками из Анапы (знак на донышке черно-лакового сосуда из Лузановского поселения близ Одессы, опубликованный в этой же статье И. И. Козыренко, относится к IV—III вв. до н. э.). К сожалению, при публикации памятников были допущены грубые ошибки. Так, сложный боспорский знак царского типа на одной из бронзовых резных пряжек с четырехугольником в верхней части был ошибочно объявлен тождественным знаку Тиберия Эвпатора и родственным второму знаку этой же пряжки, представляющему собой типичный сарматский знак в виде треугольника с развилкой [85]. Одновременно в качестве основы всех сложных боспорских знаков царского типа автором неверно названы знаки сарматского времени в виде двузубцев, встреченные на плите из Анапы и дающие якобы приблизительные контуры нижних частей боспорских знаков [86].

Знаков на скифских памятниках бегло коснулись в своих работах Н. П. Розанова, О. Д. Дашевская и П. Н. Шульц. Н. П. Розанова издала известные ей образцы знаков на монетах скифского царя Фарзоя, правильно определив их как изображения кадуцея перед лицом царя [87] и датируя правление Фарзоя временем, началом которого было последнее 25-летие до нашей эры и конец которого нельзя отодвигать позднее 80 г. н. э. [88] О. Д. Дашевская опубликовала редкий знак, вырезанный на антропоморфном надгробии римского времени, происходящем из скифского городища Красное (Кермен-Кыр) [89]. П. Н. Шульц, признав в знаках на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея (чеканенных в Ольвии, по его мнению, в основном I в. н. э.) так называемые скифо-сарматские знаки (являвшиеся, как полагает П. Н. Шульц, знаком царского рода изображенных) и отнеся к ним же знаки на названных им скифских надгробиях из городища Красное и хутора Малая Козырка, на стене вырубного склепа около скифского городища Красногорское (бывшее Нейзац), серебряной бляхе от конского убора из этого же склепа, знак росписи склепа № 1 в Неаполе и многочисленные знаки из пещер Ак-Кая близ Белогорска (с якобы явными признаками позднескифского культурного слоя), сделал неподтвердившийся вывод о том, что широкое применение знаков характерно не только для сарматов, но и для скифов и что дальнейшие исследования дадут, видимо, возможность рассматривать знаки, расположенные в строку, как зачатки местной письменности [90].

Новый этап в изучении причерноморских знаков римского времени открыли работы Э. И. Соломоник. Начало им положили небольшие статьи, в которых автор издала правильные изображения двух редких знаков на надгробии III в. н. э. из Ольвии, расшифровав последние как греческие монограммы [91], и знаки на изображениях животных первых веков нашей эры в Северном Причерноморье, впервые определенные в ее статье как клейма или тавра местного происхождения на домашних животных [92]. Одновременно Э. И. Соломоник попыталась обобщить на научной основе итоги новейших исследований известных тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира [93], в том числе и группу лапидарных памятников римского времени с одиночными знаками, разделенную ею, в свою очередь, на три подгруппы [94].

Полученный результат показал, что необходима была сводная работа, в которой анализировалась бы сложная и противоречивая историография вопроса, публиковались без ошибок собранные воедино и систематизированные памятники со знаками и, наконец, давалось реальное толкование стоящих вопросов на твердых фактах, а не на вымыслах ученых, иногда основанных на единичных аналогиях. Сложность такой обобщающей работы в данном случае заключалась в том, что большинство памятников со знаками было вообще не известно, разбросано по разным музеям страны и за рубежом, а многие были опубликованы по непрофессионально выполненным зарисовкам (часто даже без указания места и времени находки), а порой и с большими искажениями.

Э. И. Соломоник [95] в значительной мере устранила большинство этих недостатков. И хотя в изданной ею книге имеются различные по значимости погрешности [96] (что будут разобраны в этой и последующих главах работы), они не умаляют ее многочисленных достоинств. Подчеркиваем это, поскольку, во-первых, отдельные недостатки книги — результат ряда обстоятельств, не зависевших от автора, а во-вторых, потому, что книга Э. И. Соломоник, опубликованная в 1959 г., до сих пор является единственным исследованием подобного рода, не только широко охватившим круг главных вопросов, связанных с причерноморскими памятниками со знаками, но и давшим наиболее реальные ответы на эти вопросы. В этой книге многие памятники с тамгообразными знаками северопонтийской периферии античного мира опубликованы впервые, причем все фотографии и описания доступных памятников были сделаны автором с подлинников, что и превратило книгу Э. И. Соломоник (вместе с изданным к ней дополнением [97]) в своеобразную энциклопедию, надолго сделав ее настольной книгой для специалистов.

Э. И. Соломоник кратко знакомит читателя с состоянием вопросов изучения «загадочных

знаков» скифо-сарматской эпохи и четко указывает поставленную перед собой цель: подготовить научную публикацию памятников со знаками [98] и поставить вопрос об их происхождении, назначении, сферах их применения и ареалах распространения, связи с системами письма [99].

Определив таким образом свои задачи, автор переходит к первому разделу первой части книги [100], в котором сжато излагает историю исследования «загадочных знаков».

В конце раздела Э. И. Соломоник кратко излагает свои соображения о вопросах, связанных со временем появления знаков, с их ролью в жизни общества, с путями их дальнейшего развития. Не ссылаясь на многочисленные данные этнографии, но хорошо их зная, автор книги правильно относит появление знаков ко времени родового строя [101]. С развитием общества, разложением первобытнообщинных отношений и появлением частной собственности родовые знаки становятся знаками собственности отдельных лиц. Но, как и пережитки родового строя, сохраняющиеся в классовых формациях, знаки еще долго продолжают употребляться и в феодальных обществах, иногда даже заменяя отсутствующую письменность.

Предпосылки, взятые автором при изучении знаков, дают возможность рассматривать эти памятники не оторванно, а в теснейшей связи с общественно-экономическим строем и его развитием. Э. И. Соломоник, в отличие от большинства ее предшественников, искавших универсальный ключ к разгадке «таинственных» знаков, избрала наиболее верный отправной момент: знаки служили одновременно для разных целей, меняясь и развиваясь только во времени [102].

Изложив сущность своих исходных взглядов, Э. И. Соломоник переходит к двум главнейшим разделам первой части — «О происхождении знаков» [103] и «О формах знаков» [104]. Сразу же, не отклоняясь от своей цели, она ставит прямой вопрос, откуда произошли «загадочные знаки» Северного Причерноморья? Ответ автора так же в основном ясен и четок: многочисленные тамговые знаки северопонтийской периферии античного мира принесены в Северное Причерноморье сарматами. В подтверждение автор ссылается на следующие факты: во-первых, знаки появляются в Северном Причерноморье в первые века нашей эры, вместе с появлением среди царей Боспора имен явно сарматского происхождения; во-вторых, сарматские племена двигались с востока и «загадочных знаков» больше всего встречается в восточной части Северного Причерноморья; в-третьих, знаки найдены на ранних (IV—II вв. до н. э.), а также на достоверных сарматских памятниках I—II вв. н. э. К ним относятся сарматские бронзовые котлы из Прикубанья, сосуды из ряда сарматских могильников, сарматские зеркала-подвески из погребений, открытых на Волге, Дону, Кубани, в Северном Причерноморье.

Э. И. Соломоник, как очень осторожный исследователь, рассмотрев многочисленные факты, отмечает, что они позволяют лишь «со значительной долей уверенности предполагать» существование в сарматской среде знаков, занесенных в Северное Причерноморье движением сарматских племен с востока на запад [105]. И хотя, исходя даже из названия книги «Сарматские знаки...», чувствуется полная уверенность автора в последнем, все же Э. И. Соломоник ссылается на несколько источников [106], в которых приводятся ранние скифские стрелы с рельефными и нацарапанными зигзагами, разного рода крестиками и т. п. По мнению автора, возможно, что эти и какие-то (?) другие знаки применялись скифами независимо от сарматского влияния. Правда, автор соглашается с мнением Б. Н. Гракова, что рельефные линии на ранних скифских стрелах являются чисто орнаментальными украшениями.

Несмотря на то, что осторожность автора книги не принесла существенного вреда изучению этнической принадлежности носителей так называемых загадочных знаков в Северном Причерноморье, в дальнейшем она привела, как нам кажется, к усложнению решения ряда важных вопросов. Так, например, стоя на верных позициях решения вопроса о происхождении родовых знаков, Э. И. Соломоник лишь вскользь коснулась некоторых проблем формирования сарматской тамговой системы, упомянув, что при формировании любой системы знаков на протяжении длительного периода некоторые изображения обычно заимствовались у соседних племен и народов. От решения же вопроса она уклонилась под тем предлогом, что это слишком далеко уведет в сторону.

Последний раздел теоретической части своей книги Э. И. Соломоник посвятила классификации и выделению основных групп памятников со знаками. Попытка первичной классификации решена автором удачно. Учитывая, что один и тот же знак, будучи даже по своей природе тамгой, мог иметь разное значение в зависимости от того, на каком предмете (и в каком сочетании) он ставился, Э. И. Соломоник выделила, насколько это было возможно, группы знаков на сходных по своему характеру памятниках, отказавшись от географического, хронологического и других возможных критериев классификации (которые будут полезны лишь при дальнейшей работе по изучению памятников со знаками). Благодаря этому, схема Э. И. Соломоник получила простую, очень

удачную для работы форму. Все знаки разделены на три большие группы: 1) знаки на каменных плитах, стенах склепов и пещер; 2) знаки на различных ремесленных изделиях; 3) знаки на монетах. Первая группа, в свою очередь, разделяется на единичные знаки, сопровождаемые часто греческими надписями; на множество знаков, расположенных беспорядочно на камнях или на стенах; на знаки с более упорядоченным расположением. Во второй группе выделяются знаки, выполненные мастером при изготовлении вещи, и отдельные знаки, нанесенные на уже готовые изделия.

Рассмотрение знаков по группам позволило Э. И. Соломоник сделать ряд важных научных выводов: об употреблении царских знаков Боспора с целью подчеркнуть местное происхождение правящей династии; о переходе царских знаков по наследству; о наличии на Боспоре специальных царских мастерских, изделия которых клеймились царскими знаками; о возможности выделить в знаках на надгробиях знак рода или семьи умершего, а в знаках на изображении домашних животных — знаки собственности (тавро). В последнем случае необходимо отметить следующий факт. Книги Г. Енихена и Э. И. Соломоник готовились к печати почти одновременно. Поэтому в работе Г. Енихена, естественно, меньше материалов по знакам Северного Причерноморья, а в работе Э. И. Соломоник — материалов по иранским знакам (в связи с чем книги Г. Енихена и Э. И. Соломоник в значительной мере дополняют друг друга, хотя точки зрения авторов во многом различны). Интересно, что Г. Енихен и Э. И. Соломоник на разном материале пришли к одному и тому же выводу об истолковании знаков на изображениях домашнего скота как «тавро». Это совпадение делает такой вывод еще более убедительным.

Однако многие вопросы, связанные с изучением «загадочных знаков», оставались нерешенными, в том числе и вопросы, относящиеся к одной из наиболее многочисленных групп тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира — группе царских знаков Боспора Киммерийского.

Позднее выходят в свет две работы, опубликованные в ФРГ и Польше Г. Гумбахом [107] и Б. Наделем [108], посвященные спорным вопросам причерноморских знаков римского времени. Г. Гумбах, введя в само название работы термин «сарматское письмо», начал свою статью правильной критикой взглядов Н. А. Константинова, объявившего, как мы уже писали, причерноморские знаки исходными первого славянского письма — глаголицы. Казалось, судя по правильности взятых предпосылок, Г. Гумбах стоит на верном пути и его работа, безусловно, будет очередным шагом вперед в исследовании сарматских знаков. Но, к сожалению, дальше критики взглядов Н. А. Константинова Г. Гумбах не пошел [109]. Его собственные положения оказались не менее ошибочными.

Так, отвечая на один из главных вопросов, что же представляли собой «загадочные знаки» Северного Причерноморья, столь распространенные в первые века нашей эры, Г. Гумбах пишет, что он может предположить тамговый характер лишь небольшой части этих знаков. К их числу он относит те, форма изображения которых является наиболее простой. Что же касается сарматских знаков с усложненной формой изображения, а также многочисленных изображений царских знаков Боспора, то Г. Гумбах утверждает, что последние являются обычными греческими монограммами.

А раз знаки — монограммы, то он тут же приступает к их чтению, разлагая сложные знаки боспорских царей на составные элементы — якобы буквы греческого алфавита. Объявив основной формой знак Тиберия Эвпатора, он «читает» его как греческое слово «солнце».

Мы уже отмечали, что Г. Енихен, заметив сходство сарматских знаков с изображением знаков кушанских, сасанидских, Ирана и других государств Среднего Востока, пришел к выводу о том, что причиной подобного явления было развитие этих знаков из иранской тамговой системы. Г. Гумбах отметил это сходство и в другой работе [110]. Исходя из своей теории монограммного значения сложных знаков, он принял знаки на одной из плит первых веков нашей эры, найденной в Бактрии, за греческие монограммы и «прочитал» их как имя древнеиранского бога солнца Митры. Не вдаваясь в подробности «расшифровок» Г. Гумбаха, заметим, что и с точки зрения лингвистической его «чтение» знаков как греческих монограмм является искусственным, нарушающим элементарные принципы построения монограмм, что достаточно убедительно доказала Э. И. Соломоник в своей рецензии на статью Г. Гумбаха [111]. Тем не менее работа Г. Гумбаха, к сожалению, оказала влияние на работу польского исследователя Б. Наделя.

Указав, вслед за Э. И. Соломоник и Г. Гумбахом, на абсурдность выводов Н. А. Константинова и отметив достоинства работы Э. И. Соломоник, Б. Надель следующим образом изложил свою точку зрения.

Прежде всего, он согласился с выводом, что знаки имеют тамговый характер и, безусловно, связаны с родовыми знаками. Не вызывает сомнений у Б. Наделя и этническая принадлежность многих (но не всех) причерноморских знаков сарматам. Более того, подчеркнув важность географической классификации па-

мятников со знаками и приведя эту классификацию [112] (согласно которой из 145 памятников достоверно известного происхождения 2 происходят из Молдавии, 7 — с Поднепровья, 4 — из Заволжья, 16 — из Крыма, 22 — с Кубани, 74 — из Боспора, 20 — из Ольвии), Б. Надель пишет, что большинство памятников, найденных на территории Боспорского царства, необходимо связывать именно с сарматским населением Боспора [113]. Однако этим и заканчивается позитивная часть его работы.

Оказавшись, безусловно, под влиянием «монограммной» теории Г. Гумбаха, Б. Надель согласен видеть в некоторых причерноморских тамгах первых веков нашей эры греческие монограммы. Кроме того, перекликаясь с Г. Енихеном, считавшим, будто каждый знак заключал в себе, помимо символики власти, специальную загробную символику, Б. Надель утверждает, что тамговый характер рассматриваемых знаков совершенно не противоречит их магическому и обрядовому характеру. Таким образом, для Б. Наделя каждый знак — сочетание в одном изображении трех символик: тамговой, магической и обрядовой.

Сходство форм причерноморских знаков с изображениями знаков у других племен и народов, по мнению Б. Наделя, свидетельствует о том, что знаки могли переходить от одного народа к другому [114].

Наконец, как бы резюмируя свое мнение, Б. Надель замечает, что изучая так называемые загадочные знаки Причерноморья, необходимо пойти по пути разграничения трех различных культурно-исторических кругов, с которыми якобы они связаны: греко-античного, боспорско-иранского и древнетюркского [115].

В советской историографии за последнее десятилетие вышел ряд работ, касающихся тамгообразных знаков Северного Причерноморья. И. В. Яценко [116], О. Д. Дашевская [117], А. П. Смирнов [118] рассмотрели вопросы, связанные с новой группой тамгообразных изображений II в. н. э., найденных в Неаполе Скифском на штукатурке [119] общественного здания во время раскопок 1955—1958 гг. Новые знаки из Танаиса опубликовали Д. Б. Шелов [120] и Л. И. Чуистова [121]. И. Т. Кругликова, А. Н. Щеглов, Н. А. Богданова, П. Н. Шульц, А. А. Нудельман и Э. А. Рикман издали новые сарматские знаки римского времени, найденные экспедициями в северо-западном Крыму, на Керченском полуострове, вблизи Бахчисарая, на Арабатской стрелке, в Молдавии на стенках амфор [122], лепном сосуде [123], надгробных стелах [124] и грубо отесанной известняковой глыбе [125]. Новые сарматские зеркала Скалистинского могильника в Крыму с тамгообразным орнаментом II—III вв. н. э. опубликовали Н. А. Богданова и И. И. Гущина [126].

В 1963 г. на сессии Академии наук УССР, посвященной 1100-летию славянской письменности, В. П. Петров, выступая по вопросам ее происхождения и развития, совершенно безосновательно назвал причерноморские знаки «местным традиционным письмом архаического Крыма» [127]. Н. В. Энговатов высказал неприемлемую (из-за отсутствия достаточных оснований) мысль о некоторых знаках на инкрустированном серебром железном наконечнике копья из-под Ковеля как обычных сарматских тамгах [128].

Тамгообразные знаки римского времени не были обойдены ни в одной из работ по истории древних племен и народов Северо-Понтийского региона. Так, например, В. Б. Виноградов верно отметил наличие на территории северо-восточного Кавказа сарматских знаков и орнаментальных мотивов зеркал-подвесок, аналогичных или близких по форме сарматским памятникам Северного Причерноморья, в том числе и знаку боспорского царя Ининфимея [129]. В. Д. Блаватский, переиздав ряд известных памятников со знаками и сделав обзор ряда исследований по тамгообразным знакам северопонтийской периферии античного мира, также акцентировал внимание на их сарматском происхождении и сарматской принадлежности [130].

К. В. Голенко и Д. Б. Шелов рассмотрели знаки на пантикапейских монетах римского времени. Исследователи впервые обратили внимание на знак в виде рукописной буквы «Х», который присущ семисам Аспурга — Рескупорида I (10/11—37/38 гг. н. э.), и верно определили его не как монограмму из букв греческого алфавита, а как сарматскую тамгу, возможно представляющую собой родовую эмблему Аспурга, символизирующую его личное имя * и свидетельствующую (вместе с именем, восходящим, по мнению автора, к племенному названию) об особой роли аспургиан в истории правления Аспурга и о вероятной родственной связи царя с племенной знатью [131]. Авторы правильно отметили тамговый характер знаков на монетах Фофорса, чеканенных на Боспоре, на монетах Инисмея (Иненсимея), чеканенных в Ольвии и подтверждающих употребление сарматских тамг в официальных памятниках Боспора и Ольвии, а также подчеркнули, что знаки на монетах, приписываемых Савмаку, тамгами считать нельзя [132]. Но при этом была высказана мысль о том, что и знаки на статерах боспорских царей Радамсадия, Рескупорида VI не являются тамгами, а изображение кадуцея на чеканенной в Ольвии монете Фарзоя, напротив, якобы имеет тамгообразный харак-

---

* Эмблема имеется, как сообщил нам П. О. Карышковский, на всех монетах рассматриваемого типа этого царя.

тер [133] (этот вопрос мы рассматривали в начале главы, анализируя выводы А. Н. Зографа).

Особо следует отметить монографию известного исследователя истории и культуры ранних сарматов К. Ф. Смирнова [134]. Хотя в ней и не рассматриваются непосредственно памятники с причерноморскими знаками римского времени, значение книги для изучения последних трудно переоценить (особенно учитывая имеющиеся разногласия по вопросу происхождения причерноморских знаков, а также их сарматской принадлежности). Раньше все сведения о ранних сарматских знаках были разбросаны по различным отчетам археологических экспедиций и отдельным печатным работам [135], что делало их малодоступными для многих специалистов. Монография К. Ф. Смирнова — первое и единственное издание, где все пиктографические и тамгообразные знаки символических, смысловых и орнаментальных изображений савроматов не только собраны воедино, но и изданы на высоком научном уровне. Безусловна правильность выводов автора, не сомневавшегося, например, в тамговом характере двух одинаковых знаков в виде латинской рукописной буквы «гэ» на стеле, венчавшей вершину Жаксы-Каргальского (близ Актюбинска) савроматского кургана IV в. до н. э., и прямо указывающего, что уже савроматская ромбовидная геометрическая бляшка конца V—IV вв. до н. э. из кургана Сусловского могильника (Заволжье) является тамгообразным значком сакрального характера из числа тех, которые приобретают популярность у сарматов к рубежу нашей эры [136]. Если добавить, что и формы этих знаков либо близки, либо идентичны формам таких же тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира, то становится очевидной правильность выводов о сарматском происхождении и принадлежности подобных причерноморских знаков римского времени.

Ценным вкладом в дело изучения тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира на современном этапе развития науки стало опубликованное в 1966 г. исследование Д. Б. Шелова «Тамга Римиталка» [137], посвященное публикации и выделению нового сложного знака боспорского царя римского времени. В нем рассматривается не только этот знак, но и вся группа царских тамг Боспора определенного типа — знаков царей Тиберия Эвпатора, Савромата II, Рескупорида III, а также царя, чей знак стоит на плите из Танаиса, найденной в 1964 г. Нижнедонской экспедицией. Изучив знаки, Д. Б. Шелов верно отметил неизменяемость их нижней части и различие в изображении верхней [138].

Одновременно Д. Б. Шелов пришел к выводам, согласно которым вновь найденный и впервые публикуемый им знак на плите 1964 г. из Танаиса является, во-первых, одним из звеньев в цепи развития ему подобных и, во-вторых, принадлежит только одному из боспорских царей, правивших с конца I в. н. э. до середины III в. н. э.[139] При этом были допущены отдельные неточности, отнюдь не умаляющие достоинств рассматриваемой работы, но которые нужно иметь в виду во время дальнейших исследований причерноморских знаков: о том, что поворот знака вправо или влево вряд ли имеет решающее значение [140]; о якобы новой форме знака Рескупорида III [141]; о принадлежности Рескупориду III ряда знаков разной формы [142]; о значительном превышении верхней части над общей нижней частью у всех без исключения сложных царских знаков [143]; о том, что более сложные формы знаков будто бы всегда возникают позже простых [144].

Определенное значение для решения некоторых спорных вопросов, связанных как с проблемами «взаимоотношений» сарматских знаков и знаков письма, так и с проблемами дальнейшего развития сарматских знаков, имела монография Г. Ф. Турчанинова [145], где он публикует и исследует надписи колхского (древнеабхазского [146]), скифо-сарматского (древнеосетинского [147]), средневекового аланского (осетинского) письма и его иноязычных вариантов [148]. По этим надписям устанавливается существование оригинального письма: у древних абхазов — псевдоиероглифического дукта (конец II—I тысячелетия до н. э.); у древних и средневековых осетин — арамейского и сирийско-несторианского дуктов (соответственно: VIII в. до н. э. — III в. н. э. и VIII—XIV вв. н. э.) [149].

Сказанное выше позволило Г. Ф. Турчанинову сделать выводы, имеющие непосредственное отношение к тамгообразным знакам северопонтийской периферии античного мира. В результате изучения знака на так называемой монете скифского царя Савмака, принимаемого многими исследователями в качестве знака этого царя (или монограммы с неясным значением), Г. Ф. Турчанинов заявил, что это не знак, а якобы лигатура на колхском (древнеабхазском) языке, состоящая из двух букв и одной цифры, обозначающая номинал и принадлежавшая Саулаку — колхидскому царю второй половины II в. до н. э.[150]

По-новому истолковал исследователь и знаки на архаических наконечниках стрел VII—VI вв. до н. э. из районов Поволжья. Так, четыре знака на одной из них (близких по начертанию к сарматским) являются, по мнению Г. Ф. Турчанинова, ни чем иным, как буквенными знаками слова «жгучая», написанного скифо-сарматским (древнеосетинским) письмом [151].

Хотя мы не можем согласиться с подобными заключениями о знаках на монете и стре-

лах, вывод, полученный Г. Ф. Турчаниновым в итоге изучения изображений и сарматских знаков на найденном в 1946 г. обломке известняковой плиты римского времени из Ольвии, подтвердивший некоторые наши мысли о боспорских знаках, является верным. Среди сарматских знаков на этом обломке выделяется знак в форме треугольника с крюкообразным навершием и С-образным основанием, родственный подобным знакам II в. н. э. на боспорских бронзовых и золотых пряжках. Исходя из того, что подобные сарматские знаки нанесены на пряжки либо вместе со знаками боспорских царей, либо отдельно (то есть наравне с царскими), можно говорить о том, что либо эти знаки являются царскими (выходцев варварской среды), либо свидетельствуют о существовании сарматской аристократии, настолько сильной, что с ней вынуждены были считаться боспорские цари. Из двух букв древнеосетинского письма арамейского дукта, нанесенных рядом с упомянутым знаком на ольвийской плите, Г. Ф. Турчанинов получил слово «царь». Следовательно, надпись, датируемая Г. Ф. Турчаниновым по палеографическим данным тоже II в. н. э., оказалась титулом перед именем царя, скрытым в тамге [152]. Таким образом, дважды полученный различными путями вывод о принадлежности знаков в виде треугольника с С-образным основанием представителям знатного сарматского рода, может отныне считаться доказанным. Отметим, что автор из-за отсутствия в его распоряжении необходимых данных допустил неточность, указав, что эта тамга единична [153]; она встречается и на других северопричерноморских памятниках.

Нельзя не остановиться на докладе П. О. Карышковского на научной конференции Государственного Эрмитажа, посвященной античным городам Северного Причерноморья и варварскому миру. Правильно подчеркнув принадлежность большинства знаков к сарматской периферии античных центров Причерноморья, а также их происхождение из родовых тамг и отсутствие прямой связи между знаками и системами письменности, автор особое внимание уделил царским знакам на монетах [154].

Не решаясь определять значение изображения на монетах Савмака из-за плохой сохранности памятника и высказавшись в довольно категоричной форме о знаке на золотых монетах Динамии как о якобы простом буквенном сокращении греческого имени [155], П. О. Карышковский сделал ряд ценных выводов относительно знаков на более поздних античных монетах Причерноморья: 1) о тамге на медных семисах Аспурга (10/11—37/38 гг. н. э.) как достоверно сарматском знаке на монетах первого боспорского властителя с явно варварским (сарматским?) именем; 2) о том, что несколько более поздний, но относящийся еще к I в. н. э. тамгообразный знак на монетах Инисмея (Иненсимея), чеканенных в Ольвии, а также идентичность имен Иненсимея — Ининфимея, ареал распространения рассматриваемых монет делают вероятным отнесение названного царя не к скифским, а к сарматским племенам Причерноморья; 3) о сомнительности попыток интерпретировать палицу и триденс на монетах последних боспорских царей как тамгообразные знаки, а портретные изображения на монетах Фофорса — как портреты других членов его рода; 4) о том, что эпизодическое проникновение сарматских тамг в монетную типологию античных центров Причерноморья относится лишь к переломным моментам истории греко-сарматских взаимоотношений [156].

Однако высказанная в докладе мысль об изображениях I в. н. э. на чеканенных в Ольвии монетах Фарзоя как о тамгообразных знаках кажется нам маловероятной по указанным ранее причинам. Что же касается мнения П. О. Карышковского относительно маловероятности выводов о помещении на монетах Фофорса знаков его родственников [157], то дело обстоит не так просто, ибо одному и тому же лицу (в данном случае — Фофорсу) не могли принадлежать столь разные по начертанию знаки. Работами Д. Б. Шелова, Г. Ф. Турчанинова и П. О. Карышковского, по существу, заканчивается историография вопроса, так как после их выхода в свет ни в СССР, ни за рубежом пока не было опубликовано специальных исследований, посвященных изучению тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира.

Правда, в ряде работ [158] затрагивались вопросы, имеющие прямое или косвенное отношение к этим знакам. Но и они не вносят ясности в нерешенные проблемы изучения северопричерноморских знаков.

П. Н. Шульц высказал мысль о тесной связи тамгообразных знаков с сарматской художественной культурой: «...в знаках,— пишет он,— сказывается вкус к условности, линейности, геометризму, узорчатости; иногда животные, люди и знаки изображаются рядом» [159].

Однако это не совсем верно, потому что изображениях тамг как таковых форма диктовалась, главным образом, не художественным стилем или вкусами, а смыслом тамги, ее принадлежностью определенному владельцу. Манера же нанесения зависела во многом и от материала, на котором ставился знак (исключения составляли, как правило, памятники общегосударственного значения).

Эти две черты характерны для тамговых систем различных времен и материков земного шара. Когда в процессе исторического разви-

тия тамговый знак терял свое основное смысловое значение, он превращался в орнаментальную схему и тогда его изображение выполнялось в соответствии с характерным для данного народа художественным стилем и вкусами. Что же касается изображенных рядом знаков, людей и животных, то и это объясняется не столько характером художественной культуры, сколько различными причинами, среди которых, несомненно, на первый план выступает содержание подобных композиций.

Трудно согласиться с мыслью И. Т. Кругликовой, высказанной в ее выступлении на Международной конференции по проблемам античности, проводившейся в СССР по инициативе общества «Эйрене». По ее мнению, «многочисленные «сарматские знаки» на амфорах, грузилах, надгробиях и других боспорских ремесленных изделиях» [160] свидетельствуют о распространении сарматского языка.

Нечеткую позицию в спорных вопросах изучения причерноморских знаков занял болгарский ученый В. Бешевлиев на той же Международной конференции по изучению проблем истории античного мира, а затем (в 1967 г.) и в «Трудах» конференции, изданных Отделением истории Академии наук СССР.

Во-первых, В. Бешевлиев безоговорочно принял заключения Э. И. Соломоник, Г. Енихена и других, в том числе ошибочные или взаимоисключающие друг друга. Во-вторых, уже на этой иногда противоречивой основе он пришел к выводу, что ранние болгарские знаки на кирпичах, стелах и т. п. не могут быть отделены от сарматских знаков Северного Причерноморья [161], хотя сами так называемые раннеболгарские знаки еще даже предварительно не классифицированы и, видимо, разновременны.

Не во всех своих выводах прав известный исследователь тамговых знаков венгерский ученый Э. Таркань Сюч. Так, например, в упомянутой выше работе он заявил, что изображения знаков в виде «журавлиной ножки» (широко распространенные и среди тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира) хотя и встречаются на отдаленных друг от друга территориях Европы, повсюду имеют одно значение [162]. Однако это не подтверждается фактами [163].

Необходимость дальнейшей разработки исторических проблем, связанных с тамгообразными знаками, а с другой стороны — противоречивость различных точек зрения по этим вопросам поставили нас перед необходимостью, в свою очередь, изучить как литературу, связанную с «загадочными знаками» северопонтийской периферии античного мира, так и сами эти памятники *.

[1] *А. Н. Зограф.* Античные монеты.— МИА, № 16. М.—Л., 1951, стр. 138—140; см. также знаки на монетах Фарзоя — табл. XXXIII, *26,* Инисмея — табл. XXXIII, *27—28* и изображение кадуцея, аналогичное знаку на монетах Фарзоя — табл. XXXIV, *10.*

[2] *Там же,* стр. 191, табл. XLIV, *15.*

[3] *Там же,* стр. 211, табл. L, *19—20.*

[4] *К. В. Голенко.* О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, № 4. М.—Л., 1951, стр. 199—203; *Д. Г. Капанадзе.* Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку».— ВДИ, № 4. М.—Л., 1951, стр. 203—204.

[5] *К. В. Голенко.* Указ. соч., стр. 200, табл. I, *2.*

[6] *А. И. Болтунова.* Из черновиков В. В. Латышева.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1951, стр. 122—123, рис. 3.

[7] *И. В. Фабрициус.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I. К., 1951, стр. 72, рис. 24.

[8] *Н. В. Анфимов.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 66—67.

[9] *М. И. Вязьмитина.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1953, стр. 238.

[10] *М. І. Вязьмітіна.* Вивчення сарматів на території Української РСР.— Археологія, т. VIII. К., 1953, стр. 69—70, рис. 6, *4—5.*

[11] *В. Ф. Гайдукевич.* К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА, № 25. М.—Л., 1952, стр. 410, № 7, стр. 411, № 7.

[12] *А. П. Иванова.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 177, 179, рис. 76.

[13] *М. І. Вязьмітіна.* Вивчення сарматів..., стр. 58.

[14] *М. А. Тиханова.* Социально-экономический строй антов в III—V вв. в Молдавии.— История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951, стр. 41—42.

[15] *П. Я. Черных.* Язык и письмо.— ИКДР, т. II. М.—Л., 1951, стр. 133—134; см. также: *П. Я. Черных.* К истории вопроса о «русских письменах» в Житии Константина Философа.— УЗ ЯГПИ, вып. IX. Ярославль, 1947, стр. 1—14; *его же.* Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

[16] *Н. А. Константинов.* Новые данные о происхождении древнерусской письменности.— «Смена», 1951, 25 апреля; *его же.* Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья (К вопросу о происхождении славянского письма).— Крым, № 7. Симферополь, 1951, стр. 245—255.

[17] *Н. А. Константинов.* Черноморские загадочные знаки и глаголица.— УЗ ЛГУ, № 197, серия филологических наук, вып. 23. Л., 1957, стр. 110—146.

[18] *Там же,* стр. 115.

[19] *Там же,* стр. 131.

[20] *Там же,* стр. 131—132.

[21] *Там же,* стр. 132—133.

[22] *Там же,* стр. 133.

[23] *Н. А. Константинов.* Народные резные календари.— МАЭ, XX. М.—Л., 1961, стр. 84—113.

[24] *Там же,* стр. 95—100.

[25] *Н. А. Константинов.* Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья.— ВЛУ, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1963, стр. 107.

[26] *Б. А. Рыбаков.* Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований.— Тезисы доклада на сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР. Симферополь, 1952, стр. 14—15.

[27] *Б. А. Рыбаков.* Проблема образования древнерусской народности...— ВИ, № 9. М., 1952, стр. 59.

[28] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности...).— СА, т. XVII. М., 1953, стр. 54, 63, 91, 95—96.

---

* Перечень этих работ дан в списке литературы, прилагаемом к книге.

[29] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 214—216.
[30] *László.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, s. n., XXXIV. Budapest, 1955. стр. 158—185.
[31] *Там же,* стр. 166—170.
[32] *Там же,* стр. 166.
[33] *Там же,* стр. 168.
[34] *Там же,* стр. 164.
[35] *Там же,* стр. 170.
[36] *Там же,* стр. 173.
[37] *Там же,* стр. 173—174.
[38] *Там же,* стр. 179—180.
[39] *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1 : AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956.
[40] *Там же,* стр. 10.
[41] *Там же,* стр. 13.
[42] *Там же,* стр. 13—15.
[43] *Там же,* стр. 15—16.
[44] *Там же,* стр. 16—17.
[45] *Там же,* стр. 18—19, 77.
[46] *Там же,* стр. 17—19.
[47] *Там же,* стр. 19.
[48] *Там же,* стр. 19—20.
[49] *Там же,* стр. 21—23.
[50] *Там же,* стр. 25—26.
[51] *Там же,* стр. 27—28.
[52] *Там же,* стр. 29—31.
[53] *Там же,* стр. 30—34.
[54] *Там же,* стр. 34.
[55] *Там же,* стр. 35—36.
[56] *Там же,* стр. 37.
[57] *Там же,* стр. 37—38.
[58] *Там же,* стр. 38—39.
[59] *Там же,* стр. 39.
[60] *Там же,* стр. 40—41.
[61] *Там же,* стр. 41—42.
[62] *Там же,* табл. 1—18; 19, рис. 1—6; табл. 20—21; 22 рисунки «главного сарматского знака», знаков Фофорса и Рескупорида VI).
[63] *Там же,* табл. 1; 4, рис. 2; табл. 5—8; 11—14; 20; 22.
[64] *Там же,* табл. 22.
[65] *Там же,* табл. 4; 5; 11.
[66] *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
[67] *Там же,* стр. 160; см. также стр. 149, рис. 52 (знак на монете Фофорса), стр. 154.
[68] *Там же,* стр. 160.
[69] Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957.
[70] *Там же,* стр. 235, 296.
[71] *Там же,* стр. 220.
[72] *Там же,* стр. 228, рис. 6.
[73] *Там же,* стр. 228, рис. 5.
[74] *Там же,* стр. 229, рис. 7.
[75] *Там же,* стр. 231, рис. 7.
[76] *Там же,* стр. 233, рис. 11.
[77] *Там же,* стр. 235.
[78] *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
[79] *Н. П. Розанова.* Монеты скифского царя Фардзоя.— МИА, № 50. М.—Л., 1956, стр. 197—208.
[80] *Э. И. Соломоник.* О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии.— КСИА АН УССР, вып. 6. К., 1956, стр. 50—54; *ее же.* О таврении скота в Северном Причерноморье (По поводу некоторых загадочных знаков).— История и археология древнего Крыма. К., 1956, стр. 210—218; *ее же.* Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками.— Археологія, т. X. К., 1957, стр. 102—110.
[81] *О. Д. Дашевская.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр).— КСИИМК, вып. 70. М., 1957, стр. 108—117.
[82] *П. Н. Шульц.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.).— История и археология древнего Крыма. К., 1957, стр. 61—93.
[83] *И. И. Козыренко.* Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея.— МАСП, вып. I. Одесса, 1957, стр. 91—96.
[84] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, рис. 1—3, 6.
[85] *И. И. Козыренко.* Указ. соч., стр. 92; см. также стр. 95, табл. 1, рис. 2 и стр. 96, табл. 2, рис. 2—3.
[86] *Там же,* стр. 93; см. также стр. 95, табл. 1, рис. 4 и стр. 96, табл. 2, рис. 5—6.
[87] *Н. П. Розанова.* Указ. соч., стр. 198—202, 207 и табл. I, рис. 5—6, табл. II, рис. 1—5.
[88] *Там же,* стр. 206—207.
[89] *О. Д. Дашевская.* Скифское городище Красное..., стр. 116, рис. 46, № 1.
[90] *П. Н. Шульц.* Исследования Неаполя Скифского..., стр. 87 и сл., рис. 14.
[91] *Э. И. Соломоник.* О двух загадочных знаках..., стр. 50—54.
[92] *Э. И. Соломоник.* О таврении скота..., стр. 210—218.
[93] *Е. І. Соломонік.* Деякі пам'ятки..., стр. 102—105, 109—110.
[94] *Там же,* стр. 105—110.
[95] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
[96] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 254—258; *Г. Ф. Турчанинов.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 252—254.
[97] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 158—168.
[98] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 4.
[99] *Там же,* стр. 5.
[100] *Там же,* стр. 9—16.
[101] *Там же,* стр. 16.
[102] *Там же.*
[103] *Там же,* стр. 16—19.
[104] *Там же,* стр. 19—21.
[105] *Там же,* стр. 17.
[106] *Там же,* стр. 18.
[107] *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961, стр. 225—231.
[108] *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 178—185.
[109] *Э. И. Соломоник.* (Рецензия) H. Humbach. Die sogenannte sarmatische Schrift.— СА, № 3. М., 1965, стр. 299—301.
[110] *H. Humbach.* Die Kaniška—Inschrift von Surkh-Kotal. Wiesbaden, 1960, стр. 12.
[111] *Э. И. Соломоник.* (Рецензия) H. Humbach. Die sogenannte..., стр. 300—301.
[112] *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 182—183.
[113] *Там же,* стр. 183.
[114] *Там же,* стр. 183—184.
[115] *Там же,* стр. 184—185.
[116] *И. В. Яценко.* Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском.— СА, № 4. М., 1960, стр. 110, рис. 14; стр. 111.
[117] *О. Д. Дашевская.* Граффити на стенах здания в Неаполе скифском.— СА, № 1. М., 1962, стр. 173—194.
[118] *А. П. Смирнов.* Работа секторов Института археологии в 1959—1960 годах. Сектор скифо-сарматской археологии.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962, стр. 121.
[119] *О. А. Махнева.* Неаполь скифский. Симферополь, 1968, стр. 23—25.
[120] *Д. Б. Шелов.* Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг.— КСИА АН СССР, вып. 83. М., 1961, стр. 132 (см. также отчет Д. Б. Шелова о раскопках в 1957 г. Научный архив ИА АН СССР, фонд I, д. 1496, л. 35); *его же.* Некрополь Танаиса.— МИА, № 98. М., 1961, стр. 36, табл. XL, *2; его же.* Эллин-

ские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных.— Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961, рис. 9.

121 *Л. И. Чуистова.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— АИБ, т. II. Симферополь, 1962, стр. 53—54, № 20; стр. 57, 148, № 22; стр. 181, табл. 18, *119.*

122 *И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962, стр. 97—100.

123 *А. Н. Щеглов.* Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА АН СССР, вып. 103. М., 1965, стр. 146, 147, рис. 51.

124 *Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника.—СА, № 3. М., 1965, стр. 233—237; *П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 196—201; см. также сообщение В. Н. Корпусовой о находке новой плиты с сарматскими знаками у с. Фронтовое (Керченский полуостров); *В. Н. Корпусова.* Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтовое.— Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг., вып. I. К., 1967, стр. 41.

125 *А. А. Нудельман, Э. А. Рикман.* Новые находки памятников первых веков нашей эры в Молдавии.— АЭИМ. Кишинев, 1968, стр. 176, рис. 3; стр. 177.

126 *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму.— КСИА АН СССР, вып. 112. М., 1967, стр. 136—138, рис. 49, *6—8.*

127 *В. П. Петров.* Слов'янська писемність за археологічними пам'ятками.— Питання походження і розвитку слов'янської писемності. К., 1963, стр. 28.

128 *Н. В. Энговатов.* Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм.— СА, № 4. М., 1964, стр. 215, рис. 1, *8;* стр. 216, см. также: *К. В. Каспарова.* Могильник и поселение Зарубинецкой культуры у д. Отвержичи.— КСИА АН СССР, вып. 112. М., 1967, стр. 118—125.

129 *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Труды ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963, стр. 91—93, рис. 41, *1, 7—10;* см. также стр. 72, № 40, рис. 27; *его же.* Тайны минувших времен. М., 1966, стр. 95, рис. 7.

130 *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 143—145, 180, 189—190, 192—193, 198, рис. 66; стр. 200, 217; см. также: *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— СА, № 4. М., 1964, стр. 32.

131 *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг.— НС, вып. I. К., 1963, стр. 12—14, рис. 1; см. также: *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах властителей Босфора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1911, табл. I, *16; Х. Х. Гиль.* Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, т. V. СПб., 1892, табл. VI, *65.*

132 *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Указ. соч., стр. 12—14, рис. 1.

133 *Там же,* стр. 13, примечание 33.

134 *К. Ф. Смирнов.* Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964.

135 *И. В. Синицын.* Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Волгоградской экспедиции в 1954 г.— Научный архив ИА АН СССР, ф. I, д. 962, л. 44, рис. 78; *В. П. Шилов.* Раскопки Калиновского курганного могильника.— КСИИМК, вып. 59. М., 1955, стр. 125, рис. 51, *13;* см. также отчет В. П. Шилова в архиве ИА АН СССР, д. 1300 и др.

136 *К. Ф. Смирнов.* Указ. соч., стр. 64, 78, 89, 146, 171, 341, рис. 47, *1;* см. также стр. 72, 140, 345, рис. 51, *1б.*

137 *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка.— Культура античного мира. М., 1966, стр. 268—277; *его же.* Исследования Танаиса.— Археологические открытия 1965 года. М., 1966, стр. 121; *его же.* Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 96—97. В этой же работе см. также о знаках боспорских царей Ининфимея и Тиберия Эвпатора (стр. 94—96), о сарматском знаке на свинцовой гире (стр. 103—104) и тамгообразном орнаменте на сарматском зеркале римского времени (стр. 133); *его же.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 261.

138 *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 270.

139 *Там же,* стр. 272.

140 *Там же,* стр. 270, примечание 18.

141 *Там же,* стр. 271, рис. 2, 4.

142 *Там же,* стр. 270, примечание 17.

143 *Там же,* стр. 271.

144 *Там же,* стр. 272.

145 *Г. Ф. Турчанинов.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

146 *Там же,* стр. 11—42.

147 *Там же,* стр. 43—65.

148 *Там же,* стр. 66—99.

149 *Там же,* стр. 2.

150 *Там же,* стр. 41, табл. VII, рис. 2—3.

151 *Там же,* стр. 48—49, табл. XIV, рис. 1—2.

152 *Там же,* стр. 65, табл. XXIX, рис. 1—2.

153 *Там же,* стр. 65.

154 *П. О. Карышковский.* Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья.— Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 15—16.

155 *Там же,* стр. 15.

156 *Там же,* стр. 15—16.

157 *Там же,* стр. 16.

158 *П. Н. Шульц.* Надгробный рельеф сарматского круга.— Культура античного мира. М., 1966, стр. 284—285; *Е. В. Веймарн, Т. Н. Высотская.* В эпоху великого переселения.— Дорогой тысячелетий. Симферополь, 1966, стр. 12; *И. Т. Кругликова.* Культура Боспора в позднеантичный период.— Античное общество. М., 1967, стр. 153—154; *В. Бешевлиев.* Иранski елементи у първобългарите.— Античное общество. М., 1967, стр. 246—247; *Ernö Tárkány Szücs.* Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— AE. t. XVII, Fasciculi 3—4. Budapest, 1968, стр. 225—264; см. также: *В. С. Драчук.* (Рецензия) Ernö Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— СЭ, № 5. М., 1970, стр. 164—166; «Дорогой тысячелетий». Симферополь, 1969, стр. 114, 116—117, 128—129; *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 141; *Э. И. Соломоник.* О клеймлении скота и рабов в древности.— GuRiGRA, 2. Berlin, 1969, стр. 221; *T. Sulimirski.* The Sarmatians. London, 1970; *Ф. Степанов.* Тавріка в символах.— НТЕ, № 6. К., 1971, стр. 98; *Н. И. Сокольский.* Судьба Хрисалиска (К истории Боспора I в. до н. э.).— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, стр. 48; *И. Д. Марченко.* Город Пантикапей.— Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1974, стр. 77.

159 *П. Н. Шульц.* Надгробный рельеф..., стр. 284—285.

160 *И. Т. Кругликова.* Культура Боспора..., стр. 153.

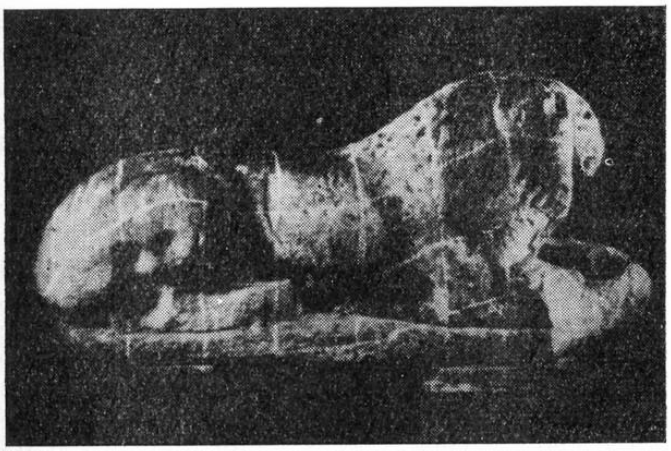
161 *В. Бешевлиев.* Указ. соч., стр. 246—247.

162 *Ernö Tárkány Szücs.* Указ. соч., стр. 259.

163 *В. С. Драчук.* (Рецензия) Ernö Tárkany Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken..., стр. 166; о знаковых системах в археологии см.: *В. Б. Ковалевская.* О некоторых знаковых системах в археологии.— УЗ ТГУ, вып. 236. Тарту, 1969, стр. 425—432.

ЧАСТЬ II

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

САРМАТСКИЕ ЗНАКИ

Еще в прошлом веке ученые разных стран активно включились в изучение тамгообразных знаков самых различных форм и начертаний (табл. III—XII, XVI), получивших широкое распространение в Причерноморье вместе с приходом сарматов и связываемых многими известными специалистами с сармато-аланскими племенами [1].

Интерес к этим памятникам по мере накопления материала увеличивался. Многие специалисты в области нумизматики, сфрагистики, геральдики, генеалогии, палеографии, эпиграфики, лингвистики, истории, археологии, этнографии, искусствоведения и представители других специальностей пытались проникнуть в тайны непонятных изображений (табл. III—XII, XVI), встречающихся на самых различных по характеру и назначению памятниках: мраморных плитах общегосударственного или общественного значения и детских игрушках, ювелирных изделиях и глиняных грузилах, монетах и свинцовых гирях, украшениях конской сбруи и глиняных сосудах, надгробных памятниках и бронзовых котлах, стенах склепов или пещер и фресковой росписи, выполненной греческими мастерами и т. п.

Но греческие и римские авторы, повествовавшие об исторических событиях, либо обошли знаки (табл. III—XII, XVI) молчанием, ли-

бо же описания этих авторов не дошли до наших дней.

В результате создалось положение, когда поиски решений привели к тому, что исследователи называли эти знаки то тамгами тюркских и монгольских племен [2], то упрощенным идеографическим письмом [3], то знаками магического характера [4], то символами буддийской религии [5], то руническим письмом (связывая появление знаков с готами в Причерноморье) [6]. Одни ученые считали возможным связывать знаки с сарматским письмом [7], другие — видели в них прародичей глаголицы славян [8]; были также специалисты, которые рассматривали их как конечный результат развития скифских знаков, тамг местных жителей Причерноморья [9], или как греческие монограммы [10], или же объединяли их в неразрывное целое с раннеболгарскими знаками [11] и т. п.

Эти и подобные им взаимоисключающие точки зрения на вопросы происхождения «загадочных знаков» (табл. III—XII, XVI), их смысл и назначение — т. е. вопросы, имеющие большое значение для изучения экономической и культурной истории самой северной окраины античного мира (Северного Причерноморья) в римскую эпоху, не подтвердились нашими исследованиями.

Разногласия относительно принадлежности сарматам большинства подобных изображений первых веков нашей эры представляются нам бесплодными, во-первых, потому, что если даже некоторые знаки были заимствованы сарматами у соседних народов, то установить у кого именно и какие знаки вряд ли удастся по причинам, о которых мы скажем ниже, когда будет идти речь о заимствованиях и формах знаков. Во-вторых, если знаки и были заимствованы, то в сарматской среде они приобрели новое значение, аналогичное подобным им сарматским знакам, иначе говоря, они стали сарматскими. К числу знаков местного происхождения, не принадлежавших сарматам, относятся, по нашему мнению, лишь сложные царские знаки Боспора Киммерийского (см. табл. XII).

Что касается древнетюркских элементов, упомянутых в работе Б. Наделя, то среди достоверно датированных памятников времени бытования сарматских знаков (табл. III—XI) мы не имеем на сегодняшний день ни одного памятника со знаками, который мог бы быть связан с древнетюркскими племенами. Тюркские тамги появляются в Северном Причерноморье в значительно позднее время (см. табл. XXV).

Особое внимание было уделено вопросам происхождения причерноморских родовых знаков первых веков нашей эры, а также вопросам их «расшифровки». При их изучении мы сочли необходимым обратиться прежде всего к этнографическим параллелям, свидетельствующим о том, что некоторые народы иногда заимствуют отдельные изображения у своих соседей, но при этом избираются, как правило, не изображения каких-либо предметов, а письменные знаки (то, чего нет у заимствующих). Так, например, современные бедуины используют остатки протоарабского самудского письма [12]; в качестве некоторых дворовых марок-тамг средневековой Европы применялись буквы рунического алфавита [13]. Хакасы для знаков собственности использовали русский алфавит [14].

Обычный же путь, по которому идет развитие родовых знаков, не является путем заимствования знаков у соседних народов. Напротив, в том и заключается смысл тамги (сначала родовой, затем семейной и, наконец, личной), что эта тамга выделяла один род, семью, лицо среди соседних родов, семейств, лиц, в связи с чем была хорошо известна соседним родам и семьям и использовалась во всех случаях жизни с самыми разнообразными целями.

Кроме того, исходный знак — знак родовой собственности — был, за редким исключением, первоначально изображением тотема-прародителя. Потому среди племен, сохранивших до наших дней родовой строй и не подвергшихся сильному влиянию народов, стоящих на гораздо высших ступенях культурного развития, хорошо прослеживается путь развития тамги из родового знака. Возьмем, к примеру, обских угров [15]. Ляпинский вогул Петр Кукин принадлежал к роду «филин». Поскольку род «филин», видимо, в свое время отделился от основного рода, общеродовой тамгой было не само схематическое изображение птицы [16], а только часть ее — лапа. Выделившись из рода, Петр Кукин оставил по традиции своей тамгой лапу филина (см. табл. XXVII, рис. 3, *1*). Возможно, это было результатом того, что отец Кукина, сирота, считался воспитанником рода. Его младший брат прибавил к тамге отросток (см. табл. XXVII, рис. 3, *2*) вверху. У сына Петра отросток появляется (см. табл. XXVII, рис. 3, *3*) в середине тамги. А в другой линии Кукиных третий отросток лапы вообще исчезает и, хотя они еще осознают свою принадлежность к роду «филин», новая тамга, в силу своего внешнего сходства (см. табл. XXVII, рис. 3, *4*), называется уже другим словом, в основе которого — название знака, близкого по форме к изображению стрелы [17].

Приведенный пример является классическим образцом «порчи» родового знака с развитием общественных отношений и появления схематических форм (то есть тех форм, которые в наибольшем количестве дошли до нас с раз-

ных территорий, причем одинаковых у разных народов не в силу заимствований, а в силу простоты начертаний, табл. XX), исчезновения тотемного названия и возникновения названия, взятого из жизни. Очень жаль, что продемонстрированный здесь пример развития родовых знаков, блестяще исследованный в свое время на колоссальном этнографическом материале П. С. Ефименко [18], почти не принимается теперь во внимание исследователями. П. С. Ефименко отмечал, что многообразие знаков, появляющихся в период разложения рода и выделения общин, семей, именно тем и объясняется, что набравшись смелости назвать свой знак не знаком бывшего тотема-прародителя, человек вскоре берет своим знаком изображение одного из предметов быта, с которыми он тесно связан и от которых в значительной степени зависит его благополучие. Предметы быта, окружающие людей, в основном одинаковы, особенно у народов с одинаковыми формами хозяйства, чем и объясняется распространение сходных форм знаков на широкой территории, особенно у родственных племен, стоявших на одинаковой ступени развития. Именно на этой основе, а не на заимствованиях базируется сходство тамг различных племен и народов (см. табл. XX, XXII—XXIV). Так, например, родовые знаки у якутов, хакасов, телеутов, тувинцев, сибирских татар, бурятов и др. насчитывают не очень много форм (всего несколько десятков). Причем, почти постоянно встречаются изображения родового знака в виде оленя, стрелы, молота, весла, окна, двери, человека, птицы, дерева, солнца, луны и пр. Все они возникли независимо друг от друга, без заимствований и во многих случаях имеют название, указывающее на их происхождение [19].

Если к сказанному добавить, что такие же тамги имеют почти все остальные жители Сибири, то становится ясным, что на основании только внешнего сходства изображений выводить заимствования их одним или другим народом совершенно невозможно.

Попытки объяснить некоторые моменты в формировании сарматских знаков (табл. III—XI) заимствованием сарматами некоторых знаков из районов Сибири, Алтая и Средней Азии [20], как мы считаем, тоже не совсем удачны. Во-первых, в силу сказанного выше о сходных формах знаков и, во-вторых, приводимые прототипы не являются более ранними, чем сарматские знаки (табл. III—XI). Наоборот, они либо одновременные, либо более поздние.

Более того, мы полагаем, что даже наличие очень древних образцов, подобных сарматским знакам, дает мало реального для положительного решения вопроса о древности форм сарматских знаков (табл. III—XI). Так, например, мотив гаммированных знаков в древних культурах Египта, Ассирии, Вавилона, Индии вряд ли может свидетельствовать и о древних корнях сарматских гаммированных знаков (табл. VIII, *552—561*). Многие примеры этнографии убедительно свидетельствуют о том, что не все гаммированные знаки — одно и то же. Например, гаммоподобная тамга тувинцев обозначала свинец [21], у алтайцев — солнце [22]. Аналогично у калмыков тамговое гаммоподобное изображение «джунгуру» обозначало перекрестину кибиточных шестов [23], а гаммированный знак из трех завитков был компонентом другой тамги — «тунмыль», взятым из религиозных предметов домашнего обихода [24]. Возникли они и у тех, и у других самостоятельно, причем в разное время.

Что же представляют собой формы остальных знаков Причерноморья, встречающиеся очень широко в виде разнообразных сочетаний рисунков и знаков, начертаний чисто геометрических или близких к некоторым буквам греческого алфавита (табл. III—XII, XIV)? Этот сложный вопрос невозможно решить из-за отсутствия письменных источников и существования одинаковых форм (различных, однако, по содержанию), что не позволяет пользоваться аналогиями. Тем более, что период I—III вв. н. э., из которого дошло большинство сарматских знаков (табл. III—XI) Причерноморья был периодом разложения родового строя, появления и существования наряду с родовыми огромного количества семейных и личных тамг. А отсюда, как отмечал П. С. Ефименко в своем исследовании «Юридические знаки» [25], массовое появление новых тамг, формы которых брались человеком из окружающей обстановки и быта, причем взятая форма все время менялась в связи с переходом по наследству.

«Расшифровывая» сарматские знаки (табл. III—XI) только на основании сходства форм, можно присоединиться к мнению И. И. Мещанинова (рассматривавшего положение В. Н. Юргевича о кавказском происхождении сарматских знаков): «Представим себе, что исследователь причерноморских «загадочных знаков» (табл. III—XII, XVI.— *В. Д.*) подошел бы к ним не через сличение с кабардинскими тамгами (табл. XXII.— *В. Д.*), как это сделали В. Н. Юргевич, а за ним и все остальные, а типологическим сличением с только что упомянутыми «цыганскими письменами» (см. рис. 13 на стр. 37 указ. соч. И. И. Мещанинова.— *В. Д.*). Он пришел бы, идя тем же формальным методом, к совершенно другим выводам, признав в знаках на ольвийских львах (табл. XLI—LI.— *В. Д.*) воровское письмо. От подобных выводов исследователь оказался спасен-

ным только тем, что последнее не попалось ему на глаза. Пример достаточно яркий и мало утешительный для односторонней формальной типологии, кидающей научного работника во власть простой случайности» [26].

Действительно, если мы обратимся не к пряслицам из Трои, а, скажем, к тамгам и пиктограммам тюркских народов, в частности, якутов, то знак в виде волнистой линии (казалось бы, типичная змея, как и предполагалось [27]; табл. VI, *404—405*) обозначает аршин ткани [28]. Так же обозначали цепь гор и змею. Это вовсе не результат заимствования, а схематическое воспроизведение чем-то подобных предметов — такой же формой в искусственном бамумском письме изображается нитка [29] (или вода у других племен [30]); горы — в древнешумерских идеограммах [31], тамга «дегре» — у калмыков, являющаяся исходной приведенной выше тамги «тунмыль» [32].

То же относится и к формам сарматских знаков, в которых можно видеть якобы стилизованные изображения головы рогатого животного [33] (табл. XXVII, рис. 3, *5*). Такая форма обозначала дорогу у кунов — американских индейцев [34], сердце — в китайских пиктограммах [35], подкову — у калмыков [36] и бурятов [37], сову, быка, лису, цветок — у кабардинцев [38] и т. п.

Если идти и дальше таким путем, то к любому сарматскому знаку (табл. III—XI) можно найти «расшифровывающие» аналогии, взятые из этнографических тамговых или пиктографических знаков. Приведенных примеров достаточно, чтобы понять полную беспочвенность каких-либо попыток расшифровки. Тем более, что у одних и тех же народов одинаковые пиктограммы или знаки * обозначают иногда разные вещи. Так, например, тюрко-язычные народы Сибири знаком в виде круга с вписанным крестом (табл. XXVII, рис. 3, *6*) обозначали тамгу «бубен» [39] и солнце [40], знаками квадратной и прямоугольной формы (табл. XXVII, рис. 3, *7, 8*) — дверь [41], кирпич и окно [42], лунарным знаком (табл. XXVII, рис. 3, *9*) — луну и подкову [43] и т. д. Однотипные вещи изображались условно аналогично и их смысл в таком случае зависел от того, где и с какой конкретной целью ставилась та или иная пиктограмма-знак.

Нам представляется, что это положение применимо не только к тем знакам, к которым еще не подысканы аналогии, а ко всем тамгообразным изображениям Причерноморья (табл. III—XII, XVI).

Придавая большое значение выводу о толковании знаков на изображениях домашних животных как знаков собственности, к которому, о чем уже писалось, пришли параллельно и Г. Енихен, и Э. И. Соломоник, мы считаем, что знаки наносили и с другими целями [45]. Так, например, народы самоедской группы-нганасаны,— помимо обычного клеймения тамгами собственности, ставили на лопатках оленей и знаки другого хозяина — хозяина-духа животных [46], которые мало чем отличались от изображений знаков собственности. Кстати, на одном из трех известных нам сарматских памятников также изображены две тамги, причем разные [47].

Однако следует отметить, что хотя примеры этнографии и свидетельствуют о применении знаков с определенной магической целью (как, например, указанный выше случай с клеймением оленей тамгой хозяина-духа животных), достоверные этнографические данные больше всего говорят об использовании знаков с разнообразными, чисто практическими намерениями: для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (в подобном случае знаки высекали либо на специальных предметах вместе, как, например, «жезл старшины» деревни [48], либо на воротах и стенах городищ [49]); для обозначения пастбищ и водопоев (знаки в таких случаях высекались на скалах, больших камнях, на заметных предметах вблизи источников воды [50]); для обозначения домашних животных и всех предметов домашнего хозяйства владельца тамги (ложки, стаканы, весла, лодки, вилы, одежда, бочки, сети и т. п.[51]); для обозначения чужих предметов разного рода, найденных без клейма или еще никому не принадлежавших ранее и впервые объявляемых собственностью [52] и т. п. Все это подтверждается примерами не только из жизни сирийских кочевников и кабардинцев, русских крестьян и инородцев Севера, но и различных народов всех материков: индейцев Америки, австралийцев, негров Африки, тюрков Азии, жителей Новой Зеландии и др. [53]

Поэтому мы не видим оснований [54] предполагать культовый характер таких памятников, как камень из Кривого Рога [55], плита из Керчи [56] (с изображением двух лошадей), и им подобных. Считаем, что о культовом значении не могут свидетельствовать такие факторы, как сочетание знаков с рисунками [57] и повторение на одной плите знаков одинаковой формы [58].

Не говорит ли скорее факт сочетания сарматских знаков с примитивными рисунками животных или каких-то других предметов из жизни сарматского общества (понять реальный смысл которых труднее из-за большой схематичности) о том, что последние тоже являются тамговыми знаками. Ведь существование чис-

---

* Любой тамговый знак, как правильно отмечает Ч. Лоукотка, своего рода пиктограмма [44].

то графических изображений тамг характерно уже для развитого общества с классовой дифференциацией, с центральной властью и т. п. Если же взять, например, родовые знаки не «Рюриковичей» (табл. XXI), не кавказские (табл. XXII—XXIII), не тюрко-монгольские (табл. XXIV—XXV), не сасанидские (табл. XXVI), хорезмские (табл. XXVII, рис. 1, *1—20*), кушанские (табл. XXVII, рис. 2, *1—33*) и др., а тамги обществ, стоявших на более низких ступенях развития, где родовой строй либо еще не разложился, либо находился в процессе разложения, то увидим существование, наряду с чисто графическими тамгами (такими же, как у сарматов), тамг-рисунков реальных объектов окружающего мира (пиктограммы в полном смысле слова), указывающих на процесс исчезновения тамги-рисунка и появления тамги-знака. Так, индейцы Америки помимо графических тамг (табл. XXVII, рис. 3, *17—21*), близких по изображению среднеазиатским и боспорским тамгам, употребляли и тамги-рисунки, сохранившие названия: медведь, акула, зимородок, черепаха, журавль [59]. То же можно проследить и в системе родовых знаков обских угров [60], юкагиров [61], тюркоязычных народов Сибири [62], туземцев Австралии, негров Африки и др.[63]

Сарматские знаки (табл. III—XI) дошли до нас с того времени, когда тотем-животное отступает на задний план, а на первое место ставятся предметы кочевого быта; теряются тотемные названия родов и родовые знаки, изображающие тотема; появляется множество знаков-схем, взятых из кочевого быта [64]. Лишь как отзвуки прошлого существуют тамги-изображения тех животных, которые продолжают играть большую роль (главным образом, лошадей) у кочевников.

Что касается двух сходных форм знаков на одной стороне плиты или другого предмета, вызывающих недоумение исследователей, то подобное явление вовсе не свидетельствует о принадлежности обеих тамг одному и тому же лицу [65]. Дело в том, что у всех народов круг форм как отражение предметов окружающей действительности был резко очерчен не очень большим многообразием (о чем говорилось выше), а тамга, даже будучи нарисована в одинаковой форме, но под другим углом или с небольшим отклонением той или иной линии, уже принадлежала другому роду или лицу. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы по Сибири [66], кабардинские тамги (табл. XXII) или тамги калмыков [67], где одна и та же тамга типа рукописной буквы «Г» в вертикальном изображении была родовым знаком рода «хурулов» и в горизонтальном — рода «родов». Памятники с большим количеством различных знаков (табл. XXXII—LI), нанесенных в разное время, говорят о том, что они находились в таком месте, куда по какой-то причине приходило много людей, владеющих нанесенными на такие памятники тамгами (как, например, на скале у скотопрогонной тропы, о чем указывал В. П. Пожидаев [68]).

Мы считаем, что знаки с относительно упорядоченным расположением [69] вряд ли раскрывают возможные пути развития сарматских знаков [70]. Скорее всего, они освещают сферы применения тамговых знаков в повседневной жизни, так как вряд ли знаки с якобы упрощенной формой и упорядоченным расположением [71] могут косвенно свидетельствовать о тенденции развития их в стройную систему письма [72]. Упрощенность форм говорит только о позднем времени их возникновения.

Что касается памятников с несколькими знаками, нанесенными в строку одним резцом [73], то наиболее вероятным представляется определить их смысл по аналогии с упомянутым выше «жезлом старшины», на котором аккуратно были вырезаны тамги жителей данного селения [74], со строкой знаков на скале в районе Мерва, изображающей тамги племен с одинаковым количеством собираемой дани, со строкой знаков в Босре на так называемых «ветряных воротах» («Баб-Эль-Хава»), представляющей собой своеобразное собрание тамг племен тех, кто имел право жить в городе, со знаками на надгробной плите, найденной на горе Монтин в 6 *км* от Дамаска, где были нанесены знаки двух народностей, юноши которых, бывшие друзья, тяжело ранили друг друга во время ссоры и перед смертью пожелали быть погребенными вместе [75] и т. п.

Вообще говорить о применении сарматских знаков (табл. III—XI) в значении письменности * можно лишь в смысле, что все они, представляя собой определенную пиктограмму [76], наносились, конечно, с той целью, с какой развитое общество употребляло слова, написанные буквами алфавита. Изучая знаки на стенах пещер, мы пришли к выводу, что их конкретная роль находилась в прямой зависимости от того, с какой практической целью использовали пещеру. Так, знаки на стенах пещеры, приспособленной под жилье, наверняка высекали с той же целью, с какой наносили их на стены жилищ многие народы, например кабардинцы, ставившие знаки на дверях гостиной [77]. Они означали тамги лиц, которым принадлежала пещера. Причем близкие по форме тамги, встречающиеся в таких случаях, свидетельствуют о заселении пещеры на протяжении более или менее длительного времени предста-

---

* Как предполагали многие исследователи тамгообразных знаков Северного Причерноморья.

вителями одной семьи или рода. Если же население использовало пещеру с культовой целью, то и знаки, безусловно, исполняли определенную культовую роль.

Нельзя согласиться с исследователями, которые считают, что знаки имеют одновременно много значений, то есть являются культово-магическими символами, знаками собственности, родовыми тамгами и т. п. Основываясь на многочисленных примерах этнографии, мы считаем, что все они были только родовыми и именными тамгами [78]. Какую же конкретную роль они исполняли (знаков собственности или культово-магическую и т. п.), зависело от того, с какой целью и на каком памятнике их ставили. Кроме того, то, что иногда тамговые знаки наносили на какой-нибудь предмет механически, без всяких преднамеренных целей, к сожалению, исследователи часто не принимают во внимание.

К определенным выводам привело нас и изучение сарматских знаков на различных ремесленных изделиях. Так, на поясных пряжках первых веков нашей эры, кроме сложных царских знаков Боспора (табл. XV, рис. 3, *2, 4—6*), были встречены и другие (табл. XV, рис. 3, *1, 3*), типично сарматских форм, иногда нанесенные вместе с царскими на одной и той же пряжке [79]. Это дает основание сделать вывод, что знаки на пряжках (табл. XV, рис. 3, *1, 3*), отличающиеся по своему изображению от сложных знаков боспорских царей (табл. XII; XV, рис. 3, *2, 4—6*), являются либо знаками царей II — начала IV в. н. э.— выходцев из сармато-аланской среды, либо говорят о существовании помимо царских мастерских сармато-аланской аристократии.

Сказанное подтверждается и тем, что кроме пряжек имеются и другие изделия (в том числе золотые), помеченные знаками, характерными для сарматов [80].

Кроме того, существование большого количества зеркал с одинаковыми изображениями (табл. XVI—XVII) указывает, вероятнее всего, на существование специализированных мастеров или мастерских, работавших на широкий рынок, что признается исследователями относительно мастерских по изготовлению поясных наборов.

Особый интерес среди «загадочных знаков» представляют знаки, встреченные на монетах царей Аспурга, Инисмея (Иненсимея) (табл. XI, *864*), Фофорса (табл. XI, *855—858*), Фарзоя и Саулака (или Савмака, как считают некоторые исследователи). Однако, если ни у кого из специалистов сейчас не вызывает сомнения тот факт, что знаки на монетах варварского царя Инисмея (конец I — начало II в. н. э.), боспорских царей Аспурга (10/11—37/38 гг. н. э.) и Фофорса (конец III — начало IV в. н. э.) были именными знаками сарматского происхождения, то со знаками скифского царя Фарзоя (конец I в. до н. э. — I в. н. э.) и колхидского царя Саулака (II в. до н. э.; в трактовке некоторых нумизматов — скифского царя II в. до н. э. Савмака) дело обстоит иначе. Мы согласны с исследовательницей монет Н. П. Розановой, что на монетах Фарзоя нанесено изображение кадуцея, а не знака [81]. В этом легко убедиться, сравнив изображение на монете Фарзоя [82] с аналогичными изображениями кадуцея на одной из ольвийских монет [83] и клеймо из Танаиса [84]. А. Н. Зограф подтверждает сходство изображений и стиля обратной стороны упомянутой ольвийской монеты и монеты Фарзоя [85]. На монете II в. до н. э., принадлежность которой царю колхов или царю скифов издавна была предметом спора в нумизматической литературе [86], знак, как полагает Г. Ф. Турчанинов, является лигатурой на колхском (древнеабхазском) языке, состоящей из двух букв и одной цифры, принадлежавшей колхидскому царю второй половины II в. до н. э. Саулаку [87]. Однако вывод Г. Ф. Турчанинова о знаке как лигатуре маловероятен. Как справедливо отмечает Д. Б. Шелов, в лигатуре никогда не бывают слиты буквы и цифры, она не может обозначать номинал монеты, да и обозначение номинала в этот период обычно на монетах не ставится. Нельзя считать рассматриваемый знак и обычной тамгой [88].

Также нет оснований относить знак на монете этого царя к сарматским знакам. Сарматские тамги в Причерноморье в это время еще не употреблялись. К тому же сохранность памятника вообще не позволяет составить о нем вполне объективное мнение [89].

[1] *В. Н. Юргевич.* Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 504—505; *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. Текст, т. I. СПб., 1914, стр. 298—299; *M. Rostovtzeff.* Iranians and Greeks in Southe Russia. Oxford, 1922, стр. 167; *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 154; *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком, из района Кубанских плавень.— ЗСКҚОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 15—16, 19; *N. N. Moroşan.* Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia. Chişinău, 1938, стр. 11; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 325, 427—430; *его же.* К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА, № 25. М.—Л., 1952, стр. 410; *М. І. Вязьмітіна.* Вивчення сарматів на території Української РСР.— Археологія, т. VIII. К., 1953, стр. 58; *G. László.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, s. n., XXXIV. Budapest, 1955, стр. 166, 170; *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, стр. 13—20; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 154, 160; *Е. І. Соломо-*

нік. Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками.— Археологія, т. X. К., 1957, стр. 102—103, 109; *ее же.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, стр. 17; *И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962, стр. 97, 99—100; *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 158—168; *Г. Ф. Турчанинов.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 252—254; *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 183; *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 143—145, 189, 193, 200; *Э. И. Соломоник.* (Рецензия) H. Humbach. Die sogenannte sarmatische Schrift.— СА, № 3. М., 1965, стр. 299; *И. Т. Кругликова.* Культура Боспора в позднеантичный период.— Античное общество. М., 1967, стр. 153—154; *В. Бешевлиев.* Иранси елементы у първобългарите.— Античное общество. М., 1967; *T. Sulimirski.* The Sarmatians. London, 1970; *Г. Ф. Турчанинов.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, стр. 65; *П. О. Карышковский.* Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья.— Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 15—16.

[2] *А. И. Савельев.* Два лапидарных памятника.— Древняя и новая Россия, № 4. СПб., 1875, стр. 375.

[3] *А. С. Лаппо-Данилевский.* Скифские древности. СПб., 1887, стр. 169—170.

[4] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись..., стр. 298.

[5] *H. Rupp.* Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinland.— RFzV, Bd. II. Bonn, 1937, стр. 29.

[6] *П. О. Бурачков.* О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России.— ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875, стр. 194; *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, 41 и др.; *K. Schuchhardt.* Vorgeschichte von Deutschland. München und Berlin, 1928, стр. 275—276.

[7] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 430; *его же.* К вопросу о ткацком ремесле..., стр. 410; *М. І. Вязьмітіна.* Указ. соч., стр. 58; *И. Т. Кругликова.* Культура Боспора..., стр. 153.

[8] *Н. А. Константинов.* Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья. (К вопросу о происхождении славянского письма).— Крым, № 7. Симферополь, 1951, стр. 246—277; *его же.* Черноморские загадочные знаки и глаголица.— УЗ ЛГУ, № 197, серия филологических наук, вып. 23. Л., 1957, стр. 117.

[9] *G. László.* Указ. соч., стр. 166—168.

[10] *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961, стр. 225—230; см. также: *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 183.

[11] *В. Бешевлиев.* Указ. соч., стр. 154.

[12] *Ч. Лоукотка.* Развитие письма. М., 1950, стр. 90.

[13] *G. Homeyer.* Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870, стр. 141.

[14] *С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— Труды ИЭ, новая серия, т. XXII. М.—Л., 1954, стр. 590.

[15] *В. Н. Чернецов.* К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 159—183.

[16] *Там же,* стр. 167, табл. 2, *1—5.*

[17] *Там же,* стр. 169, табл. 4, *3—5.*

[18] *П. С. Ефименко.* Юридические знаки.— ЖМНП, ч. CLXXV. СПб., 1874, стр. 53—83; ч. CLXXVI. СПб., 1874, стр. 145—170; ч. CLXXVI, стр. 271—293.

[19] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 533—735; рис. см. на стр. 567—568, 590, 684, 689, 692.

[20] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 19.

[21] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 684, рис. 131, № 11; стр. 685.

[22] *Там же,* стр. 644; рис. 86, № 11.

[23] *П. Небольсин.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, стр. 13, рис. 2; стр. 24.

[24] *Там же,* стр. 24, рис. № 1.

[25] *П. С. Ефименко.* Указ. соч., стр. 286—287.

[26] *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933, стр. 41—42; см. также стр. 44.

[27] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 21.

[28] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 568, рис. 28, № 11; стр. 569.

[29] *Ч. Лоукотка.* Указ. соч., стр. 272, табл. 56.

[30] *K. Weule.* Afrikanische Bildenschriften.— Kosmos, H. 1. Stuttgart, 1914, стр. 21.

[31] *Ч. Лоукотка.* Указ. соч., стр. 35, табл. 2.

[32] *П. Небольсин.* Указ. соч., стр. 13, 24, табл. № 3.

[33] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 21.

[34] *Ч. Лоукотка.* Указ. соч., стр. 296, табл. 59.

[35] *Там же,* стр. 248, табл. 47.

[36] *П. Небольсин.* Указ. соч., стр. 14, табл. тамг, рис. № 15.

[37] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 692, рис. 1, № 4.

[38] *В. П. Пожидаев.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— УЗ КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 256, рис. 5; стр. 257, рис. 8; стр. 258, рис. 9; стр. 260, рис. 12; стр. 262, рис. 15. и др.

[39] *С. В. Иванов.* Указ. соч. стр. 567, 568, рис. 27, № 12—15.

[40] *Там же,* стр. 604, рис. 49, № 16, 17, 27 и др.

[41] *Там же,* стр. 684—685, рис. 131, № 15.

[42] *Там же,* стр. 692, рис. 1, № 2, 3.

[43] *Там же,* стр. 692, рис. 1, № 4, 7.

[44] *Ч. Лоукотка.* Указ. соч., стр. 22.

[45] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Ernö Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— СЭ, № 5. М., 1970, стр. 165.

[46] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 81.

[47] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 79—81, № 35.

[48] *Г. К. Гейкель.* Из финляндской археологической литературы.— ИАК, вып. 38. СПб., 1911, стр. 127—128, рис. 208.

[49] *Wetzstein.* Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker.— Globus, Bd. XXXII, 16. Braunschweig, 1877, стр. 255—256.

[50] *Там же,* стр. 256.

[51] *П. С. Ефименко.* Указ. соч., ч. CLXV, стр. 58—59.

[52] *Там же,* стр. 60—61.

[53] *Там же,* ч. CLXXVI, стр. 271—280; *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 27.

[54] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 255—256.

[55] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 97—99, № 43.

[56] *Там же,* стр. 99—100, № 44.

[57] *Там же,* стр. 105, № 48; стр. 108, № 52; стр. 109—110, № 53 и др.

[58] *Там же,* стр. 29.

[59] *П. С. Ефименко.* Указ. соч., ч. CLXXVI, стр. 293, табл. тамг, № 361—365.

[60] *В. Н. Чернецов.* Указ. соч., стр. 164, табл. I; стр. 167, табл. II; стр. 168, табл. III; стр. 169, табл. IV; *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 29, рис. 7—8; стр. 30, рис. 9—10; стр. 31, рис. 11—12; стр. 32, рис. 13; стр. 33, рис. 14.

[61] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 529, рис. 87.

[62] *Там же,* стр. 567, рис. 26; стр. 568, рис. 27—28; стр. 590, рис. 40*а;* стр. 684, рис. 131; стр. 689, рис. 136; стр. 692, рис. 1.

[63] *П. С. Ефименко.* Указ. соч., ч. CLXXVI, стр. 271—287.

[64] *Там же,* ч. CLXXVI, стр. 286—287.

[65] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 256.

[66] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 26—33.
[67] *П. Небольсин.* Указ. соч., стр. 13, 34, табл. тамг, № 3.
[68] *В. П. Пожидаев.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925, стр. 21—22.
[69] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 30—34.
[70] *Там же,* стр. 30.
[71] *Там же,* стр. 113—124, № 57—62.
[72] *Там же,* стр. 33—34.
[73] *Там же,* стр. 121—122, № 60.
[74] *Г. К. Гейкель.* Указ. соч., стр. 127—128, рис. 208.
[75] *Wetzstein.* Указ. соч., рис. 2, *3, 4.*
[76] *Ч. Лоукотка.* Указ. соч., стр. 22.
[77] *В. П. Пожидаев.* Кабардино-черкесская тамга..., стр. 241—242.
[78] *В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 244.
[79] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, № 84—86; см. также: *E. H. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 318, 507; *M. M. Ebert.* Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus.— PZ, Bd. I. Südende — Berlin, 1909, стр. 71, рис. 5.
[80] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 125—129, № 63—66; стр. 130—132, № 69—70.
[81] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 256—257.
[82] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 165, № 155.
[83] *А. Н. Зограф.* Античные монеты.— МИА, № 16. М.—Л., 1951, табл. XXXIV, *10.*
[84] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 156.
[85] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 140.
[86] *К. В. Голенко.* О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, № 4. М., 1951, стр. 199—203, табл. I, *2;* см. также: *A. Sallet.* Saul... oder Saum..., ein kolchischer oder scythischer König.— ZfN, Bd. III. Berlin, 1876, стр. 58—60.
[87] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. соч., стр. 41, табл. VII, *2—3.*
[88] *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг.— НС, вып. I. К., 1963, стр. 13, примечание 33.
[89] *П. О. Карышковский.* Указ. соч., стр. 15.

ЦАРСКИЕ ЗНАКИ БОСПОРА

Много лет знаки боспорских царей привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей [1]. Уже в конце XIX — начале XX вв. из массы тамгообразных начертаний северопонтийской периферии античного мира, распространившихся на территории Боспорского царства в римскую эпоху (табл. III — XII, XVI), были выделены знаки царей Инимфимея [2] (табл. XIV, рис. 8, *1—8*) и Тиберия Эвпатора [3] (табл. XIV, рис. 5, *1—13*). В 1910 г. В. В. Шкорпил определил знак Савромата II [4] (табл. XIII, рис. 1, *19—20*). В 1935 г. Н. А. Захаров выделил знаки царицы Динамии [5] (табл. XIV, рис. 4, *1*) и царя Рескупорида II [6] (табл. XIII, рис. 1, *22—29*). В 1949 г. были изданы все основные варианты знаков на монетах Фофорса [7] (табл. XIV, рис. 9, *1—4*), Рескупорида VI [8] (табл. III, *103*), дополненные в 1956 г. Г. Енихеном [9], и знак Радамсадия [10] (табл. III, *3*). В 1957 г. Э. И. Соломоник реконструировала знак Рескупорида III [11] (табл. XIII, рис. 1, *21*; XIV, рис. 6, *1*). В 1966 г. Д. Б. Шелов выделил знак боспорского царя Реметалка [12] (табл. XIII, рис. 1, *11—13*; XIV, рис. 7, *1—4*). В 1963 г. К. В. Голенко и Д. Б. Шелов, а в 1973 г. и П. О. Карышковский определили знак Аспурга [13],— первого боспорского властителя с варварским (сарматским?) именем,— состоящий из двух сарматских знаков (табл. III, *101;* IV, *185*), соединенных по вертикальной оси в повернутом слева направо положении.

В научной литературе высказывались различные мнения по поводу семантики и происхождения царских знаков Боспора. Л. Э. Стефани рассматривал знаки на плите с надписью Евпатерия * как украшение [14]. А. Л. Бертье-Делагард объявил их подобными форме латинской рукописной буквы «эм» на монетах Маврикия и Тиберия II [15]. Бела Пошта полагал, что знаки на золотых пряжках и поясных наконечниках боспорского производства являются варварским орнаментом [16]. Для Г. Кизерицкого и К. Ватцингера царские знаки (и все другие знаки Причерноморья) были готскими фамильными марками и знаками владельцев, занесенными на территорию Боспора готами [17]. Г. Рихтер истолковала знак Тиберия Эвпатора на бронзовых пряжках как некое «ажурное украшение» [18]. Е. Мерклин считал знаки на пряжках стилизованным изображением птицы над листовидной чашей [19].

Наиболее распространенным является мнение о том, что нижняя часть сложных царских знаков Боспора (табл. XII, *894—949;* XIII, рис. 1, *4—44*) изображает одного или двух коней, а верхняя — то ли человека, то ли птицу [20]. Отмечалось, что дальнейшая разработка этой гипотезы, возможно, поможет найти прототип для этих знаков «...схематизированное изображение какой-нибудь ритуальной сцены с непременным участием коней, сцены, напоминающей известные «дако-сарматские элементы в русском народном творчестве» [21].

С. П. Толстов [22] называет династию боспорских царей Аспургианов, на основании сходства тамг, «отраслью хорезмийских Сиявушидов» [23], принадлежавшей одному ответвлению древнего рода Сиявушидов, так как задача создания варианта исходного знака [24] решена якобы одинаково. Кроме того, все сарматские знаки Причерноморья (табл. III—XI) также объявляются им зависимыми от сиявушидских тамг Хорезма, а женская фигура — имеющая «тенденцию трансформироваться в изображение дерева со слившимися с ней протомами коней, повернутых головами в стороны»,— исходной формой хорезмской тамги [25] (табл. XXVII, рис. 1, *1—20*), следовательно, и всех остальных тамг: кушанских (табл. XXVII, рис. 2, *1—33*), иранских (табл. XXVI) и т. д.

Существующее все же различие форм объясняется на основе материалов В. А. Городцова по северорусскому орнаменту [26]. У кушанов (табл. XXVII, рис. 2, *1—33*) протомы коней

---

* Один из которых был несомненно царским.

усматриваются в сохранившейся «подставке» (табл. XXVII, рис. 3, *10—11*), а дерево — в «гребенке» [27]; в Иране новая форма — якобы результат полного перехода женской фигуры и коней в дерево с корнями и иногда — сидящими на нем птицами [28] (табл. XXVII, рис. 3, *12, 13*). Это было вызвано тем, что новые композиции при ответвлении рода якобы должны были графически ассоциироваться с асимметричными рисунками тамг [29]. Из этого же текста мы узнаем, что и верхняя часть царских знаков изображает не богиню, а птицу.

Отметим, что сама сиявушидская тамга, указанная как прародительница тамг, ничего общего с изображением женщины не имеет (табл. XXVII, рис. 3, *14—16*). Считается, что «прекрасный образец этой композиции в виде миниатюрной бронзовой фигурки женщины, сидящей на соединенных протомах коней, найден в Армении (хранится в Британском музее)»; названный памятник датируется аршакидским временем и генетически возводится к неизвестным пока среднеазиатским прототипам, схематизацией которых и является якобы сиявушидская тамга [30].

Так доказывается происхождение сложных царских знаков Боспора (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*). Еще раз подчеркнем слова акад. И. И. Мещанинова о методах обоснования общности происхождения на основании сходства форм, что если следовать таким путем, то в рассматриваемый тамгово-родственный круг можно смело вводить почти аналогичные знаки индейцев племени кадувейо Американского материка [31] (табл. XXVII, рис. 3, *17—21*), хотя поверить в эту возможность не помогут, конечно, никакие ссылки.

Поэтому мы считаем приведенные выше гипотезы недостаточно убедительными. Что же касается изображений «конских головок» на концах пряжки из Чернореченского могильника [32], то это, по нашему мнению, утолщения, случайно получившиеся при изготовлении пряжки [33].

Ко всем упомянутым выше поискам аналогий можно привести более реальные примеры не только относительно совпадений по форме, но и по дошедшей до нас трактовке (изображения мужчины и женщины с поднятыми руками, сидящими на коне [34]), у народов угорской группы — хантов и манси. Мужчина, имеющий название Мир-суснэ-хум (дословно — «за людьми смотрящий человек»), изображал младшего сына Нуми Торука (то есть манси) — посредника между людьми и богами, «объезжающего каждую ночь землю на белом коне» (с просьбами к нему обращались через шаманов [35]). Женщина — жена и сестра Нуми Торука — была матерью Мир-суснэ-хума и считалась прародительницей мансийской фратрии Мощ-Махум [36]. Возможными прототипами этих изображений считают бронзовые пластинки ананьинской культуры Прикамья, изображающие женщину, сидящую на коне [37].

Смысл изображения женщины, по мнению А. В. Збруевой, в богине-покровительнице домашнего очага и богине-владычице подземного царства — богине смерти [38]. Подобное изображение — женщина-богиня подземного царства, стоящая на коне на коленях, встречается и на древневавилонских бронзовых плитах [39]. У вавилонян, как известно, существовало женское божество Иштар, или Астарта — мать богов, мать всего сущего. Поэтому в поисках происхождения по аналогии не только тамговых знаков, но и описанных выше мотивов (связывающих символы коней, богов-мужчин и женщин, копья, древа жизни, птиц как атрибутов женщины) вряд ли имеется основание возводить все к единому источнику. Скорее всего, нужно согласиться с мнением В. Д. Блаватского, что подобные мотивы возникали независимо друг от друга [40]. Эти представления дал человечеству матриархат. В появившемся позже божестве-мужчине — улавливается новая ступень развития общества — патриархат. Что касается изображений коня, то названные божества соединялись с ним там, где конь играл большую роль в жизни человека. Иногда место коня занимал медведь, волк или другой образ хищника, на котором разъезжала женщина-богиня [41].

Подводя общий итог сказанному, можно сделать вывод, что нет оснований возводить значение и смысл сложных царских знаков Боспора (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) и других к описанным мотивам. Ведь и у самих сарматов ни в более ранние времена (табл. II), ни позднее (табл. III—XI) нет ни одного подобного знака. Они встречаются только на Боспоре [42] (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*), к тому же, уже первые, самые ранние образцы царских знаков сложной формы являются эмблемой, гербом царей Боспора. Тем более, что они имеют и другую особенность: как бы эти знаки ни изменялись, нижняя часть их остается одинаковой (табл. XII), меняется же только верхняя часть (табл. XIII, рис. 1, *4—44*). Причем верхняя часть сложных царских знаков, как известно, является составным элементом многочисленных сарматских знаков (табл. XIII, рис. 3, *1—62*) и встречается на десятках различного вида памятников (нижняя же часть царских знаков на достоверно сарматских памятниках нигде не встречается).

Не свидетельствует ли это о том, что нижняя часть символизировала правящую боспорскую династию, почему и является общей на всех знаках (табл. XII), а верхняя была именным символом, меняясь с переходом по наслед-

ству (табл. XIII, рис. 1, *4—44*). И не следует ли из этого, что сложные царские знаки Боспора (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) соединили в один компонент два символа разного происхождения и принадлежности: издавна употреблявшийся символ боспорских династий — триденс (табл. XIII, рис. 1, *1, 45;* рис. 2, *1—16*) и знак сарматского населения Боспора — именную тамгу [43] (табл. XIII, рис. 3, *1—62*)? Этнографические материалы свидетельствуют о том, что появление нового тамгового знака, цель которого отобразить соединение двух разных влияний, осуществляется указанным выше путем соединения, а не отбрасыванием одного символа. Царские же знаки Боспора (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) были вызваны к жизни, по мнению большинства исследователей, необходимостью отобразить варварское, то есть сарматское, начало в истории Боспора. До этого же времени символом боспорских правящих династий был отнюдь не символ «великой богини», а триденс — символ бога Посейдона (табл. XIII, рис. 1, *1*), известный на Боспоре с того времени, когда слово «царь» стали употреблять не только по отношению к туземным племенам, но и по отношению к греческому населению, а прежний термин «архонт» был оставлен, что произошло при Спартоке III (304/03—284/83 гг. до н. э.) [44].

Почему именно триденс был взят в качестве своеобразного царского герба, объясняется легендарной генеалогией царей Боспора, якобы происходивших от Геракла и Евмолпа, сына Посейдона [45]. На ранних образцах триденс встречается в сочетании иногда с дельфином, иногда с палицей Геракла и шкурой льва. По мнению Д. Б. Шелова, триденс укоренился на Боспоре в качестве общегосударственного символа правящих царей под влиянием типологии монет Лисимаха византийской чеканки [46].

Независимо от того, какая из этих точек зрения ближе к истине, для нас важен факт, подчеркнутый Д. Б. Шеловым: главный смысл выпуска золотых спартокидовских статеров с их отличительной чертой — триденсом — подтверждение права чеканки монет, которым обладали все эллинистические династии и реализация которого была необходима боспорским правителям для утверждения своего царского достоинства [47]. С тех пор всегда, когда цари Боспора желали указать на принадлежность чего-либо правящим боспорским династиям, на их приоритет и т. п., они ставили традиционную эмблему — триденс. Так, например, сделали Митридат VIII в 39/40 г. н. э. (табл. XIII, рис. 2, *2*), объявив себя царем вопреки решению Рима [48], Реметалк (131/32—153/54 гг. н. э.; табл. XIII, рис. 2, *5*), Эвпатор (154/55—170/71 гг. н. э.; табл. XIII, рис. 2, *6*) во времена ослабления римского влияния [49] и Савромат II (173/74—210/11 гг. н. э., табл. XIII, рис. 2, *7*), уничтожив все следы зависимости от Рима и проведя монетную реформу [50], и т. д.

Колоссальные изменения внутри самого Боспорского царства, выразившиеся в это время в сарматизации культуры и быта греческого населения Боспора, в изменении этнического состава Боспорского царства (в результате наводнения его территории варварами и вследствие присоединения новых земель, населенных сарматскими племенами), в возрастающей роли варваров во внешнеполитической жизни Боспора привели, как нам кажется, к тому, что цари Боспора ввели в употребление еще одну царскую эмблему [51].

Появление новой эмблематики (табл. XII) совпало по времени с изменением официальной титулатуры царей на «Царь всего Боспора и тавроскифов...» * (вместо «Царь Боспора») [52]. Причем новые сложные знаки (табл. XIII, рис. 1, *4—44*) употреблялись только внутри страны. На предметах, имеющих международный характер, какими были монеты, те же Эвпатор, Савромат II, Рескупорид III [53] и другие цари правящей династии по-прежнему ставили триденс (табл. XIII, рис. 2, *1—16*), а не новые именные знаки (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*), «ущемившие» древний герб боспорских правителей. Правда, этот триденс был уже, чаще всего, не триденсом, а лишь подобным ему изображением с маленькой ручкой (табл. XIII, рис. 2, *3—4, 12—15*), из углов которого, как и в большинстве ** сложных царских знаков [54] (табл. XII; XIII, рис. 1, *9—37, 41—44*), выступали своего рода отроги *** (табл. XIII, рис. 1, *45;* рис. 2, *8—9, 16*).

Только выходцы из варварских династий, как, например, Фофорс (286/87—308/09 гг. н. э.), отбрасывали сложный царский знак правящей династии и ставили везде, в том числе и на монетах, свои именные гербы.

Наличие знаков на монетах царей Фофорса (табл. XIV, рис. 9, *1—4*), Ининфимея (табл. XIV, рис. 8, *1—8*; 234/35—239/40 гг. н. э.) и других выходцев из сарматской этнической среды [55], имеющих совсем другую форму царских

---

* Дальше текст надписи обрывается.

** Особо следует подчеркнуть, что небольшие своеобразные отроги, которые выходят из углов сложных знаков боспорских царей, характерны не для всех царских знаков, как ошибочно считают исследователи боспорских гербов этого типа (см. табл. XII, *894, 895, 906, 943—945;* табл. XIII, рис. 1, *6, 7, 38—40*).

*** Напоминающие стилизованные изображения двух дельфинов по сторонам от рукоятки триденса, являющихся вместе с ним «признаком всех статеров лисимаховского типа посмертной чеканки, выпускаемых Византием (табл. XII, *14*; ссылка А. Н. Зографа.— *В. Д.*), и по его примеру другими городами Причерноморья» (*А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 183; см. также его табл. XLII, *21—25* и др.). Вполне возможно, что указанное совпадение вовсе не случайно.

знаков, еще раз подтверждает высказанные нами предположения: как только к власти приходили цари, для которых была чужда боспорская символика, забывались триденсы (табл. XIII, рис. 2, *1—16*) и сложные знаки боспорских царей (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*), по-видимому представляющие собой предполагаемое соединение. Новые цари имели свою родословную, свои эмблемы (представляющие, кстати, обычные варианты сарматских знаков, распространенных в Причерноморье), которые были для них такой же святыней, как названные боспорские эмблемы для царей правящей боспорской династии.

Нам кажется неубедительным предположение о том, что знаки сложных форм (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) употреблялись царями Боспора для противопоставления последнего Риму [56]. И не только потому, что они были более всего распространены на восточных границах Боспорского царства [57], но и потому, что для противопоставления Риму Боспор использовал другую эмблему — триденс [58].

Неубедительна и попытка видеть в изображениях сложных царских знаков на плитах божественный символ [59], якобы охраняющий стены города от вражеских нападений. Изображение знака воспринималось, скорее всего, как обычный царский герб, именной знак, употреблявшийся на варварской периферии и знаменовавший господство царей Боспора на территориях, заселенных сарматскими племенами [60].

Некоторые авторы трактовали сложные царские знаки (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*), как буддийскую религиозную символику, распространившуюся в Боспорском царстве вместе с приходом в Северное Причерноморье восточных кочевых племен [61]. Г. Енихен воспринял царские знаки как изображение петуха на шесте или копье. Круг, треугольник или ромб — составные элементы большинства сложных царских знаков (табл. XII, *902—949;* XIII, рис. 1, *4, 5, 14—44*) — являются, в его понимании, символическим изображением неба и земли, вселенной [62]. На территорию Боспора этот символ занесен, по мнению Г. Енихена, из Ирана [63]. Г. Гумбах объявил царские знаки Боспора * греческими монограммами [64], которые можно читать, разлагая на составные части — буквы греческого алфавита.

Первая попытка подытожить результаты исследований знаков боспорских царей и других тамгообразных начертаний Северного Причерноморья была предпринята еще в 1933 г. И. И. Мещаниновым [65].

Он не только критически пересмотрел выводы многих предыдущих авторов [66], но и попытался обобщить большой материал по знакам северопонтийской периферии античного мира [67]. Но многие положения И. Мещанинов недостаточно подкрепил аргументирующим материалом; большинство вопросов вообще осталось открытым. Второй попыткой была работа Г. Енихена, опубликованная в 1956 г.[68] Но из правильно отмеченной закономерности изменения знаков и развития новых производных форм Г. Енихен, помимо указанного выше, сделал неправильный вывод о том, что форма сложных царских знаков Боспора (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) была главной, чуть ли не основной исходной формой всех сарматских знаков [69] (табл. III—XI). Причем главная закономерность развития царских знаков (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*), как, впрочем, и других сложных сарматских знаков, заключается, по Г. Енихену, в том, что они состоят из всегда одинаковой и неизменяющейся верхней части (? — *В. Д.*) и всегда изменяющейся нижней [70] (?? — *В. Д.*). Одновременно каждый знак, по мнению Г. Енихена, соединял символ власти с символом или культом предков [71].

Серьезным шагом на пути к научному обобщению материалов, связанных с изучением царских знаков, стала работа Э. И. Соломоник, опубликованная в 1959 г.[72] В теоретической части книги автор изложила результаты своих исследований сложных царских знаков Боспора [73], суть которых сводится к тому, что эти знаки трехчленные, тождественные только в самой нижней третьей части [74] и представляют собой именные знаки боспорских царей.

В 1966 г. было опубликовано исследование Д. Б. Шелова [75], в котором он вновь рассмотрел вопросы, касающиеся всей группы сложных знаков боспорских царей (табл. XII). Д. Б. Шелов отметил общность и постоянство нижней части всей группы сложных царских знаков Боспора и изменчивость их верхней части, очертания которой различны в знаках разных лиц [76] (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*). Одновременно он подчеркнул, что знак на плите 1964 г. из Танаиса (табл. XII, *899*; XIII, рис. 1, *11*), являющийся одним из звеньев в цепи развития ему подобных [77], мог принадлежать только одному из боспорских царей, правивших с конца I в. н. э. до середины III в. н. э. [78]

Но многие вопросы, связанные с изучением царских знаков Боспора и других тамгообразных начертаний северопонтийской периферии античного мира, оставались нерешенными. Нерешенность целого ряда важных проблем, а также взаимоисключающие результаты исследований знаков, интересующих ученых разных стран, привели нас к необходимости их специального изучения. В итоге ряда исследований [79] были сделаны следующие выводы о царских знаках Боспора.

---

* За исключением знака Ининфимея.

Прежде всего необходимо отметить, что правильность выделения В. В. Латышевым и В. В. Шкорпилом знаков боспорских царей Ининфимея (табл. XIV, рис. 8, *1—8*), Тиберия Эвпатора (табл. XIV, рис. 5, *1—13*) и Савромата II (табл. XII, *923—924;* XIII, рис. 1, *19—20*) не вызывает никаких сомнений, ибо все они встречаются на плитах общегосударственного значения либо с надписями самих царей, либо с надписями, датирующимися временем их правления. Что касается знака Ининфимея, то сопоставления его тамги (табл. XIV, рис. 8, *1—8*) и других сарматских знаков первых веков нашей эры (табл. XIV, рис. 8, *9—23*) действительно подтверждает существующее в научной литературе мнение о принадлежности Ининфимея не к законной боспорской, а к иной династии [80]. Эта другая династия могла происходить от одного из больших и влиятельных сарматских родов [81], о чем свидетельствует большое количество сарматских знаков, родственных знаку Ининфимея и распространенных на всей обширной территории северопонтийской периферии (табл. XIV, рис. 8, *9—23*). Тот факт, что Ининфимей принял обычное для представителей боспорской династии римское имя Тиберий Юлий, не может нас смущать. Несомненно, это делалось лишь под давлением определенных политических обстоятельств. Так, это могло быть вызвано то ли матримониальными связями с боспорской династией (подобные факты в истории Боспора известны [82]), то ли стремлением Ининфимея подчеркнуть свою лояльность по отношению к могущественному Риму, оградить себя от возможной проримской оппозиции, какая, например, была у Фофорса [83].

Относительно же знака царицы Динамии (табл. XIV, рис. 4, *1*), выделенного Н. А. Захаровым, дело обстоит так. Когда в борьбе с римским ставленником Полемоном I Динамию и ее сына Аспурга поддержало родственное им сарматское племя аспургиан и Рим, по политическим соображениям, признал в 8 г. до н. э. Динамию властительницей Боспора [84], на ее монетах появилось известное изображение [85] (табл. XIV, рис. 4, *1*), изучением которого занимались П. О. Бурачков, А. Л. Бертье-Делагард, В. В. Латышев, Х. Х. Гиль и другие крупные исследователи. В нем Ф. Моммзен, А. Заллет, М. И. Ростовцев, А. Н. Зограф и другие склонны видеть монограмму самой Динамии. И только Н. А. Захаров в 1935 г. признал в этом изображении первый царский знак на Боспоре [86]. В 1959 г. Э. И. Соломоник вторично подчеркнула близость этого изображения к сарматским знакам [87]. Необходимо обратить внимание на два обстоятельства, имеющих далеко не второстепенное значение для дальнейшего изучения и верного истолкования названного изображения на монетах Динамии (табл. XIV, рис. 4, *1*): с одной стороны — на наличие сарматских тамговых знаков, не просто близких по начертанию к изображению на монетах Динамии (табл. XIV, рис. 4, *4—10*), но и полностью аналогичных (табл. XIV, рис. 4, *2—3*); с другой стороны — на важное открытие венгерского ученого Э. Таркань Сюча, согласно которому монограммы, формы которых использовались в качестве тамговых знаков, уже изначально имели то же значение, что и другие тамговые знаки (а не значение монограмм, как таковых [88]). Не свидетельствует ли все это в пользу того, что изображение на монетах Динамии (табл. XIV, рис. 4, *1*) было действительно не монограммой (даже если форма его была заимствована из формы аналогичной греческой монограммы), а личным царским знаком Динамии, как и полагает Н. А. Захаров [89]?

Относительно выделения Н. А. Захаровым в своем исследовании знака Рескупорида II [90] (табл. XIII, рис. 1, *22—29*) на золотых штампованных бляшках конского убора из погребения с золотой маской [91] (табл. XIII, рис. 1, *22—23*) и свинцовой плитке из Кубани [92] (табл. XIII, рис. 1, *29*), ничего определенного сейчас сказать нельзя. Считать названный знак (табл. XIII, рис. 1, *22—29*) тамгой Рескупорида II можно лишь в порядке рабочей гипотезы.

Знаком, принадлежавшим Рескупориду III, является знак, выделенный в 1959 г. Э. И. Соломоник [93] (табл. XIII, рис. 1, *21;* XIV, рис. 6, *1*). Он вырезан на мраморной плите с надписью, сообщавшей о восстановлении разрушенной стены в Танаисе при царе Рескупориде, сыне Савромата [94]. Новый вариант знака Рескупорида III [95] (табл. XIV, рис. 6, *2*), предлагаемый на том основании, что поворот этого знака в противоположную сторону якобы не имеет значения [96], принять нельзя, в чем можно убедиться, сравнив предлагаемую новую форму знака Рескупорида III (табл. XIV, рис. 6, *2*), его ранее известный и бесспорный знак (табл. XIV, рис. 6, *1*) и знак Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*). Сопоставляя их, можно увидеть, что новый вариант знака Рескупорида III отличается от прежнего не только поворотом в обратную сторону, но и прибавлением к укороченной верхней развилке новой черточки, направленной вниз. Но если убавление такой же черточки в правой верхней развилке знака Савромата II означает принадлежность этого варианта уже не Савромату II, а Рескупориду III, то не может быть никаких сомнений в том, что добавление черточки, направленной вниз, к левой верхней развилке, в свою очередь, означает принадлежность новой формы знака отнюдь не Рескупориду III, а иному лицу (возможно, и Рескупориду II, как считает Н. А. Захаров), связанному династическими узами родства и с Рескупоридом III, и с Сав-

роматом II. По этой же причине Рескупориду III не могли принадлежать и другие знаки (табл. XIV, рис. 6, *3—13*). Все они чем-нибудь отличаются в своем начертании от тамги Рескупорида III и являются тамгами каких-то иных лиц. Что же касается поворота знака в другую сторону, то это, несомненно, может иметь решающее значение [97]. Этнографические данные об использовании тамгообразных знаков отсталыми народами говорят о том, что одна и та же тамга, поставленная под другим углом и хотя бы с небольшим отклонением той или иной линии, уже принадлежит другому роду или лицу. Об этом, например, свидетельствуют сибирские [98] или кабардинские тамги, тамги калмыков [99]. Так, мы уже отмечали в предыдущей главе, что одна и та же тамга типа рукописной буквы «Г» в вертикальном положении служила знаком одного рода, а в горизонтальном положении — другого [100].

Нельзя обойти молчанием и знаки на монетах Фофорса (табл. XIV, рис. 9, *1—4*), изданные Л. П. Харко [101]. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что они явно сарматского происхождения; известны другие, близкие к ним по форме, сарматские знаки (табл. XIV, рис. 9, *5, 6*). И это не случайно. Ведь Фофорс, как полагают исследователи, подобно Ининфимею, не принадлежал к династии своих законных предшественников [102], а был, видимо, выходцем из знатного сарматского или аланского рода, узурпировавшим боспорский престол [103]. Во-вторых, тот факт, что знаки встречаются на монетах в различных вариантах (табл. XIV, рис. 9, *1—4*), свидетельствует еще и о том, что на монетах Фофорса ставился не только знак царя, но возможно и знаки его родственников, подобно тому как на монетах Митридата VIII встречается портрет его матери [104], а на монетах Котиса I — портреты родных и их монограммы [105], ибо одному и тому же лицу не могли принадлежать столь разные знаки [106]. К сожалению, в настоящее время еще не представляется возможным определить, какой же именно формы знак* принадлежал самому Фофорсу.

Не соглашаясь с категорическим утверждением А. Н. Зографа об отсутствии царского знака у Радамсадия [107], мы в то же время не имеем данных, которые бы позволили с полной уверенностью говорить о знаке черты на его монетах [108] (табл. III, *3*) как царской тамге. Одновременно считаем необходимым отметить, что знаки в виде черты характерны для сарматских племен (табл. III, *1—20*). Нет полной определенности и в отношении изображения знака Рескупорида VI, выделенного в качестве знака власти в 1956 г. Г. Енихеном [109] (табл. XI, *875*). Знак в виде двух кружков, соединенных между собой по вертикали, и выходящей из верхнего кружка развилки из двух слегка выгнутых наружу линий (табл. XI, *875;* подобный сарматский знак встречается на ольвийском льве: табл. XIII; рис. 3, *56*) встречен на боспорской монете 319 г. н. э. Г. Енихен, публикуя этот знак, датируемый уже первой половиной IV в. н. э., пишет, что он относится к группе сарматских знаков Причерноморья (табл. III—XI), а так как он найден на монете, то может быть только знаком власти [110], царской тамгой. С этими выводами Г. Енихена нельзя не согласиться. Сомнение вызывает форма знака (табл. XI, *875*), не совпадающая с изображением в виде двузубцев на новых монетах Рескупорида VI, опубликованных Л. П. Харко [111] (табл. III, *103*). Так как подлинник монеты разыскать не удалось, сказать что-либо определенное трудно.

Вызывает возражения и выделение знака на вновь найденной танаисской плите 1964 г. как знака боспорского царя Реметалка [112] (табл. XIII, рис. 1, *11*). Доказательством принадлежности новой танаисской тамги Реметалку может быть то, что более сложные формы знаков появляются позднее простых [113]. Однако этнографические примеры развития тамговых систем разных племен и народов свидетельствуют, в частности, о том, что наиболее сложные формы возникают лишь на определенном (не конечном, а промежуточном) этапе их развития [114]. При этом параллельно с усложнением знаков по одной линии родства может идти упрощение их по другой линии того же рода [115]. Кстати, допускается, что и Реметалк мог принадлежать к боковой ветви царского рода [116]. Если так, то это обстоятельство могло отразиться в его тамге наряду с сохранением элементов общеродового знака. Но главное состоит в том, что сравнительный анализ самих сложных царских знаков Боспора (на примере знаков Савромата II — табл. XIII, рис. 1, *19—20* и Рескупорида III — табл. XIII, рис. 1, *21,* степень родства которых как отца и сына засвидетельствована [117] источниками) показывает, что и наследственное развитие шло здесь не по пути усложнения, а по пути упрощения знаков: в приведенном примере знак сына — Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) образовался путем убавления черточки в правой верхней развилке отца Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*). Двойственное явление — преемственность и наряду с ней изменения царской тамги Боспора путем упрощения уже отмечалось в научной литературе [118].

Безусловно, не в пользу вывода о принадлежности знака на танаисской плите 1964 г. (табл. XIII, рис. 1, *11;* XIV, рис. 7, *1*) и ссылка на плиту с надписью Евпатерия [119]. Хотя плита

---

* Из знаков, встреченных на его монетах (табл. XIV, рис. 9, *1—4*).

и датируется II в. н. э., из этого не следует, что во время Тиберия Эвпатора существовали знаки типа тамги на танаисской плите 1964 г. (табл. XIII, рис. 1, *12, 13;* XIV, рис. 7, *2—4*). Другие примеры, приводимые в подтверждение рассматриваемого вывода о принадлежности тамги на танаисской плите 1964 г. (табл. XIII, рис. 1, *11;* XIV, рис. 7, *1*) боспорскому царю Рематалку [120], также не доказывают эту принадлежность [121]. Так, например, исходя из однотипности поясных пряжек и наконечников со знаком Тиберия Эвпатора, поясной пряжки и наконечника со знаком, аналогичным знаку на новой танаисской плите, делается вывод, что период правления владельца нового знака непосредственно примыкал к периоду царствования Тиберия Эвпатора, а так как знак предполагаемого преемника Тиберия Эвпатора — Савромата II — иной, отсюда вывод: обладателем нового знака был прямой предшественник Эвпатора. Но ведь все пряжки, производившиеся на Боспоре в I—III вв. н. э.[122], чрезвычайно близки по форме, деталям отделки и технике исполнения [123]. Подобная однотипность, на наш взгляд, является серьезным препятствием для менее суммарной датировки. Более дифференцированная датировка пряжек с различными знаками часто осложняется их большим стилистическим однообразием. Сравним, для примера, бронзовую пряжку со знаком Тиберия Эвпатора из Эрмитажа, опубликованную Э. И. Соломоник [124], и бронзовую пряжку с исключительно редким сарматским знаком, изданную в Отчетах Археологической Комиссии за 1890 г.[125] В то же время иногда пряжки с одним и тем же знаком (то есть одного и того же владельца) существенно отличаются друг от друга: например, пряжки [126] с тамгой Тиберия Эвпатора; от пряжек Тиберия Эвпатора заметно отличается пряжка из Чернореченского могильника со знаком лица, родственного, судя по знаку, Савромату II, точно датированная II в. н. э.[127] Отметим, что между годами царствования Тиберия Эвпатора и Савромата II пока не исключен известный разрыв [128]: ни одним источником не засвидетельствовано, что Савромат II был прямым преемником Тиберия Эвпатора [129].

В Одесском археологическом музее хранятся две бронзовые пряжки боспорского производства [130], найденные в Крыму. Они датируются отрезком времени, непосредственно примыкавшим к годам правления Тиберия Эвпатора. Об этом свидетельствует изображенный на них сарматский знак (табл. XIV, рис. 11, *3*), встречающийся вместе (табл. XIV, рис. 11, *2*) со знаком Тиберия Эвпатора (табл. XIV, рис. 5, *1—13*). Однако на обеих пряжках Одесского музея этот знак помещен не со знаком Тиберия Эвпатора, а рядом с другим сложным знаком царского типа (табл. XIII, рис. 1, *16, 17*). Нижняя часть последнего аналогична нижней части тамг Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18;* XIV, рис. 5, *1—13*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *19—20*), Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) и других знаков этого типа (табл. XII), а верхняя, в отличие от них, представляет собой четырехугольник с развилкой из двух ломаных линий (табл. XIII, рис. 1, *16, 17;* XV, рис. 3, *4*). Очевидно, владелец этого знака * и был тем боспорским царем, правление которого примыкало к царствованию Тиберия Эвпатора и который, как и Тиберий Эвпатор, был как-то связан с владельцем упомянутого сарматского знака (табл. XIV, рис. 11, *2, 3*). Выяснить имя этого царя сейчас не представляется возможным, так как унаследование власти Тиберием Эвпатором непосредственно от Рематалка пока не засвидетельствовано вполне достоверными данными. Если будет доказано, что Тиберий Эвпатор действительно унаследовал власть от Рематалка, а Савромат II ** — от Тиберия Эвпатора, то не останется никаких сомнений в принадлежности царского знака на крымских пряжках *** (табл. XIII, рис. 1, *16, 17*) боспорскому царю Рематалку. А пока этот знак является единственным, который с какой-то долей вероятности можно приписывать Рематалку. Следовательно, по поводу вновь найденного единичного знака на танаисской плите 1964 г., определенного как знак царя Рематалка (табл. XIII, рис. 1, *11*), можно лишь говорить, что он является царским, принадлежавшим одному из неизвестных боспорских царей из числа тех, кто царствовал с конца I в. н. э. до середины III в. н. э.[131] Этим же периодом датируются и остатки западной оборонительной стены древнего Танаиса, в которую была вделана плита с рассматриваемым царским знаком [132].

Таким образом, из одиннадцати выделенных исследователями знаков **** боспорских царей к числу верно определенных и не вызывающих никаких сомнений принадлежат только сложные знаки Тиберия Эвпатора (табл. XII, *909—*

---

* Знак этот встречается и на золотых поясных наконечниках и пряжках [133].

** Знак которого, как и знак Тиберия Эвпатора, уже известен.

*** С четырехугольником вместо треугольника и круга в основе верхней части.

**** Знаков Динамии (табл. XIII, рис. 1, *3;* XIV, рис. 4, *1*), Аспурга, Рескупорида II (табл. XII, *926—933;* XIII, рис. 1, *22—29*), Рематалка (табл. XII, *899—901;* XIII, рис. 1, *11—13;* XIV, рис. 7, *1—4*), Тиберия Эвпатора (табл. XII, *909—922;* XIII, рис. 1, *18;* XIV, рис. 5, *1—13*), Савромата II (табл. XII, *923, 924;* XIII, рис. 1, *19, 20*), Рескупорида III (табл. XII, *925;* XIV, рис. 6, *1*), Ининфимея (табл. V, *294—297;* XIV, рис. 8, *1—8*), Фофорса (табл. XI, *855—858;* XIV, рис. 9, *1—4*), Радамсадия (табл. III, *3*), Рескупорида VI (табл. III, *103;* XI, *875*).

922; XIII, рис. 1, *18;* XIV, рис. 5, *1—13*), Савромата II (табл. XII, *923, 924;* XIII, рис. 1, *19, 20*); Рескупорида III (табл. XII, *925;* XIV, рис. 6, *1*) и знак царя Ининфимея (табл. V, *294—297;* XIV, рис. 8, *1—8*), который не относится к группе сложных царских знаков Боспора. Считаем, что к числу правильно определенных царских знаков Боспора можно отнести также эмблему Аспурга, как бы состоящую из двух сарматских знаков (табл. III, *101;* IV, *185*), соединенных по вертикальной оси в повернутом слева направо положении.

Определенного уточнения требуют выводы ученых, касающиеся самой формы сложных царских знаков (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13,* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*) типа знаков Тиберия Эвпатора, Савромата II и Рескупорида III. Так, Г. Енихен считает, что в них меняется только нижняя часть, а верхняя всегда остается неизменной [134]. Другие исследователи, признавая изменчивость верхней части знаков, считают, что с изменением имени владельца меняются очертания только двух самых верхних ломаных линий [135]. Сравнительный анализ названных знаков (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13,* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*) приводит к выводу, что с переменой владельцев в большей или меньшей степени меняется и вся верхняя часть знаков, покоящаяся на нижней, неизменной и общей для них всех [136]. Характер изменений, очевидно, зависел от степени родства носителей этих знаков. Так, в знаках Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*) и Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*), из которых один был отцом другого, различие, как уже говорилось, невелико. Зато в знаках Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*) и Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), с одной стороны, и царя-владельца знака на танаисской плите 1964 г. (табл. XIII, рис. 1, *11*) — с другой, не связанных непосредственно узами родства, общей остается лишь нижняя часть, единая для всех сложных царских знаков рассматриваемого типа (табл. XIII, рис. 1, *4—44*). Поэтому необходимо уточнить вопрос о том, из скольких же частей состоят указанные сложные знаки. Исходя из композиции, исследователи делят их на двучленные [137] (табл. XIII, рис. 1, *11—13*) и трехчленные [138] (табл. XIII, рис. 1, *18—21*). Мы считаем такое деление неудачным: оно является произвольным и условным и, несомненно, уводит исследователя в сторону от самой сути вопроса.

Предлагаем рассматривать указанные сложные знаки боспорских царей (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13,* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*) со стороны главной особенности, отличающей эти тамги от других. Все они состоят из двух частей [139]: нижней — общей для всех боспорских знаков данного типа, и верхней,— очертания которой нередко отличаются друг от друга в знаках разных царей, а степень сходства, если оно и наблюдается, зависит от родства этих царей между собой. Отметим, что высота верхней части далеко не всегда значительно превышает высоту нижней. Поэтому существующее мнение о том, что такое превышение будто бы весьма значительно и встречается на всех знаках данного типа [140], является преувеличением. Величина и пропорции отдельных частей сложных знаков, чаще всего, находятся в прямой зависимости от размеров и формы тех памятников, на которые их наносили [141]. Например, каменные плиты с единичными тамгами Тиберия Эвпатора, а также тамги этого царя на некоторых пряжках. Лишь на одной из плит (длинной и узкой) [142] общая высота верхней части знака на 15,5 *см* превышает высоту его нижней части. На другой, менее высокой, плите [143] общая высота верхней части знака больше нижней только на 10 *см* (при полной высоте знака 50 *см*). На третьей, где знак Тиберия Эвпатора увенчивают две крылатые Ники [144], общая высота верхней части знака (27 *см*) почти равна нижней (26 *см*). На четвертой плите [145] и на одной из бронзовых пряжек боспорского производства [146] верхняя часть точно таких же знаков не выше их нижней. А на одной из золотых пряжек [147] наблюдается обратное: нижняя часть знака превышает верхнюю.

Указанные примеры непостоянного соотношения высот нижней и верхней частей одного и того же знака противоречат еще одному выводу, фигурирующему в научной литературе, согласно которому на известной таманской плите с надписью Евпатерия [148] не мог быть помещен сложный царский знак рассматриваемого типа (табл. XII). Этому мешает якобы отсутствие места [149] для обозначения верхней части подобной тамги, которая, согласно не подтверждающемуся предположению, должна была значительно превышать высоту нижней [150].

Мы думаем, что существование таких знаков Тиберия Эвпатора, в которых общая высота верхней части не только равна, но даже меньше высоты нижней части, позволяет допустить, что и в данном случае на плите с надписью Евпатерия вполне мог разместиться именно подобный знак. Да и ширина поля между нижними краями венков Ник и верхними краями сохранившейся нижней части обоих знаков на плите Евпатерия не столь уж мала: она колеблется в пределах 22—25 *см*.

Изучив поверхность этой плиты с помощью сильного увеличения, мы убедились в том, что верхняя граница нанесенного на ней царского знака находилась несколько выше края венка в руке рядом стоящей Ники. Стало быть знак

в своем полном начертании имел высоту более 56 *см,* из которых около половины приходится на его сохранившуюся часть; примерно столько же занимала и верхняя часть знака. Следовательно, высота его была близка к высоте знака Тиберия Эвпатора на таманской плите, где одиночная тамга царя точно также увенчивалась венками Ник. И хотя остатки знаков на плите с надписью Евпатерия ниже венков Ник были сбиты более старательно, что не дает возможности проследить полное очертание их верхних частей, у нас не возникло сомнения относительно того, что один из них принадлежал царю Тиберию Эвпатору. Стилистическое единство обеих плит — с надписью Евпатерия и таманской (с одиночным знаком Тиберия Эвпатора), очевидно тем и объясняется, что обе они были изготовлены в честь побед одного царя, то есть Тиберия Эвпатора.

Г. Енихен после тщательного изучения обеих плит также пришел к выводу, что на плите Евпатерия был знак Тиберия Эвпатора [151].

Каким был второй знак на плите с надписью Евпатерия, сказать трудно: самое тщательное обследование поверхности плиты в этом месте не обнаружило каких-либо следов бывшего изображения. Основываясь на полном тождестве сохранившейся части (табл. XIV, рис. 10, *2*) с нижней частью одного из сарматских знаков на ольвийском льве (табл. XIV, рис. 10, *3*), можно думать, что это мог быть тот самый знак. Г. Енихен реконструирует его следующим образом: к сохранившейся нижней части знака (табл. XIV, рис. 10, *2*) присоединяет сарматский знак в виде развилки из двух ломаных линий (табл. XIII, рис. 3, *6*), повернув его другой стороной [152].

С реконструкцией Г. Енихеном этого второго знака согласиться нельзя, так как подобный знак не встречается среди известных форм сарматских знаков. Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что отмеченная выше общность неизменяющейся нижней части всех этих знаков и изменчивость верхней, связанная каждый раз с появлением нового лица (табл. XIII, рис. 1, *18—21*), свидетельствует о том, что верхняя часть являлась, собственно, личным именным знаком, а нижняя, общая для всех, служила династическим символом [153]. Названные особенности позволяют, как уже говорилось, поставить вопрос о происхождении каждой из частей сложных царских знаков Боспора: именной и династической.

Как известно, исследователи сходятся на том, что практика употребления именных знаков в римское время была занесена на территорию Боспора сарматами [154]. Действительно, сравнивая верхнюю именную часть сложных знаков царского типа (табл. XIII, рис. 1, *4—44*) с сарматскими знаками римского времени (табл. XIII, рис. 3, *1—62*), можно убедиться в их прямом родстве. Все это наводит на мысль о том, что верхняя именная часть сложных царских знаков этого типа * своим происхождением обязана сарматам [155], которые применяли в это время тамги и как символы власти [156]. По поводу нижней — династической — части знаков высказывались, как уже отмечалось, самые различные суждения [157]. Наиболее распространенным было мнение, согласно которому в основе нижней части сложных знаков боспорских царей лежит стилизованное изображение лошадей [158]. Однако по свидетельству археологических и исторических данных, это предположение не находит подтверждения [159]. При этом подчеркнем, что небольшие завитки или отростки, выступающие из верхних углов нижней части некоторых сложных знаков царского типа (табл. XIII, рис. 1, *8—37, 41—44;* XIV, рис. 6, *1—3, 5—8, 10—13*) в некоторых знаках рассматриваемого типа отсутствуют вообще [160] (табл. XIII, рис. 1, *5—7, 38—40;* XIV, рис. 6, *4—9*). Одновременно отметим, что среди известных нам изображений триденсов и специальных значков в виде маленького триденса на монетах (табл. XIII, рис. 2, *1—16*) боспорских правителей сарматского периода [161] — Динамии [162] (табл. XIII, рис. 2, *1*), Митридата VIII [163] (табл. XIII, рис. 2, *2*), Рескупорида II [164] (табл. XIII, рис. 2, *3*), Савромата I [165] (табл. XIII, рис. 2, *4*), Реметалка [166] (табл. XIII, рис. 2, *5*), Тиберия Эвпатора [167] (табл. XIII, рис. 2, *6*), Савромата II [168] (табл. XIII, рис. 2, *7*), Рескупорида III [169] (табл. XIII, рис. 2, *8, 9*) **, Котиса III [170] (табл. XIII, рис. 2, *10*), Рескупорида V [171] (табл. XIII, рис. 2, *11—13*), Савромата IV [172] (табл. XIII, рис. 2, *14*), Рескупорида VI [173] (табл. XIII, рис. 2, *15, 16*) — имеются и такие, из углов которых тоже выступают завитки (табл. XIII, рис. 2, *8—9, 16,* рис. 1, *45*), подобные характерным завиткам нижней династической части группы сложных царских знаков Боспора (табл. XIII, рис. 1, *8—37, 41—44;* XIV, рис. 6, *1—3, 5—8, 10—13*). Не свидетельствует ли все это о том, что форма нижней династической части боспорских сложных знаков царского типа (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*) первых веков нашей эры возможно действительно позаимствована из изображений триденсов и специальных значков в виде маленьких триденсов на монетах боспорских пра-

---

* Типа тамг Тиберия Эвпатора (табл. XII, *909—922;* XIII, рис. 1, *18;* XIV, рис. 5, *1—13*), Савромата II (табл. XII, *923, 924;* XIII, рис. 1, *19, 20*). Рескупорида III (табл. XII, *925;* XIII, рис. 1, *21;* XIV, рис. 6, *1*) и других им подобных (табл. XII, *894—908, 926—949;* XIII, рис. 1, *4—17, 22—44*).

** Такой же триденс обнаружен нами на неопубликованной золотой монете Рескупорида III, хранившейся раньше в фондах Керченского музея под инвентарным номером Ф—3—1—3 (табл. XIII, рис. 2, *9*).

вителей сарматского периода в истории Боспора * (табл. XIII, рис. 2, *1—16*)?

Думаем, что существующее в печати мнение, согласно которому изображение отдельного знака на специально созданной для этой цели плите непременно означает, что такой знак являлся личной тамгой одного из боспорских царей [174], принять нельзя. Этому положению противоречит опубликованная в 1962 г. хорошо обработанная плита [175] из Новочеркасского музея, на ровной поверхности которой помещен большой рельефный знак отнюдь не царского типа. И хотя верх этой тамги отбит, сохранившаяся часть знака позволяет реконструировать его (табл. XIV, рис. 11, *4*) по аналогичным изображениям (табл. XIV, рис. 11, *1—3*) на пряжках боспорского производства [176]. Существование подобных сарматских знаков [177] (табл. XIV, рис. 11, *5, 6*) позволяет приписать знак с этой плиты какому-то выходцу из сарматской среды, лицу знатному, но, судя по другим данным, не царю. Об этом свидетельствует, например, наличие названного знака рядом со знаком Тиберия Эвпатора на уже упомянутой бронзовой пряжке [178] (источниками не засвидетельствовано правления в эти годы двух царей). Можно предположить, что хозяин новочеркасской тамги мог быть лицом, не только владевшим совместно с Тиберием Эвпатором мастерской по производству пряжек, но имевшим и собственную мастерскую [179], изделия которой метились только его личным знаком [180] (табл. XIV, рис. 11, *1*). Мы согласны с высказанным ранее мнением, согласно которому этот знак мог принадлежать одному из царских наместников времени Тиберия Эвпатора [181]. Возможно, что рассматриваемый знак мог принадлежать и предводителю одного из сарматских племен, который либо породнился с Тиберием Эвпатором, либо вместе со своими соплеменниками был его военным союзником (такая возможность, кстати, не исключает и того, что он мог совмещать функции вождя с должностью наместника). Подобные явления характерны для истории Боспора [182] еще со времен Спартокидов. Заметим, что из этих же предпосылок можно исходить и при объяснении сочетания двух знаков на плите с надписью Евпатерия (табл. XIV, рис. 10, *1, 2*), где рядом с царским знаком (табл. XIV, рис. 10, *1*) был высечен знак какого-то представителя сарматской среды (табл. XIV, рис. 10, *2*). О последнем свидетельствуют аналогичные сарматские знаки римского времени (табл. XIV, рис. 10, *3, 4*) на памятниках Причерноморья [183].

* Которые для большей наглядности изображены (табл. XIII, рис. 2, *1—16*) зубцами вниз. На монетах же триденсы изображались в основном либо зубцами вверх, либо наклонными в разные стороны, либо в лежачем — горизонтальном положении.

Заканчивая главу о царских знаках, подчеркнем следующее. Среди многочисленных тамгообразных знаков [184] северопонтийской периферии античного мира, привлекающих к себе пристальное внимание ученых многих стран [185], сложные знаки боспорских царей Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *19, 20*), Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) * представляют собой одну из групп знаков, сформировавшихся на территории Боспорского царства [186] (табл. XII). Знаки этой группы были ни чем иным, как именным гербом [187] царей правящей боспорской династии, связанной с сарматской средой. Владыками Боспора, не принадлежавшими к правящей династии [188], время от времени становились, несомненно, некоторые из тех представителей сарматской знати, знаки которых встречаются вместе со знаками боспорских царей [189] (табл. XIV, рис. 10, *2*; рис. 11, *2, 3*). Присоединяемся к мнению Д. Б. Шелова, согласно которому появление таких правителей на боспорском престоле было каждый раз связано с преобладанием на Боспоре того или иного племени [190].

Три интересных боспорских памятника дают, судя по аналогиям, знаки сарматского происхождения (табл. XIV, рис. 12, *3—5*; сравни табл. XIV, рис. 13, *1, 1б, 2, 2б, 3, 3б*). Исходя из характера памятников, можно думать, что эти знаки принадлежали не рядовым представителям сарматского мира, а высокопоставленным лицам.

Одним из таких памятников является надгробие из Керчи, принадлежавшее, согласно реконструированной В. В. Латышевым греческой надписи [191], царскому магистрату. К нему же, возможно, относится, как считает Э. И. Соломоник [192], и знак на надгробии (табл. XIV, рис. 12, *3;* сравни рис. 13, *1, 1б*).

Вторым подобным памятником является свинцовая гиря из Танаиса [193]. Знак, нанесенный на гире (табл. XIV, рис. 12, *4*), несомненно, сарматский (судя по другим, близким ему: табл. XIV, рис. 13, *2, 2б*) и мог быть либо тамгой царского магистрата, либо знаком самого царя (по предположению Э. И. Соломоник [194] единственной целью нанесения его на гирю была гарантия правильности веса). Кому бы ни принадлежал этот знак, для нас важна его сарматская принадлежность, указывающая на такое же происхождение его владельца.

Третьим памятником является мраморная плита из Фанагории с надписью в честь бывшего царского наместника и его сына [195]. Как отметила Э. И. Соломоник [196], знак, стоящий под надписью, был непосредственно с ней связан.

* Как и все другие сложные знаки этого типа (табл. XIII, рис. 1, *4—17, 21—44*).

Следовательно, он относился к наместнику и, видимо, являлся его именным знаком (табл. XIV, рис. 12, *5*). Сарматское происхождение этой тамги подтверждают близкие знаки на других памятниках Причерноморья (табл. XIV, рис. 13, *3, 3б*). Романизованное имя наместника можно объяснить, по-видимому, его проримской ориентацией. Во всяком случае, история Боспора дает примеры ориентации определенной части сарматского мира на Рим [197] и употребления знатными варварами-боспорянами греческих имен [198].

В заключение отметим, что все известные на Боспоре знаки сарматского происхождения, принадлежавшие знатным лицам * (табл. XIV, рис. 12, *1—5*), лишний раз подчеркивают, что в это время государственный аппарат Боспорского царства также подвергся сарматизации.

И, наконец, мы полагаем, что сложные знаки царей Боспора Киммерийского (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13;* рис. 6, *1—23*), возникшие непосредственно на территории Боспорского царства и характерные только для Боспора, следует рассматривать как группу боспорских знаков местного происхождения, выделив из общей массы занесенных извне тамг Северного Причерноморья. Целесообразность выделения усиливается тем, что за пределами Боспорского царства, как уже писалось, ни в более раннее, ни в более позднее время подобных знаков не встречено. В первых веках нашей эры такие знаки вне Боспора встречаются исключительно на вещах боспорского производства.

[1] *S. Reinach.* Antiquités du Bosphore Cimmerien. Paris, 1892, табл. XXIX, рис. 4; табл. XXXII, рис. 19, *20; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889, стр. 38, рис. 27; *В. В. Латышев.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 гг.— МАР, № 9. СПб., 1892, стр. 63—64; JOSPE, II, 423, 431, 433, 434 и др.; IV, 447; *А. Л. Бертье-Делагард.* Надпись времени императора Зенона.— ЗООИД, т. XVI. Одесса, 1893, стр. 82—84; *Béla Pósta.* Archaeologische Studien auf russischem Boden. Bd. IV. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 433, рис. 244, *3;* стр. 486, рис. 268, *1, 3;* стр. 488; *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, № 192; стр. 40, № 232, стр. 41, 111, № 626; *В. В. Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия.— ИАК, вып. 37. СПб., 1910, стр. 25—35; *его же.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г.— ИАК, вып. 40. СПб., 1911, стр. 112—114, № 28; *E. H. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 316—318, 435; *Gisela M. A. Richter.* Greek, Etruscan and Roman bronzes. New York, 1915, стр. 331—335; *E. Mercklin.* Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe.— AA, Bd. 43, Ht. III/IV, 1928. Berlin und Leipzig, 1929, стр. 453—455; *Н. А. Захаров.* Вновь найденная каменная плита со знаком, из района Кубанских плавень.— ЗСКҚОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 9—20; *M. Rostowzew.* Sckythien und der Bosporus. Berlin, 1931, стр. 138; *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933, стр. 3—23; *H. Rupp.* Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinland.— RFzV, Bd. II. Bonn, 1937, стр. 29; *Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад 1946 г.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1949, стр. 78—82, табл. II, III, рис. 3; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 317—325, 427—430; *А. Н. Зограф.* Античные монеты.— МИА, № 16. М.—Л., 1951, стр. 211—212, табл. L, *19, 20; H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, стр. 18, табл. 1—2, 4, 5—8, 10, 15—18, 20—21, 22; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 154, 160; *Е. І. Соломонік.* Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками.— Археологія, т. X. К., 1957, стр. 104, рис. 2; стр. 105, рис. 3; стр. 106—109; *И. И. Козыренко.* Тамги на археологических памятниках Одесского Государственного археологического музея.— МАСП, вып. I. Одесса, 1957, стр. 91—92, 95, табл. 1, *1—2;* стр. 96, табл. 2, *1—2; Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, стр. 20—25, 42—43, 49—65, № 1—17, и др.; *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961, стр. 225—231; *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 158—160, рис. 2, 3—3а; стр. 165—166, № 17; *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 183, 178—185; *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 143—145, 192—193, 198, рис. 66, стр. 200, 217; *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка.— Культура античного мира. М., 1966, стр. 268—277; *его же.* Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 94—97; *Г. Ф. Турчанинов.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, стр. 41, табл. VII, рис. 2—3; стр. 65, табл. XXIX, рис. 1—2; *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 261.

[2] *В. В. Латышев.* Греческие и латинские надписи..., стр. 64.

[3] *Там же,* стр. 64; JOSPE, IV, 447.

[4] *В. В. Шкорпил.* Боспорские надписи..., стр. 113.

[5] *Н. А. Захаров.* Краснодарское городище.— Архив ЛОИА АН СССР, фонд 2, оп. 2, № 475, стр. 31.

[6] *Там же,* стр. 35.

[7] *Л. П. Харко.* Указ. соч., табл. II, *2—33;* III, рис. 3.

[8] *Там же,* табл. II, *48—57, 59.*

[9] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 22.

[10] *Л. П. Харко.* Указ. соч., табл. II, *35—47.*

[11] *Е. І. Соломонік.* Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я..., стр. 104, рис. 2, № 3; стр. 106; *ее же.* Сарматские знаки..., стр. 24, 59—61, рис. 13—13*б*.

[12] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 268—277, рис. 1.

[13] *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг.— НС, вып. I. К., 1963, стр. 12—14; *П. О. Карышковский.* Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья.— Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 15—16.

[14] ДБК, т. II. СПб., 1854, № XXI.

[15] *А. Л. Бертье-Делагард.* Указ. соч., стр. 84.

[16] *Béla Pósta.* Указ. соч., стр. 487—488.

[17] *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Указ. соч., стр. 34, 40—41, 111.

[18] *Gisela M. A. Richter.* Указ. соч., стр. 331—335.

* Сармато-аланские знаки, принадлежавшие знатным варварам, известны не только на Боспоре, но и на других территориях северопонтийской периферии античного мира [199].

[19] *E. Mercklin.* Указ. соч., стр. 454.
[20] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940, стр. 234; *С. П. Толстов.* Из предистории Руси.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 51; см. также: *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 184—187.
[21] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 234.
[22] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм..., стр. 184—186.
[23] *Там же,* стр. 342.
[24] *Там же,* стр. 186.
[25] *Там же,* стр. 185.
[26] *В. А. Городцов.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, вып. I. М., 1926, стр. 7—36.
[27] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм..., стр. 186.
[28] *Там же,* стр. 187.
[29] *Там же,* стр. 186.
[30] *Там же,* стр. 185—186.
[31] *Ч. Лоукотка.* Развитие письма. М., 1950, стр. 22, рис. 2.
[32] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 21.
[33] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем.— НЩ за 1956 р. К., 1957, стр. 127.
[34] *С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— Труды ИЭ, новая серия, т. XXII. М.—Л., 1954, стр. 50—55.
[35] *Там же,* стр. 52.
[36] *Там же,* стр. 52.
[37] *А. В. Збруева.* Идеология населения Прикамья.— Труды ИЭ, новая серия, т. I. М.—Л., 1947, стр. 49, рис. 2.
[38] *Там же,* стр. 49—50.
[39] *Там же,* стр. 29, рис. 3, стр. 50.
[40] *Н. Н. Погребова.* Состояние проблем скифо-сарматской археологии.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952, стр. 27.
[41] *А. В. Збруева.* Указ. соч., стр. 46—50.
[42] *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі.— СНП, т. XXIII. К., 1958, стр. 170.
[43] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 255.
[44] *В. Ф. Гайдукевич.* Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934, стр. 278, рис. 76, *в.*
[45] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 56; *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 197.
[46] *Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.— ПАЭ, вып. 9. М., 1956, стр. 184, 193—196 и др.
[47] *Там же,* стр. 195—196.
[48] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 326.
[49] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLVII, *18;* XLVIII, *3.*
[50] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 336.
[51] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 234—235.
[52] *В. В. Шкорпил.* Новонайденные боспорские надписи.— ИАК, вып. 63. СПб., 1917, стр. 112.
[53] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 590—591, табл. VI, *89, 90, 91; А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLVIII, *3.*
[54] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., табл. VI, 91.
[55] *Я. Харматта.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— Античное общество. М., 1967, стр. 207—208.
[56] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 23.
[57] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255.
[58] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 326—336.
[59] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 25.
[60] *Н. А. Захаров.* Краснодарское городище..., стр. 33.
[61] *H. Rupp.* Указ. соч., стр. 29.
[62] *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 16.
[63] *Там же,* стр. 16.
[64] *H. Humbach.* Указ. соч., стр. 227—231; Греческие монограммы в некоторых черноморских знаках готов видеть и другой исследователь — Б. Надель: *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 183. Критику взглядов Г. Гумбаха см.: *Э. И. Соломоник.* (Рецензия) H. Humbach. Die sogenannte sarmatische Schrift.— СА, № 3. М., 1965, стр. 299—301.
[65] *И. И. Мещанинов.* Указ. соч.
[66] *Там же,* стр. 3—23.
[67] *Там же,* стр. 3—23, 66—87.
[68] *H. Jänichen.* Указ. соч.
[69] *Там же,* стр. 13, 15—16, 19.
[70] *Там же,* стр. 15—16, 20, 41—42.
[71] *Там же,* стр. 19—20.
[72] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки...
[73] *Там же,* стр. 22—25.
[74] *Там же,* стр. 23; см. также № 67, стр. 129.
[75] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 268—277.
[76] *Там же,* стр. 270.
[77] *Там же,* стр. 272.
[78] *Там же,* стр. 272.
[79] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 126—128; *его же.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 165—174; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 254—258; *его же.* Родові тамги на предметах побуту.— НТЕ, № 6. К., 1968, стр. 39—46; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 232—235; *его же.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі.— УІЖ, № 1. К., 1970, стр. 74—78; *его же.* Об исследовании тамгообразных знаков.— Dacia, N. S., XIV. Bucuresti, 1970, стр. 139—158; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я.— НТЕ, № 3. К., 1970, стр. 70—79; *его же.* Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970, стр. 69—80; *его же.* Об исследовании тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира.— ВДИ, № 4. М., 1970, стр. 134—148; *его же.* «Загадочные знаки» Северного Причерноморья, ч. I.— Archeologia, XXI, 1970. Warszawa, 1971, стр. 23—52; *его же.* Зеркало с загадочными знаками из Ольвии.— СА, № I. М., 1971, стр. 222—229; *его же.* Шаг в неведомое.— Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1971, стр. 40—47, приложение I—VIII; *его же.* Написи на камені. К., 1971, стр. 78—86; *его же.* Про урядову групу сарматських знаків Північного Причорномор'я.— Археологія, № 5. К., 1972, стр. 82—86; *его же.* Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков н. э.). Автореферат диссертации. М., 1972; *его же.* «Загадочные знаки» Северного Причерноморья, ч. II.— Archeologia, XXII, 1971. Warszawa, 1972; *его же.* Царские знаки Боспора.— Eirene, 1972, т. 10. Praha, 1972, стр. 61—83; *его же.* Zu den Forschungsergebnissen über die Königszeichen des Kimmerischen Bosporus.— KLIO, № 56. Berlin, 1974; *его же.* Пряжка римского времени с тамгообразным знаком.— СХМ, вып. V. К., 1974, стр. 38—41.
[80] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 24.
[81] *Я. Харматта.* Указ. соч., стр. 207 и другие работы.
[82] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 61—62; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 65, 105; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 63.
[83] *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 218.
[84] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 316.
[85] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLIV, *15.*
[86] *Н. А. Захаров.* Краснодарское городище..., стр. 31.
[87] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 43.
[88] *Ernö Tárkány Szücs.* Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— AE, t. XVII, Fascicule 3—4. Budapest, 1968, стр. 263—264; см. также русское резюме указ. соч., стр. 6.

[89] *Н. А. Захаров.* Краснодарское городище..., стр. 31.
[90] *Там же,* стр. 35.
[91] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 137—138, № 89.
[92] *Там же,* стр. 129—130, № 67.
[93] *Там же,* стр. 24, 59—61; рис. IV, *3; 13б.*
[94] КБН. М.—Л., 1965, стр. 738—740, № 1248.
[95] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 271, рис. 2, *4.*
[96] *Там же,* стр. 270, 276, примечание 18. На этом основании Рескупориду III приписывается еще ряд знаков: см. *там же,* стр. 270, 276, примечание 17, а также нашу табл. XIV, рис. 6, *3—13.*
[97] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 256; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 42.
[98] *С. В. Иванов.* Указ. соч., стр. 26—33.
[99] *П. Небольсин.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, стр. 13 и сл., рис. 3 — табл. тамг.
[100] *Там же,* рис. 3.
[101] *Л. П. Харко.* Указ. соч., табл. II, *2—33;* III, рис. 3; О знаках на монетах Фофорса см. также: Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 118, № 764; *И. И. Толстой* и *Н. П. Кондаков.* Указ. соч., стр. 38, рис. 27; *В. В. Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия..., стр. 34; *E. H. Minns.* Указ. соч., стр. 317, рис. 227; *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 211, табл. L, *19—20; H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 22.
[102] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 211; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 217.
[103] *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 188; *Я. Харматта.* Указ. соч., стр. 208.
[104] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 197, табл. XLVI, *7.*
[105] *Там же,* стр. 198.
[106] *В. С. Драчук.* Написи на камені..., стр. 83—85.
[107] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 212.
[108] *Л. П. Харко.* Указ. соч., стр. 81—82, 76, табл. II, *35—47; Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 165—166, № 156.
[109] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 22.
[110] *Там же,* стр. 19.
[111] *Л. П. Харко.* Указ. соч., стр. 76, табл. II, *48—57;* Сравни: *E. H. Minns.* Указ. соч., стр. 317, рис. 227.
[112] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 273; см. также: *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234, примечание 13.
[113] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 272.
[114] *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 40, 42.
[115] *В. Н. Чернецов.* К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 163—169, табл. 4, *1—5.*
[116] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 274.
[117] КБН, стр. 737—738, № 1246; стр. 738—740, № 1248.
[118] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 24.
[119] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 272.
[120] *Там же,* стр. 272—273.
[121] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234, сн. 13.
[122] *В. В. Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия..., стр. 32; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 132.
[123] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 35.
[124] *Там же,* стр. 133, № 76.
[125] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 34, № 18.
[126] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, № 78, 80.
[127] *Там же,* стр. 137, № 88.
[128] *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 143—144.
[129] КБН, стр. 833.
[130] *И. И. Козыренко.* Указ. соч., стр. 92—93, № 2, стр. 95, табл. 1, *2;* стр. 96, табл. 2, *2; Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 136, № 85 и сл.; стр. 134, рис. 85.
[131] *В. С. Драчук.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я..., стр. 75.
[132] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 272.
[133] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 16.
[134] *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 15—16, 20, 41—42.
[135] См., например, статью Д. Б. Шелова «Тамга Римиталка...», стр. 270 и другие работы.
[136] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я..., стр. 70—79.
[137] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 270—272; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 53, № 4.
[138] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 270—272; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 23—24; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 166.
[139] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233—235; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я..., стр. 76—77; *его же.* Написи на камені..., стр. 81.
[140] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 271.
[141] *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 173—174.
[142] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 49—51, № 2.
[143] *Там же,* стр. 49, № 1.
[144] *Там же,* стр. 51—52, № 3.
[145] *Там же,* стр. 53, № 5.
[146] *Там же,* стр. 136, № 84 и сл.; стр. 134, № 84 — рис.
[147] *Там же,* стр. 132, № 71 и сл.; стр. 134, № 71 — рис.
[148] *Там же,* стр. 52—53, № 4.
[149] *Там же,* стр. 53, № 4; *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 271.
[150] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 271.
[151] *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 13—14, табл. 2.
[152] *Там же,* табл. 2.
[153] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233—235.
[154] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 428; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 167—168, 172; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 17; *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії. (До питання про сфери вжитку загадкових знаків).— СНП, т. XXVII. К., 1961, стр. 21—22, 24; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 144; *В. С. Драчук.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі..., стр. 77 и другие работы.
[155] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234.
[156] *В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 244.
[157] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 232 и другие работы.
[158] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 234; *С. П. Толстов.* Из предистории Руси..., стр. 51; *его же.* Древний Хорезм..., стр. 184—187; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 137 и др.
[159] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127, примечание 5; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233—234. На беспочвенность подобной трактовки нижней части сложных царских знаков Боспора указывает в своей книге и Г. Енихен: *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 46, примечание 13.
[160] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234 и сл., стр. 233—рис.
[161] *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 133.
[162] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLIV, *19.*

[163] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLVI, *6; В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., табл. IV, *66.*
[164] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLVII, *4; В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., табл. V, *72—73.*
[165] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLVII, *14.*
[166] *Там же,* табл. XLVII, *18.*
[167] *Там же,* табл. XLVIII, *3.*
[168] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., табл. VI, *89—90.*
[169] *Там же,* табл. VI, *91; В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233, рис. 6.
[170] *А. Н. Зограф.* Указ. соч., табл. XLIX, *14.*
[171] *Там же,* табл. L, *3, 5—8, 10.*
[172] *Там же,* табл. L, *17.*
[173] *Там же,* табл. L, *23, 25.*
[174] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 268.
[175] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 158—159, № 1.
[176] *И. И. Козыренко.* Указ. соч., стр. 95, табл. I, *2—3; Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, № 84—86; *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 45, рис. 13—15.
[177] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 106—108 и сл., № 50, 52.
[178] *Там же,* стр. 134, № 84; *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 45, рис. 13.
[179] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 256; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 44.
[180] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, № 86.
[181] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 159, № 1.
[182] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство..., стр. 61—62, 65—66, 323, 327 и др.; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 65, 105 и др.; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 63, 130 и др.
[183] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 95, № 42 *ж;* стр. 103, № 47.
[184] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 1—17; 18, *2;* 19, *1—6;* 20—21; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3 — таблица сарматских тамг; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, стр. 168—169, № 1 — 240; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, стр. 257, № 1—17; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II—III; *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1.
[185] *В. С. Драчук.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі..., стр. 74—78.
[186] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 170; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 232—234; *его же.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі..., стр. 77; *его же.* Написи на камені..., стр. 86.
[187] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234—235.
[188] Подобно, например, Ининфимею, Фарсанзу, Фофорсу: см. *А. Н. Зограф.* Указ. соч., стр. 211; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 217; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 188; *Я. Харматта.* Указ. соч., стр. 208.
[189] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 256; *его же.* Написи на камені..., стр. 83—86; *его же.* Про урядову групу сарматських знаків Північного Причорномор'я..., стр. 82—86.
[190] *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 188.
[191] JOSPE, IV, 359.
[192] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 72—73, № 25.
[193] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 165, № 16; *Л. И. Чуистова.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— АИБ, т. II. Симферополь, 1962, стр. 53—54, № 20; стр. 57—148, № 22; стр. 181, табл. 18, *119; Д. Б. Шелов.* Танаис — потерянный и найденный город..., стр. 103—104.
[194] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 165.
[195] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 74—75, № 30.
[196] *Там же,* стр. 75.
[197] *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. соч., стр. 327—328.
[198] *Д. Б. Шелов.* Древний город Танаис. Одесса, 1961, стр. 19, 28; *В. Д. Блаватский.* Указ. соч., стр. 64.
[199] *В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины..., стр. 243—244; *Г. Ф. Турчанинов.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы..., стр. 65, № 17, табл. XXIX, рис. *1—2* и другие работы.

БОСПОРСКИЕ И САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ С ТАМГООБРАЗНЫМ ОРНАМЕНТОМ

В предыдущих главах были рассмотрены сарматские и боспорские знаки тамгового характера римского времени. Изучение тамгообразных изображений северопонтийской периферии античного мира привело к выводу, что круг тамгообразных изображений римского времени не ограничивается указанными группами. Уже в римское время, приблизительно во II в. н. э., в Причерноморье появляются памятники с тамгообразным орнаментом, состоящим из отдельных тамговых компонентов. Рассмотрим интересный памятник начала этого времени, а также другие памятники, где процесс этот уже получил свое полное завершение.

В 1890 г. вблизи Херсонеса на одной из пряжек боспорского производства (табл. XV, рис. 1) был найден интересный знак римского времени [1] (табл. XV, рис. 2, *1;* рис. 3, *1*) выполненный в декоративном стиле. Пряжка обнаружена в погребении № 15 во время раскопок гробниц первых веков нашей эры на косогоре вдоль дороги из Севастополя к бывшему монастырю. Вместе с ней в этом погребении были найдены: бронзовая монета Херсонеса второго периода с изображением идущего вправо быка и Артемиды, поражающей оленя, и два железных ножа. Все находки из погребения № 15 и других гробниц были переданы на хранение в Эрмитаж, в Российский исторический музей и Херсонесский музей. Сейчас место хранения комплекса из погребения № 15 неизвестно.

О боспорском происхождении пряжки бесспорно свидетельствует то, что по форме, деталям отделки, технике исполнения она очень близка к бронзовой пряжке из Керчи со знаком Тиберия Эвпатора [2].

Отсутствие в нашей прорисовке знака (табл. XV, рис. 2, *1,* рис. 3, *1*) двух горизонтальных линий между завитками (табл. XV, рис. 1) не случайно. Они не входили в композицию знака, так как отсутствуют в таком же знаке на другой пряжке (табл. XV, рис. 5) боспорского производства [3]. Это были, как и соединительные перемычки по бокам знака, дополнительные конструктивные детали, укреплявшие конструкцию знака и рамки пряжки. Подобные дополнительные детали известны в царских знаках и в знаках, принадлежавших лицам других родов [4]. Кстати, в последнем случае мы имеем пример применения одного знака без скрепляющей перемычки между завитками (№ 86 указ. соч. Э. И. Соломоник) и с перемычкой (№ 84 указ. соч. Э. И. Соломоник).

Какой же смысл заключал в себе этот «декоративный» знак? Кому он принадлежал? В Отчете Археологической Комиссии за 1890 г. и в работе Е. Миннза, повторно издавшего пряжку со знаком [5], эти вопросы остались открытыми. Не интерпретировал подробно знак и М. Эберт, опубликовавший в 1909 г.[6] пряжку боспорского производства из Южной России, хранившуюся в Берлинском музее и меченную таким же знаком (табл. XV, рис. 5). В своих общих выводах М. Эберт называет знаки апотропеическими эмблемами [7]. На выводы М. Эберта ссылается и Х. Рупп, рассматривая знаки Северного Причерноморья [8]. Э. И. Соломоник в работе «Сарматские знаки Северного Причерноморья» [9] определила знак как резьбу скорее орнаментального характера.

Действительно ли этот знак (табл. XV, рис. 2. *1,* рис. 3, *1*) — орнаментальное изображение апотропеического содержания? Прежде всего, необходимо отметить, что он явно сарматского происхождения. Среди многочисленных изображений сарматских тамг имеются близкие им по форме (табл. XV, рис. 2, *2—8*).

Безусловно, смысл знака на пряжке из Херсонесского некрополя нужно искать по аналогии с остальными знаками на пряжках (табл. XV, рис. 3, *2—6*). Наличие же на пряжках тамг царского типа (табл. XV, рис. 3, *2, 4—6*) свидетельствует об именном характере этих знаков, так как в настоящее время именной характер царских эмблем сомнений не вызывает.

Тот факт, что на некоторых пряжках [10] рядом с царскими тамгами встречается знак другой формы (табл. XV, рис. 4, *1*), не должен вызывать недоумение: на них, кроме имени царя, наносилось имя сарматского происхождения, что подтверждается наличием полностью аналогичных сарматских знаков (табл. XV, рис. 4, *2—4*). Подобное явление можно объяснить существовавшей на Боспоре черепицей с изображением двойного клейма [11].

Естественно, в новых условиях первых веков нашей эры, ознаменовавшихся преобладанием варварского начала и усилением сарматской знати [12], активной сарматизацией Боспора [13] и повсеместным распространением персональных знаков [14], последние заменили словесное обозначение имени владельцев, как это было на клеймах досарматского периода.

Правда, знак, стоящий на пряжках рядом с царским, не мог принадлежать просто арендатору, так как встречается он в виде самостоятельного клейма (табл. XV, рис. 3, *3*). Принадлежал же он представителю правящей знати (как было с черепичными клеймами в более раннее время [15]), который не только владел мастерской совместно с царем, но и имел собственный эргастерий для производства пряжек.

Из сказанного становится очевидным, что знак на херсонесской пряжке (табл. XV, рис. 1), являющийся именной сарматской тамгой, принадлежал знатному лицу, владевшему мастерской на правах полного хозяина. Таким лицом мог быть или представитель выдвинувшейся племенной знати, или видный государственный сановник [16], как предполагает Э. И. Соломоник в отношении владельца сарматского знака на упомянутых выше пряжках [17].

В Херсонес пряжка могла попасть различными путями, в том числе и в результате экспортной торговли [18]. Несмотря на то, что в годы правления Реметалка (131/32—153/54 гг. н. э.) Херсонес, вероятно, уже освободился от опеки Боспора [19], найденные в нем боспорские монеты [20] свидетельствуют об определенных торговых связях в III—IV вв. н. э. Во времена бытования названных пряжек Херсонес был важным торговым центром.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что рассмотренный знак новой формы (табл. XV, рис. 2, *1*, рис. 3, *1*) был не орнаментальным изображением апотропеической эмблемы, а именной сарматской тамгой, своеобразным клеймом владельца мастерской по производству пряжек.

Декоративное выполнение поперечной линии тамги на этой пряжке (табл. XV, рис. 1) не отрицает именного характера знака. В этом убеждает и наличие на одной из пряжек (табл. XV, рис. 6) знака царя Тиберия Эвпатора с поперечной линией орнаментального типа [21], и выполненный в декоративном стиле знак Савромата II на известняковой плите (табл. XV, рис. 7) из Танаиса [22], и то, что поперечная линия знака на пряжке из Берлинского музея не сохранила орнаментальной схемы такой же линии (табл. XV, рис. 5), как и на херсонесской пряжке (табл. XV, рис. 1). Декоративный характер поперечной линии знака на херсонесской пряжке (табл. XV, рис. 2, *1*, рис. 3, *1*) свидетельствует о том, что уже в римское время зарождался и применялся орнаментальный стиль выполнения знаков, что было началом тех сложных процессов, которые в конечном счете привели к появлению в Причерноморье тамговых орнаментов [23].

Если на рассмотренной херсонесской пряжке (табл. XV, рис. 1), пряжке со знаком Тиберия Эвпатора с поперечной линией орнаментального типа (табл. XV, рис. 6), а также на известняковой плите из Танаиса с декоративно выполненным знаком Савромата II (табл. XV, рис. 7) орнаментальный стиль еще не изменил смыслового, бытового и государственного значения знаков, то на многочисленных зеркалах-подвесках римского времени (табл. XVI, *23—56*) отдельные сарматские знаки и их элементы уже полностью применены в качестве составных частей тамгообразных орнаментов [24] (табл. XVII, *1—20*). Чтобы убедиться в этом, рассмотрим группу таких зеркал с выделенными основными видами тамговых орнаментов северопонтийской периферии античного мира.

1. Фрагмент бронзового зеркала, склеенный из двух кусков. Диаметр зеркала 6,2 *см*. Хранится в Днепропетровском историческом музее, инвентарный номер ДИМ-А-1521. Место находки установить не удалось. В инвентарной книге музея против названного номера есть ссылка на 318-й номер музейного каталога за 1893 г.[25] В данном каталоге под номером 318 значатся обломки не одного, а двух зеркал из тонкой бронзовой пластинки [26]. Никакой характеристики или описания этих двух обломков в каталоге не приводится. В общей характеристике к IV разделу каталога, под названием «Скифские древности», сказано: «Дальше идет группа находок с курганов около с. Любомировка Екатеринославской губернии (№ 303—331) смешанного скифо-мерянского характера: мерянские пряжки, подвески, бубенчики, скифские фибулы, кольца и др. Эти курганы представляют собой непосредственный переход от курганов славянских и поздних кочевников и могли бы быть отнесены к следующему периоду, если бы не несколько предметов чисто скифского характера, напр. № 306—307, 311, 319—322 и др.» [27]. Следовательно, нет оснований считать, что описываемый нами фрагмент

зеркала был найден именно в одном из курганов около Любомировки.

Фрагмент сохранился очень плохо. Бронза местами окислилась и покрылась патиной, что привело к деформированию орнамента. Несмотря на плохую сохранность, орнамент на зеркале удалось полностью восстановить (табл. XVI, *24;* XVII, *1*). Узор образован с помощью самой формы для отливки. Ширина рельефа 0,8—1 *мм,* высота 0,1—1 *мм.* Такая разница в высоте, наверное, результат разрушения поверхности зеркала в процессе окисления.

Орнамент на зеркале состоит из концентрических кругов (табл. XVII, *1*). Почти по самому краю зеркала идет круг (диаметром 6 *см*), в середине которого расположен круг поменьше — диаметром 4,9 *см.* Внутри него есть третий (самый маленький) — диаметром 1,5 *см.*

Центр всех трех кругов общий. В промежутке между маленьким и средним кругами находятся восемь колец диаметром 8—9 *мм* каждое.

Характер зеркала не оставляет сомнений в его сарматской принадлежности. Учитывая мнение Э. И. Соломоник [28] об использовании форм сарматских знаков для орнаментальных мотивов на зеркалах, полагаем, что рассмотренный орнамент развился из сарматских знаков в виде колец [29] (табл. XI, *805—806, 812—813, 891;* XIII, рис. 3, *48*). Кстати, сарматы использовали знак в виде колец не только как отдельную тамгу. Факты свидетельствуют о том, что одно или несколько колец широко использовались сарматскими племенами и как составные части знаков [30] (табл. XI, *807—811, 815—890, 892—893;* XIII, рис. 3, *49—62*). Причем этот мотив был распространен среди сарматов настолько, что оказал влияние даже на форму некоторых сложных знаков царей Боспора, войдя в качестве составного элемента в верхнюю именную [31] часть сложных гербовых знаков царского типа [32] (табл. XII, *923—949;* XIII, рис. 1, *19—44;* XIV, рис. 6, *1—13*).

Знаковый орнамент в такой композиции, как в данном случае (табл. XVII, *1*), встречается на сарматских зеркалах впервые и раньше не был известен ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе.

2. Зеркало из белого металла, склеенное из трех кусков, хранится в Днепропетровском историческом музее. Инвентарный номер ДИМ-А-4646. Место находки неизвестно. В музейном каталоге есть ссылка на 27-й номер V раздела («греко-скифская эпоха») музейного каталога 1910 г., где идет речь о предметах из случайных раскопок в Феодосии [33]. Эта ссылка не может быть действительной, потому что в упомянутом месте каталога говорится не о зеркале из белого металла, а о фрагментах бронзового зеркала [34].

Диаметр зеркала 6,2 *см.* Подобно другим сарматским зеркалам-подвескам этого типа, оно имело петлеобразную ручку, которая не сохранилась. Ширина последней (в том месте, где она была отломана) 1,2 *см,* толщина ее (как и всего зеркала), судя по линии слома, 1 *мм.* Сохранность зеркала плохая. Вся поверхность очень окислена, в отдельных местах деформирован орнамент (табл. XVI, *26;* XVII, *2*), который наносился одновременно с изготовлением зеркала при помощи литейной формы. Литейная форма была, очевидно, не совсем хорошего качества. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых местах рельефные линии орнамента во время отливки не получились. Места, где орнамент деформирован в процессе окисления, во время реконструкции выполнены пунктиром (табл. XVI, *26*).

Орнаментальная схема оригинальна (табл. XVII, *2*), хотя имеет общие черты с орнаментом зеркала № 1 (табл. XVII, *1*). Сходны в них три рельефных круга с общим центром на орнаментальной поверхности. Диаметр внешнего круга на зеркале 5,9 *см,* среднего — 4,6 *см,* внутреннего — 2,2 *см.* В отличие от восьми полных колец на зеркале № 1, в зеркале № 2 между средним и внутренним кругами помещено шесть полуколец, которые краями упираются в средний круг. Во внутреннем круге проведены две прямые линии, пересекающиеся в центре. Весь орнаментальный мотив создан рельефом шириной 0,5—1 *мм* и высотой 0,2—1 *мм.* Знаки в виде незамкнутых кругов известны у сарматского населения Причерноморья [35] (табл. VIII, *519—524, 536—537*). Сарматы использовали их и как составные элементы других разнообразных тамговых знаков [36] (табл. IV, *175, 209, 219, 239—241;* V, *276—281, 286, 289—290, 302—306;* IX, *621, 639, 662, 676;* XI, *860, 862—863;* XIII, рис. 3, *17, 31, 55*). То же можно сказать и о двух пересекающихся линиях во внутреннем круге. Этот знак употреблялся сарматами не только самостоятельно [37] (табл. VIII, *587—598*), но и в качестве составной части других знаков [38] (табл. VIII, *565—576, 579*).

Сказанное не оставляет сомнения, что в данном случае, как и в предыдущем, орнаментальная схема имеет тамговый характер, и развилась она из форм сарматских знаков Причерноморья.

Знаковый орнамент в таком варианте тоже встречается на сарматских зеркалах впервые.

3. Бронзовое зеркало-подвеска с петлеобразной ручкой, склеенное из пяти частей. Хранится в Днепропетровском историческом музее, инвентарный номер ДИМ-А-5582. Место находки в инвентарной книге не указано. Воз-

можно, что это зеркало, о котором идет речь в каталоге музея за 1910 г., где называются предметы из случайных находок в Керчи, между которыми было и «круглое бронзовое зеркало с ручкой, разломанное» [39]. Диаметр зеркала 5 *см,* ширина петлеобразной ручки 1,3—1,5 *см,* длина ручки 1,2 *см,* размеры отверстия в ручке 4×6 *мм,* толщина зеркала на линиях слома 1,5 *мм.* Сохранность зеркала хуже предыдущих. В результате окисления в двух местах по краям металл полностью разрушился. Во многих местах окисление разрушило и орнамент (табл. XVI, *50*; XVII, *3*). Орнамент на зеркале рельефный, высота последнего 0,5—1,5 *мм,* ширина 0,5—1 *мм.*

В отличие от первых двух зеркал, где в основе знакового орнамента лежит изображение только кругов (табл. XVII, *1*) или же кругов в сочетании с полукольцами и двумя прямыми линиями (табл. XVII, *2*), на зеркале № 3 мы видим еще более сложный знаковый орнамент. К кругам и прямым линиям, пересекающимся в центре, присоединяются изображения своеобразных «триденсов» или «птичьих лапок» (как именуют их некоторые авторы [40]), а также мотивы гаммированного знака (табл. XVII, *3*). Следует заметить, что все эти изображения расположены не между центральным и средним кругами (как в предыдущих случаях), а между двумя меньшими и двумя большими кругами. Колец на поверхности зеркала четыре. Диаметр самого большого круга 4,6 *см,* самого маленького — 3 *мм,* диаметры кругов, между которыми нанесен орнамент, 3,75 *см* и 1,3—1,4 *см.*

Описанный орнамент развился из сарматских знаков. Об использовании сарматами кругов и прямых линий для изображения тамговых знаков уже писалось. Среди сарматских знаков Причерноморья часто встречается гаммированный мотив, который использовался для изображения знаков в различных вариантах [41] (табл. VIII, *552—563*). Использовали сарматы для изображения знаков и мотив «птичьих лапок» [42] (табл. III, *123—128, 130;* VI, *360;* IX, *655;* XI, *883*). Соединение в единой орнаментальной схеме колец, прямых линий, «птичьих лапок» и гаммированного знака встречалось на сарматских зеркалах-подвесках II—III вв. н. э., найденных в Краснодаре [43], Ольвии [44], Среднем Прикубанье [45], Нижнем Поднепровье [46], на территории Неаполя Скифского в Крыму [47] и в других местах [48] (табл. XVI, *46—49*). На некоторых сарматских зеркалах-подвесках эти мотивы использовались отдельно (табл. XVI, *44—45*). Так, на бронзовом сарматском зеркале этого же типа, найденном на территории Волгоградской области, тамговый орнамент представляет собой соединение двух мотивов: гаммированного знака с «птичьими лапками» [49]. Такой же орнамент встречался и на бронзовых зеркалах, найденных на восточном участке некрополя Неаполя Скифского [50] и Нижнего Поднепровья [51]. Известны случаи использования сарматами только мотива гаммированного знака (табл. XVI, *18—19*) или «птичьих лапок» (табл. XVI, *52—53;* XVII, *19*). Мотив самостоятельного гаммированного знака на сарматских зеркалах-подвесках II—III вв. н. э. встречен в Краснодаре [52], Крыму [53] и на Нижнем Поднепровье [54]. Знаковый орнамент в виде «птичьих лапок» найден на аналогичных сарматских зеркалах из Танаиса [55] и Ольвии [56].

4. Зеркало из белого металла, склеено из пяти кусков. Петлеобразная ручка отломана и потеряна. Хранится в Днепропетровском музее, инвентарный номер ДИМ-А-5089. В инвентарной книге музея сказано, что оно было найдено во время раскопок Д. И. Яворницким в с. Афанасьевка Екатеринославской губернии. Одновременно дается ссылка на зеркало, упомянутое под № 65 музейного каталога за 1910 г. [57] При проверке выяснилось, что под № 65 значится не зеркало из белого металла, а «круглое бронзовое зеркальце» [58]. Следовательно, ссылка на с. Афанасьевку, как на место находки, сделана ошибочно.

Диаметр зеркала 6,5 *см,* толщина 0,5 *мм.* Сохранность его плохая. Местами поверхность так окислена, что орнамент почти не прослеживается. В одном месте орнамент не получился во время отливки (табл. XVI, *25;* XVII, *4*). Это свидетельствует о том, что форма, в которой отливалось зеркало, или была очень плохая, или же испортилась от длительного пользования. Орнамент рельефный. Высота рельефа в разных местах достигает от 0,1 *мм* до 1,5 *мм.* То же можно сказать и о ширине рельефа, которая колеблется от 0,5 *мм* до 2 *мм.*

В основе орнамента лежат четыре круга (табл. XVII, *4*). Диаметр самого большого — 6,2 *см.* В середине его нанесен круг диаметром 4,9 *см.* В свою очередь, в нем расположен круг диаметром 3,5 *см.* Диаметр четвертого круга 1,6 *см.* Центр всех кругов общий. В нем сделан еще круг, настолько маленький (диаметр 0,5 *мм*), что рельеф, который его образует, слился. Выше уже говорилось об использовании сарматами знаков в виде одного или нескольких кругов, а также изображений кругов для образования форм других эмблем; говорилось и о том, что круг был настолько распространенным составным элементом среди форм многочисленных сарматских знаков Причерноморья, что некоторые цари Боспора использовали его (под влиянием сарматского общества) для изображения верхней именной части своих тамг.

Сказанное свидетельствует о том, что и на зеркале № 4 орнамент имеет тамговый характер. Такой вариант тамгообразного орнамента на сарматских зеркалах встречается впервые.

5. Часть зеркала из белого металла. Хранится в Днепропетровском историческом музее. Инвентарный номер ДИМ-А-979. Место находки неизвестно. Сохранность его сравнительно хорошая. Толщина — 1 *мм*. Диаметр зеркала, который удалось установить в результате реконструкции, 7 *см*. Это одно из больших сарматских зеркал такого типа, известных на сегодняшний день. Второе зеркало-подвеска с петлеобразной ручкой диаметром 7 *см* хранится сейчас в Одесском археологическом музее [59]. Найдено оно в Керчи. На зеркале имеется большой рельефный знак боспорского царя Ининфимея [60], который царствовал в III в. н. э. и как выходец из варварской среды в качестве своего герба (табл. XIV, рис. 8, *1—8*) взял один из типичных сарматских знаков [61] (табл. XIV, рис. 8, *9—23*).

Орнаментальную схему восстановить не удалось (табл. XVI, *27;* XVII, *5*) из-за небольшого размера обломка. Орнамент наносился при изготовлении зеркала с помощью литейной формы. Еще при отливке орнамент был частично деформирован, разрушенные линии рельефа во время восстановления отмечены пунктиром (табл. XVII, *5*). Ширина рельефа, которым выполнен орнамент, 0,5—1,8 *мм,* высота 0,1—1 *мм*.

Хотя орнамент и не удалось восстановить полностью, ясно, что в его основе было изображение двух кругов с большим количеством коротких прямых линий, которые размещались между ними и имели радиальную ориентацию, то есть были направлены к центру круга (табл. XVII, *5*). Диаметр внешнего круга 6,8 *см,* внутреннего — 6 *см*. Длина радиальных отрезков, которые находились между кругами, 4 *мм*. Центр кругов общий. Аналогичный мотив двух кругов с большим количеством коротких радиальных отрезков (табл. XVI, *36—38;* XVII, *13—15*), который был основой тамгового орнамента и размещался по краям зеркала, встречен на сарматском зеркале-подвеске с петлеобразной ручкой, найденном в Поволжье [62] (табл. XVII, *14*). Сарматское зеркало II — III вв. н. э., где в основе орнамента лежит этот же мотив, было найдено и около Майкопа [63] (табл. XVII, *13*).

Что могло быть в центре зеркала из Днепропетровского музея, пока сказать трудно. Если на упомянутом зеркале с Поволжья в центре находился знак, близкий по форме к прямоугольнику [64] (табл. XVI, *37;* XVII, *14*), а на зеркале из Майкопа в центре был помещен сарматский гаммированный знак, окруженный маленькими треугольниками [65] (табл. XVI, *38;* XVII, *13*), то на обломке зеркала, о котором идет сейчас речь, сохранился только полукруг, который был, возможно, частью целого кольца, и знак в виде черточки с отростками. Последний встречается среди сарматских знаков Причерноморья [66] (табл. III, *139;* XIII, рис. 3, *4—5*). Знак, близкий по форме, встречается и в орнаменте на одном из сарматских зеркал-подвесок с петлеобразной ручкой, найденном на Северном Кавказе [67] (табл. XVI, *22*).

Несмотря на то, что рельефный орнамент на фрагменте зеркала из Днепропетровского музея не восстановлен полностью, у нас не возникло сомнения в том, что он тоже развился из сарматских знаков и имеет тамговый характер.

6. Фрагмент бронзового зеркала хранится в Днепропетровском историческом музее. Инвентарный номер ДИМ-А-18447. Место находки неизвестно. Диаметр зеркала 5,6 *см*. Толщина 0,4 *мм*. Сохранность фрагмента чрезвычайно плохая. Вся поверхность настолько окислена, что орнамент местами едва прослеживается. Во время реконструкции рельеф в таких местах выполнен, как и в предыдущих случаях, пунктиром (табл. XVI, *28;* XVII, *6*). Орнамент на зеркале рельефный. Ширина его 1—1,8 *мм*, высота 0,1—2,5 *мм*. Большая разница в высоте рельефа вызвана не только окислением, но и плохим качеством литейной формы.

Орнаментальная схема зеркала состоит из изображений четырех кругов и трех линий, которые пересекаются в центре кругов, образуя шесть радиально расположенных лучей (табл. XVII, *6*). Диаметр внешнего круга 5 *см*. Диаметр следующего — 3,7 *см*. Диаметр третьего круга 2,1 *см*. В середине всех трех кругов находится круг диаметром 1,2 *см*. Центр всех кругов, как и в предыдущих случаях, общий. Он обозначен рельефным возвышением высотой около 3 *мм*. Выше говорилось об использовании сарматами знаков в виде кругов и в виде прямых пересекающихся линий. Более того, среди форм сарматских знаков Причерноморья известен знак, где эти два мотива соединены воедино (табл. XI, *809—810, 814*). Такой сарматский знак из двух колец, в центре которых пересекаются три радиальные линии, образующие шесть лучей (табл. XI, *814*), обнаружен нами на известной «писаной» плите из Керчи [68] (табл. XL, *457*). Сарматский знак, образованный из двух колец и шести радиальных лучей, описывается Б. Наделем [69].

Все это свидетельствует о том, что и в данном случае орнамент в своей основе имеет изображение сарматских знаков и носит тамговый характер.

В описанном варианте знаковый орнамент на сарматских зеркалах встречается впервые.

До этого времени был известен орнамент только из двух колец, между которыми расположены семь (табл. XVI, *29*), восемь (табл. XVI, *30;* XVII, *9*) и более (табл. XVI, *31, 33—34;* XVII, *10*) радиальных лучей. Орнамент из семи радиальных лучей встречен на сарматском зеркале-подвеске с петлеобразной ручкой с Поволжья [70], из восьми — на двух сарматских бронзовых зеркалах с петлеобразными ручками, найденных во время раскопок некрополя Неаполя Скифского [71].

7. Бронзовое зеркало-подвеска с петлеобразной ручкой и рельефным орнаментом, склеено из двух частей. Хранится в Днепропетровском историческом музее, инвентарный номер ДИМ-А-5584. Место находки с полной достоверностью установить не удалось. Можно предполагать, что это то зеркало, о котором идет речь в каталоге музея за 1910 г. [72], где под номером 82 значится бронзовое зеркало с линейным орнаментом [73], найденное вблизи с. Борисовка Екатеринославской губернии. Диаметр зеркала 4,5 *см,* длина петлеобразной ручки 1,3—1,4 *см.* Ширина ручки неодинаковая. Если возле основания она 1,2 *см,* то дальше расширяется до 1,4 *см.* Отверстие в ручке овальное, размером 4×5 *мм.* Сохранность зеркала плохая, поверхность его окислена. В центре зеркала, в результате процесса окисления, образовалось сквозное отверстие размером 0,5×1 *мм.* Орнамент рельефный. Высота рельефа 0,5—1 *мм.* В результате окисления орнаментальный мотив на зеркале местами поврежден. Во время реконструкции поврежденные места выполнены пунктиром (табл. XVI, *32;* XVII, *7*).

Орнаментальная схема зеркала состоит из трех кругов, прямых лучеобразных линий, расположенных в середине наименьшего круга, и отрезков прямых линий, размещенных между наименьшим и средним, средним и внешним кругами (табл. XVII, *7*). Диаметр внешнего круга 4 *см,* среднего — 3,2 *см,* наименьшего — 2 *см.* Центр всех трех кругов общий: он обозначен небольшим возвышением высотой 0,5 *мм.* Пространство между наибольшим и средним кругами заполнено шестью радиально направленными линиями, которые соединяют наибольший и средний круги в единую схему. Длина каждой линии 4 *мм.* В свою очередь, средний круг соединен тоже шестью радиальными линиями длиной 6 *мм* каждая. Они не равномерно заполняют пространство между кругами, а расположены по три слева и справа от петлеобразной ручки. Наименьший круг соединен восемью радиальными лучами, длина каждого из них равняется половине диаметра наименьшего круга.

Анализируя подобные орнаментальные схемы на предыдущих зеркалах, мы говорили об их тамговом характере и происхождении от сарматских знаков Причерноморья. Сказанное свидетельствует о том, что и орнамент на данном зеркале своим происхождением обязан сарматским знакам.

Рассмотренный вариант тамгового орнамента встречается впервые. До сих пор на сарматских зеркалах-подвесках II—III вв. н. э. с петлеобразной ручкой был известен орнамент в виде трех кругов, в котором отрезки радиальных линий размещались только между наибольшим и средним, а также между средним и наименьшим кругами. Поле в наименьшем круге не заполнялось совсем. Причем между наибольшим и средним кругами находилось не шесть, а множество отрезков [74] (табл. XVI, *34*).

8. Фрагмент зеркала из белого металла. Хранится в Днепропетровском историческом музее. Инвентарный номер ДИМ-А-5861. Место находки установить не удалось. В музейной инвентарной книге сказано, что фрагмент был найден возле с. Любомировка Екатеринославской губернии; одновременно даются ссылки на 318-й номер музейного каталога, изданного в 1893 г.[75] При проверке обнаружилось, что под № 318 названы два фрагмента бронзовых зеркал, а не зеркало из белого металла. Диаметр зеркала 6,8 *см,* толщина 0,5 *см.* Сохранность сравнительно хорошая, хотя местами (особенно в центре) орнамент едва прослеживается. Очевидно, это объясняется или плохим качеством литейной формы, или продолжительным ее использованием.

Орнамент рельефный. Высота рельефа 0,1—2 *мм,* ширина — 0,7—1,8 *мм.* Сама орнаментальная схема достаточно сложная (табл. XVI, *55*), она объединяет четыре орнаментальных мотива: круги, радиально расположенные лучеобразные линии, неоконченные треугольники и мотив, подобный нижней части буквы «П» с загнутыми наружу нижними концами (табл. XVII, *8*). В орнаментальной схеме зеркала имеется три круга. Диаметр внешнего круга, расположенного по краю зеркала, 5,8 *см,* среднего — 2,3 *см,* самого маленького — 0,5 *см.* Центр всех трех кругов общий. Радиальные лучеобразные линии размещены между самым маленьким и средним кругами. Длина всех шестнадцати лучей, соединяющих эти два круга, 9 *мм.* Орнамент из неоконченных треугольников расположен между внешним и средним кругами и состоит из шести изображений. Каждое из них повторяется дважды (одно в середине другого), как бы дублируя друг друга. Треугольники размещены так, что касаются только внешнего круга, образуя две своеобразные шестиугольные звезды. Последние шесть изображений, подобные нижней части буквы «П» с очень загнутыми наружу ниж-

ними концами, по одному нанесены между «внешней звездой» и внешним кругом.

Откуда же происходит столь сложная орнаментальная схема, которая соединила в единой композиции четыре орнаментальных мотива? Как уже говорилось, мотивы кругов и радиальных лучей или линий в середине кругов своим происхождением обязаны сарматским знакам Северного Причерноморья. К такому же выводу привело нас исследование вопроса происхождения двух последних орнаментальных мотивов, которые образованы изображениями в виде незаконченных треугольников и нижней части буквы «П» с загнутыми наружу нижними концами. Об этом свидетельствуют следующие факты. Среди сарматских знаков встречаются знаки в виде треугольников [76] (табл. IX, *599—600, 712—713*). Нередко сарматы использовали треугольники в качестве составных частей других сарматских знаков [77] (табл. IX, *601—711, 714—715;* XIV, рис. 4, *2—9*). Как и мотив кругов, мотив треугольников был настолько распространенным среди сарматских племен Причерноморья, что оказал влияние и на сложные знаки царей Боспора, для изображения верхней именной части которых [78] (табл. XII, *903—905, 909—922;* XIII, рис. 1, *4—5, 15, 18;* XIV, рис. 5, *1—13*) боспорские цари тоже использовали треугольник [79]. Известны у сарматов и знаки в виде углов или неоконченных треугольников (табл. III, *25, 75—80*), в которых отсутствует третья сторона [80] (то есть таких, которые нанесены на зеркале из Днепропетровского исторического музея). Эти знаки использовались сарматами как составная часть других знаков [81] (табл. III, *59—61, 89, 95, 123—124, 127, 130, 152—154;* IV, *177, 193—194, 229, 244, 247;* V, *267, 277;* VI, *369, 422—424;* VII, *439—446, 448, 451—452, 488;* VIII, *568—571, 573—575, 579, 581—598;* IX, *610—612, 614, 694;* XIII, рис. 3, *2*). Использовали сарматы для своих тамговых знаков и изображения в виде двух черточек, нижние концы которых, в свою очередь, были загнуты наружу (табл. VI, *372—376*). На одной из сарматских пряжек Херсонесского некрополя (табл. XV, рис. 1) имеется сарматский знак [82], состоящий из двух изображений, подобных П-образным изображениям на зеркале из Днепропетровского исторического музея (табл. XVII, *8*).

Аналогичные изображения в качестве составных частей знаков известны и на других сарматских памятниках (табл. V, *351—353, 357—358;* VI, *380—382, 386—387, 421, 432—434, 436—437;* XI, *873—874*). Подобный мотив вообще встречается очень часто [83].

В единой орнаментальной схеме, которая развилась из форм сарматских тамг Причерноморья, все названные мотивы встречаются впервые и раньше не были известны ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе.

9. Бронзовое зеркало-подвеска. Хранится в Государственном историческом музее. Инвентарный номер 25 825. Найдено Н. И. Веселовским во время раскопок некрополя Неаполя Скифского [84].

Орнамент состоит из двух кружков с восемью радиальными лучами между ними (табл. XVI, *30;* XVII, *9*). Его тамговый характер не подлежит сомнению *.

10. Зеркало-подвеска с Северо-Восточного Кавказа [85]. Основу тамгообразного орнамента зеркала составляют описанные выше компоненты: два круга с большим количеством радиально расположенных лучеобразных отрезков (табл. XVI, *31;* XVII, *10*).

11. Бронзовое зеркало-подвеска с петлеобразной ручкой. Хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Найдено во время раскопок Неаполя Скифского в 1956—1958 гг.

Орнаментальная схема зеркала состоит из гаммированного мотива четырех завитков, вписанных между двумя кружками (табл. XVI, *39;* XVII, *11*). Мотивы гаммированных знаков, как и кругов, характерны для сарматских тамговых знаков.

12. Бронзовое зеркало-подвеска. Хранится в Крымском областном краеведческом музее. Инвентарный номер А-2939. Найдено П. А. Двойченко [86] в погребении I—II вв. н. э. вблизи с. Партизанское (бывшие Саблы) Крымской области.

Тамговый орнамент напоминает предыдущий (табл. XVII, *11*), отличаясь только тем, что концы завитков между двумя кружками загнуты в противоположную сторону (табл. XVI, *41;* XVII, *12*).

13. Сарматское зеркало-подвеска. Хранится в Государственном историческом музее. Инвентарный номер 48 802. Зеркало найдено в районе Майкопа [87], диаметр — 4,8 *см*.

Тамгообразный орнамент состоит из гаммированного знака (в центре), множества углов или неоконченных треугольников вокруг, и двух кругов по краю зеркала с большим количеством маленьких радиальных линий между ними (табл. XVI, *38;* XVII, *13*).

14. Зеркало-подвеска с петлеобразной ручкой из Поволжья [88]. Состоит из двух фрагментов плохой сохранности. Местами орнамент

* В связи с тем, что этот орнамент, а также другие (табл. XVII, *10—20*) типы тамговых орнаментов северопонтийской периферии античного мира состоят в основном из уже рассмотренных выше тамговых элементов, мы не будем больше останавливаться подробно на их анализе. Надеемся, что приведенные выше доказательства в пользу их тамгового происхождения достаточно убедительны.

настолько плохо различим, что мы реконструировали его по аналогии с орнаментом, сохранившимся на противоположной от ручки половинке зеркала, где он хорошо прослеживается.

Орнамент довольно простой: два круга по краю зеркала с большим количеством маленьких радиальных отрезков между ними и тамгообразный знак в центре, напоминающий прямоугольник с двумя вогнутыми внутрь противоположными сторонами (табл. XVI, *37;* XVII, *14*).

15. Обломок бронзового зеркала-подвески из с. Алхасте [89] (Северный Кавказ). Найден в 1938 г. в катакомбном захоронении. Е. И. Крупнов датирует весь комплекс погребения II—III вв. н. э. [90]

Тамговый орнамент отличается от предыдущего (табл. XVII, *14*) только тем, что в центре его помещен знак, близкий к квадрату (табл. XVI, *36;* XVII, *15*).

16. Зеркало-подвеска из белого металла [91]. Хранится в Краснодарском музее, колл. 223, № 444, погр. 90/1. От выпуклой шишечки в центре зеркала расходятся восемь строго симметричных радиальных лучей, охваченных кругом. Затем идет второй круг, начертанный слегка волнистой линией и, наконец, наружный круг правильной формы (табл. XVI, *35*).

Уникальной особенностью зеркала является сарматский знак довольно простой формы, помещенный (в отличие от других сарматских зеркал римского времени) между внешним кругом орнамента и основанием ручки (табл. XVII, *16*). Он употреблялся сарматами и в качестве самостоятельного знака (табл. III, *121;* XIII, рис. 3, *4*), и в качестве составной части других тамг (табл. III, *158;* IV, *163, 173—174, 202—203;* VI, *367;* IX, *645, 647—648, 667, 670—671;* XI, *829—831, 841—844, 848, 861;* XIII, рис. 3, *29, 32, 52—53*). Подобный знак встречается на одном из сарматских зеркал-подвесок [92] (табл. XVI, *22*), где расположен вправо, ближе к краю зеркала.

17. Бронзовое зеркало-подвеска. Хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Обнаружено во время раскопок Неаполя Скифского в 1956—1958 гг.

Орнамент состоит из двух кружков, четырех крестообразно размещенных радиальных лучей между ними и четырех тамгообразных знаков, соединенных с радиальными лучами (табл. XVI, *42;* XVII, *17*). Два из них представляют собой подобие печатной буквы «С» (табл. VII, *464—465, 518;* VIII, *527—530, 537—539*), два — печатной буквы «З» или арабской цифры «3» (табл. VII, *511, 513—516*). Оба знака характерны для сарматских тамговых знаков и употреблялись не только самостоятельно, но и в качестве составных элементов других сарматских тамг (табл. III, *137, 160;* IV, *163, 175, 179;* V, *272, 274—275, 281—285, 287—295, 297, 300—307, 337—338, 344—345, 347, 349, 358;* VI, *364—365, 369, 383, 423—436;* VII, *496—504, 507—508, 517;* VIII, *579;* IX, *637—638, 676—679, 688—699, 701—702, 708;* X, *742—745, 747—749, 753—757, 774, 803;* XI, *863—866, 884;* XIII, рис. 3, *28—30*; XIV, рис. 8, *9—13, 18, 20—21*).

Это свидетельствует о том, что в данном случае орнамент происходит от сарматских знаков и тоже имеет тамговый характер.

18. Зеркало-подвеска из белого металла. Хранится в Краснодарском музее, колл. 223, № 511, погр. 106/2. Найдено в могильнике в г. Краснодаре.

В основе орнамента — два круга. Между ними — восемь радиальных лучей. Четыре луча соединены с сарматскими тамгообразными знаками, напоминающими печатную букву «З» или арабскую цифру «3» (табл. XVI, *43;* XVII, *18*). Все составные части орнамента подтверждают его тамговое происхождение и сарматскую принадлежность. Заметим, что приведенные при рассмотрении зеркала № 17 многочисленные аналогии (и их вариации) знаку типа печатной буквы «З» из числа сарматских тамг убедительно свидетельствуют, что орнамент на данном зеркале не является простым удвоением мотива гаммированного знака, как считалось раньше [93].

19. Бронзовое зеркало-подвеска. Хранится в Одесском археологическом музее. Инвентарный номер 45006. В музей поступило в 1887 г. из Ольвии.

Орнамент представляет собой четыре «птичьих лапки», вписанные в круг и расположенные строго симметрично [94] (табл. XVI, *53;* XVII, *19*). Оба мотива — «птичьих лапок» и круга — убедительно свидетельствуют о тамговом характере самого орнамента.

20. Зеркало из белого металла с петлеобразной ручкой. Хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее, колл. 223, № 338, погр. 66/3. Найдено в 1929 г. в Краснодаре во время строительных работ на территории меотского могильника IV в. до н. э. — III в. н. э. Комплекс, в котором обнаружено зеркало, датируется II—III вв. н. э.

Орнаментальная схема зеркала чрезвычайно интересна (табл. XVI, *56;* XVII, *20*). Она включает в себя, помимо двух кругов и четырех «птичьих лапок», вписанных в схему между кругами, и еще четыре изображения, почти идентичных по форме нижней части сложных царских знаков Боспора (табл. XII, *894—949;* XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13,* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*).

Включение в орнаментальную схему зеркал элементов царских тамг Боспора весьма показательно. Оно не только лишний раз свидетельствует о высокой степени развития тамговых орнаментальных схем в Причерноморье (включая и Боспор) в римское время, но и позволяет судить о ходе этого развития: от первоначального декорирования основы знака (например, поперечной перекладины нижней части знака Тиберия Эвпатора — табл. XV, рис. 6 — на бронзовой пряжке из Керчи) и декоративного выполнения всего знака (например, знака Савромата II — табл. XV, рис. 7 — на известняковой плите из Танаиса) до применения отдельных частей тамговых знаков в единых композициях с другими тамгами (или их частями) Северного Причерноморья, представляющих собой в таком соединении уже не тамги, а тамговые орнаменты.

В связи с этим считаем необходимым рассматривать описанные виды тамговых орнаментов (табл. XVII, *1—20*) как отдельную группу тамгообразных изображений северопонтийской периферии античного мира (табл. XVI, *23—56*), также выделив их из общей массы северопричерноморских тамговых изображений римского времени (табл. III—XII).

Кроме того, все описанные выше виды тамгообразных орнаментов на зеркалах имеют важную общую черту: они так или иначе связаны с мотивами круга.

В начале главы говорилось о происхождении мотива колец и полуколец на сарматских зеркалах от аналогичных сарматских знаков и подчеркивалось, что среди сарматских знаков Северного Причерноморья мотив кругов был настолько распространен (табл. XI; XIII, рис. 3, *48—62*), что даже цари Боспора использовали его как составной элемент верхней именной части своих знаков (табл. XII, *923—949;* XIII, рис. 1, *19—44;* XIV, рис. 6, *1—13*) — безусловно, под сарматским влиянием.

Подобное явление, видимо, вызвано тем, что еще в бронзовом веке в представлении людей мотив кругов был неразрывно связан с солнцем [95]. Этим же объясняется и наличие среди рассмотренных схем тамгообразных орнаментов мотивов крестоподобного расположения линий, радиально направленных лучеобразных отрезков, звезд.

Все названные мотивы (тоже с бронзового века) были неразрывно связаны с изображением солнца, солнечных лучей [96].

С изображением солнца связаны и гаммированные знаки [97], и лучеобразные линии, сходящиеся в центре охватывающего их круга [98].

У кочевников Восточной Европы символика солнца уже в раннем средневековье была настолько распространена, что среди находок встречаются даже солнечные амулеты, изготовленные из металла в виде кольца [99], кольца с тремя [100] или четырьмя [101] радиальными лучами в середине, в виде двух колец, из которых меньшее находится в середине большего и соединяется с ним четырьмя крестообразными отрезками прямых линий [102]. В более позднее время (VIII—IX вв. н. э.) у носителей салтовской культуры [103] также встречаются солнечные символы на амулетах. Притом, если в раннем средневековье солнечные амулеты изготовлялись в основном без ручек (подвешивались, очевидно, непосредственно за кольцо), то в VIII—IX вв. н. э. они изготавливаются с петлеобразными ручками и круглыми отверстиями для подвешивания (аналогично сарматским зеркалам-подвескам). Кроме того, они имели вид не только двух колец, соединенных четырьмя крестообразными отрезками [104], но и колец, соединенных многими радиальными отрезками [105], а также колец, соединенных спиральными гаммообразными завитками [106]. Как известно, кочевники обожествляли солнце; хунский шаньюй, например, каждое утро совершал поклонение солнечному диску, который появлялся из-за горизонта [107].

Сказанное наводит на мысль о том, что рассмотренный тамгообразный орнамент на зеркалах римского времени соединял в себе разные идеи: тамговые (на ранних этапах развития тамговых орнаментов), декоративные и магические, связанные как с круглой формой зеркала (символизировавшей, очевидно, солнечный круг), так и с остальными солнечными символами, которые изображались на зеркалах и были составной частью описанных орнаментов северопонтийской периферии античного мира.

С какой именно конкретной целью (то есть в повседневной жизни) владельцы зеркал прибегали к магическим символам, пока недостаточно ясно, хотя некоторые предположения высказывались еще в 1914 г.[108]

В наше время, исходя из этнографических данных, известно, что символы солнца играли охранную роль [109]. С этой же целью — в качестве оберегов от нечистой силы — они ставились на разнообразных предметах домашнего обихода древней Руси [110]. Так, нанесенные на столовую посуду, солнечные символы охраняли еду; на мебели — охраняли владельцев при пользовании ею. На сундуках они оберегали домашнее добро [111]. При накоплении новых материалов дальнейшее изучение тамгообразных орнаментов на зеркалах и других вещах сможет дать более полный ответ на вопрос о практических целях магической символики.

[1] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 34, 130, рис. 18.
[2] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, № 76.
[3] *M. Ebert.* Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus.— PZ, Bd. I. Südende-Berlin, 1909, стр. 71, рис. 5, 6.
[4] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., № 78, 79, 84, 86.
[5] *E. H. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 507, рис. 339.
[6] *M. Ebert.* Указ. соч., стр. 71, рис. 5—6.
[7] *Там же,* стр. 71.
[8] *H. Rupp.* Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinland.— RFzV, Bd. II. Bonn, 1937, стр. 29.
[9] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 137, № 88.
[10] *Там же,* № 83—85.
[11] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 221.
[12] *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 142—143.
[13] *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 141—145, 216.
[14] *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. соч., стр. 430.
[15] *Там же,* стр. 215; *Д. Б. Шелов.* Указ. соч., стр. 72.
[16] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 159.
[17] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., № 83—85.
[18] *M. Ebert.* Указ. соч., стр. 71.
[19] *В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, № 4. М., 1963, стр. 33.
[20] *Л. Н. Белова.* Материалы из раскопок кварталов XV—XVIII.— МИА, № 34. М.— Л., 1953, стр. 255.
[21] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., № 80.
[22] *Там же,* № 12.
[23] *Там же,* № 46.
[24] *Там же,* стр. 36; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 167.
[25] Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. (Сост. К. Мельник), вып. 1. К., 1893, № 318.
[26] *Там же,* разд. IV, стр. 100, № 318.
[27] *Там же,* разд. IV, стр. 78.
[28] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 36; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 167.
[29] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 95; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 257, дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 16; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я.— НТЕ, № 3. К., 1970, стр. 73, рис. 1*в, 48; H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, табл. 6; 8; рис. 2; 11.
[30] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 30, 60, 76—84, 86—87, 89—92, 97—99, 101—109, 112, 132, 233, 238; *ее же.* О таврении скота в Северном Причерноморье. (По поводу некоторых загадочных знаков).— История и археология древнего Крыма. К., 1956, стр. 214, рис. 4*г*; стр. 217, рис. 5; ее же. Нові пам'ятки... стр. 160, рис. 3—3*а;* стр. 161, рис. 5—6; стр. 163, рис. 10; стр. 164, рис. 15; стр. 165, рис. 16; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі.— СНП, т. XXIII. К., 1958, стр. 168, рис. 3; *его же.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії (До питання про сфери вжитку загадкових знаків).— СНП, т. XXVII. К., 1961, стр. 20, рис. 1—2*а;* стр. 22, рис. 4; *1—3; его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 10—12; *его же.* Родові тамги на предметах побуту.— НТЕ, № 6. К., 1968, стр. 41, рис. 1, 5—6; стр. 43, рис. 8, 12; стр. 44, рис. 11; *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 180, табл. II, *6—7,* табл. III. *1, 6, 8, 10; H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 3; 4, рис. 2; 6; 10—14.
[31] Об использовании верхней части царских знаков для обозначения имени царя см.: *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем.— НЩ за 1956 р. К., 1957, стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 232—235; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я..., стр. 70—79; *его же.* Написи на камені. К., 1971, стр. 78—86 и др.
[32] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 7—18, 88; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3—3*а; В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 170, рис. 5; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1, 10; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 2, 6; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 4, рис. 1; 5; 7, рис. 1; 17.
[33] Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля. (Выпуск 1910 г.), разд. V, стр. 44, № 27.
[34] *Там же,* стр. 44, № 27.
[35] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11.
[36] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 63, 76; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 161, рис. 5; стр. 163, рис. 11; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1, *5;* стр. 44, рис. 11; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11.
[37] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 171; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6, рис. 2.
[38] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., № 137, 168—170, 174; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 159, рис. 2*а;* стр. 160, рис. 3—3*а;* стр. 161, рис. 6; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11.
[39] Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля..., гл. V, стр. 46, № 69.
[40] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 145—146; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Ernö Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.—СЭ, № 5. М., 1970, стр. 166.
[41] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 168, 174; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 8; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 44, рис. 11.
[42] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 60, 228; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 164, рис. 14; *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 44, рис. 11; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11; 14; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *8.*
[43] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 145—146, № 108—111.
[44] *Там же,* стр. 146, № 112.
[45] *Там же,* стр. 147, № 113.
[46] *Там же,* стр. 147, № 114—115.
[47] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167, рис. 20.
[48] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 147, № 116; *В. С. Драчук.* Зеркало с загадочными знаками из Ольвии.— СА, № 1. М., 1971, стр. 227, рис. 4, № 10.
[49] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 147, № 117.

[50] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 149, № 118; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 167, рис. 20.
[51] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 149, № 119.
[52] *Там же,* стр. 141, № 96.
[53] *Там же,* стр. 144, № 105.
[54] *Там же,* стр. 144, № 106.
[55] *Там же,* стр. 149, № 120.
[56] *Там же,* стр. 149, № 121.
[57] Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля..., стр. 87.
[58] *Там же,* стр. 87, № 65.
[59] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 141, № 98.
[60] *Там же,* стр. 142, рис. 98.
[61] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234—235.
[62] *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, Bd. II. München, 1956, табл. 44, *1.*
[63] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 140, № 95; стр. 142, рис. 95.
[64] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, *1.*
[65] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 142, рис. 95.
[66] *Там же,* общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 178; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1; стр. 44, рис. 11.
[67] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, *3.*
[68] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 10.
[69] *В. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *7.*
[70] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, *1.*
[71] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 150, № 123.
[72] Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля..., стр. 46.
[73] *Там же,* гл. V, стр. 46, № 82.
[74] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167, рис. 20.
[75] Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе..., № 318.
[76] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 163, рис. 10; *Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11—12; 14.
[77] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 23—26, 28—29, 31—34, 83, 134—136, 138, 143—166; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 158, рис. 1; стр. 159, рис. 2—2*а;* стр. 160, рис. 3—3*а;* стр. 161, рис. 5—6, 7*а;* стр. 162, рис. 8—9; стр. 163, рис. 10; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 11; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 5—6; стр. 43, рис. 8—11; стр. 144, рис. 11; стр. 45, рис. 13—15; *Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6, рис. 1—2; 7, рис. 1; 9—14; *В. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *11, 14; В. С. Драчук.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я..., стр. 73, рис. 1*в,* 31—47.
[78] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234; *его же.* Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970, стр. 75.
[79] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 1—3; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3—3*а; В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1; стр. 45, рис. 13, 23*; его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233, рис. 2; *Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 1, рис. 1—2; 8, рис. 1; 15—16; 18, рис. 2; *В. С. Драчук.* Шаг в неведомое.— Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1971, стр. 92, приложение III, *1—13.*
[80] *В. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *2, 5.*
[81] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 30, 63, 176; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21, рис. 3; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 43, рис. 7; *Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11—13; *В. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. III, *5; В. С. Драчук.* Шаг в неведомое..., стр. 93, приложение VI, *2.*
[82] *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 17; *Е. Н. Minns.* Указ. соч. стр. 507; *М. Ebert.* Указ. соч., стр. 71, рис. 5; *Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 15.
[83] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 163, рис. 11; стр. 165, рис. 16; *ее же.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 42, 70—71, 106, 128, 140, 220; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 163, рис. 11; стр. 165, рис. 16; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 43, рис. 8, *12; Н. Jänichen.* Указ. соч., табл. 8, рис. 2; 10; 14.
[84] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 150, № 123; стр. 37, рис. 6, ряд IV, № 1.
[85] *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Труды ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963, стр. 93, 214, рис. 41, *8.*
[86] ИТУАК, вып. 51. Симферополь, 1914, стр. 289.
[87] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 140, № 95; см. также стр. 37, рис. VI, ряд I, *1.*
[88] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, *1.*
[89] *Е. И. Крупнов.* Археологические памятники Ассинского ущелья.— Труды ГИМ, вып. XII. М., 1941, стр. 183—185.
[90] *В. Б. Виноградов.* Указ. соч., стр. 72, комплекс 2 (40), стр. 202, рис. 27.
[91] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 151, № 128; стр. 153, рис. 128, см. также стр. 37, рис. VI, ряд VI, *5.*
[92] *J. Werner.* Указ. соч., табл. 44, *3.*
[93] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 151, № 127; стр. 153, рис. 127; см. также стр. 37, рис. VI, ряд VI, *34.*
[94] *Там же,* стр. 149, № 121; стр. 153, рис. 121; см. также стр. 37, рис. VI, ряд III, *6.*
[95] *J. Déchelette.* Le culte du soleil aux temps préhistoriques.— RA, 4, XIII. Paris, 1909, стр. 314; *В. С. Драчук.* Написи на камені..., стр. 45—47, 87—89.
[96] *J. Déchelette.* Указ. соч., стр. 314; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 38.
[97] Происхождение креста. М., 1927, стр. 4; *Б. А. Рыбаков.* Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, № 1. М., 1965.
[98] *Д. Фрезер.* Золотая ветвь, вып. 4. М., 1928, стр. 171.
[99] *J. Hampel.* Указ. соч., табл. 164, рис. 1*а;* 175, рис. 8—10.
[100] *Там же,* табл. 164, рис. 14—15; 175, рис. 3.
[101] *Там же,* табл. 175, рис. 13.
[102] *Там же,* табл. 164, рис. 16.
[103] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 175.
[104] *Там же,* стр. 177, рис. 49, *1—3.*
[105] *Там же,* стр. 177, рис. 49, *6—7; В. С. Драчук.* Написи на камені..., стр. 89.
[106] *Там же,* стр. 177, рис. 49, *4—5.*
[107] *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 50.
[108] *J. Frazer.* Taboo and the perils of the soul. London, 1914, стр. 92—94.
[109] *В. П. Даркевич.* Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.— СА, № 4. М., 1960, стр. 64.
[110] *Там же,* стр. 57, 64.
[111] *Там же,* стр. 64.

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Какою же была судьба тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира? Изучение возможных путей их дальнейшего развития позволяет с полной уверенностью утверждать, что очертания тамг у сарматов, как и у других народов, с течением времени перерастали в орнамент.

Как уже отмечалось, на ранних ступенях развития тамгового орнамента еще осознается его связь с родовым знаком [1], со временем же эта связь все больше забывается. Сарматские зеркала, рассмотренные в предыдущей главе, были, видимо, одними из первых предметов обихода, которые начали «украшать» тамговым орнаментом. В V—VI вв. н. э. и позже тамговые орнаментальные схемы встречаются и на других изделиях, в частности поясных наконечниках [2], поступавших из Северного Причерноморья на территорию древних русов, Венгрии и прилегающих к ним районов. Одновременно тамговые орнаментальные мотивы причерноморского происхождения продолжают развиваться и на зеркалах раннего средневековья.

В Днепропетровском историческом музее среди неопубликованных памятников с различными загадочными изображениями нами обнаружено зеркало из белого металла, хранящееся в фондах музея под инвентарным номером ДИМ-А-1516. Все пространство вокруг небольшой ручки, расположенной в центре зеркала, было полностью заполнено изображениями различных знаков, выполненных с помощью выпуклого рельефа (табл. XVIII, рис. 1). В музейной инвентарной книге указано, что зеркало найдено вблизи Ольвии, и сделана ссылка на запись в музейном каталоге 1893 г. под номером 604 [3]. При проверке выяснилось, что в названном музейном каталоге действительно есть под номером 604 следующая запись: «Потиновое зеркало, обратная сторона украшена выпуклыми чертами, представляющими подобие букв; посередине ушко: диаметр 8,5 *см*» [4]. Сравнение этой записи с внешним видом зеркала и изображениями на нем (табл. XVIII, рис. 1) не оставляло сомнений, что речь идет о зеркале, обнаруженном в фондах музея и такого же диаметра. На следующей странице каталога указано, что за номерами 555—629 числятся вещи, найденные близ с. Парутино на месте древней Ольвии [5].

В связи с тем, что это зеркало до настоящего времени оставалось неизвестным, а изображения на нем проливают свет на развитие многочисленных северопричерноморских знаков первых веков нашей эры, вызывающих в последнее время особый интерес у отечественных и зарубежных исследователей [6], остановимся подробно на его описании. Зеркало сохранилось сравнительно хорошо (правда, уже в музее оно было разбито на три части и сейчас склеено). Петлеобразная ручка, находящаяся почти в центре зеркальной поверхности, немного вытянута, овальной формы, размером 1×1,3 *см*. Высота ручки 8 *мм*. Отверстие в ручке круглое, диаметром 2 *мм*.

Выпуклые изображения на зеркале — литые. Ширина рельефа в разных местах — 1,2 *мм*. Высота его — 0,1—1 *мм*. Кое-где при отливке изображения получились плохо. Основой композиции рельефа является большой круг, расположенный по краю зеркала (табл. XVIII, рис. 1), диаметром 8 *см*. Внутри его находится круг гораздо меньший, диаметром всего 3,5 *см*. В свою очередь, внутри этих двух кругов имеется третий — диаметром 2,7 *см*. Центр у них — общий. Все пространство между внешним и средним кругами заполнено рельефными знаками и маленькими выпуклыми точками, диаметром 2—3 *мм* каждая (табл. XVIII, рис. 1).

Среди знаков больше всего выделяются однотипные сложные знаки, повторяющиеся четыре раза. Каждый из них состоит как бы из двух частей. Нижняя часть напоминает своеобразный триденс с урезанной ручкой, от углов которого отходят маленькие, прямолиней-

ные и более длинные полукруглые отростки, загнутые вниз. В трех знаках полукруглые отростки (степень загнутости у них разная) отходят вправо. У четвертого знака полукруглый отросток обращен влево. У этого же знака есть прямолинейный отросток, обращенный вправо,— он гораздо короче других (около 1 *мм*). Верхняя часть всех четырех знаков состоит из трех отростков в виде так называемых птичьих лапок.

Внутри большого и среднего кругов четыре сложных знака размещены следующим образом: каждый из них концами своей нижней части касается внешнего круга, охватывающего всю композицию, а концы среднего отростка верхней части упираются во второй внутренний круг. Знаки расположены между кругами крестообразно.

Между описанными знаками помещены знаки упрощенной формы. Они состоят либо из двух отрезков прямых, соединяющихся под острым углом и образующих фигуры в виде неоконченных треугольников, либо из одного прямолинейного отрезка, либо из композиции, соединяющей в себе небольшой прямолинейный отрезок и фигуру из двух линий, расходящихся в стороны под слегка закругленным углом (табл. XVIII, рис. 1).

Размещены эти знаки на зеркале следующим образом. Между сложным знаком, у которого изогнутый отросток нижней части обращен влево, и таким же сложным знаком, помещенным от него справа, находится знак из двух прямых отрезков, сходящихся под острым углом (соединение их не полностью достигнуто при отливке) и опирающихся нижними концами на линии внешнего круга. Внутри знака находится выпуклая точка. Такие же точки — слева и справа от него.

Вправо, по другую сторону от сложного знака, находится аналогичный знак. Между ним и следующим знаком помещена точка. Далее расположен знак более сложный, состоящий из двух линий, соединяющихся не под острым, а немного закругленным углом, с вершины которого к внешнему кругу отходит небольшой прямолинейный отросток. Такой знак единичен, в его развилке помещена точка. Справа от него (почти рядом с третьим) помещен знак в виде отрезка прямой линии. Одним своим концом он опирается на внешний круг, другим — направлен к центру зеркала.

В пространстве между двумя сложными знаками также имеются три выпуклые точки. Одна из них, как и в предыдущем случае, помещена внутри знака, образованного двумя линиями, упирающимися основанием в большую окружность. Вторая находится между концами двух линий, образующих вместе с прямым отрезком знак, обращенный основанием к центру зеркала. Третья выпуклая точка размещена между этими двумя знаками.

Еще правее, в следующем промежутке между двумя сложными знаками, помещен знак, подобный двум предыдущим в виде незамкнутого треугольника с точкой внутри. Другая точка помещена слева от него, ближе к сложному знаку.

И, наконец, в последнем — четвертом — промежутке между сложными знаками находятся еще два. Один из них представляет собой неоконченный треугольник, угол которого упирается в большой круг. В его развилке помещена одна точка, другая расположена у левого отростка знака, третья — в промежутке между незаконченным треугольником и следующим знаком, состоящим из прямой линии, одним концом опирающейся на окружность большого круга, а другим — направленной к центру зеркала. При отливке этот верхний конец соединился с верхней частью сложного знака, у которого полукруглый отросток обращен влево.

Что же представляют собой все эти знаки, откуда происходят их формы?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории Причерноморья в первые века нашей эры, когда на всей этой территории были широко распространены так называемые загадочные знаки [7], известные ныне как знаки сарматских племен [8] (табл. III—XI; XIII, рис. 3) и царей Боспора [9] (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44*). Именно сарматские племена и цари Боспора широко использовали аналогичные и подобные знаки, которые были племенными, родовыми и именными тамгами [10].

Рассмотрим изображения кругов, которых на ольвийском зеркале три. Сарматы на протяжении долгого времени использовали мотив круга (как уже указывалось в предыдущей главе) для изображения тамговых знаков [11]. Использование кругов в качестве тамгового знака было настолько характерным для сарматов, что они употребляли это изображение не только как отдельный тамговый знак, но и как составные части многих знаков [12].

Такая популярность сарматских знаков, связанных с изображением круга (табл. XI), привела к тому, что даже цари Боспора использовали (под сарматским влиянием) круг как составной элемент верхней именной [13] части царских знаков [14] (табл. XII, *923—949;* XIII, рис. 1, *19—44*).

Среди сарматских знаков имеются и знаки, образованные двумя отрезками прямых линий, соединяющихся между собой под острым углом (образующих, в свою очередь, фигуру в виде неоконченного треугольника), и третьим отрезком, выходящим из острого угла [15], в ко-

тором соединяются две первые линии. Близкие по форме сарматские знаки встречаются и на других памятниках первых веков нашей эры [16] (табл. XVIII, рис. 2, *5, 8—10*).

Среди сарматских тамг нередки знаки, образованные просто двумя сходящимися под острым углом отрезками (фигура неоконченного треугольника). Так, знаки, полностью аналогичные таким же четырем крестообразно расположенным знакам на зеркале, известны и на сарматских памятниках [17]. Подобные знаки встречаются и на плите с большим количеством сарматских знаков [18] из Новочеркасского музея (табл. XVIII, рис. 2, *6—7*).

Знаки в виде неоконченных треугольников (в которых отсутствует третья сторона) использовались сарматами и как составная часть других тамг [19].

Вообще же треугольник и круг были очень популярны у сарматов (табл. IX), использовавших их в качестве самостоятельных знаков [20] и в качестве составных элементов других тамг [21]. Круг и треугольник оказали влияние и на знаки царей Боспора — они нередко входят в изображение именной части [22] царских знаков [23] (табл. XII, *903—905, 909—922*).

Среди знаков на зеркале из Ольвии встречается тамга в виде небольшого отрезка прямой линии. И в этом случае изучение сарматских знаков привело к выявлению ряда таких же сарматских тамг [24]. Два подобных знака, из которых один полностью аналогичен рассматриваемым знакам на зеркале из Ольвии, имеются на фрагменте известняковой архитектурной детали из Ольвии [25] (табл. XVIII, рис. 2, *3—4*).

Последнюю группу знаков составляют четыре сложных однотипных знака, образующихся из соединения двух мотивов: «триденсов» с небольшими отростками, выходящими из верхних углов, и «птичьих лапок». Откуда проникли эти мотивы на зеркале из Ольвии? Исследование показало, что они широко бытовали в Причерноморье в первые века нашей эры, хотя назначение их было разным.

Мотив «птичьих лапок», образованный тремя пересекающимися в одном месте отрезками прямых, употреблялся сарматами в их тамговых знаках [26] и применялся как отдельный знак [27] (табл. XVIII, рис. 2, *1*) или как элемент композиционной схемы более сложных сарматских знаков [28] (табл. XVIII, рис. 2, *2*).

Мотив, подобный своеобразному «триденсу» с отростками, отходящими из верхних углов, использовался для нижней династической части [29] сложных царских знаков Боспора Киммерийского [30]. Некоторые из них мы приводим для сравнения на таблице XVIII, рис. 3, *1—8* (№ 1 — на известняковой плите с территории Боспора [31]; № 2 — на известняковом рельефном надгробии, найденном по Феодосийскому шоссе в Крыму [32]; № 3 — на плите из Танаиса [33]; № 4 — на поясном наконечнике из Керчи [34]; № 5 — на известняковой плите из Новочеркасского музея [35]; № 6 — на известняковой плите с территории Боспорского царства [36]; № 7 — на фрагменте надгробия из Боспора [37]; № 8 — на известняковой плите из Керчи [38]). Как видно из рисунков, нижняя часть этих знаков почти такая же, как и нижняя часть сложных знаков на зеркале из Ольвии (табл. XVIII, рис. 1).

Более того, на известняковой плите, найденной на территории Боспорского царства [39] (табл. XVIII, рис. 3, *6*), и на фрагменте известняковой архитектурной детали из Керчи [40] (табл. XVIII, рис. 3, *7*) имеются знаки царского типа, нижняя часть которых полностью аналогична нижней части сложных знаков на зеркале из Ольвии (табл. XVIII, рис. 1 и рис. 3, *6—7*).

Все это подтверждает, что и сложные знаки на ольвийском зеркале являются производными от форм тамгообразных знаков, широко распространенных в Причерноморье в первых веках нашей эры. В более раннее время сарматы охотно наносили на зеркала тамговый мотив в виде «птичьих лапок». В первых веках нашей эры их помещали на зеркалах, широко бытовавших в различных местах Причерноморья и расходившихся за его пределы [41]. Изображения «птичьих лапок» часто соединяются с изображениями кругов, гаммированных знаков и пр. Такие сарматские зеркала были, например, найдены в погребениях некрополя Неаполя Скифского [42] (табл. XVIII, рис. 4, *1—3*), на Днепропетровщине [43] (табл. XVIII, рис. 4, *4, 9*), в Краснодаре [44] (табл. XVIII, рис. 4, *5—8*), в Поволжье [45] (табл. XVIII, рис. 4, *10*).

Интересно отметить, что уже на одном из сарматских зеркал первых веков нашей эры, найденных в Краснодаре, помимо четырех изображений «птичьих лапок», в пространстве между двумя кругами (как и на зеркале из Ольвии) размещены четыре знака [46], подобные начертанию нижней части многочисленных сложных царских знаков Боспора [47] (табл. XVIII, рис. 4, *5*) и такой же нижней части сложных знаков на ольвийском зеркале (табл. XVIII, рис. 1).

Названные знаки, соединенные вместе с изображениями типа «птичьих лапок», образовали новый сложный знак, повторяющийся (тоже четыре раза) на зеркале из Ольвии (табл. XVIII, рис. 1). Это соединение произошло, видимо, еще в сарматское время. Во всяком случае, на одном из сосудов III—V вв. сарматского облика, найденном на поселении черняховской культуры в Среднем Поднепро-

вье *, имеется изображение «птичьих лапок» такое же, как в нижней части некоторых знаков [48] типа царских (Боспор). Мотив «птичьих лапок» сохранялся довольно долго и известен на средневековых зеркалах [49]. Встречается этот мотив и на других металлических изделиях средневекового времени в Восточной Европе, начиная с IV—V вв. н. э.[50] (табл. XVIII, рис. 5, *1—3*).

Хотелось бы обратить внимание на то, что круглые выпуклые точки, расположенные между сложными знаками на зеркале из Ольвии, тоже происходят из варварской среды Причерноморья первых веков нашей эры. Об этом свидетельствуют найденные Д. Б. Шеловым при раскопках Танаиса глиняные кружки с глубоко вырезанным орнаментом из аналогичных четырех «птичьих лапок», кругом в центре и различным количеством круглых ямок [51] (которые давали отпечатки круглых выпуклых точек). Что касается датировки зеркала, то Т. Н. Книпович отмечает бытование на Боспоре подобных зеркал с изображением в виде «птичьих лапок» и петлеобразной ручкой в центре в V—VIII вв. н. э.[52] Зеркала этого типа были найдены также в погребениях V в. н. э. на территории Закарпатья и Венгрии [53]. К этому же времени можно отнести и зеркало из Ольвии. Считаем также, что не исключена и более ранняя его датировка.

Для чего же были нанесены эти изображения на зеркало? В чем заключался их смысл?

Повторенные четыре раза одни и те же крестообразно расположенные сложные знаки, а в промежутках между ними знаки в виде неоконченных треугольников свидетельствуют о том, что они наносились, безусловно, с орнаментальной целью (как и у сарматов на многочисленных зеркалах), о чем писалось в предыдущей главе. Однако изображения на зеркале из Ольвии сохраняли, видимо, какое-то символическое значение. Об этом свидетельствует и тот факт, что такое же значение имели сарматские знаки в тамговом орнаменте на зеркалах [54], а также то, что с изображениями знаков, расположенных вокруг петлеобразной ручки, тесно связаны в единой композиции изображения трех кругов, с древнейших времен символизирующих магическую силу солнца [55]. В пользу этого говорят размещенные между изображениями знаков небольшие ямки. Д. Б. Шелов, нашедший глиняные кружки с подобными изображениями и ямками, считает, что они служили для изготовления культовых лепешек [56]. Символическое значение рассмотренных изображений подтверждается и глиняным кружком с подобными изображениями, найденным в самой Ольвии в слоях первых веков нашей эры. Изготовленный по типу упомянутых зеркал [57], он на обратной от изображений стороне имел процарапанный солнечный диск с расходящимися лучами, играющий, видно, роль оберега [58] того, что символизировали нанесенные изображения.

В заключение отметим, что изображения на предметах быта, имеющие, помимо практической идеи, символическую, встречаются у разных народов [59].

Вернемся к вопросу о происхождении тамгообразных изображений на поясных наконечниках и других изделиях раннего средневековья, найденных на территории древних русов и современной Венгрии, и посмотрим, откуда же произошли эти изображения (табл. XIX, рис. 4, *18*, рис. 19, *1—13*), основу которых, как известно, составляют своего рода двузубцы и тридентсы (схем, включающих изображения триденсов, мало; они выявлены на нескольких экземплярах тройных соединительных блях от ремня и позолоченных, инкрустированных драгоценными камнями фибулах).

Отметим, что если раннесредневековые поясные наборы, на которых встречаются тамгообразные изображения, являлись, в основном, продуктом местного причерноморского производства, то вопрос о происхождении тамгообразных изображений на них обстоит, видимо, далеко не так. Как известно, на Боспоре существовали не только сложные царские знаки местного происхождения (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13,* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*), но и огромное количество разнообразнейших сарматских знаков (табл. III—XI; XIII, рис. 3, *1—62;* XIV, рис. 4, *2—10,* рис. 8, *1—23,* рис. 9, *1—6*), распространенных в таком количестве, что контингент царских знаков растворялся в этом разнообразии. Но именно этот сравнительно незначительный контингент сложных царских знаков (табл. XII; XIII, рис. 1, *4—44;* XIV, рис. 5, *1—13;* рис. 6, *1—13,* рис. 7, *1—4*) был местного происхождения. К тому же они использовались только на территории Боспора, в то время как знаки других начертаний (табл. III—XI; XIII, рис. 3, *1—62;* XIV, рис. 4, *2—10,* рис. 8, *1—23*) применялись во всем Причерноморье. Эти знаки, занесенные в Причерноморье сарматскими племенами, прочно вошли в быт населения северопонтийской периферии античного мира. Одной из областей применения этих знаков в практической жизни и была (как уже говорилось) область ремесленного производства.

---

* Данные о знаке на сосуде любезно сообщили сотрудники Института археологии АН УССР В. Д. Дяденко и Е. В. Махно, за что пользуемся случаем их поблагодарить. В настоящее время этот сосуд, найденный во время раскопок В. Д. Дяденко и Л. М. Рутковской в Жовнине Черкасской области, находится в экспозиции Археологического музея Центрального научно-естественного музея АН УССР.

Еще мастера римского времени метили тамгами свои изделия, в частности пряжки. Причем мастера, работающие в царских мастерских, ставили царский знак (табл. XV, рис. 6); владельцы собственных мастерских ставили личный знак (табл. XV, рис. 1, рис. 5). В раннем средневековье ситуация изменилась. Еще в III в. н. э. Боспор представлял собой греко-сарматское образование. С течением времени варварские элементы занимали все большее место в жизни Боспора. Одновременно с варваризацией Боспора усиливался процесс упадка Боспорского царства. В 332 г. н. э.[60] Боспорское царство прекратило чеканку монет * и, хотя имеются данные о существовании боспорских царей, положение их было, вероятно, не очень прочным. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в середине III в. н. э.[61] в Боспорском царстве властвовали два царя, один из которых хотя и был варвар по имени Фарсанз, но обладал царственной властью и выпускал свои монеты боспорского образца [62].

Несмотря на то, что захват власти на Боспоре Фарсанзом в середине III в. н. э. был кратковременным, а само Боспорское царство продолжало существовать после кризиса середины III в. н. э. еще свыше ста лет (до вторжения гуннов около 375 г. н. э.), оно все это время продолжало терять свой прежний облик, растворяясь в варварской среде [64].

Однако с уничтожением рабовладельческого Боспора местные ремесла продолжают существовать. Об этом свидетельствуют новые раскопки Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, а также поселений на Таманском полуострове. К периоду послегуннского нашествия в последней четверти IV в. н. э. относится возрождение жизни в Танаисе.

Сами гунны, пришедшие с Востока в причерноморские степи и проводящие беспрерывные войны, были заинтересованы в изделиях мастеров Боспора, славившихся далеко за его пределами. Источники этого периода свидетельствуют, что в это время все Северное Причерноморье было рынком, где боспорские ремесленники сбывали свои изделия. Кто же были эти ремесленники?

Как уже говорилось, в рассматриваемый период Боспор и прилегающие территории Северного Причерноморья населяли в основном сармато-аланские племена и остатки варваризованного эллинского населения. Поэтому мастерами-ремесленниками этого времени были, видимо, большей частью сармато-аланы.

В новых условиях они приобрели большую самостоятельность, то есть перестали быть зависимыми от крупных владельцев мастерских. Даже бывшие царские мастера получили возможность метить отныне свои изделия не царским знаком, а собственным. Этим и объясняется, например, тот факт, что на поясных наборах раннего средневековья уже не встречаются знаки владельцев мастерских, которые имеются на боспорских пряжках II—III вв. н. э.

Как же должен решаться вопрос о происхождении тамгообразных изображений (табл. XIX, рис. 19, *1—13*), находящихся на поясных наборах [65] северопричерноморской периферии, датируемых в основном VI—VII вв. (табл. XIX, рис. *5—18*)? Ясно, что решать его так же, как и вопрос о происхождении сложных царских знаков Боспора, нельзя. Эти изображения были, по всей вероятности, не местного, а сарматского происхождения. Во-первых, потому, что большой контингент ремесленников Причерноморья в это время составляли представители сармато-аланского населения. Во-вторых, греческое население было настолько варваризовано, что заимствовало к этому времени многие черты варварской культуры.

Поэтому очевидно, что ремесленник сарматского происхождения ставил на своих изделиях соответственно сарматские тамгообразные изображения. Вполне допустимо, что в этой обстановке и ремесленники — представители варваризованного греческого населения — также ставили главным образом тамговые изображения типа сарматских. Тем более, что применение тамгообразных знаков было занесено в Северное Причерноморье и на окружающие территории именно сарматами. Ремесленникам эллинского происхождения принадлежала, вероятно, и та часть изделий, которая метилась не двузубыми изображениями, а триденсами; что касается местного — коренного населения причерноморской периферии, то оно до прихода сарматов вообще не употребляло тамговых знаков.

Как же представляется нам в свете вышесказанного вопрос о происхождении так называемых знаков Рюриковичей (табл. XXI)?

Прежде всего отметим, что первые сведения о них относятся к середине X в. и принадлежат Ибн-Мискавейху, который, рассказывая о походе русов на Бердаа в 943—944 гг., отмечает, что русы во всех местах, где они собирали дань, оставляли свой знак, чтобы знать, где собрали дань, а где нет [66]. Можно предполагать, что это был знак Игоря, который княжил в эти годы. Другое сообщение мы находим в «Повести временных лет», где рассказывается о походе княгини Ольги на Север: «В лето 6455 иде Ольга Новугороду и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли и знаменья и мес-

---

* По данным К. В. Голенко, чеканка продолжалась до 336 г. н. э.[63]

та и погосты»[67]. Здесь слово «знаменья» также не могло иметь другого значения как знака княжеской собственности. В этом убеждает и тот факт, что «Русская правда» словом «знаменный» обозначала предмет, который был помечен княжеским знаком. Кроме того, «Русская правда» сообщает о наличии княжеских знаков, употреблявшихся в княжеском хозяйстве: «А за княж конь, иже тои с пятном, три гривны»[68]. Здесь слово «пятно» ясно указывает, что под ним нужно понимать княжеский знак. Есть и другие письменные свидетельства о княжеских знаках[69].

Как уже говорилось, многие исследователи считают, что они происходят или из тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII), или же непосредственно из знаков на поясных наборах раннего средневековья (табл. XIX, рис. 5—18, рис. 19, *1—13*).

Мы пришли к выводу, что предысторию «знаков Рюриковичей» (табл. XXI) можно искать среди знаков Северного Причерноморья римского времени (табл. III—XII) и тамгообразных изображений на раннесредневековых изделиях (табл. XIX, рис. 4—18, 19, *1—13*), наиболее полно описанных Б. А. Рыбаковым[70].

Возможно, что они происходят именно от тамгообразных изображений на поясных наборах, подвесках, фибулах и других памятниках раннего средневековья[71]. Именно в X в., то есть в то время, когда распространились «знаки Рюриковичей» (табл. XXI) в Причерноморье и на прилегающих территориях, уже исчезли те тамгообразные знаки римского времени, которые повсеместно употреблялись в северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII). Вместо них в раннем средневековье появляются новые тамгообразные изображения, которые встречаются на поясных наборах и других изделиях VI—VIII вв. н. э. и по происхождению являются, очевидно, сарматскими и боспорскими.

Те из знаков, которые имеют в основе изображения нижней части сложных царских знаков Боспора или триденса, уходят, видимо, своими корнями непосредственно к боспорским знакам. И хотя прямые доказательства высказанным мыслям отсутствуют, имеется ряд весьма убедительных подтверждений.

Как известно, основную схему тамгообразных начертаний на средневековых изделиях составляют знаки типа двузубцев, реже — триденсов (табл. XIX, рис. 19, *1—13*). Подобная картина наблюдается и в знаках киевских князей (табл. XXI, *1—64*), основной схемой которых тоже являются именно двузубцы и триденсы.

Интересно, что среди изображений обеих групп основной схемой служит двузубец. Правда, раннесредневековые двузубцы (табл. XIX, рис. 19, *1—13*) и двузубцы X—XII вв. (табл. XXI, *1—64*) несколько расходятся по начертанию. Так, раннесредневековые имеют длинный стержень, а двузубцы X—XII вв.— короткий в виде небольшого отростка внизу. Но это различие, как показывает анализ, вовсе не разъединяет их. Величина знака (в том числе и длина стержня) часто зависела от формы и размера предмета, на котором он ставился *.

Предметы раннесредневекового времени, где двузубцы имеют длинный стержень, представляют собой в основном наконечники поясных наборов, то есть предметы узкие и длинные. Естественно, что в таких условиях двузубец имел и длинный стержень, так как он был вытянут во всю длину наконечника. Когда же двузубец ставили на печати или монете, то стержень терял свою длину, так как форма и величина этих предметов явно не позволяли ставить двузубец с длинным стержнем.

В этом нас убеждает то, что на тех же наконечниках длина стержня двузубца зависела от длины наконечника: на коротких стержень знака был короче, на длинных — длиннее (табл. XIX, рис. 5—9; *14—16*). Более того, двузубец попадается и на предметах раннего средневековья со стержнем в виде небольшого отростка, аналогично так называемым двузубцам Рюриковичей[72] (табл. XIX, рис. 4).

Разница же между двузубцами (табл. XIX, рис. 19, *2—13*), изображенными на раннесредневековых предметах (табл. XIX, рис. 4—9; 12, *14—16*), и двузубцами «Рюриковичей» (табл. XXI, *6, 10, 11, 13—19, 28—51*) объясняется в значительной мере развитием знаков и их применением с различными целями в повседневной жизни.

Известно, что «знаки Рюриковичей» (табл. XXI, *1—64*), как и царские знаки Боспора (табл. XII, *894—949*), развивались наследственно и меняли в той или иной мере свою форму с изменением имени правителя; общей же оставалась лишь основа: двузубец или триденс. Это изменение выражалось в добавлении или убавлении небольших отрогов, завитков к основе знака. Отроги добавлялись или снизу, или по бокам, или внутри (табл. XXI, *6, 10—19, 27—62*).

Отметим, что анализ форм «знаков Рюриковичей» выявил еще одну черту, характерную для этих знаков, для сложных царских знаков Боспора и для знаков на поясных наборах раннего средневековья. Во всех названных знаках некоторые дополнения иногда не играли ника-

* О зависимости размеров и конфигурации составных частей знаков от величины и формы предметов, на которые их наносили, сказано в главе о царских знаках Боспора.

кой роли и употреблялись с декоративной целью. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить декоративные элементы знаков на пряжках боспорского производства (табл. XV, рис. 1; *5, 6*), декоративно выполненный знак Савромата II на плите из Танаиса (табл. XV, рис. 7), декорированные знаки на принадлежностях раннесредневековых поясных наборов (табл. XIX, рис. 5—8), а также сопоставить «знаки Рюриковичей» на монетах (табл. XXI, *1—26*) и печатях, которыми метились изделия, выпускаемые для внешней торговли, различные предметы ремесленного производства княжеских ремесленников, государственные документы и т. п. (табл. XXI, *27—64*).

Как видно из рисунков (табл. XXI, *2—5, 7—9*), на монетах те же знаки выполнены в торжественной, парадной форме и заполнены разнообразнейшими завитками, дополнениями, прорисованными с разных сторон [73]. Причем сама основа знака выполнена двойными, тройными и т. д. линиями. На печатях же знак представляет собой четкое изображение двузубца, нанесенного одной линией. Отроги недекоративного характера, которые имеются на печатях [74], были связаны лишь с изменением имени владельца знака, так как «знаки Рюриковичей» передавались по наследству. И только эта причина обусловливала дополнительные части на знаках, встречаемых на печатях (при сохранении основной схемы двузубца и триденса). Все сказанное свидетельствует, что различного рода декоративные добавления (табл. XXI, *2—5, 7—9*) в «знаках Рюриковичей» на монетах имели орнаментальный характер, свойственный (табл. XIX, рис. 19, *2, 6, 7*) тамгообразным изображениям на поясных наборах раннего средневековья (табл. XIX, рис. 5—8).

Развитием знаков объясняется и тот факт, что не все двузубцы киевских князей имели стержень с развилкой (табл. XXI, *11, 28—32, 34—36*). Что касается схем, образующих триденс, то некоторые из них вообще аналогичны (табл. XXI, *52—53*) изображениям триденса с маленькой ручкой или специальным значкам в виде триденса на монетах боспорских царей (табл. XIII, рис. 2, *3, 11—14*).

Полные аналогии «знакам Рюриковичей» имеются среди тамгообразных знаков на изделиях раннего средневековья, найденных на территории будущего Киевского государства. Так, например, знак Ярослава Мудрого на поясных бляшках, обнаруженных возле д. Вахрушево (Приладожье) и в окрестностях Суздаля [75], почти полностью аналогичен знаку на поясном наконечнике из Перещепинского клада Полтавской области [76] (табл. XIX, рис. 17). Поясной наконечник датируется концом VII — началом VIII в. н. э. и был изготовлен, вероятно, в Северном Причерноморье. Знаки напоминают собой в обоих случаях триденс. Аналогичны «знаки Рюриковичей» на гончарных изделиях княжеских ремесленников [77] и, возможно, знак в виде триденса на двух фибулах V в. н. э. причерноморского производства из кургана у д. Круглица Архангельского сельсовета Орловской области [78]. Имеется и литейная форма, найденная при раскопках В. В. Хвойко в Киеве, на месте княжеского двора, также дающая подобный знак — триденс [79].

Интересно отметить, что «знаки Рюриковичей» по своему значению и по применению также находят полную аналогию именно в Причерноморье [80].

Как уже отмечалось, царские знаки Боспора употреблялись для следующих целей: как герб царской династии; как именной знак царя, заменяющий его имя; как знак собственности боспорских царей. Это же относится и к «знакам Рюриковичей», так как они служили, во-первых, гербом киевских князей [81], во-вторых, именным знаком киевских князей и заменяли их имя [82], в-третьих, знаками собственности киевских князей [83].

К сожалению, у нас нет всех ступеней переходной картины трансформации «знаков Рюриковичей» из рассмотренных нами причерноморских тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира и раннего средневековья. Но это вовсе не значит, что «знаки Рюриковичей» оторваны от тамгообразных изображений конца V — начала VIII в. н. э. (найденных на территории древних русов) и их предшественников — тамговых знаков Причерноморья римского времени. Дело в том, что у нас еще нет археологических находок с тамговыми изображениями непосредственных предшественников Киевской Руси. Они появляются лишь в период Киевского государства.

Однако есть все основания полагать, что когда памятники с тамговыми знаками и изображениями предкиевского периода будут найдены, ученые получат недостающие доказательства, которые, возможно, покажут, как происходил процесс трансформации тамгообразных изображений VI—VII вв. н. э., впервые встреченных на территории будущей Киевской Руси и своими корнями уходящих в среду тамгообразных изображений северопонтийской периферии античного мира.

А такой процесс вполне мог происходить. В пользу этого говорит не только вышесказанное, но и то, что VIII—IX вв. н. э. на территории будущего Киевского государства были периодом классообразования и зарождения государственных объединений и периодом завершения этих процессов, начавшихся, несомненно, раньше.

Как известно, уже в IV в. н. э. появляется сильный славянский князь Бож, сосредоточивший власть в своих руках. Иордан — готский историк — называет Божа словом «царь». В VI в. н. э. возникают новые сильные объединения под главенством Маджака [84]. Центр этих объединений был, по-видимому, в районе Карпат.

Заметим, что В. О. Ключевский на основании свидетельства Массуди и данных «Повести временных лет» о дулебах писал, что на Руси во времена князя Игоря еще хорошо помнили об этой первой попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полные сведения. Сто лет спустя, во времена Ярослава, русский повествователь отметил только поэтический отрывок упомянутого исторического воспоминания. Военный союз, по мнению В. О. Ключевского, был фактом, который можно поставить непосредственно у истоков русской истории, начавшейся в VI в. н. э. [85]

С VII в. н. э. племенные названия сменяются географическими и носят характер территориальных обозначений [86]. Имеются сведения о возникновении в VIII в. н. э. более или менее прочных государственных образований: Куявии, Славии, Артании [87]. А в IX в. н. э. на арену выступает уже существующее Киевское государство во главе с князем Аскольдом. Это государство, представляющее собой единое монолитное целое, было в состоянии диктовать свою волю соседям [88].

Разумеется, описанные выше тамгообразные изображения конца V — начала VIII вв. н. э. вряд ли могли пропасть бесследно и в VIII—IX вв., так как это было время повсеместного существования князей и других владельцев, имеющих имущество, богатства и, естественно, желающих пометить их своим знаком, чтобы оградить эту собственность.

Б. А. Рыбаков считает, что уже в VI—VII вв. н. э. часть раннесредневековых изделий с тамгообразными изображениями являются местным вариантом причерноморских изделий [89].

Не исключена возможность и местного происхождения некоторых славянских тамг [90]. В последнее время в районах Припяти найдено много трапециевидных подвесок с двузубыми знаками, датируемых рубежом новой и старой эр [91].

Относительно других путей развития тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII) ничего определенного сейчас сказать нельзя. Возьмем, например, знаки (табл. XIX, рис. 3, *1—15*) на наконечниках копий (табл. XIX, рис. 1, 2), привлекавшие внимание многих ученых [92]. У нас нет ни одного подтверждения, кроме внешнего совпадения начертаний, для отнесения знаков (табл. XIX, рис. 3, *1—15*) на копьях (табл. XIX, рис. 1, 2) к кругу причерноморских знаков первых веков нашей эры (табл. III—XII). Что же касается внешнего совпадения форм (особенно вилкоподобных и гаммированных знаков, кругов и т. п.), отметим еще раз: идя сравнительным путем, нельзя вывести происхождение вилкоподобных и гаммированных знаков на копьях из аналогичных знаков на неолитических сосудах из Тордоса и Семигорья [93], из двузубцев, распространенных во II—I вв. до н. э. и в начале нашей эры в Прибалтике на трапециевидных подвесках, из вилкоподобного знака — символа молнии, изображенного на античных вазах [94]. Да и некоторые рунические знаки имеют начертания, сходные со знаками на копьях [95]. Подобное предположение, по нашему мнению, тем более выигрывает, что указанные копья отличаются от круга вещей, изготовленных в Северном Причерноморье: тип их западноевропейский, а рунические надписи (табл. XIX, рис. 1, 2) недвусмысленно указывают на их принадлежность.

От выводов об отнесении знаков на копьях (табл. XIX, рис. 1—3, 1—15) к кругу причерноморских знаков (табл. III—XII) необходимо предостеречь еще и потому, что тогда нить легко потянется в среду домовых (и прочих) марок Европы (табл. XX, *1—140*), формы которых вообще идентичны формам сарматских знаков (табл. III—XI) (идентичны также и сферы их употребления) [96], но о происхождении которых из сарматских знаков не может быть и речи.

Относительно большого сходства форм сарматских тамг (табл. III—XI) с кабардинскими [97] (табл. XXII, *1—99*), с тамгами тюркских [98] (табл. XXIV, *1—64;* XXV, *1—176*) и иранских [99] (табл. XXVI, *1—99*) народов, с тамгами западнокавказских горцев (табл. XXIII, *1—90*), сходства со знаками городищ Саркел [100] и Маяцкое [101] на Дону (табл. XXVIII, *1—158;* XXIX, *1—64*), средневекового Крыма [102] (табл. XXX, *1—108*), то опять следует подчеркнуть: на всех материках земного шара формы тамг в основном однообразны [103], и, пока археология не даст веских доказательств переходных периодов, ставить вопрос о применении населением указанных территорий заимствованных у сарматов знаков нельзя.

В заключение еще раз обращаем внимание исследователей на то, что о трансформации знаков в письмо можно говорить лишь следующее: так как каждый знак был, собственно, специфической пиктограммой [105], то знаки применялись (как это подтверждают этнографические параллели) [106] для примитивной «записи» и передачи каких-либо сведений. Говорить о большем нет никаких оснований [107].

[1] *В. Н. Чернецов.* К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 169—170, табл. V.

[2] *B. Pósta.* Archaeologische Studien auf russischem Boden. Bd. III—IV. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 139, рис. 84, стр. 182, рис. 119; *J. Hampel.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. II. Braunschweig, 1905, стр. 193—194, табл. 156; стр. 225—226; табл. 180; см. также работы: *Б. А. Рыбакова.* Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности...).— СА, т. XVII. М., 1953 (Мартыновский и Хацковский клады, стр. 85; рис. 20, 2; стр. 97, рис. 25, 15—18); *G. László.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, s. n., XXXIV. Budapest, 1955, стр. 158—186 и др.

[3] Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. (Сост. К. Мельник), вып. I. К., 1893.

[4] *Там же,* отдел III, стр. 75, № 604.

[5] *Там же,* стр. 76.

[6] *G. László.* Указ. соч.; *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем.— НЩ за 1956 р. К., 1957; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959; *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956; *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961; *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963; *И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962; *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка.— Культура античного мира. М., 1966; *Г. Ф. Турчанинов.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

[7] *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933; *Е. М. Штаерман.* О «загадочных знаках» Северного Причерноморья.— ВДИ, № 1. М., 1950; *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії (До питання про сфери вжитку загадкових знаків).— СНП, т. XXVII. К., 1961.

[8] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 17; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі.— СНП, т. XXIII. К., 1958, стр. 167—168; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 254.

[9] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 24; *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 170; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 232—235; *Д. Б. Шелов.* Указ. соч., стр. 268—275.

[10] *В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 244; *его же.* Родові тамги на предметах побуту.— НТЕ, № 6. К., 1968, стр. 46.

[11] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 95; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 257, дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 16; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6; 8, рис. 2; 11.

[12] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 30, 60, 76—84, 86—92, 97—99, 101—109, 112, 132—134, 184, 233, 238; *ее же.* О таврении скота в Северном Причерноморье. (По поводу некоторых загадочных знаков).— История и археология древнего Крыма. К., 1956, стр. 214, рис. 4; стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 160, рис. 3—3*а;* стр. 161, рис. 5—6; стр. 163, рис. 10; стр. 164, рис. 15; стр. 165, рис. 16; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 20, рис. 1—2*а;* стр. 22, рис. 4, *1—3; его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 10—12; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1, *5—6;* стр. 43, рис. 8, *12;* стр. 44, рис. 11; *B. Nadel.* Указ. соч., табл. II, *6—7;* III, *1, 6, 8, 10; H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 3; 4, рис. 2; табл. 6; 8—14.

[13] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255.

[14] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 7—18, 88; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3—3*а; В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 170, рис. 5; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1; стр. 43, рис. 10; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 2, 6; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 4, рис. 1; 5; 7, рис. 1; 17.

[15] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6, 12.

[16] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 177—180.

[17] *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, 2, 5.

[18] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 159, рис. 2.

[19] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 30, 63, 176; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 168, рис. 3; *его же.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21, рис. 3; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 43, рис. 7; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11—13; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. III, 5.

[20] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками..., стр. 163, рис. 10; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11—12, 14.

[21] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 23—26, 28—29, 31—34, 83, 134—136, 138, 143—166, 175—176; *ее же.* О таврении скота..., стр. 217, рис. 5; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 158, рис. 1; стр. 159, рис. 2—2*а;* стр. 160, рис. 3—3*а;* стр. 161, рис. 5—6, 7*а;* стр. 162, рис. 8—9; стр. 163, рис. 10; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, стр. 257, № 11; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 5—6; стр. 43, рис. 8—10; стр. 44, рис. 11; стр. 45, рис. 13—15; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6, рис. 1—2; 7, рис. 1; 9—14; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *11, 14.*

[22] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234.

[23] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 1—4; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3—3*а; В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1; стр. 45, рис. 13, 23; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233, рис. 2; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 1, рис. 1—2; 8, рис. 1; 15—16; 18, рис. 2.

[24] *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 6, 9—12, 14; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *1.*

[25] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 121, № 60.

[26] *Там же,* общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 60, 228; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 144, рис. 11; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 11, 14; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 180, табл. II, *8.*

[27] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 228.

[28] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 164, рис. 14.
[29] *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем..., стр. 127; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233—235.
[30] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 1—2, 4—5, 7—12, 14—18; *ее же.* О таврении скота..., стр. 211, рис. 1; стр. 214, рис. 4*б*; *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 170, рис. 5; *его же.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, № 2, 6; *его же.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 41, рис. 1—2, 6; стр. 43, рис. 7—8, 10; стр. 45, рис. 13, 23; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233, рис. 2—5; *его же.* Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я.— НТЕ, № 3. К., 1970, стр. 71, рис. 1*а, 8—37, 41—44; его же.* Об исследовании тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира.— ВДИ, № 4. М., 1970, стр. 161—162.
[31] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 105, № 48.
[32] *Там же,* стр. 79—80, № 35.
[33] *Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка..., стр. 269, рис. 1.
[34] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 133, № 76.
[35] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3*а*.
[36] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 105, № 48.
[37] *Там же,* стр. 108, № 50.
[38] *Там же,* стр. 100—101, № 45.
[39] *Там же,* стр. 105, № 48.
[40] *Там же,* стр. 108, № 50.
[41] *Там же,* стр. 145—150, № 108—122.
[42] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167, № 22.
[43] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 149, № 119; стр. 147, № 114.
[44] *Там же,* стр. 150, № 126; стр. 145—146; № 108; стр. 146, № 111; стр. 146, № 109.
[45] *Там же,* стр. 147, № 117.
[46] *Там же,* стр. 150, № 126.
[47] *В. С. Драчук.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 233, рис. 5.
[48] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 6, 13, 20.
[49] *Там же,* стр. 145; *В. С. Драчук.* (Рецензия) E. Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— СЭ, № 5. М., 1970, стр. 166.
[50] *J. Hampel.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. III, Atlas. Braunschweig, 1905, табл. 180, рис. 8; *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. B. Tafelteil. München, 1956, табл. 54, рис. 3; *44,* рис. 8.
[51] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 145—146.
[52] *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.—Л., 1949, стр. 57. Отметим, что исследование зеркал А. М. Хазановым показало распространение подобных зеркал и во II—IV вв. н. э. (*А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, № 4. М., 1963; *его же.* Раннесредневековые зеркала Восточной Европы.— Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963, стр. 84—94 и другие работы).
[53] *J. Eisner.* Slovensko v pravéku. Bratislava. 1933, стр. 237, рис. 21, *7; J. Hampel.* Указ. соч., табл. 44, А, рис. 4.
[54] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167; см. также предыдущую главу нашей работы.
[55] *J. Déchelette.* Le culte du soleil aux temps préhistoriques.— RA, 4, XIII. Paris, 1909, стр. 314.
[56] *Д. Б. Шелов.* Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 110—111.
[57] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 145.
[58] *В. П. Даркевич.* Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.— СА, № 4. М., 1960, стр. 64.
[59] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 127; *В. П. Даркевич.* Указ. соч., стр. 66—67 и др.
[60] КБН. М.—Л., 1965, стр. 833.
[61] КБН. М—Л., стр. 833; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 189.
[62] *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 206; *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье..., стр. 188.
[63] *К. В. Голенко.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.— ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 334.
[64] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 468.
[65] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 23—104; *G. László.* Указ. соч., стр. 158—186 и другие работы.
[66] *А. Ю. Якубовский.* Ибн-Мискавейх о походе Руссов в Бердаа в 934—44 гг.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 69.
[67] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I. СПб., 1916, стр. 69.
[68] Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. М.—Л., 1934, стр. 9.
[69] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940, стр. 229—230.
[70] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 23—104; см. также: *G. László.* Указ. соч., стр. 158—186; *N. Fettich.* Die Metalkunst der Landnehmenden Ungarn.— AH, XXI. Budapest, 1937, табл. CXXI—CXXIV и другие работы.
[71] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 96.
[72] *Там же,* стр. 96—97, рис. 25, *14.*
[73] *А. В. Орешников.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам.— ИАН СССР, № 2, серия VII. Л., 1930, стр. 93; *его же.* Денежные знаки домонгольской Руси.— Труды ГИМ, вып. 6. М., 1936, табл. I и другие работы.
[74] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв..., стр. 237.
[75] *Там же,* стр. 240, рис. 39—40.
[76] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 97, рис. 25, *19.*
[77] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв..., стр. 249, № 75.
[78] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 51, рис. 5, *2.*
[79] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв..., стр. 238, № 89.
[80] *Там же,* стр. 233.
[81] *Там же,* стр. 227—257.
[82] *А. В. Орешников.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам..., стр. 87—112; *его же.* Денежные знаки домонгольской Руси..., стр. 7—94.
[83] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв..., стр. 227—257.
[84] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 48; *А. Я. Гаркави.* Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874, стр. 135.
[85] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. I. М., 1937, стр. 104.
[86] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. Л., 1953, стр. 330.
[87] *Там же,* стр. 117, 444, 522.
[88] *Б. А. Рыбаков.* Ранние славяне и Русь.— Доклад на VIII конференции Института археологии АН УССР.
[89] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 89.
[90] *В. С. Драчук.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі.— УІЖ, № 1. К., 1970, стр. 78.
[91] *В. С. Драчук.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі..., стр. 174.
[92] *A. Götze.* Ostgotische Helme und symbolische Zeichen.— Mannus. Würzburg, 1909, стр. 24, рис. 3; *W. Antoniewicz.* Żelazne oszczepy inkrustowane z Kamienicy, w pow. Jarosławskim.— PA, I, zesz. 3—4. Poznań, 1920; *J. Kostrzewski.* Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne? — PA, II—III, zecz. 3—4. Poznań, 1921, стр. 127, рис. 1, *1—15; K. Schuch-*

hardt. Vorgeschichte von Deutschland. München und Berlin, 1928, стр. 275, рис. 233; *M. Śmiszko.* Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem.— WA, XIV. Warszawa, 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 43—44 и другие работы.

93 *J. Kostrzewski.* Указ. соч., стр. 129, рис. 4.

94 *K. Schuchhardt.* Указ. соч., стр. 287.

95 Сравни, например, рунические знаки, опубликованные Г. Арнтцом (*H. Arntz.* Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler. Halle, 1938, стр. 99—100), и знаки на копьях (табл. XIX, рис. 3, *2, 6; J. Kostrzewski.* Указ. соч., стр. 127, рис. 1, *2, 6*).

96 *G. Homeyer.* Die Haus-und Hofmarken. Berlin, 1870, табл. 1—40.

97 *Е. Фелицын.* Сборник тамг или фамильных знаков западно-кавказских горцев и племени Кабертай Адигского народа.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 503; *В. П. Пожидаев.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— УЗ КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 239—263; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 45.

98 *О. Акчокраклы.* Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1926.

99 *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, табл. 23—24; *J. Unvala.* Sassanian seals and Sassanian monograms. N. P. Khareghat, Memorial Volume, I. Bombay, 1953, табл. II—IX.

100 *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935.

101 *Н. Е. Макаренко.* Археологические исследования 1907—1909 годов.— ИАК, вып. 43. СПб., 1911, стр. 1—47.

102 Археологические памятники юго-западного Крыма.— МИА, № 34. М.—Л., 1953, стр. 134, 431; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым. М.—Л., 1964, стр. 47, 66, 93; *его же.* Крым в средние века. М., 1973, стр. 50, 68, 94.

103 *В. С. Драчук.* Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970, стр. 72.

104 *Там же,* стр. 72—73.

105 *Ч. Лоукотка.* Развитие письма. М., 1950, стр. 22.

106 *П. С. Ефименко.* Юридические знаки.— ЖМНП, ч. CLXXV—CLXXVI. СПб., 1874, стр. 167; Живая старина, вып. I—IV. СПб., 1894, стр. 418; *Д. Н. Соколов.* О башкирских тамгах.— ТОУАК, т. XIII. Оренбург, 1904, стр. 84—90; *О. Акчокраклы.* Указ. соч., стр. 16—19; Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом. М., 1963, стр. 89, 216—217; *Э. Добльхоффер.* Знаки и чудеса. М., 1963, стр. 33—34; *K. Weule.* Afrikanische Bildenschriften.— Kosmos, H. 1. Stuttgart, 1914, стр. 17—18; *K. Weule.* Vom Kerbstock zum Alphabet. Stuttgart, 1921, стр. 21 и другие работы.

107 *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование тамгообразных изображений северопонтийской периферии античного мира, проводимое нами с 1953 г. и выполненное с учетом результатов новейших открытий, привело к следующим выводам.

Рассматриваемые тамгообразные изображения состоят из трех основных групп. Самую большую из них составляют сарматские тамги (табл. III—XI), занесенные в Причерноморье сарматскими племенами. К числу знаков местного происхождения, не принадлежавших сарматам, относится вторая группа — сложные царские знаки Боспора (табл. XII) типа знаков Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*), Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*). Третью группу тамгообразных изображений Северного Причерноморья и прилегающих к нему территорий составляют тамгообразные орнаменты (табл. XVII).

Исходным знаком большинства сарматских тамг было изображение родового знака. В более позднее время в качестве тамговых знаков использовали условные изображения объектов и предметов окружающего мира или их частей. Этим объясняется наблюдаемое порой сходство рассматриваемых нами сарматских тамг с тамгами других народов.

Сарматские знаки применяли с различными целями: для таврения животных; для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (своего рода «домовая книга»; в подобном случае знаки наносили либо на стены пещер или жилищ, либо на специальные каменные плиты или другие предметы, часто вторично используемые для этой цели, либо на ворота или стены городищ и пр.); для обозначения пастбищ и водопоев — в таких случаях знаки высекали на скалах, больших камнях, на заметных предметах вблизи источников воды и пр.; для обозначения предметов домашнего хозяйства владельца тамги и различных предметов, найденных без клейма или еще никому не принадлежавших и впервые объявляемых собственностью и пр.

Использовали причерноморские знаки и с магическими целями. Свидетельством об использовании знаков с культовыми целями не могут служить такие факторы, как сочетание знаков с рисунками, повторение на одной плите одинаковой формы знаков, наличие на одном памятнике большого количества различных знаков, нанесенных разными резцами и в разное время. Знаки могли иметь культовый смысл лишь тогда, когда их наносили на культовые памятники с культовой (магической) целью.

Иногда тамговые знаки наносили и без всяких преднамеренных целей.

Знаки сарматского происхождения, имеющие подобную форму, но изображаемые на предметах под другим углом или с отклонением той или иной линии, принадлежали, видимо, разным лицам.

Примитивные рисунки, встречающиеся рядом с сарматскими знаками, тоже могли быть сарматскими тамгами. У сарматских племен, как и у других народов, знаки сложных форм сосуществовали на определенных этапах со знаками простых форм.

Сарматские знаки на поясных пряжках (табл. XIV, рис. 11, *1—3;* XV, рис. 1, рис. 2, *1,* рис. 3, *1, 3*, рис. 5) и других ремесленных изделиях, в том числе и золотых, были либо знаками царей — выходцев из сарматской среды, либо говорят о существовании, помимо царских, мастерских сильной сарматской аристократии.

Наличие большого количества сарматских зеркал-подвесок (табл. XVI) из разных районов с одинаковыми изображениями подтверждает существование работавших на широкий рынок специализированных мастеров или мастерских по производству зеркал.

Изучая знаки второй группы (табл. XII), мы пришли к следующим выводам.

Сложные царские знаки типа знаков Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*), Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) являются двучленными и представляют собой особую группу, сформировавшуюся, в отличие от всех других знаков, непосредственно на территории Боспорского царства. Истоки верхней (именной) части этих знаков коренятся в именных сарматских тамгах, занесенных на территорию Боспора сарматами (табл. XIII, рис. 3, *1—62*). Не исключено, что нижняя (династическая) часть своим происхождением, возможно, обязана изображению триденса — одного из древних символов боспорских династий (табл. XIII, рис. 2, *1—16*). Такое соединение боспорской и сарматской традиций и образование нового «гибридного» знака боспорских царей (табл. XII, *894—949*) могло иметь место и произошло (если наша гипотеза подтвердится дальнейшими исследованиями) в начале сарматского периода истории Боспора.

Впервые сарматская традиция проникла в царскую эмблематику Боспора, вероятно, во время царствования Динамии. Знак, встречающийся на монетах, был, видимо, не обычной греческой монограммой (как считают многие исследователи), а именным символом (табл. XIV, рис. 4, *1*) сарматского типа (табл. XIV, рис. 4, *2—10*). Известны и другие знаки боспорских правителей, являющиеся именными знаками сарматского происхождения — эмблема Аспурга, а также знаки Фофорса (табл. XIV, рис. 9, *1—4*) и Ининфимея (табл. XIV, рис. 8, *1—8*), выходцев, судя по всему, из сарматских родов, оказавшихся временно у власти в силу определенных исторических обстоятельств.

Знак Фофорса ставили на монетах, возможно, вместе с близкими по форме знаками его родственников (табл. XIV, рис. 9, *1—4*). В настоящее время не представляется возможным определить, какой именно формы знак был знаком самого Фофорса.

Царями Боспора, не принадлежавшими к правящей династии, становились некоторые из тех представителей сарматской знати, знаки которых мы встречаем на поясных пряжках и каменных плитах либо рядом со знаками боспорских царей, либо отдельно на других боспорских памятниках государственного значения (табл. XIV, рис. 12, *1—5*).

Изображение отдельного знака на специально вытесанной для этой цели плите (табл. XIV, рис. 12, *1*) не означает, что такой знак обязательно являлся личной тамгой одного из боспорских царей. Он мог быть и знаком предводителя сарматских племен, либо породнившегося с царями Боспора, либо бывшего их военным союзником.

Один из знаков на известной таманской плите с надписью Евпатерия (табл. XIV, рис. 10, *1*) принадлежал боспорскому царю Тиберию Эвпатору, другой — знатному лицу сарматского происхождения (табл. XIV, рис. 10, *2*).

Нет никаких оснований считать единичный знак на плите, найденный в Танаисе в 1964 г. (табл. XIV, рис. *7, 1*), знаком боспорского царя Реметалка. Реметалку принадлежал, скорее всего, знак, подобный знаку Тиберия Эвпатора и встречающийся на пряжках боспорского производства (табл. XIII, рис. 1, *16—17*). Он отличался от знака Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*) только тем, что треугольник в верхней изменяющейся части знака (табл. XV, рис. 3, *2*) был заменен четырехугольником (табл. XV, рис. 3, *4*).

Развитие сложных царских знаков Боспора (табл. XII) типа знаков Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*) и Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) не шло по пути постоянного усложнения формы их изображений. Наиболее сложные формы возникали лишь на определенных — не конечных, а промежуточных — этапах развития (табл. XII).

Поворот этих знаков влево или вправо или прибавление новой черточки в верхней части знака связаны с изменением имени владельца знака (табл. XIII, рис. 1, *18—21*). Характер изменений верхней части зависел от степени родства владельцев знаков (табл. XIII, рис. 1, *20—21*). Высота изменяющейся верхней части знаков далеко не всегда значительно превышала высоту нижней, общей для всех. Величина и пропорции обеих частей чаще всего находятся в прямой зависимости от размеров и формы тех памятников, на которых они нанесены.

Сложные царские знаки Боспора (табл. XII) типа знаков Тиберия Эвпатора (табл. XIII, рис. 1, *18*), Савромата II (табл. XIII, рис. 1, *20*), Рескупорида III (табл. XIII, рис. 1, *21*) нельзя квалифицировать как сарматские знаки (табл. III—XI). Их следует рассматривать как группу боспорских знаков местного происхождения.

Исследования третьей группы (табл. XVII) тамгообразных изображений Северного Причерноморья (и прилегающих к нему территорий), датируемых первыми веками нашей эры и принадлежавших сарматским племенам, а также населению Боспора, привели нас к заключению, что все рассмотренные изображения являются тамгообразным орнаментом, развившимся из тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII).

В связи с тем, что эти знаки были родовыми и личными тамгами (табл. III—XII), не остается сомнений и в том, что знаковый орнамент

зеркал-подвесок римского времени на ранних этапах своего развития тоже носил тамговый характер (табл. XVII, *1—20*). На следующих этапах развития знаковый орнамент приобретает все более декоративный характер (табл. XVIII, рис. 1); его связь с изображениями тамг все более предается забвению (табл. XVIII, рис. 5, *2—3*). В то же время изучение тамгообразных орнаментов (табл. XVII, *1—20*) прояснило вопрос о будущем тамговых знаков северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII), убедительно доказав, что знаки эти развились в орнамент.

Кроме сказанного, исследования тамгообразных орнаментов на боспорских и сарматских памятниках римского времени показали, что известные на сегодня виды орнаментов связаны с мотивами круга (табл. XVI, *23—56;* XVII, *1—20;* XVIII, рис. 4, *1—10*). Это явление вызвано тем, что еще в бронзовом веке мотивы кругов были неразрывно связаны с солнцем. Этим же объясняется и наличие среди схем тамгообразных орнаментов Причерноморья римского времени мотива крестообразно размещенных линий (табл. XVII, *19*), радиально направленных лучеобразных отрезков (табл. XVII, *5, 7—10, 13—16, 18*), «звезд» (табл. XVII, *8*). Все названные мотивы еще с бронзового века были связаны с изображениями солнца и солнечных лучей. С изображением солнца связаны гаммированные знаки (табл. XVII, *3, 11—13*) и знаки, составленные из лучеобразных линий, соединяющихся в центре круга (табл. XVII, *2, 6—7*).

Сказанное наводит на мысль о том, что тамгообразный орнамент на зеркалах соединял разные идеи: тамговые (на ранних этапах развития тамговых орнаментов), декоративные, а также магические, которые были связаны как с круглой формой зеркала (символизирующей, очевидно, солнечный круг), так и с другими упомянутыми солнечными символами, изображенными на зеркалах и являвшимися составной частью орнаментальных схем (табл. XVII, *1—20*).

С какими именно конкретными целями владельцы зеркал применяли магические идеи, сказать трудно, хотя некоторые предположения по этому поводу высказывались давно.

Но уже сейчас можно сказать, исходя из этнографических примеров, что изображения, форма которых связана с солнечными символами, имели апотропеическое значение. Накопление новых материалов и дальнейшее расширение исследований тамгообразных орнаментов (табл. XVI, *23—56*) даст, вероятно, и более емкий ответ и полнее раскроет магические представления, заложенные в схемах тамгообразных орнаментов римского времени (табл. XVII, *1—20*).

Следовательно, о путях развития тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира (табл. III—XII) можно утверждать с полной уверенностью только одно — они перерастали в тамговый орнамент (табл. XVI, *23—56;* XVII, *1—20*). На разных ступенях развития тамгового орнамента, как уже говорилось, еще осознавалась его связь с тамгами (табл. XVII, *1—20*). Со временем такая связь начинает забываться (табл. XVIII, рис. 1; 5, *1—3*).

По поводу трансформации сарматских знаков в письменность можно отметить следующее: поскольку каждый знак был, собственно, специфической пиктограммой, их применяли в сарматском обществе для «записей» и передачи определенных сведений. Говорить о большем нет оснований.

Относительно других путей развития северопричерноморских тамгообразных знаков римского времени (табл. III—XII) судить уверенно еще рано. Есть основания полагать, что они явились той базой, на основе которой сформировались тамгообразные изображения на поясных наборах (табл. XIX, рис. 5—18; рис. 19, *1—13*) и других вещах эпохи раннего средневековья, а также широко известные «знаки Рюриковичей» (табл. XXI, *1—64*) — гербовые знаки Киевской Руси.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, присоединяясь к мнению Э. И. Соломоник, высказанном ею в рецензии на работу Г. Гумбаха, что, несмотря на недостатки того или иного исследования, каждое из них занимает свое место в общих научных устремлениях и поисках (которые вот уже свыше ста лет упорно ведутся учеными разных стран и разных специальностей).

Всячески надо приветствовать возрастающий интерес ученых разных стран к причерноморским знакам — уникальным, своеобразным памятникам — интерес, который является залогом верного решения ряда сложнейших и весьма важных научных проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ С ЕДИНИЧНЫМИ САРМАТСКИМИ ТАМГАМИ

Во время строительных работ в Запорожье была снесена насыпь кургана. По сообщению сотрудника Запорожского краеведческого музея В. Ф. Пешанова, в кургане было обычное захоронение ямной культуры. Более интересным оказалось обнаруженное там впускное погребение, датируемое В. Ф. Пешановым I—II вв. н. э. В погребении на глубине около 1,20 *м* лежал скелет человека. Рядом с ним находилась антропоморфная стела. Все это было завалено булыжником различной величины *.

Стела, находящаяся ныне в Запорожском краеведческом музее, изготовлена из гранитной глыбы высотой 1,73 *м* (табл. XXXI, рис. 2, *1—3*), широкой у основания (0,66 *м*) и постепенно суживающейся кверху (0,37 *м*). Толщина стелы примерно одинакова и колеблется от 0,2 до 0,23 *м*.

К сожалению, на стеле имеются сколы различного времени и размеров, мешающие полностью судить о том, насколько удалось ее изготовителям придать антропоморфность гранитной глыбе. Но и сейчас можно определенно говорить о том, что была предпринята попытка как-то выделить верхнюю часть тела, область живота и таза, соединенные вместе и слегка согнутые в коленях ноги.

В верхней части стелы мастер, в других местах тесавший довольно небрежно, аккуратно вытесал большую ровную площадку высотой 0,5 *м*. Ширина площадки колеблется от 0,25 до 0,29 *м* (табл. XXXI, рис. 2, *1*).

С еще большей аккуратностью мастер нанес на ней большой знак высотой 0,24 *м* (табл. XXXI, рис. 2, *1;* рис. 3, *4*). Ширина знака вверху — 15,8 *см,* внизу — 20,5 *см*. Выполнен знак с помощью вырезанных линий шириной около 0,8 *см* и глубиной около 0,5 *см* подобно тому, как вырезались обычно тамги знатных сарматов [1] или боспорских царей [2] — выходцев из сарматской среды [3].

Такой же знак (табл. XXXI, рис. 3, *1*) был обнаружен на обломке каменной стелы, найденной возле с. Тецканы (Северная Молдавия [4]), датируемой II—III вв. н. э.[5] и принадлежавшей, как и сам знак, сарматским племенам [6]. Аналогичный знак (табл. XXXI, рис. 3, *2*) находится и на известняковой плите из Кривого Рога [7] с большим количеством тамг [8], также принадлежавших сарматам [9]. В 1912 г. в Ольвии было найдено бронзовое сарматское зеркало первых веков нашей эры [10] с таким же знаком (табл. XXXI, рис. 3, *3*). Интересно подчеркнуть, что все перечисленные находки, как и вновь публикуемая стела из Запорожья, сделаны на сравнительно небольшой территории Южной Украины и Северной Молдавии.

Известны и другие близкие по форме сарматские знаки, относящиеся, безусловно, к одному кругу. В Керченском музее хранится верхняя часть известняковой плиты неизвестного происхождения, на которой под широким карнизом из дубовых листьев и тремя розетками глубокой, аккуратной резьбой вырезаны два знака [11], принадлежавшие сарматам [12]. Один из них близок по начертанию (табл. XXXI, рис. 3, *5*) знаку на антропоморфной стеле из г. Запорожье (табл. XXXI, рис. 2, *1*). Такой же сарматский знак [13] (табл. XXXI, рис. 3, *6*) имеется на найденном в 1867 г. в Ольвии [14] золотом флаконе первых веков нашей эры [15] и на серебряном блюде из с. Давыдовка Воронежской области [16] (табл. XXXI, рис. 3, *7*), изготовленном в одной из мастерских Боспора или Ольвии [17]. Знак на блюде также является сарматской тамгой [18] и датируется I—II вв. н. э.[19] Такого же типа сарматский знак (табл. XXXI, рис. 3, *8*) нанесен на найденной в 1841 г. в окрестностях Керчи позолоченной втулке наконечника копья со вставками из сердолика и гравированным орнаментом [20]; он датируется началом III в. н. э.[21] и лишь немно-

---

* Пользуемся случаем выразить благодарность В. Ф. Пешанову за предоставленные сведения.

гим отличается от знака на запорожской стеле. Приведенные аналогии очень убедительно свидетельствуют о том, что знак на антропоморфной стеле из Запорожья является сарматским знаком и, следовательно, стела, на которой он вырезан, может быть с полной уверенностью отнесена к числу сарматских антропоморфных стел.

Тот факт, что сарматские тамги этого круга попадаются на дорогих золотых и серебряных изделиях, говорит еще о том, что все они принадлежали какому-то знатному и богатому сарматскому роду, проживавшему, судя по находкам, в основном на территории нынешних южных областей Украины в первые века нашей эры. Этим же объясняется большая тщательность и аккуратность, с которой вырезан знак на новой запорожской стеле и небольшое количество тщательно выполненных единичных сарматских тамг [22]. Знаки, едва процарапанные на различных предметах обихода, камнях, стенах склепов или пещер и т. п., принадлежали рядовым представителям сарматского мира, широко использовавшим их в повседневной жизни и не имевшим возможности для более тщательного изображения своих тамг.

Исходя из всего сказанного, а также из условий находки запорожской стелы, мы полагаем, что первоначально она употреблялась вовсе не так и не там, где была найдена. Видимо, во впускном сарматском погребении стелу использовали вторично еще в сарматское время.

Другая антропоморфная стела, безусловно, после вторичного использования (табл. XXXI, рис. 4, *1—2*), была найдена на пятиметровой глубине в карьере на северной части Арабатской стрелки (Крым) экскаваторщиком В. Д. Колюбаевым, который сообщил о своей находке директору Генического краеведческого музея Радзиевскому. Радзиевский внимательно обследовал территорию карьера, однако других находок, имеющих отношение к стеле, обнаружить не удалось.

Стела была перевезена в Генический краеведческий музей, где находится в настоящее время. Изготовлена она из местного известняка. Высота ее 1,50 *м,* ширина — около 0,31 *м* с незначительным сужением внизу и вверху. Толщина стелы около 0,22 *м;* только вверху и внизу, там, где мастер попытался изобразить голову и ноги, стела немного сужена.

Голова изваяния изображена очень схематично, с помощью незначительного дополнительного подтесывания верхней части стелы. На лицевой части головы высотой 0,27 *м,* толщиной — 0,21 и шириной — около 0,26 *м* изображены глаза, нос и рот. Правый глаз выполнен в виде небольшого круга, немного углубленного внизу и почти совсем теряющегося вверху. Левый глаз имеет вид небольшого углубления, вытянутого справа налево и немного снизу вверх. Между глазами с помощью едва выступающего рельефа, высотой около 3 *мм,* изображен нос, занимающий почти третью часть общей длины головы. Ниже носа незначительным углублением выделен рот. Изображение рта асимметрично.

Шея, слегка намеченная маленьким круговым углублением, сразу же переходит в туловище, выполненное еще более схематично. Плечи и живот едва выделены с помощью незначительного подтесывания. Так же схематично изображена и нижняя часть туловища. Как и на предыдущей стеле, ноги изображены вместе, причем мастер, изготовлявший стелу, даже не делал попыток разделить их. Единственной деталью, выделенной (довольно условно) на нижней части арабатской антропоморфной стелы, является (как и на запорожской стеле) коленный изгиб, вернее, сами колени, тоже соединенные вместе.

Едва наметив небрежными штрихами детали лица и почти совсем не выделяя частей тела, мастер с величайшей аккуратностью нанес на груди изображение знака (табл. XXXI, рис. 4, *1*). Он, как и в вышеописанном случае, выполнен четкой, глубокой резьбой, глубина которой около 0,4 *см,* ширина около 0,5 *см.* Ширина самого знака около 0,25 *м,* а высота — 0,29 *м.*

Кому же принадлежал этот знак, выполненный (как и знак на стеле из Запорожья) подобно вырезанным на стелах знакам боспорских царей [23] сарматского происхождения [24] и знатных сарматов [25]? Исследуя этот вопрос, мы обнаружили целый ряд знаков, подобных знаку на описанной выше арабатской стеле, принадлежавших, безусловно, к одному кругу тамг. Некоторые из них были нанесены на широко известные в научной литературе памятники Причерноморья с сарматскими знаками первых веков нашей эры. Особенно близкий знак (табл. XXXI, рис. 5, *2*) находится на керченской плите [26] с большим количеством тамговых знаков [27]. Близкий по форме знак [28] (табл. XXXI, рис. 5, *3*) есть и на ольвийском льве. Э. И. Соломоник, опубликовавшая его [29], датирует знаки на львах (безусловно сарматские) первыми веками нашей эры [30]. Подобный знак (табл. XXXI, рис. 5, *4*) встречен на плите первых веков нашей эры из Новочеркасского музея [31]. Немного отличается от названных сарматский знак (табл. XXXI, рис. 5, *5*) на известняковой плите из Керчи [32], датируемой временем после I в. н. э.[33] К этому же кругу тамг относятся два сарматских знака первых веков нашей эры (табл. XXXI, рис. 5, *6—7*) на упомянутых ольвийских львах [34] и сарматский знак (табл. XXXI, рис. 5, *8*) на известняковой плите из Керчи [35], вторично использованной

сарматами в первые века нашей эры для нанесения своих тамговых знаков [36].

Все эти памятники с сарматскими знаками первых веков нашей эры, родственными знаку на стеле с Арабатской стрелки (табл. XXXI, рис. 4), свидетельствуют о том, что и знак на арабатской стеле является сарматским и датируется первыми веками нашей эры. Отсюда следует, что этим же временем датируется и сама арабатская антропоморфная стела, относящаяся, как и описанная выше стела из Запорожья, к сарматским.

Стела с Арабатской стрелки, вероятно, первоначально венчала курган с погребением знатного сармата *. Как она использовалась вторично, сказать трудно — возможно, для покрытия могилы.

Описанные антропоморфные сарматские стелы (табл. XXXI, рис. 2, *4*) с большими единичными сарматскими тамгами, аккуратно и тщательно вырезанными, не имеют прямых аналогий в Северном Причерноморье. Поэтому трудно ответить на вопрос об их происхождении. Известно только, что схематические антропоморфные надгробия были широко распространены в Причерноморье и прилегающих к нему районах; они встречаются в Поволжье, Прикубанье, Крыму, Поднепровье, Добрудже и на других территориях [37]. В свое время в научной литературе бытовало мнение, согласно которому антропоморфные стелы относились к памятникам местного искусства, восходящим к доисторическим традициям скифской или киммерийской монументальной скульптуры [38]. Однако в результате последующих археологических исследований были обнаружены антропоморфные стелы еще более древние, связанные с ямной культурой и использовавшиеся для перекрытия ямных погребений [39].

Сарматские антропоморфные стелы из Запорожья (табл. XXXI, рис. 2, *1—3*) и Арабатской стрелки (табл. XXXI, рис. 4, *1—2*) не только не имеют прямых аналогий, но и заметно отличаются от ранее известных сарматских антропоморфных стел с большими единичными сарматскими тамгами, тоже аккуратно и тщательно вырезанными [40]. До сих пор были известны следующие сарматские антропоморфные стелы: 1) изготовленные из естественных камней антропоморфного облика, которые подвергались незначительной доработке в том месте, где наносился знак; 2) представляющие собой схематически выполненную из камня верхнюю часть человеческой фигуры с едва намеченными головой и плечами, округленную только сверху.

Примером стел первой группы может быть мало известная в научной литературе стела, найденная в 1959 г. при раскопках Баклинского могильника в Крыму [41]. Для ее изготовления был использован камень естественного происхождения высотой около 0,60 *м* и шириной около 0,18 *м*. Незначительной доработке стела подвергалась только сверху, где глубокой и широкой линией был вырезан сарматский знак высотой 0,08 *м* и шириной около 0,07 *м* (табл. XXXI, рис. 6).

Примером стел второй группы могут быть две антропоморфные стелы с большими единичными сарматскими тамгами (также вырезанными с большой тщательностью), найденные в Керчи [42] (табл. XXXI, рис. 7) и Заветнинском могильнике в Крыму [43] (табл. XXXI, рис. 8, *1—2*). Керченская стела представляет собой известняковое надгробие высотой 1,12 *м*, шириной 0,57 *м* и толщиной 18,5 *см*, изображающее очень схематизированную верхнюю часть человеческой фигуры. На груди и спине фигуры четкой глубокой линией вырезан единичный сарматский знак первых веков нашей эры. Размеры знака довольно большие: высота — 35 *см* с одной стороны и около 45 *см* — с другой, ширина 10,8 *см* с одной стороны и около 20 *см* с другой (табл. XXXI, рис. 7). Все другие сарматские знаки, процарапанные на стеле (табл. XXXI, рис. 7), Э. И. Соломоник относит ко времени вторичного ее использования [44]. Такой же вид имеет и известняковая стела из Заветнинского могильника (ширина 0,3 *м*, толщина 0,13, высота 0,61 *м*). Известняковая плита отесана со всех сторон, едва намеченная голова округлена вверху. В центре на более тщательно обработанной стороне четко вырезан большой сарматский знак высотой 0,15 *м* и шириной 0,17 *м* (табл. XXXI, рис. 8, *1*). Второй маленький знак в виде крестика (табл. XXXI, рис. 8, *1*), процарапанный в верхней части этой стелы и который Н. А. Богданова тоже считает сарматским [45], не имеет отношения к первоначально вырезанному большому знаку и относится, как и в предыдущем случае, ко времени вторичного использования заветнинской стелы.

Описанные сарматские антропоморфные стелы первых веков нашей эры с большими единичными сарматскими тамгами из Запорожья и Арабатской стрелки свидетельствуют о попытке изобразить не часть человеческой фигуры, а всю ее целиком (табл. XXXI, рис. 2, *1—3*, рис. 4, *1—2*). На обеих стелах сохранились следы дополнительной подтески, цель которой — попытка придать стеле более антропоморфный облик. Несмотря на то, что она не очень удалась, тем не менее, можно проследить легкий изгиб ног в коленях и тазовую часть на запорожской стеле, попытку изобразить колени, выделить живот, глаза, нос и рот на стеле с Арабатской стрелки. К сожалению, большие

* О знатности происхождения свидетельствует большой, тщательно вырезанный единичный знак.

сколы и повреждения разного времени на запорожской стеле не дают возможности выяснить, как была оформлена лицевая часть стелы.

В заключение обратим внимание на то общее, что при наличии существенных различий объединяет все описанные выше стелы: большие единичные сарматские знаки, вырезанные с большой тщательностью, подобно тому как вырезались тамговые знаки знатных сарматов и личные именные знаки боспорских царей сарматского происхождения.

Известно, что о смысле сарматских знаков высказано много противоречивых гипотез [46], рассмотренных нами в предыдущих главах. Различные мнения существуют и в настоящее время как в отечественной [47], так и в зарубежной научной литературе [48].

Мы уже писали о свидетельствах Плиния, Аммиана Марцеллина и других авторов об использовании сарматами татуировки как специфически геральдического приема и подчеркивали, что в начале нашей эры знаки широко использовались сарматами как родовые и именные тамги [49]. Описанные большие единичные сарматские знаки первых веков нашей эры, каждый из которых принадлежал какому-то определенному индивидууму, чей облик запечатлен в антропоморфной стеле, бесспорно свидетельствуют о применении этих знаков в качестве знаков определенных лиц — то есть именных тамг. Этот факт можно признать твердо установленным и в дальнейшем, взяв его за основу, исходить из него при любых новых попытках толкования смысла сарматских знаков, сколь бы заманчивыми они ни казались.

1 *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії (До питання про сфери вжитку загадкових знаків).— СНП, т. XXVII. К., 1961, стр. 20—23; *его же.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 243—244.

2 JOSPE, II, 433—434; *А. И. Болтунова.* Из черновиков В. В. Латышева.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1951; *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, табл. 20—21; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, № 14—16.

3 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 24; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962, стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 234—235.

4 *N. N. Moroşan.* Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia. Chişinău, 1938, рис. 1.

5 *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 24.

6 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 77, № 32; *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 23—24.

7 *В. Н. Юргевич.* Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 504—505.

8 *И. И. Мещанинов.* Загадочные знаки Причерноморья.—ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933, стр. 4, рис. 1.

9 *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 97—99, № 43; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255—256; *его же.* Родові тамги на предметах побуту.— НТЕ, № 6. К., 1968, стр. 40—41, рис. 5.

10 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 143—144, № 103, см. также стр. 37, рис. 6, V ряд.

11 *Там же,* стр. 65—66, № 18; *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21, рис. 3.

12 *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21.

13 *Там же,* стр. 21—22, рис. 4, *4.*

14 ОАК за 1868 г. СПб., 1871, стр. 53, табл. I; *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. Атлас. СПб., 1909, табл. XII, *31.*

15 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 126, № 63; *Б. А. Рыбаков.* Древние русы. (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности...).— СА, т. XVII. М., 1953, стр. 96.

16 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 127—128, № 65.

17 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 128, № 65.

18 *Там же,* стр. 128, № 65; *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 21—22, рис. 4, *5.*

19 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 128, № 65.

20 ДБК. СПб., 1854, табл. XXVII, 7; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 424, рис. 80.

21 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 128—129, № 66.

22 *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 9—14; *В. С. Драчук.* До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем.— НЩ за 1956 р. К., 1957, стр. 127; *его же.* Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі.— СНП, т. XXIII. К., 1958, стр. 170 — сл., стр. 168 — рис. 3; *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 19, 21—34, 41—46, 56—79, 83—84, 92—220, 223—240; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья, стр. 257, № 1, 3—5, 7—16; *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 180, табл. II, *1—15;* III, *1—10.*

23 JOSPE, II, 433—434; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 20; *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., № 14—16.

24 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 24; *В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки..., стр. 255; *его же.* Про царські знаки Боспора Кіммерійського..., стр. 234—235.

25 *В. С. Драчук.* Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії..., стр. 20—23; *его же.* Стела со знаками из Теребовельщины..., стр. 243—244.

26 ОАК за 1891 г. СПб., стр. 57.

27 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 103, № 47; *В. С. Драчук.* Родові тамги на предметах побуту..., стр. 42 — сл., стр. 44 — рис. 11.

28 *Н. Н. Мурзакевич.* Ольвийские древности.— ЗООИД, т. III. Одесса, 1853, стр. 247, табл. VI; ОАК за 1872 г. СПб., 1875, табл. XVII, *19; И. И. Мещанинов.* Указ. соч., стр. 14, рис. 7; стр. 15, рис. 8; *H. Jänichen.* Указ. соч., табл. 12—13; *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., № 41—42 и другие работы.

29 *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 93, № 42*б.*

30 *Там же,* стр. 97, № 42.

31 *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 160, № 3.

32 JOSPE, II, 232; *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, № 192; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 99—100, № 44.

[33] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 100, № 44.
[34] *Там же,* общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 197, стр. 89, № 41*в*.
[35] JOSPE, II, 219; *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger*. Указ. соч., стр. 40, № 232; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 100—101, № 45.
[36] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 100, № 45.
[37] *В. М. Сысоев.* Древности по верхнему течению р. Кубани.— МАК, т. IX. М., 1904; *Б. В. Лунин.* К вопросу об антропоморфном характере каменных поделок Гниловского и других южнодонских городищ.— ЗСККОАИЭ, кн. I, вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1928; *А. П. Смирнов.* Куйбышевская каменная баба.— КСИИМК, вып. XII. М.—Л., 1946, стр. 40—43; *А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, т. XIII. М.—Л., 1950, стр. 239—245; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 67—70, № 21—22; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 163—164, № 13; *Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника.— СА, № 3. М., 1965, стр. 235—236, № 5—6, рис. 3 и другие работы разных авторов.
[38] *А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия..., стр. 246.
[39] *А. И. Тереножкин.* Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища.— КСИА АН УССР, вып. 1. К., 1952, стр. 16; *его же.* Курганы бронзового века на р. Молочной.— КСИА АН УССР, вып. 2. К., 1953, стр. 88 и другие работы.
[40] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 68—69, № 21; *ее же.* Нові пам'ятки..., стр. 163—164, № 13; *Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника..., стр. 236, рис. 3, *2*, № 6.
[41] *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 163, № 13.
[42] *А. П. Иванова.* Указ. соч., стр. 242—243, 245, рис. 8, *9*; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 68—69, № 21.
[43] *Н. А. Богданова.* Указ. соч., стр. 236, № 6, рис. 3, *2*.
[44] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 69, № 21.
[45] *Н. А. Богданова.* Указ. соч., стр. 236.
[46] *В. С. Драчук.* Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970, стр. 69—71.
[47] *В. С. Драчук.* Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі.— УІЖ, № 1. К., 1970, стр. 74—78.
[48] *G. László.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, s. n., XXXIV. Budapest, 1955, стр. 158—185; *H. Jänichen.* Указ. соч., стр. 13—20; *H. Humbach.* Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961, стр. 225—231; *B. Nadel.* Указ. соч., стр. 178—185.
[49] *В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 244.

ПРИЛОЖЕНИЕ II «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ» СОБРАНИЯ САРМАТСКИХ ЗНАКОВ

В Отчете Археологической Комиссии за 1891 г. появилось сообщение [1], которое сначала не привлекло к себе особого внимания исследователей. В числе покупок графа А. А. Бобринского упоминалась каменная плита довольно больших размеров: высотой — более 160 *см,* шириной — более 90 и толщиной — более 20 *см.*

Сообщения о плите вновь появились в печати в 1904 [2] и в 1909 гг.[3] Правда, издатели либо только упоминали об этой удивительной находке, либо ограничивались кратким описанием, не касаясь вопросов, связанных с трактовкой памятника.

Однако с каждым годом таинственность плиты все больше заинтересовывала ученых. Особенно привлекала внимание исследователей лицевая сторона плиты, испещренная различной величины знаками, часто пересекающимися между собой, выполненными вырезанными или выцарапанными линиями различной глубины и ширины. На большей части плиты изображения нанесены в таком большом количестве, что из-за образующейся своеобразной сетки трудно выделить отдельные знаки.

В свою очередь это наводило на мысль, что «запись» тамговых знаков на описанной керченской плите была лишена всякого смысла. Но так казалось только на первый взгляд. Дело в том, что подобные нагромождения изображений на камне известны исследователям на различных территориях, начиная с каменного века.

Естественно, возникал вопрос: неужели наши предки, жившие в разные эпохи и на разных территориях, действительно оставляли лишенные смысла памятники?

Этот вопрос, ответ на который найти было довольно трудно, обусловил научные поиски. Исследователи по-разному трактовали подобные изображения. Интересно предположить, что памятники такого рода могли использоваться для нанесения изображений много раз [4]. Первопричиной этого явления могло быть якобы то обстоятельство, что не так легко было каменотесам тех времен высекать из камня новые плиты.

А для того, чтобы использовать для соответствующих «записей» старые — «писаные» — плиты, их, по мнению известного исследователя предыстории алфавитов К. Войля, покрывали толстым слоем естественных красок. Когда же краска, покрывшая старые изображения, высыхала, на образовавшуюся ровную поверхность снова наносили изображения, а плиту продолжали использовать с той же целью, что и раньше.

На протяжении многих столетий, в результате действия естественных условий и других причин, последние остатки краски исчезали, а на поверхности, как следствие многочисленного использования, оставалось множество сплетенных резных, прочерченных или выбитых изображений, нанесенных иногда в различных направлениях [5].

Исследователи рассматриваемой керченской «писаной» плиты (табл. XXXII—XXXIV) предполагали, что если традиция нанесения краски и многочисленного использования плит существовала, то она, конечно, могла быть известна на широких территориях и в последующие века [6], а также сохраниться среди сарматов в первые века нашей эры [7].

При этом допускалось, что некоторые центральные знаки на плите (подобно центральным знакам на других плитах) и знаки, выделенные более глубокой линией, не закрывались слоем краски при подготовке плиты к новому использованию.

Объяснялось это тем, что знаки были якобы связаны с определенными представлениями наносивших их людей и должны были оставаться при последующем использовании плиты [8].

Обращалось внимание на тот факт, что если в будущем удастся отыскать подобную плиту, то в первую очередь необходимо самым тща-

тельным образом обследовать ее для выявления на ней хотя бы небольших следов краски, пока она не будет смыта или стерта при транспортировке на место хранения [9].

Но для чего же все-таки понадобилось сарматам тратить время на составление этого каменного сборника знаков? Что он обозначал (табл. XXXV—XXXVI)?

Эти вопросы рассматривались различными учеными. О знаках на плите писал Г. Енихен, ошибочно приняв их за знаки на одной из стен погребального склепа в Керчи и опубликовав их в настолько искаженном изображении, что абсолютно вся зарисовка совершенно непригодна для научного пользования [10].

Отсутствие в распоряжении исследователя верной прорисовки знаков на плите во многом предопределило и ошибочность его выводов.

Так, правильно отнеся подавляющее большинство знаков (табл. XXXVII—XL) к сарматам, Г. Енихен «нашел» среди них и якобы несколько раз повторяющиеся знаки «двойной вилки», подобные аналогичным знакам на сарматских зеркалах-подвесках с петлеобразной ручкой [11].

Другой знак на опубликованном им рисунке плиты он счел точно соответствующим знаку, изображающему луну над холмом в Индии. Имеющееся различие Г. Енихен объяснил тем, что индийский знак якобы реально передает форму луны в виде полукруга, а сарматский условно — в виде треугольника [12].

Развивая свою мысль дальше, Г. Енихен априорно заключил, что знак над холмом употреблялся, видимо, в качестве собственного герба у Чандрагупты и именно благодаря этому получил широкое распространение как в Индии, так и в соседних странах. А поскольку на бактрийских территориях, как пишет Г. Енихен, всегда можно было встретить племена сарматов, то, по его мнению, не исключено, что часть их и принесла в Керчь данное изображение в качестве знака власти.

Вообще же, по мнению Г. Енихена, все эти знаки представляют собой символы власти, связанные с культом предков. Одновременно он допускает, что знаки могли выражать родовые различия [13].

Своеобразно поступил Н. А. Константинов, вообще отказавшись от собственной интерпретации «писаной» плиты из Керчи и ограничившись следующим высказыванием: «Кроме того, настоящее изучение загадочной графики только начинается. Далеко не все памятники найдены и опубликованы, многие безвозвратно утеряны. Из числа найденных далеко не все дошли до составителей сводок. Например, в «Отчете Археологической Комиссии» за 1891 г. (стр. 57) и в «Известиях» той же Комиссии за 1904 г. (вып. 9, стр. 69) упомянут большой дикарный камень, покрытый с двух сторон (? — *В. Д.*) и по боковым ребрам сплошными рядами знаков. Размеры памятников указаны точно: высота — 1,62 *м*, ширина — 0,92 *м* и толщина — 0,28 *м*. По сообщению В. В. Шкорпила, в 1904 г. этот камень стоял в Царском кургане (близ Керчи). Однако в печати до сегодня не появилось ни фотоснимков, ни зарисовок этого уникального памятника. В 1951 г. условия хранения древностей на месте не давали возможности найти и осмотреть камень» [14].

Э. И. Соломоник в книге «Сарматские знаки Северного Причерноморья» опубликовала фотографию большей части лицевой стороны плиты [15]. К сожалению, изображения на фото получились не совсем четкими; многие знаки, не попавшие на снимок во время фотографирования плиты, вообще не вошли в издание. Неизданные знаки на левой и правой боковых сторонах плиты (табл. XXXIII—XXXIV, XXXVI) вообще не были замечены автором во время исследования.

Касаясь трактовки знаков на плите (табл. XXXV—XXXVI), Э. И. Соломоник верно назвала памятник своеобразной энциклопедией знаков, в которой представлены знаки, известные по другим памятникам и не имеющие аналогий. Однако Э. И. Соломоник допустила две существенные ошибки, неправильно указав, во-первых, что на плите якобы много повторяющихся форм знаков, а во-вторых, что знаки на ней, в отличие от других плит с большим количеством знаков, будто бы почти все расположены в одном направлении [16].

Подводя общий итог трактовке знаков, Э. И. Соломоник, в отличие от исследователей, ответы которых сводились в основном к тому, что знаки вырезались с определенной культово-магической целью, изложила свое мнение следующим образом.

Допуская, что они могли иногда использоваться с магической целью, Э. И. Соломоник подчеркнула, что не следует преувеличивать значение магии в данном случае и считать ее источником происхождения языка и письма [17].

Появление всякого письма было вызвано, конечно, практическими потребностями общества. Именно поэтому она не согласна с выводами Ч. Лоукотки [18], Н. Я. Марра [19] и других, утверждавших, будто некоторые рунические и другие древние знаки служили исключительно магическим целям.

Керченской «писаной» плите особое внимание уделил Б. Надель. Сославшись на то, что он в свое время имел возможность лично провести тщательное изучение этого памятника в Керчи, Б. Надель отметил, что на плите имеется гораздо больше знаков, чем опубликовано

в работе Э. И. Соломоник [20]. В подтверждение он опубликовал 53 новых знака, которые разделил на знаки близкие, но не идентичные опубликованным Э. И. Соломоник [21], на знаки простые и двучленные [22], на знаки многочленные [23] и на греческие монограммы [24]. Отметим, что далеко не все формы новых знаков опубликованы верно, а предложенное деление на группы произвольно или вообще не соответствует действительности (например, в случае с монограммами, так как они на плите отсутствуют вовсе).

Полемизируя с Э. И. Соломоник, Б. Надель правильно указал на ошибочность ее тезиса о якобы частой повторяемости одинаковых форм знаков. Однако сам он намного занизил общее число знаков на плите, отметив, что их лишь около 120 [25].

К тому же, рассматривая вопрос происхождения знаков на «писаной» плите из Керчи, Б. Надель подчеркивает, что некоторым знакам на «писаной» плите якобы легко можно найти аналогии среди букв греческого алфавита, употребляемых в боспорских надписях римского времени [26].

Основываясь на зачастую случайной близости форм, Б. Надель предположил, что подобные по форме знаки уже в античный период могли переходить от одной народности к другой. А греческий алфавит был якобы предназначен для того, чтобы оказать особенное культурное влияние [27].

Находясь под влиянием тезиса о большом значении внешнего сходства форм отдельных знаков для определения общности их происхождения и не обосновывая это положение исторически, Б. Надель не прошел и мимо внешнего сходства форм отдельных знаков с керченской «писаной» плиты и форм знаков орхоно-енисейских рун.

Опираясь на этот факт (а подобные и аналогичные формы знаков, как уже хорошо известно, нередко возникали и независимо друг от друга), Б. Надель пришел к выводу о якобы заметной связи этих знаков между собой (в силу, как он считает, очень близких графических аналогий знаков плиты и знаков древнетюркских рун) [28].

Заканчивая анализ знаков на плите, Б. Надель, вслед за Г. Енихеном, сделал верный в основе вывод, согласно которому графический анализ отдельных знаков на керченской «писаной» плите (близких между собой) показывает, что состоят они из одинаковых элементов, отличаясь, например, только одной или двумя деталями, что, в свою очередь, свидетельствует о родовых связях [29] их владельцев.

Рассматриваемая керченская плита была исследована нами с особым вниманием (табл. XXXII—XXXIV). Выяснилось, что это не единственный памятник среди известных на сегодня причерноморских памятников с сарматскими знаками, где было бы собрано огромное количество разнообразных форм тамговых знаков.

Исследовав поверхность двух мраморных ольвийских львов (табл. XLI—XLIII; XLVII—XLIX), хранящихся в Эрмитаже, мы обнаружили на одном из них около 150 знаков (табл. XLIV—XLV), а на другом — около 120 (табл. L). Многие формы знаков на ольвийских львах (табл. XLVI; LI) оказались подобными знакам на «писаной» керченской плите (табл. XXXVII—XL).

Техника же написания их, как выяснилось, была почти аналогичной (табл. XXXII—XXXIV; XLI—XLIII; XLVII—XLIX). Следует упомянуть, что некоторые из знаков, обнаруженные на львах (табл. XLVI; LI) и на плите (табл. XXXVII—XL), встречаются на самых различных памятниках римского времени на территории Северного Причерноморья и прилегающих районов (табл. III—XI); изображения же некоторых форм сарматских знаков характерны только для этих своеобразных энциклопедий сарматских знаков.

Интересно то, что общее число всех изображений, нанесенных на эти три памятника, достигло почти фантастической цифры — 749 штук. Среди них, кроме небольших отрезков прямых и маленьких кругов, отсутствуют такие, которые бы формой начертаний и направлением вертикальной и горизонтальной осей были бы полностью тождественны (табл. XXXV—XXXVI, XLIV—XLV, L). Какой-то определенной системы в расположении знаков на плите и на львах проследить не удалось; они занимают все свободное и пригодное для нанесения знаков пространство, много раз сплетаясь и пересекаясь друг с другом (табл. XXXV; XLIV—XLV; L).

Более того, после очистки плиты со всех сторон нами обнаружены ранее незамеченные знаки на обеих боковых сторонах (табл. XXXIII—XXXIV).

Исследование этих знаков (табл. XXXVI), как и вообще всех знаков на львах (табл. XLIV—XLV; L) и плите (табл. XXXV—XXXVI), показали, что они относятся к кругу сарматских тамг римского времени (табл. III—XI) и принадлежат сарматскому населению Причерноморья первых веков нашей эры. Судя по технике исполнения, их наносили в то же время, что и знаки на лицевой стороне плиты (табл. XXXV).

Полностью свободными от знаков оказались только задняя, верхняя и нижняя стороны плиты, а также те части скульптур львов, которые были непригодны для нанесения знаков (табл.

XLI—XLV; XLVII—L) из-за неровной поверхности.

Видимо, это объясняется тем, что на неровной поверхности львов (а также внизу скульптур) наносить знаки было неудобно. Керченская же плита (табл. XXXII—XXXVI) была вмурована в какое-то здание таким образом, что именно указанные стороны закрывались. Открытыми же оставались только лицевая, левая и правая боковые стороны.

Плита была вмурована, вероятно, не очень высоко. Об этом свидетельствует то, что на лицевой (табл. XXXII; XXXV), левой и правой боковых сторонах (табл. XXXIII—XXXIV; XXXVI) количество знаков увеличивается почти равномерно от одной стороны к противоположной.

Подобное явление можно объяснить тем, что эта сторона плиты (имеется в виду та ее сторона, где количество знаков почти равномерно увеличивается) была приблизительно на уровне человеческого роста и высекать, вырезать или выбивать знаки на ней было намного удобнее, чем на противоположной стороне.

Поэтому не удивительно, что края обеих боковых и лицевой сторон на одной половине плиты настолько «исписаны» знаками, что они доходят до самых граней; противоположные же края почти полностью свободны от знаков (табл. XXXV—XXXVI).

В процессе исследования выяснилось, что все тамговые изображения — как на плите (табл. XXXII—XL), так и на обоих львах (табл. XLI—LI) — нанесены различными людьми и в разное время. О нанесении знаков различными людьми свидетельствует то обстоятельство, что одни из них нанесены четкой, глубокой резьбой, другие — тонкими, иногда совсем неуверенными штрихами (табл. XXXII—XXXVI; XLI—XLV; XLVII—L), что указывает либо на отсутствие опыта у тех, кто делал это во втором случае, либо на отсутствие хороших орудий для нанесения знаков и т. п.

О разновременности нанесения знаков не менее красноречиво указывает то, что одни знаки перекрываются другими. Безусловно, причина здесь единственная: одни знаки были нанесены на поверхность плиты и львов раньше, а те, что их перекрывают,— позже.

Наносились эти тамги, как подтверждают этнографические данные о подобных «собраниях» или «энциклопедиях» знаков, не с магическими, а с практическими намерениями: для обозначения жителей определенного поселения или городища (своего рода «домовая книга»; в таком случае все знаки вырезались одновременно на специальных заметных предметах, которые сохранялись у представителей власти, или на каменных плитах, вмурованных в стены или ворота городища и т. п.), обозначения пастбищ, водопоев и других мест общественного пользования (в последнем случае знаки вырезались на скалах, больших камнях, вообще приметных предметах вблизи источников и т. п.).

Подобные «собрания» применялись еще совсем недавно. Например, едва в марте появлялась первая трава, кабардинцы выпускали скот на естественные пастбища возле аулов. Но к маю трава, как правило, выпасалась, и, чтобы сберечь свои стада, кабардинцы перегоняли их на знаменитые золкинские пастбища (свое название они получили от реки Золка), а также на пастбища, расположенные на склонах гор. Оставив для домашнего пользования немного молочного скота и овец, а также необходимое количество быков для собирания урожая, все другие стада готовили к перегону.

Прежде всего, на каждое животное его хозяин и скотовод ставил свой тамговый знак. Потом каждый аул отдельно выступал в дорогу на горные пастбища, не ожидая табунов других аулов [30].

На Золке табуны и стада аулов занимали определенный участок и оставались на своих пастбищах до конца июня. Отсюда табуны поворачивали и гнали вдоль Джинальского хребта. Вблизи селения Бабуково стада переправлялись через реку Малку и двигались вверх, вдоль ее правого берега, очень узким проходом мимо скалы Кунитага.

И здесь, на этой отвесной скале, поверхность которой была почти ровной, каждый хозяин и скотовод обязательно вырезал ножом или выцарапывал гвоздем свою тамгу (ту же, что и на своих табунах). И сегодня вся поверхность отвесной скалы Кунитага до определенной высоты на протяжении многих десятков метров испещрена сотнями тамговых знаков тех, кто пас свои стада на указанных пастбищах [31]. Примеры, подобные рассматриваемым сарматским «собраниям» знаков, имелись не только у кабардинцев, но и у различных народов разных времен и материков: сирийских кочевников и русских крестьян, народов Севера и австралийцев, индейцев Америки и негров Африки, тюрков Азии и обитателей Новой Зеландии и др.[32]

Но везде, где бы ни ставились сарматские знаки, они имели точно определенное содержание: обозначение рода, семьи или имени определенного лица. Их конкретная роль (культово-магическая, знака собственности и т. п.) зависела от того, с какой целью и на какой памятник их наносили.

Именно отсюда, прежде всего, необходимо исходить исследователям этих интересных памятников прошлого при любых, подчеркиваем еще раз, новых попытках толкования сарматских знаков.

[1] ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 57.
[2] ИАК, вып. 9. СПб., 1904, стр. 69, примечание 1.
[3] «Mannus», Bd. I. Würzburg, 1909, табл. 19.
[4] *K. Weule.* Vom Kerbstock zum Alphabet. Stuttgart, 1921, стр. 36.
[5] *Там же,* стр. 36.
[6] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, стр. 30.
[7] ИАК, вып. 9..., стр. 69, примечание 1.
[8] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 30.
[9] *Там же.*
[10] *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, стр. 77, табл. 11.
[11] *Там же,* стр. 17—18.
[12] *Там же,* стр. 19; см. также стр. 77, табл. 11; стр. 99, табл. 22.
[13] *Там же,* стр. 19—20.
[14] *Н. А. Константинов.* Черноморские загадочные знаки и глаголица.— УЗ ЛГУ, № 197, серия филологических наук, вып. 23. Л., 1957, стр. 130.
[15] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 103, рис. 47.
[16] *Там же,* стр. 103.
[17] *Э. И. Соломоник.* Указ. соч., стр. 28, 30.
[18] *Ч. Лоукотка.* Развитие письма. М., 1950, стр. 181, 239.
[19] *П. Кузнецов.* Предисловие к книге: Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1950, стр. 8.
[20] *B. Nadel.* Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963, стр. 179.
[21] *Там же,* стр. 179, табл. I.
[22] *Там же,* стр. 179—180, табл. II.
[23] *Там же,* стр. 179—180, табл. III.
[24] *Там же,* стр. 179—180, табл. IV; стр. 183.
[25] *Там же,* стр. 179, 182.
[26] *Там же,* стр. 182, табл. VI; стр. 183.
[27] *Там же,* стр. 183—184.
[28] *Там же,* стр. 184, табл. IX.
[29] *Там же,* стр. 184; см. также стр. 181, табл. V.
[30] *В. П. Пожидаев.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925, стр. 21.
[31] *Там же,* стр. 21—22.
[32] *В. С. Драчук.* Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970, стр. 76.

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦАМ

ТАБЛИЦА I

Схематическая карта Северного Причерноморья

ТАБЛИЦА II

Пиктографические и тамгообразные знаки символических, смысловых и орнаментальных изображений савроматов (*К. Ф. Смирнов.* Савроматы. (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964).

ТАБЛИЦЫ III—XII

Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
Таблица III			
1	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
1	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
2	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
2	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
3	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
4	То же	»	Там же
5	» »	»	» »
6	» »	»	» »
7	» »	»	» »
8	» »	»	» »
9	» »	»	» »
10	» »	»	» »
11	» »	»	» »
12	» »	»	» »
13	» »	»	» »
13	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
14	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
15	То же	»	Там же
16	» »	»	» »
17	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
17	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
18	То же	»	Там же
19	» »	»	» »
20	» »	»	» »
20	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
21	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
22	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
23	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
24	» »	»	» »
25	Мраморные львы	»	» »
26	Мраморный лев № 1	»	» »
26	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
27	То же	»	Там же
28	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
28	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
29	Мраморный лев № 1	»	» »
30	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
30	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
31	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
31	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
32	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
33	То же	»	Там же
34	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
35	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
36	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
37	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
38	» »	»	» »
39	Мраморный лев № 2	»	» »
40	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
41	То же	»	Там же
42	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
42	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
42	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
43	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
44	То же	»	Там же
45	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
45	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
46	То же	»	Там же
47	» »	»	» »
48	» »	»	» »
49	» »	»	» »
50	» »	»	» »
51	» »	»	» »
52	» »	»	» »
53	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
54	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
55	То же	»	Там же
56	» »	»	» »
57	» »	»	» »
58	» »	»	» »
59	» »	»	» »
60	» »	»	» »
61	» »	»	» »
62	» »	»	» »

Продолжение табл. III

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
63	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
64	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
65	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
66	То же	»	Там же
67	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
68	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
69	То же	»	Там же
70	» »	»	» »
71	» »	»	» »
72	» »	»	» »
73	» »	»	» »
74	» »	»	» »
75	» »	»	» »
76	» »	»	» »
77	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
77	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
78	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
79	Известняковая плита	Симферополь	Крымский областной краеведческий музей
80	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
81	То же	»	Там же
82	» »	»	» »
83	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962, стр. 98, рис. 36, *3* *
84	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
85	Мраморный лев № 2	»	»
86	Мраморный лев № 1	»	»
87	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
88	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
89	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
90	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
91	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
92	То же	»	Там же
93	» »	»	» »
93	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
94	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
95	Мраморный постамент	Неаполь Скифский	*О. Д. Дашевская.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского.— СА, № 1. М., 1960, рис. 2, *2*
96	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
97	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
98	Глиняное грузило	Прикубанье	Ленинград, Музей антропологии и этнографии
99	Антропоморфное надгробие из известняка	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
100	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ

* Ссылки в основном даны на новую литературу.

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
101	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
102	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
103	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
104	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова*. Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *7*
105	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan*. Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia. Chişinău, 1938, стр. 9, рис. 2, *41*
106	Известняковая плита	с. Корпач, Единецкий район, Молдавская ССР	Кишинев, ГИМК МССР
107	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
108	Бронзовое зеркало	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов*. Тайны минувших времен. М., 1966, стр. 95, рис. 7
109	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
110	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
111	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
112	То же	»	Там же
113	» »	»	» »
113	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
114	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
115	То же	»	Там же
116	Стена склепа	с. Красногорское, Зуйский район, Крымская область	*Э. И. Соломоник*. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, стр. 78, 79, № 34
117	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
118	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
119	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
119	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
120	То же	»	Там же
121	» »	»	» »
121	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
122	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
123	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
124	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
125	То же	»	Там же
126	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
127	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
128	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
129	То же	»	Там же
130	Бронзовый котел	с. Октябрьское, Новочеркасский район, Ростовская область	Новочеркасский музей
131	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
132	» »	Там же	» »
133	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
134	То же	»	Там же

Продолжение табл. III

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
135	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
136	» »	Там же	» »
137	» »	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
138	Мраморный лев № 2	»	» »
139	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
140	То же	»	Там же
141	» »	»	» »
142	» »	»	» »
143	» »	»	» »
144	» »	»	» »
145	» »	»	» »
146	» »	»	» »
147	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
148	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
149	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
150	Мраморный лев № 1	»	» »
151	» »	»	» »
152	Золотая бляшка от конского убора	Пантикапей	» »
153	То же	»	» »
153	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
154	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Там же
155	То же	»	» »
156	» »	»	» »
157	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
158	Мраморный лев № 2	»	» »
159	» »	»	» »
160	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Таблица IV

161	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
162	То же	»	Там же
163	» »	»	» »
164	» »	»	» »
165	» »	»	» »
166	» »	»	» »
167	» »	»	» »
168	» »	»	» »
169	» »	»	» »
170	» »	»	» »
171	» »	»	» »
172	» »	»	» »
173	» »	»	» »
174	» »	»	» »
175	» »	»	» »
176	» »	»	» »
177	» »	»	» »
178	» »	»	» »
179	» »	»	» »
180	» »	»	» »
181	» »	»	» »
182	» »	»	» »
183	» »	»	» »
184	» »	»	» »
185	» »	»	» »
186	» »	»	» »
187	» »	»	» »
188	» »	»	» »

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
189	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
190	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
191	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
192	» »	с. Тецканы, Единецкий район, Молдавская ССР	*N. N. Moroşan.* Semn ierogliic..., стр. 6, рис. 1
192	» »	с. Козырка, Очаковский район, Николаевская область	Херсонский историко-краеведческий музей
192	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
192	Бронзовое зеркало	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
193	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
194	То же	»	Там же
195	» »	»	» »
196	» »	»	» »
197	» »	»	» »
198	» »	»	» »
199	» »	»	» »
200	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
201	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
202	То же	»	Там же
202	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
203	Краснолаковый сосуд	Херсонес	Херсонесский археологический музей
204	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
205	» »	»	» »
206	Светлоглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *8*
207	Красноглиняная амфора	Там же	*Там же,* стр. 98, рис. 36, *4*
208	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
209	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
210	То же	»	Там же
211	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
212	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
213	Мраморный лев № 2	»	» »
214	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
215	То же	»	Там же
216	» »	»	» »
217	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
218	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
219	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
220	» »	»	» »
221	» »	»	» »
222	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
223	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
224	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
225	Краснолаковый сосуд	Херсонес	Херсонесский археологический музей
226	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
227	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
228	То же	»	Там же

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
229	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
230	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
231	Мраморный лев № 1	»	» »
232	» »	»	» »
233	» »	»	» »
234	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
235	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
236	» »	»	» »
237	Мраморный лев № 2	»	» »
238	Известняковая плита	Прикубанье	Краснодарский историко-краеведческий музей
239	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
240	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
241	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
242	То же	»	Там же
243	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
244	» »	»	» »
245	Мраморный лев № 2	»	» »
246	Бронзовое зеркало	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Труды ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963, стр. 214, рис. 41, *9*
247	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
248	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
249	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
249	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
250	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
251	» »	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
252	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
252	Известняковое надгробие	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
253	Каменная стела	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967, стр. 243, рис. 1, *5*
254	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
255	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
256	Поддон каменной чаши	Неаполь Скифский	*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962, стр. 167, рис. 19, *21*
257	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
258	Каменное надгробие	»	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *52*
259	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Таблица V

260	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
261	Мраморный лев № 2	»	» »
262	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
263	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
264	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
265	Антропоморфное надгробие из известняка	Арабатская стрелка, Крым	Херсонский историко-краеведческий музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
266	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
267	» »	Там же	Керченский историко-археологический музей
268	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
269	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
270	Мраморный лев № 1	»	» »
271	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
272	То же	»	Там же
273	Бронзовое зеркало	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
274	Мраморный лев № 2	»	» »
275	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
276	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
277	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
278	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
279	Мраморный лев № 1	»	» »
280	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
281	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
282	Мраморный лев № 2	»	» »
283	Позолоченная втулка наконечника копья	Пантикапей	» »
284	Мраморный лев № 2	Ольвия	» »
285	» »	»	» »
286	Фрагмент мраморной плиты	Неизвестно	Одесский университет
287	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
288	» »	»	» »
289	Мраморный лев № 2	»	» »
290	Мраморный лев № 1	»	» »
291	Золотой флакон	»	» »
291	Серебряное блюдо	с. Давыдовка, Георгиу-Дежский район, Воронежская область	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 127, 128, № 65
291	Золотой браслет	Нижнее Побужье	Ленинград, Эрмитаж
292	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
293	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Там же
293	Каменная стела	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины, стр. 243, рис. 1, *4*
294	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
294	Мраморная плита	Танаис	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 63, 64, № 16
294	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
295	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
296	Мраморная плита	Танаис	» »
296	Известняковая плита	»	Одесский археологический музей
297	Бронзовое зеркало	Территория Боспорского царства	Москва, Музей изобразительных искусств
298	Бронзовое зеркало	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1 : AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956, табл. 19, *4*
299	» »	Юг европейской части СССР	*Там же,* табл. 19, *1*
300	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
301	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
302	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Там же
303	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
304	Мраморный лев № 2	»	» »
305	» »	»	» »
306	Бронзовое зеркало	Неизвестно	Киевский исторический музей
307	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
308	Бронзовое зеркало	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *6*
309	» »	Территория Боспорского царства	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, табл. 44, *6*
310	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
311	Бронзовый котел	станица Еланская, бывшая Донская область	» »
312	Бронзовое зеркало	Юг европейской части СССР	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *5*
313	» »	Пантикапей	Одесский археологический музей
314	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
315	Бронзовое зеркало	Танаис	» »
316	» »	»	» »
317	Стена пещеры Ак-Кая 2	г. Белогорск, Крымская область	—
318	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
319	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
320	Стена пещеры Ак-Кая 2	г. Белогорск, Крымская область	—
321	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
322	Антропоморфное надгробие из известняка	Городище Алма-Кермен, Крымская область	*Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. — СА, № 3. М., 1965, стр. 235, рис. 2
323	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
324	» » »	Там же	—
325	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
326	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
327	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
328	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
329	» »	Там же	» »
330	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
331	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
332	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
333	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
334	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
335	Реберчатая амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *1*
336	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
337	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
338	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
339	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
340	» »	пос. Планерское, Феодосийский горсовет, Крымская область	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 85, 86, № 39
341	Каменная стела	Баклинский могильник, Крымская область	*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 163, 164, № 13
342	Известняковая плита	Горгиппия	Одесский археологический музей
343	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *6*
344	Известняковая плита	Симферополь	Крымский областной краеведческий музей
345	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
346	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
347	Бронзовый котел	Прикубанье	Москва, ГИМ
348	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
349	Бронзовый котел	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *1*
350	Бронзовая пряжка	Херсонес	*В. С. Драчук.* (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.—СА, № 4. М., 1962, стр. 257, рис. 17
350	Бронзовая пряжка	Территория Боспорского царства	Берлинский музей
351	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
352	Мраморный лев №. 1	»	» »
353	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
354	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
355	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
356	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
357	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
358	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Таблица VI

359	Бронзовое зеркало	Территория Боспорского царства	Ленинград, Эрмитаж
360	Глиняный сосуд	с. Жовнин, Чернобаевский район, Черкасская область	Киев, Археологический музей АН УССР
361	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
362	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
363	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
364	То же	»	Там же
365	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *39*

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
366	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
367	» »	»	» »
368	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
369	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
370	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
371	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
372	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
373	То же	» »	» »
374	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
375	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
376	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
377	То же	» »	» »
378	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
379	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
380	Антропоморфное надгробие из известняка	Заветнинский могильник, Крымская область	*Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы..., стр. 236, рис. 3, *2*
381	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
382	То же	»	Там же
383	» »	»	» »
384	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
385	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
386	То же	»	Там же
387	» »	»	» »
388	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
389	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
390	То же	»	Там же
391	» »	»	» »
392	» »	»	» »
393	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
394	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
395	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
396	Известняковое надгробие	Пантикапей	JOSPE, IV, 237
397	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
398	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
399	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
400	То же	»	Там же
401	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград. Эрмитаж
402	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
403	То же	»	Там же
404	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
405	» »	Там же	» »

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
406	Стена склепа Озернинского могильника	с. Скалистое, Бахчисарайский район, Крымская область	*И. И. Лобода.* Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.—Архив Бахчисарайского историко-археологического музея, рис. 4, *1*
407	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
408	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
409	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
410	Золотая гривна (шейный обруч)	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
411	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
412	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
413	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
414	Известняковая плита («энциклопедия»)	»	Керченский историко-археологический музей
415	То же	»	Там же
416	» »	»	» »
417	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
418	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
419	» »	»	» »
420	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
421	Глиняный кувшин	с. Заветное, Бахчисарайский район, Крымская область	Бахчисарайский историко-археологический музей
422	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
423	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
424	То же	» »	» »
425	» »	» »	» »
426	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
427	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
428	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
429	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
430	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
431	То же	» »	» »
432	» »	» »	» »
433	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
434	Серебряная бляха от конского убора	с. Красногорское, Белогорский район, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей
435	Глиняный бычок	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
436	Известняковая плита («энциклопедия»)	»	Керченский историко-археологический музей
437	Каменная плита	Танаис	Одесский археологический музей
438	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Таблица VII

439	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
440	То же	»	Там же
441	» »	»	» »
442	» »	»	» »

Номер знака в табл.	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
443	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
444	То же	» »	» »
445	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
446	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
447	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
448	То же	»	Там же
449	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
450	Мраморный лев № 1	»	» »
451	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
452	То же	»	Там же
453	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
454	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
455	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
456	То же	» »	» »
457	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
458	То же	»	Там же,
459	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
460	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
461	Мраморный лев № 1	»	» »
462	» »	»	» »
463	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
464	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
465	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
466	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
467	» »	Там же	» »
468	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
469	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
470	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
471	То же	»	Там же
472	» »	»	» »
473	» »	»	» »
474	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
475	То же	» »	» »
476	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
477	То же	»	Там же
478	» »	»	» »
479	» »	»	» »
480	» »	»	» »
481	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
482	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
483	То же	»	Там же
484	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
485	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
486	То же	»	Там же
487	» »	»	» »

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
488	Глиняная курильница	Городище Золотая балка, Нововоронцовский район, Херсонская область	Киев, Археологический музей АН УССР
489	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
490	То же	»	Там же
491	» »	»	» »
492	» »	»	» »
493	» »	»	» »
494	Глиняная подвеска от ткацкого станка	Территория Боспорского царства	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат.— СА, т. XIII. М.—Л., 1950, стр. 196, рис. 9,*б*
495	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
496	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
497	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
498	Известняковая плита	»	» »
499	То же	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
500	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
501	То же	» »	» »
502	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
503	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
504	Мраморный лев № 1	»	» »
505	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
506	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
507	» »	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
508	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
509	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
510	Глиняная подвеска от ткацкого станка	Территория Боспорского царства	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат, стр. 196, рис. 9,*а*
511	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *50*
512	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
513	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
514	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
515	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
516	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
517	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
518	Золотой флакон	Ольвия	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 126, 127, № 64

Таблица VIII

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
519	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
520	То же	»	Там же
521	» »	»	» »
522	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
522	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
523	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
523	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
524	То же	»	Там же
525	Известняковая плита	г. Симферополь, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей
525	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
526	То же	»	Там же
526	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
527	То же	» »	» »
528	» »	» »	» »
529	Известняковая плита	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
530	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
531	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
532	То же	»	Там же
533	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
534	Мраморный лев № 2	»	» »
534	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
535	То же	»	Там же
536	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
536	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
536	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
536	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
537	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
538	Мраморный лев № 1	»	» »
539	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
539	Известняковая плита	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
539	Бронзовый котел	станица Еланская, бывшая Донская область	Москва, ГИМ
540	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
541	То же	»	Там же
542	» »	»	» »
543	» »	»	» »
543	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
544	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
545	То же	»	Там же
546	Стена пещеры Ак-Кая 2	г. Белогорск, Крымская область	—
547	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
548	Стена пещеры Ак-Кая 2	г. Белогорск, Крымская область	—
549	» »	Там же	—
550	Каменное надгробие	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *55*

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
551	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
552	Известняковая плита («энциклопедия»)	»	Там же
552	Бронзовый котел	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *1*
553	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
553	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
553	Золотая бляшка	Прикубанье	Москва, ГИМ
554	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
555	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
556	Каменное надгробие	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *56*
556	Известняковая плита	Там же	Новочеркасский музей
556	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
557	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
558	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
559	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
560	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
561	Поясная пряжка	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *66*
561	Бронзовое зеркало	Краснодар	Москва, ГИМ
562	» »	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *7*
563	» »	Херсонес	Одесский археологический музей
564	» »	Нижнее Поволжье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 140, № 93
564	Зеркало из белого металла	Поволжье	Москва, ГИМ
565	Бронзовое зеркало	Ольвия	Киевский исторический музей
566	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
567	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *51*
568	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
569	» »	Там же	Новочеркасский музей
570	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
571	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
572	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
573	То же	»	Там же
574	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
574	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
575	То же	»	Там же
576	» »	»	» »
577	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
578	То же	» »	» »

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
579	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
580	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
581	То же	» »	» »
582	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
583	То же	»	Там же
584	» »	»	» »
585	» »	»	» »
586	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
587	Глиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *2*
588	» »	Там же	*Там же,* рис. 36, *10*
588	Антропоморфное надгробие из известняка	Заветнинский могильник, Крымская область	*Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы..., стр. 236, рис. 3, *2*
589	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
590	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
590	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
590	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
591	То же	»	Там же
592	» »	»	» »
593	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
594	Мраморный лев № 1	»	» »
595	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
596	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
596	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
597	То же	»	Там же
598	Известняковое надгробие	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 73, № 27
598	Медный котел	Поднепровье	Киевский исторический музей
598	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
598	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
598	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ

Таблица IX

599	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
599	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
599	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
599	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
600	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
600	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
601	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
602	То же	» »	» »
603	» »	» »	» »
604	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
605	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
606	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
607	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
607	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
608	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
609	То же	»	Там же
610	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
611	Мраморный лев № 1	»	» »
612	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
613	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *5*
614	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
615	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
616	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
617	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
618	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
619	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
620	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
621	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
622	Известняковая плита	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Отчет об археологических разведках в низовьях Дона в 1950 г.— Архив ИА АН СССР, стр. 16, рис. XX, *1, 2*
623	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
624	Мраморная плита	»	» »
625	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
626	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
627	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
628	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
629	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
630	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
631	То же	»	Там же
632	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
633	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
634	То же	»	Там же
635	» »	»	» »
636	» »	»	» »
637	» »	»	» »
638	» »	»	» »
639	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
640	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
641	То же	»	Там же
642	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
643	Мраморный лев № 1	»	» »
644	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
645	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
645	Стена каменного склепа	с. Красногорское, Зуйский район, Крымская область	*Н. Л. Эрнст.* Отчет об обследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у колонии Нейзац 13—15 июня 1927 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 146, стр. 9, 10
645	Золотая пластинка	Прикубанье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 151, 153, № 129
646	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
647	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
648	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
649	То же	»	Там же
650	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
651	Известняковое надгробие	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
652	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
653	Известняковое надгробие	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *53*
654	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
655	Стена склепа Озернинского могильника	с. Скалистое, Бахчисарайский район, Крымская область	*И. И. Лобода.* Раскопки могильника Озерное..., рис. 4, *6*
656	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
657	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
658	» »	»	» »
659	Мраморный лев № 2	»	» »
660	» »	»	» »
661	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
662	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
663	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
664	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
665	» »	»	» »
666	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
667	То же	»	Там же
668	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
669	Мраморный лев № 2	»	» »
670	Мраморный лев № 1	»	» »
671	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
672	То же	»	Там же
673	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
674	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
675	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
676	Бронзовая бляшка	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
677	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
678	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
679	Фрагмент архитектурной детали	»	Ленинград, ЛОИА АН СССР
680	Мраморный лев № 2	»	Ленинград, Эрмитаж

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
681	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
682	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
683	» »	»	» »
684	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
685	То же	»	Там же
686	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
687	» »	Там же	» »
688	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
689	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
690	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
691	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Там же,* стр. 106, 108, № 50
691	Бронзовая пряжка	Неизвестно	Берлинский музей
691	» »	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
691	» »	Крым	Одесский археологический музей
691	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
692	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
693	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
694	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
695	То же	» »	» »
696	» »	» »	» »
697	» »	» »	» »
698	» »	» »	» »
699	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
700	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
701	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
702	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
703	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
704	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
705	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
706	То же	»	Там же
707	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
708	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
709	То же	»	Там же
710	» »	»	» »
711	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *9*
712	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
713	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
714	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
715	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Таблица X

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
716	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *43*
717	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
718	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
719	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
720	То же	» »	» »
721	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
722	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
723	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
724	То же	» »	» »
725	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
726	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
727	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
728	Мраморный лев № 2	»	» »
729	» »	»	» »
730	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
731	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
732	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
733	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
734	То же	» »	» »
735	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
736	Краснолаковый сосуд	Херсонес	Херсонесский археологический музей
737	Стена склепа Озернинского могильника	с. Скалистое, Бахчисарайский район, Крымская область	*И. И. Лобода.* Раскопки могильника Озерное..., рис. 4, *4*
738	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
739	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
740	Мраморный лев № 1	»	» »
741	» »	»	» »
742	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
743	То же	»	Там же
744	» »	»	» »
745	Известняковое надгробие	»	Москва, ГИМ
746	Стена Керченского склепа 1872 г.	»	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
747	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
748	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
749	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
750	То же	»	Там же
751	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
752	Красноглиняная амфора	д. Семеновка, Ленинский район, Крымская область	*И. Т. Кругликова.* Сарматские знаки..., стр. 98, рис. 36, *10*
753	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
754	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
755	Бронзовое зеркало	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 143, № 101
756	Известняковое надгробие	»	Керченский историко-археологический музей
757	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
758	Мраморный пьедестал статуи	Херсонес	Херсонесский археологический музей
759	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
760	То же	» »	» »
761	» »	» »	» »
762	» »	» »	» »
763	» »	» »	» »
764	» »	» »	» »
765	» »	» »	» »
766	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
767	Золотая прорезная бляшка	Прикубанье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 152, 153, № 132
768	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
769	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
770	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
771	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
772	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
773	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
774	То же	»	Там же
775	» »	»	» »
776	» »	»	» »
777	» »	»	» »
778	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
779	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
780	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
781	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
782	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
783	Известняковая плита	»	Там же
784	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
785	То же	» »	» »
786	» »	» »	» »
787	» »	» »	» »
788	» »	» »	» »
789	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
790	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
791	Бронзовое зеркало	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *2*
792	Известняковая плита	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
793	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
794	То же	» »	» »
795	Глиняное блюдо	Танаис	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 163, № 152

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
796	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
797	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
798	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
799	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
800	То же	»	Там же
801	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
801	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
802	Стена склепа Озернинского могильника	с. Скалистое, Бахчисарайский район, Крымская область	*И. И. Лобода.* Раскопки могильника Озерное..., рис. 4, *7*
803	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
804	Антропоморфное надгробие из известняка	Городище Кермен-Кыр, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей

Таблица XI

805	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
806	Мраморные львы	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
806	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
806	Известняковые плиты	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
806	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
806	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
806	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
807	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
808	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
809	Глиняный сосуд	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 206, рис. 33, *4*
810	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
811	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
812	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
813	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Там же
814	То же	»	» »
815	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
815	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
815	Известняковая плита	Танаис	Ростовский областной музей краеведения
816	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
816	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
817	» »	Там же	» »
818	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
819	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
820	То же	»	Там же
821	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
822	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
823	Антропоморфное надгробие из известняка	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
824	Известняковая плита	Илурат	Там же
825	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
826	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ
827	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
828	» »	Там же	Керченский историко-археологический музей
829	» »	» »	Новочеркасский музей
830	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
831	Металлическая бляшка	Неизвестно	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 152, 153, № 134
832	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
833	Мраморная плита	Фанагория	Ленинград, Эрмитаж
834	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
835	Известняковая плита	с. Козырка, Очаковский район, Николаевская область	Херсонский историко-краеведческий музей
836	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
837	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
838	Глиняная амфора	Танаис	*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 166, рис. 18
839	Известняковая плита	Горгиппия	Одесский археологический музей
840	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
841	То же	»	Там же
842	» »	»	» »
843	» »	»	» »
844	» »	»	» »
845	Известняковая плита	Неизвестно	» »
846	Стена пещеры Ак-Кая 2	г. Белогорск, Крымская область	—
847	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
848	Медная пластинка	Танаис	*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 164, рис. 15
849	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
850	Мраморный лев № 2	»	» »
851	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
852	Каменная стела	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины..., стр. 243, рис. 1, *3*
853	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
854	Мраморный пьедестал статуи	Херсонес	Херсонесский археологический музей
855	Монета Фофорса	Тиритака	*Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад 1946 г.— ВДИ, № 2. М.— Л., 1949, табл. III, рис. 3
856	» »	»	*Там же*
857	» »	»	» »
858	» »	Неизвестно	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, табл. VI, *95*
859	Известняковая плита	»	Керченский историко-археологический музей

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
860	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *58*
861	Каменная плита	Танаис	Одесский археологический музей
862	Известняковая плита	Неизвестно	Керченский историко-археологический музей
863	Глиняное грузило	Территория Боспорского царства	Там же
864	Монета Инисмея	Там же	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 165, № 155
865	Известняковая плита	Неизвестно	Керченский историко-археологический музей
866	Фрагмент штукатурки с фресками	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
867	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
868	Мраморный лев № 1	»	» »
869	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
870	То же	»	Там же
871	» »	»	» »
872	Известняковая плита	»	» »
873	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
873	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
874	Свинцовая гиря	Танаис	Неизвестно
875	Монета Рескупорида 319 г. н. э.	Неизвестно	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 22
876	Известняковая плита	»	Керченский историко-археологический музей
877	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
878	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
879	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
880	Известняковое надгробие	»	JOSPE, IV, 359
881	Каменное надгробие	Неизвестно	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *54*
882	Известняковая плита	»	Керченский историко-археологический музей
883	Антропоморфное надгробие из известняка	Пантикапей	Там же
884	Лепной сосуд	Северо-Западный Крым	*А. Н. Щеглов.* Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.—КСИА АН СССР, вып. 103. М., 1965, стр. 147, рис. 51, *6*
885	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
886	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
887	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
888	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
889	» »	»	» »
890	Мраморный лев № 2	»	» »
891	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
892	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Там же
893	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ

Таблица XII

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
894	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
895	Известняковое надгробие	Пантикапей	Там же
896	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
897	» »	Там же	Новочеркасский музей
898	» »	» »	Керченский историко-археологический музей
899	» »	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка.— КАМ. М., 1966, стр. 269, рис. 1
900	» »	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
901	Поясной наконечник	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
902	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 50
903	» »	Там же	Новочеркасский музей
904	» »	» »	» »
905	» »	Илурат	Керченский историко-археологический музей
906	Надгробие из камня	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *57*
907	Поясная пряжка	Крым	Одесский археологический музей
908	» »	»	Там же
909	Известняковая плита	Танаис	Новочеркасский музей
910	Мраморная плита	Таманский полуостров	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 2
911	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
912	Мраморная плита	Таманский полуостров	Там же
913	Известняковая плита	Боспор	» »
914	» »	Прикубанье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 54, № 6
915	Бронзовая фибула	Гурзуф, Крымская область	Берлинский музей
916	Золотая пряжка	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
917	Бронзовая пряжка	»	» »
918	» »	»	Москва, ГИМ
919	» »	Неизвестно	Крымский областной краеведческий музей
920	» »	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
921	» »	»	» »
922	Красноглиняная фляга	»	Одесский археологический музей
923	Известняковая плита	Танаис	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 59, № 12
924	» »	Таманский полуостров	Керченский историко-археологический музей
925	Мраморная плита	Танаис	Ленинград, Эрмитаж
926	Золотая бляшка от конского убора	Пантикапей	» »
927	То же	»	» »
928	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
929	» »	Там же	Там же
930	» »	» »	» »
931	Надгробие из известняка	» »	» »
932	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 52
933	Свинцовая плитка	Неизвестно	Ленинград, Эрмитаж

Номер знака в таблице	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
934	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
935	Антропоморфное надгробие из известняка	»	Керченский историко-археологический музей
936	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Там же
937	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
938	» »	»	» »
939	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
940	Бронзовая пряжка	Инкерман	Бахчисарайский историко-археологический музей
941	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
942	Надгробие из камня	Территория Боспорского царства	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. 2, *63*
943	Надгробие из известняка	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
944	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 50
945	На стене Керченского склепа Алкима	Пантикапей	*Там же,* стр. 77—78, № 33
946	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
947	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
948	» »	»	Керченский историко-археологический музей
949	» »	Территория Боспорского царства	Там же

ТАБЛИЦА XIII

Тамгообразные знаки, изображения триденсов и специальных знаков в виде триденсов северопонтийской периферии античного мира

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)

Р и с. 1. Боспор. Сложные знаки царского типа *(4—44)*

1	Изображение триденса		
2	Мраморный пьедестал статуи	Херсонес	Херсонесский археологический музей
3	Монета Динамии 8 г. до н. э.	—	*А. Н. Зограф.* Античные монеты. — МИА, № 16. М.— Л., 1951, табл. XLIV, *15*
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
5	» »	Илурат	Керченский историко-археологический музей
6	» »	Территория Боспорского царства	Там же
7	Известняковое надгробие	Пантикапей	» »
8	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
9	» »	Там же	Новочеркасский музей
10	» »	» »	Керченский историко-археологический музей
11	» »	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка, стр. 269, рис. 1

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
12	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
13	Поясной наконечник	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
14	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 50
15	» »	Там же	Новочеркасский музей
16	Поясная пряжка	Крым	Одесский археологический музей
17	» »	»	Там же
18	Известняковая плита	Танаис	Новочеркасский музей
19	» »	»	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 59, № 12
20	» »	Таманский полуостров	Керченский историко-археологический музей
21	Мраморная плита	Танаис	Ленинград, Эрмитаж
22	Золотая бляшка от конского убора	Пантикапей	» »
23	То же	»	» »
24	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
25	» »	Там же	Там же
26	» »	» »	» »
27	Надгробие из известняка	» »	» »
28	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 52
29	Свинцовая плитка	Неизвестно	Ленинград, Эрмитаж
30	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
31	Антропоморфное надгробие из известняка	»	Керченский историко-археологический музей
32	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Там же
33	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
34	» »	»	» »
35	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
36	Бронзовая пряжка	Инкерман	Бахчисарайский историко-археологический музей
37	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
38	Надгробие из известняка	»	Там же
39	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 50
40	На стене Керченского склепа Алкима	Пантикапей	*Там же,* стр. 77—78, № 33
41	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
42	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
43	» »	»	Керченский историко-археологический музей
44	» »	Территория Боспорского царства	Там же
45	Монета Рескупорида III (210/11—226/27 гг. н. э.)	—	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, табл. VI, *91*

Рис. 2. Изображение триденсов и специальных знаков в виде триденсов на монетах боспорских царей римского времени *(1—16)*

1	Монета Динамии до 14 г. до н. э.	—	*А. Н. Зограф.* Античные монеты, табл. XLIV, *19*
2	Монета Митридата VIII (39/40—44/5 (?) гг. н. э.)	—	*Там же,* табл. XLVI, *6; В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, табл. IV, *66*

Продолжение табл. XIII

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
3	Монета Рескупорида II (67/8—91/2 гг. н. э.)	—	*А. Н. Зограф.* Античные монеты, табл. XLVII, *4*; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, табл. V, *72—73*
4	Монета Савромата I (93/4—123/4 гг. н. э.)	—	*А. Н. Зограф.* Античные монеты, табл. XLVII, *14*
5	Монета Реметалка (131/32—153/54 гг. н. э.)	—	*Там же, 18*
6	Монета Тиберия Эвпатора (154/55—170/71 гг. н. э.)	—	*Там же,* табл. XLVIII, *3*
7	Монета Савромата II (173/74—210/11 гг. н. э.)	—	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, табл. VI, *89—90*
8	Монета Рескупорида III (210/11—226/27 гг. н. э.)	—	*Там же, 91*
9	То же	—	—
10	Монета Котия III (227/28—233/34 гг. н. э.)	—	*А. Н. Зограф.* Античные монеты, табл. XLIX, *14*
11	Монета Рескупорида V (239/40—275/76 гг. н. э.)	—	*Там же,* табл. L, *3*
12	То же	—	*Там же,* табл. L, *5—8*
13	» »	—	*Там же,* табл. L, *10*
14	Монета Савромата IV (275/76 гг. н. э.)	—	*Там же,* табл. L, *17*
15	Монета Рескупорида VI (318/19—332/33 гг. н. э.)	—	*Там же,* табл. L, *23*
16	То же	—	*Там же,* табл. L, *25*

Рис. 3. Сарматские знаки Северного Причерноморья первых веков нашей эры *(1—62)*

1	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
2	Известняковое надгробие	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
3	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
4	» »	»	» »
5	Фрагмент архитектурной детали	»	Ленинград, ЛОИА АН СССР
6	Мраморный лев	»	Ленинград, Эрмитаж
7	» »	»	» »
8	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
9	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
10	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
11	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
12	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
13	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
14	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
15	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
16	Стела из камня	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины, стр. 243, рис. 1, *5*
17	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
18	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
19	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
20	» »	»	» »

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
21	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
22	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
23	» »	»	Там же
24	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
25	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
26	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
27	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
28	» »	Там же	» »
29	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
30	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
31	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
32	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
33	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
34	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
35	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
36	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
37	» »	»	» »
38	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
39	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
40	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
41	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
42	» »	»	» »
43	Известняковая плита	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
44	» »	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
45	» »	Там же	Там же
46	» »	» »	» »
47	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
48	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
49	Глиняное грузило	Боспор	Там же
50	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
51	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
52	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
53	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
54	» »	Там же	» »
55	Стела из камня	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины, стр. 243, рис. 1, *5*
56	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
57	» »	»	» »
58	Мраморная плита	Фанагория	» »
59	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
60	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
61	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
62	» »	»	Там же

ТАБЛИЦА XIV

Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира и тамги вогулов

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)

Рис. 4. Изображение на монетах Динамии (*1*) и сарматские знаки, близкие по начертанию (*2—10*)

1	Монета Динамии	Неизвестно	*А. Н. Зограф.* Античные монеты, табл. XLIV, *15*
2	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
3	» »	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР
4	» »	Танаис	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 111—112, № 56
5	Мраморная плита	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
6	Мраморный лев	»	» »
7	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
8	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
9	» »	»	» »
10	Известняковая плита	Илурат	Керченский историко-археологический музей

Рис. 5. Знаки Тиберия Эвпатора на памятниках Северного Причерноморья (*1—13*)

1	Известняковая плита	Танаис	Новочеркасский музей
2	» »	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
3	Мраморная плита	Таманский полуостров	Там же
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	» »
5	» »	Прикубанье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 54, № 6
6	Бронзовая фибула	Гурзуф, Крымская область	Берлинский музей
7	Золотая пряжка	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
8	Бронзовая пряжка	»	» »
9	» »	»	Москва, ГИМ
10	» »	Неизвестно	Крымский областной краеведческий музей
11	» »	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
12	» »	»	» »
13	Красноглиняная фляга	»	Одесский археологический музей

Рис. 6. Знак Рескупорида III (*1*) и его варианты по Д. Б. Шелову (*2—13*)

1	Мраморная плита	Танаис	Ленинград, Эрмитаж
2	Надгробие из известняка	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
3	Известняковая плита	Там же	Там же
4	» »	» »	» »
5	» »	» »	» »
6	» »	» »	Москва, ГИМ
7	» »	Пантикапей	» »
8	» »	»	» »
9	» »	Территория Боспорского царства	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 50
10	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 52
11	Свинцовая плитка	Территория Боспорского царства	Ленинград, Эрмитаж
12	Золотая бляшка	Пантикапей	» »
13	» »	»	» »

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
Рис. 7. Тамга Реметалка по Д. Б. Шелову *(1—4)*			
1	Известняковая плита	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка, стр. 271, рис. 2, *4*
2	» »	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
3	Бронзовый поясной наконечник	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж
4	Бронзовая пряжка	Ольвия	Гамбургский музей
Рис. 8. Знак Ининфимея *(1—8)* и сарматские знаки родственного круга *(9—23)*			
1	Мраморная плита	Танаис	Ленинград, Эрмитаж
2	Известняковая плита	»	Одесский археологический музей
3	Мраморная плита	»	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 63—64, № 16
4	Бронзовое зеркало	Пантикапей	Одесский археологический музей
5	» »	Неизвестно	Киевский исторический музей
6	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
7	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
8	Бронзовое зеркало	Территория Боспорского царства	Москва, Музей изобразительных искусств
9	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
10	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
11	» »	»	» »
12	» »	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
13	» »	Там же	Там же
14	Бронзовое зеркало	Пантикапей	Москва, ГИМ
15	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
16	Бронзовый котел	Станица Еланская, бывшая Донская область	Москва, ГИМ
17	Мраморный лев	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
18	Известняковая плита	г. Симферополь, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей
19	» »	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей
20	Бронзовый котел	Прикубанье	Москва, ГИМ
21	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
22	» »	Пантикапей	Москва, ГИМ
23	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
Рис. 9. Варианты знака на монетах Фофорса *(1—4)* и близких по начертанию сарматских знаков *(5—6)*			
1	Монета Фофорса	Тиритака	*Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад..., табл. III, рис. 3; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 89
2	» »	» »	*Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад..., табл. III, рис. 3; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 90

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
3	Монета Фофорса	Тиритака	*Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад..., табл. III, рис. 3; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 91
4	» »	Неизвестно	*В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, табл. VI, *95*
5	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
6	Каменная стела	Танаис	Одесский археологический музей

Рис. 10. Сохранившаяся часть знаков на плите Евпатерия (*1—2*) и сарматские знаки римского времени (*3—4*)

1	Мраморная плита	Таманский полуостров	Ленинград, Эрмитаж
2	» »	Там же	» »
3	Мраморный лев	Ольвия	» »
4	Известняковая плита	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей

Рис. 11. Знаки на пряжках боспорского производства (*1—3*) и аналогичные сарматские знаки (*4—6*)

1	Бронзовая пряжка	Пантикапей	Москва, ГИМ
2	» »	»	Ленинград, Эрмитаж
3	» »	Крым	Одесский археологический музей
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
5	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 108, № 52
6	Известняковая плита	»	Керченский историко-археологический музей

Рис. 12. Боспор. Знаки правительственной знати (*1—5*)

1	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей
2	Мраморная плита	Таманский полуостров	Ленинград, Эрмитаж
3	Надгробие из известняка	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 72, 73, № 25
4	Свинцовая гиря	Танаис	Новочеркасский музей
5	Мраморная плита	Фанагория	Ленинград, Эрмитаж

Рис. 13. Сарматские знаки римского времени, близкие по начертанию к некоторым знакам боспорской знати (*1—1б, 2—2б, 3—3б*)

1	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
1а	Каменная стела	с. Заздрость, Теребовлянский район, Тернопольская область	*В. С. Драчук.* Стела со знаками из Теребовельщины, стр. 243, рис. 1, *3*
1б	Глиняное грузило	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей
2	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	—
2а	Золотая гривна	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
2б	Известняковая плита	с. Козырка, Очаковский район, Николаевская область	Херсонский историко-краеведческий музей
3	Известняковое надгробие	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
3а	Известняковая плита	Пантикапей	Москва, ГИМ
3б	» »	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей

Рис. 14. Тамговые знаки вогулов рода «филина»

1	Различные памятники	Сибирь, Приобье	*В. Н. Чернецов.* К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.— Л., 1947, стр. 169, табл. 4, рис. 1
2	Различные памятники	Сибирь, Приобье	*Там же,* стр. 169, табл. 4, рис. 2
3	» »	Там же	*Там же,* табл. 4, рис. 3
4	» »	» »	*Там же,* табл. 4, рис. 4
5	» »	» »	*Там же,* табл. 4, рис. 5

ТАБЛИЦА XV

Пряжки боспорского производства римского времени, тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира и греческая надпись с эмблемой боспорского царя Савромата II

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)

Рис. 1. Бронзовая пряжка римского времени с тамгообразным знаком, найденная в Херсонесе

Рис. 2. Знак на херсонесской пряжке *(1)* и группа сарматских знаков первых веков нашей эры, близких ему по начертанию *(2—8)*

1	Бронзовая пряжка	Херсонес	ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 34, 130, рис. 18
2	Песчаниковая плита	Танаис	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 111, № 55
3	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Там же,* стр. 107, 108, № 52*а*
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей *(Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 159, рис. 2)
5	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
6	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52*а*
7	Стена пещеры Ак-Кая 1	г. Белогорск, Крымская область	*Там же,* стр. 113—117, № 57
8	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж

Рис. 3. Тамгообразные знаки на пряжках и поясных наконечниках боспорского производства римского времени *(1—6)*

1	Бронзовая пряжка	Херсонес	ОАК за 1890 г., стр. 34, 130, рис. 18
2	» »	Неизвестно	Крымский областной краеведческий музей *(Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 133—135, № 79)

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
3	Бронзовая пряжка	Пантикапей	Москва, ГИМ (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, 136, № 86)
4	» »	Крым	Одесский археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, 136, № 85)
5	» »	Инкерман, Крымская область	Бахчисарайский историко-археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 137, № 88)
6	Поясной наконечник	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 133, 134, № 76)

Рис. 4. Знак на пряжке боспорского производства римского времени *(1)* и аналогичные знаки на других сарматских памятниках *(2—4)*

1	Бронзовая пряжка	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 134, 136, № 84)
2	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 158, 159, № 1)
3	Стена Керченского склепа 1872 г.	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 107, 108, № 52
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	*Там же,* стр. 106, 108, № 50

Рис. 5. Боспорская пряжка римского времени с тамгообразным знаком из Берлинского музея

Рис. 6. Резная бронзовая пряжка римского времени из Керчи со знаком Тиберия Эвпатора, выполненным в декоративном стиле

Рис. 7. Греческая надпись 193 г. н. э. на известняковой плите из Танаиса и знак Савромата II, выполненный в декоративном стиле

ТАБЛИЦА XVI

Тамгообразные изображения на сарматских зеркалах-подвесках северопонтийской периферии античного мира

Номер изображения в табл.	Металл зеркала, на котором нанесено изображение	Место находки зеркала с изображением	Место хранения зеркала с изображением (или указание источника, где оно опубликовано)
1	Бронза	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Тайны минувших времен, стр. 95, рис. 7
2	»	Там же	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *9*
3	»	Ольвия	Киевский исторический музей

Номер изображения в таблице	Металл зеркала, на котором нанесено изображение	Место находки зеркала с изображением	Место хранения зеркала с изображением (или указание источника, где оно опубликовано)
4	Бронза	Юг европейской части СССР	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *1*
5	»	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
6	»	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *4*
7	»	Пантикапей	Одесский археологический музей
8	»	Юг европейской части СССР	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *5*
9	»	Пантикапей	Москва, Музей изобразительных искусств
10	»	Неизвестно	Киевский исторический музей
11	»	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *6*
12	»	Территория Боспорского царства	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 44, *6*
13	»	Пантикапей	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 143, № 101
14	»	»	Москва, ГИМ
15	»	Румыния	*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit..., табл. 19, *2*
16	»	г. Краснодар	Москва, ГИМ
17	»	Территория Боспорского царства	Ленинград, Эрмитаж
18	»	Херсонес	Одесский археологический музей
19	»	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41,*7*
20	»	Нижнее Поволжье	Москва, ИА АН СССР
21	»	Танаис	Ленинград, Эрмитаж
22	»	Северный Кавказ	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 44, *3*
23	»	» »	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *10*
24	»	Неизвестно	Днепропетровский исторический музей
25	Белый металл	»	Там же
26	» »	»	» »
27	» »	»	» »
28	Бронза	»	» »
29	Неизвестен	Поволжье	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 44, *2*
30	Бронза	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
31	Неизвестен	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *8*
32	Бронза	Неизвестно	Днепропетровский исторический музей
33	»	г. Краснодар	Ленинград, Эрмитаж
34	»	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
35	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
36	Бронза	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 202, рис. 27
37	Неизвестен	Поволжье	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 44, *1*

Номер изображения в таблице	Металл зеркала, на котором нанесено изображение	Место находки зеркала с изображением	Место хранения зеркала с изображением (или указание источника, где оно опубликовано)
38	Неизвестен	Прикубанье	Москва, ГИМ
39	Бронза	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
40	»	Среднее Поднепровье	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 144, № 106
41	»	с. Партизанское, Симферопольский район, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей
42	»	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
43	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
44	Бронза	Среднее Поднепровье	Киевский исторический музей
45	»	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
46	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
47	»	»	Ленинград, Эрмитаж
47	Бронза	Неизвестно	Одесский археологический музей
47	»	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
48	»	Среднее Поднепровье	Киевский исторический музей
49	»	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
49	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
50	Бронза	Неизвестно	Днепропетровский исторический музей
51	»	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 133
52	Неизвестен	»	Москва, ГИМ
53	Бронза	Ольвия	Одесский археологический музей
54	Белый металл	Заветнинский могильник, Крымская область	Бахчисарайский историко-археологический музей
55	» »	Неизвестно	Днепропетровский исторический музей
56	» »	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей

ТАБЛИЦА XVII

Основные виды тамгообразных орнаментов Северного Причерноморья римского времени

Номер изображения в таблице	Металл зеркала, на котором нанесено изображение	Место находки зеркала с изображением	Место хранения зеркала с изображением (или указание источника, где оно опубликовано)
1	Бронза	Неизвестно	Днепропетровский исторический музей
2	Белый металл	»	Там же
3	Бронза	»	» »
4	Белый металл	»	» »
5	» »	»	» »
6	Бронза	»	» »
7	»	»	» »
8	Белый металл	»	» »

Номер изображения в таблице	Металл зеркала, на котором нанесено изображение	Место находки зеркала с изображением	Место хранения зеркала с изображением (или указание источника, где оно опубликовано)
9	Бронза	Неаполь Скифский	Москва, ГИМ
10	Неизвестен	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 214, рис. 41, *8*
11	Бронза	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
12	»	с. Партизанское, Симферопольский район, Крымская область	Крымский областной краеведческий музей
13	Неизвестен	Прикубанье	Москва, ГИМ
14	»	Поволжье	*J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 44, *1*
15	Бронза	Северо-Восточный Кавказ	*В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 202, рис. 27
16	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
17	Бронза	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств
18	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей
19	Бронза	Ольвия	Одесский археологический музей
20	Белый металл	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей

ТАБЛИЦА XVIII

Тамгообразные орнаменты римского и раннесредневекового времени, тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира, а также изображения «птичьих лапок» на изделиях средневековья

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)

Рис. 1. Орнамент из знаков причерноморского происхождения на раннесредневековом зеркале из Ольвии

Рис. 2. Сарматские знаки первых веков нашей эры (*1—10*)

1	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
2	Бронзовый котел	с. Октябрьское, Новочеркасский район, Ростовская область	Новочеркасский музей (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 164, № 14)
3	Фрагмент архитектурной детали	Ольвия	Ленинград, ЛОИА АН СССР (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 121, № 60*а*)
4	Фрагмент архитектурной детали	»	Ленинград, ЛОИА АН СССР (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 121, № 60*б*)
5	Золотая бляшка от конского убора	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 138, 139, № 91)
6	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 159, № 2)
7	» »	Там же	Там же

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
8	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 65, 66, № 18)
9	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
10	Золотая бляшка от конского убора	»	Там же (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 138, 139, № 91)
10	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Там же (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 105, № 49)

Р и с. 3. Сложные знаки царского типа римского времени *(1—8)*

1	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 104, 105, № 48 *а*)
2	Известняковое надгробие	Там же	Там же (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 79—81, № 35)
3	Известняковая плита	Танаис	*Д. Б. Шелов.* Тамга Римиталка, стр. 269, рис. 1
4	Поясной наконечник	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 133, 134, № 76)
5	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 160, рис. 3 *а*)
6	» »	Там же	Керченский историко-археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 104, 105, № 48 *б*)
7	» »	» »	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 106, 108, № 50
8	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 100, 101, № 45)

Р и с. 4. Тамгообразный орнамент на сарматских зеркалах-подвесках первых веков нашей эры *(1—10)*

1	Зеркало из бронзы	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167, № 22, рис. 20)
2	» » »	» »	Там же
3	» » »	» »	» »
4	» » »	Среднее Поднепровье	Киевский исторический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 148, 149, № 119)
5	Зеркало из белого металла	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 150, 153, № 126)

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
6	Зеркало из белого металла	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 146, 148, № 109)
7	То же	»	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 146, № 111)
8	Зеркало из бронзы	Неаполь Скифский	Москва, Музей изобразительных искусств (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 167, № 22, рис. 20)
8	Зеркало из белого металла	г. Краснодар	Краснодарский историко-краеведческий музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 145, 146, 148, № 108)
9	Зеркало из бронзы	Среднее Поднепровье	Киевский исторический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 147,148, № 114)
10	То же	Поволжье	Москва, ГИМ (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 147, 148, № 117)

Рис. 5. Изображение мотива «птичьих лапок» на средневековых изделиях (*J. Hampel.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. III, Atlas. Braunschweig, 1905, табл. 180, *8; J. Werner.* Beiträge zur Archäologie..., табл. 54, *3;* 44, *8*).

ТАБЛИЦА XIX

Символические и тамгообразные изображения на копьях, поясных наконечниках и других изделиях позднеримского и раннесредневекового времени

Рис. 1. Наконечник копья из Розвадова на Сане с рунической надписью и символическими знаками позднеримского времени (*M. Śmiszko.* Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem.—WA, XIV. Warszawa, 1936, табл. XX)

Рис. 2. Инкрустированный наконечник копья из Мюнхенберга (*K. Schuchhardt.* Vorgeschichte von Deutschland. München und Berlin, 1928, стр. 276, рис. 233)

Рис. 3. Формы символических изображений на наконечниках копий III—V вв. н. э. (*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 9, рис. *2, 1—15; 1, 4, 5, 11—14* — из Каменицы; *2, 3, 8* — из Янково; *6, 10, 15* — из Сушично, *7* — из Мюнхенберга, *9* — из Вимос)

Рис. 4. Тамгообразный знак на раннесредневековой подвеске из с. Мощин Калужской области (*Б. А. Рыбаков.* Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности...).— СА, т. XVII. М., 1953, стр. 97, рис. 25, *14*)

Рис. 5—13. Принадлежности поясных наборов VI—VIII вв. н. э. с тамгообразными изображениями из Мартыновского клада Киевской области (*Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., 5—9 — стр. 85, рис. 20, *2;* 10 — стр. 77, рис. 17, *15;* 11 — стр. 77, рис. 17, *14;* 12 — стр. 77, рис. 17, *16;* 13 — стр. 77, рис. 17, *10*)

Рис. 14—16. Парно расположенные тамгообразные знаки на поясных наконечниках ремней VI—VIII вв. н. э. из с. Хацки близ Смелы (*Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., *14*— стр. 97, рис. 25, *16*; 15 — стр. 97, рис. 25, *17*; 16 — стр. 97, рис. 25, *18*)

Рис. 17. Изображения тамгообразных знаков на поясном наконечнике из с. Переще-пино Полтавской области (*Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 97, рис. 25, *19*)

Рис. 18. Тамгообразные изображения на поясном наконечнике эпохи переселения народов (*J. Hampel.* Alterthümer des frühen Mittelalters..., табл. 156, *2*)

Рис. 19. Образцы тамгообразных знаков VI—VIII вв. н. э. на серебряных поясных наборах из сел Мартыновка и Хацки на Киевщине (*Б. А. Рыбаков.* Древние русы..., стр. 97, рис. 25, *1—7* — Мартыновка, *8—13* — Хацки)

ТАБЛИЦА XX

Знаки-марки Европы (*G. Homeyer.* Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870; *E. Tárkány Szücz.* Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— AE, t. XVII, Fasciculi 3—4. Budapest, 1968)

ТАБЛИЦА XXI

«Знаки Рюриковичей» (*А. В. Орешников.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам.— ИАН СССР, № 2, сер. VII. Л., 1930; *его же.* Денежные знаки домонгольской Руси.— Труды ГИМ, вып. 6. М., 1936; *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940; *его же.* Ремесло.— ИКДР, № 1. М.— Л., 1948; *В. Л. Янин.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.— КСИИМК, вып. 62. М., 1956)

ТАБЛИЦА XXII

Кабардинские тамги (*Е. Фелицын.* Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племени Кабертай Адигского народа.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889; *В. П. Пожидаев.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— УЗ КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 45)

ТАБЛИЦА XXIII

Тамги западно-кавказских горцев (*Е. Фелицын.* Сборник тамг...)

ТАБЛИЦА XXIV

Тамги тюрко-монгольских народов (*О. Акчокраклы.* Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1926; *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit...)

ТАБЛИЦА XXV

Татарские тамги в Крыму (*О. Акчокраклы.* Татарские тамги...)

ТАБЛИЦА XXVI

Знаки сасанидского Ирана (*J. Unvala.* Sassanian seals and Sassanian monograms.— N. P. Khareghat. Memorial Volume, I. Bombay, 1953; *H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit...)

ТАБЛИЦА XXVII

Тамговые и пиктографические изображения некоторых племен и народов Азии, Европы и Америки

Рис. 1. Тамговые знаки Хорезма *(1—20)* (*С. П. Толстов.* Из предистории Руси.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947; *его же.* Древний Хорезм. М., 1948)

Рис. 2. Тамговые знаки Кушанов *(1—33)* (*H. Jänichen.* Bildzeichen der königlichen Hoheit...; *С. П. Толстов.* Из предистории Руси; *его же.* Древний Хорезм...)

Рис. 3. Тамговые знаки вогулов рода «филин» *(1—4)* (*В. Н. Чернецов.* К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.— Л., 1947); знак стилизованного изображения головы рогатого животного у сарматов по Э. И. Соломоник (5) (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки...,); пиктограммы тюркоязычных народов Сибири *(6—9)* (*С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— Труды ИЭ, новая серия, т. XXII. М.—Л., 1954); тамги Кушанов, иранские, тамги Сиявушидов *(10—16)* (*С. П. Толстов.* Из предистории Руси...; *его же.* Древний Хорезм...); тамговые знаки американских индейцев кадувейо *(17—21)* (*Ч. Лоукотка.* Развитие письма. М., 1950)

ТАБЛИЦА XXVIII

Знаки средневекового Саркела (*М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935)

ТАБЛИЦА XXIX

Знаки на камнях Маяцкого городища (*Н. Е. Макаренко.* Археологические исследования 1907—1909 годов.— ИАК, вып. 43. СПб., 1911; *А. И. Милютин.* Раскопки 1906 г. на Маяцком городище (с 14 рис.).— ИАК, вып. 29. СПб., 1909)

ТАБЛИЦА XXX

Знаки средневекового Крыма (*Г. Д. Белов* и *А. Л. Якобсон.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.).— МИА, № 34. М.—Л., 1953; *М. А. Тиханова.* Черепицы с метками из раскопок 1938 г.— МИА, № 34. М.— Л., 1953; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА, № 17. М.—Л., 1950; *Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки...; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым. М.— Л., 1964; *Е. А. Паршина.* Средневековая керамика Ласпи и Симеиза (По материалам раскопок 1966 г.).— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., вып. 1. К., 1967)

ТАБЛИЦА XXXI

Савроматская стела IV в. до н. э., а также сарматские стелы римского времени с большими единичными знаками и аналогичные тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)
1	Известняковая плита	с. Тецканы, Единецкий район, Молдавская ССР	*N. N. Moroşan.* Semn ieroglific..., стр. 6, рис. 1
2	То же	г. Кривой Рог, Днепропетровская область	Одесский археологический музей (*В. Н. Юргевич.* Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 504—505)
3	Бронзовое зеркало	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 143, 144, № 103)
4	Стела из камня	г. Запорожье	Запорожский краеведческий музей (*В. С. Драчук.* Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами.— КСИА АН СССР, вып. 130. М., 1972, стр. 160, рис. 42)
5	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Керченский историко-археологический музей (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 65, 66, № 18)
6	Золотой флакон	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж (*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 125, 126, № 63)
7	Серебряное блюдо	Ст. Давыдовка, Георгиу-Дежский район, Воронежская область	*Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки..., стр. 127, 128, № 65
8	Втулка наконечника копья	Пантикапей	Ленинград, Эрмитаж (ДБК, т. I. СПб., 1854, табл. XXVII, № 7; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, стр. 424, рис. 80)

Рис. 1. Савроматская стела IV в. до н. э. с единичным знаком знатного сармата, венчавшая вершину Жаксы-Каргальского кургана близ Актюбинска (*К. Ф. Смирнов.* Савроматы..., стр. 341, рис. 47, *1*)

Рис. 2. Сарматская антропоморфная стела римского времени из г. Запорожья (*1—3*) с большим единичным знаком

Рис. 3. Изображение знака на стеле из Запорожья (*4*), аналогичных (*1—3*) и подобных ему (*5—8*) сарматских знаков первых веков нашей эры на различных памятниках Северного Причерноморья

Номер знака на рисунке	Вид памятника, на котором нанесен знак	Место находки памятника со знаком	Место хранения памятника со знаком (или указание источника, где он опубликован)

Рис. 4. Известняковая антропоморфная стела с большим единичным сарматским знаком, найденная на Арабатской стрелке в Крыму (*П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 197, рис. 1)

Рис. 5. Изображение знака на арабатской стеле (*1*) и родственных ему сарматских знаков (*2—8*) первых веков нашей эры на других памятниках Северного Причерноморья

1	Антропоморфная стела из известняка	Арабатская стрелка, Крым	Херсонский историко-краеведческий музей (*П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела..., стр. 197, рис. 1)
2	Известняковая плита («энциклопедия»)	Пантикапей	Керченский историко-археологический музей
3	Мраморный лев № 1	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
4	Известняковая плита	Территория Боспорского царства	Новочеркасский музей (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 160, № 3)
5	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ (JOSPE, II, 232)
6	Мраморный лев № 2	Ольвия	Ленинград, Эрмитаж
7	» »	»	» »
8	Известняковое надгробие	Пантикапей	Москва, ГИМ (JOSPE, II, 219)

Рис. 6. Каменная сарматская стела с единичным знаком из Баклинского могильника Крымской области (*Е. І. Соломонік.* Нові пам'ятки..., стр. 163, 164, № 13)

Рис. 7. Антропоморфное известняковое надгробие из Керчи с большим единичным знаком с двух сторон и более поздними знаками римского времени (*А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, т. XIII. М.— Л., 1950, стр. 242, 245, рис. 8, 9)

Рис. 8. Сарматская антропоморфная стела с большим знаком из Заветнинского могильника в Крыму (*Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы..., стр. 236, № 6, рис. 3, *2*)

ТАБЛИЦА XXXII

Керченская «писаная» плита римского времени — «энциклопедия» сарматских знаков (лицевая сторона)

ТАБЛИЦА XXXIII

Керченская «писаная» плита римского времени — «энциклопедия» сарматских знаков (левая боковая сторона)

ТАБЛИЦА XXXIV

Керченская «писаная» плита римского времени — «энциклопедия» сарматских знаков (правая боковая сторона)

ТАБЛИЦА XXXV

Керченская «писаная» плита римского времени — «энциклопедия» сарматских знаков (план изображений лицевой стороны)

ТАБЛИЦА XXXVI

Керченская «писаная» плита римского времени — «энциклопедия» сарматских знаков (план изображений левой и правой боковых сторон)

ТАБЛИЦА XXXVII

Тамгообразные изображения керченской «писаной» плиты римского времени — «энциклопедии» сарматских знаков (Пантикапей; Керченский историко-археологический музей, инв. № К-3431)

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
1	12	—
2	11	—
3	—	6, 7
4	13	—
5	24	—
6	—	23, 24
7	24	—
8	12	—
9	28	—
10	39	—
11	—	6, 7
12	9	—
13	15	—
14	22	—
15	46	—
16	34	—
17	28	—
18	12	—
19	18	—
20	31	—
21	44	—
22	—	43, 44
23	21	—
24	28	—
25	36	—
26	9	—
27	29	—
28	51	—
29	37	—
30	—	27, 28
31	32	—
32	19	—
33	—	31, 32
34	—	23, 28, 27
35	11	—
36	11	—
37	—	11, 16
38	39	—
39	52	—
40	13	—
41	32	—
42	—	19, 23, 24
43	—	27, 26
44	13	—
45	9	—
46	11	—
47	16	—
48	33	—
49	42	—
50	—	32, 31
51	18	—
52	12	—
53	28	—
54	43	—
55	34	—
56	21	—
57	46	—
58	42	—
59	22	—
60	21	—
61	49	—
62	—	12, 13
63	—	34, 39
64	39	—
65	32	—
66	—	34, 39
67	23	—
68	40	—
69	—	22, 27
70	44	—
71	25	—
72	18	—
73	12	—
74	14	—
75	49	—
76	20	—
77	49	—
78	—	25, 30
79	15	—
80	9	—
81	32	—
82	53	—
83	26	—
84	29	—
85	20	—
86	25	—
87	10	—
88	—	31, 36
89	9	—
90	—	43, 38
91	34	—
92	—	10, 5
93	54	—
94	36	—
95	41	—
96	34	—
97	20	—
98	—	13, 18
99	40	—
100	38	—
101	27	—
102	—	14, 13
103	6	—
104	34	—
105	—	27, 28
106	32	—
107	24	—
108	35	—
109	46	—
110	34	—
111	48	—
112	36	—
113	24	—
114	38	—
115	44	—
116	—	42, 43
117	32	—
118	22	—
119	—	35, 34
120	12	—
121	—	16, 11
122	—	36, 31
123	33	—
124	38	—

Продолжение табл. XXXVII

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
125	15	—
126	12	—
127	33	—
128	15	—
129	—	43, 48
130	6	—
131	—	43, 48
132	44	—
133	18	—
134	50	—
135	28	—
136	39	—
137	39	—
138	35	—
139	6	—
140	28	—
141	38	—
142	42	—
143	—	23, 22
144	23	—
145	31	—
146	50	—
147	6	—
148	19	—
149	36	—
150	—	46, 41
151	17	—
152	—	22, 17
153	—	43, 48
154	46	—
155	53	—
156	49	—
157	52	—
158	53	—
159	52	—
160	—	28, 27
161	—	34, 35
162	51	—
163	26	—
164	—	28, 33
165	9	—
166	19	—
167	37	—
168	12	—
169	28	—
170	53	—
171	38	—
172	9	—
173	23	—
174	28	—
175	—	14, 15
176	54	—
177	51	—
178	23	—
179	19	—
180	9	—
181	18	—
182	11	—
183	8	—
184	9	—
185	26	—
186	16	—
187	9	—
188	54	—
189	9	—
190	—	41, 46
191	—	30, 25
192	16	—
193	7	—
194	27	—
195	34	—
196	—	44, 49
197	32	—
198	7	—
199	—	35, 34
200	39	—
201	29	—
202	—	19, 24
203	—	20, 19
204	—	21, 26
205	54	—
206	—	21, 26, 27, 22
207	14	—
208	32	—
209	—	9, 8
210	34	—
211	25	—

ТАБЛИЦА XXXVIII

Тамгообразные изображения керченской «писаной» плиты римского времени — «энциклопедии» сарматских знаков (Пантикапей; Керченский историко-археологический музей, инв. № К-3431)

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
212	47	—
213	34	—
214	—	14, 19
215	30	—
216	39	—
217	24	—
218	—	14, 15
219	21	—
220	22	—
221	36	—

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
222	55	—	*266*	8	—
223	17	—	*267*	16	—
224	38	—	*268*	54	—
225	—	16, 21	*269*	—	12, 13
226	—	23, 28	*270*	—	22, 27, 23
227	—	21, 22, 16, 17	*271*	18	—
228	16	—	*272*	21	—
229	—	20, 25	*273*	32	—
230	—	32, 27	*274*	23	—
231	28	—	*275*	28	—
232	46	—	*276*	—	13, 14
233	29	—	*277*	23	—
234	—	33, 28, 32	*278*	15	—
235	—	47, 46	*279*	50	—
236	—	13, 18	*280*	—	11, 12
237	—	26, 31, 27	*281*	19	—
238	10	—	*282*	51	—
239	—	33, 34, 38, 39	*283*	8	—
240	—	17, 18, 13	*284*	—	8, 7
241	—	38, 39	*285*	—	37, 42
242	—	34, 35	*286*	34	—
243	—	31, 32	*287*	43	—
244	41	—	*288*	8	—
245	—	39, 44	*289*	—	46, 47
246	—	49, 48	*290*	—	37, 36
247	—	28, 27	*291*	—	23, 24
248	—	45, 44	*292*	12	—
249	—	23, 22	*293*	19	—
250	—	54, 55	*294*	12	—
251	47	—	*295*	26	—
252	33	—	*296*	8	—
253	—	40, 45	*297*	—	11, 12
254	22	—	*298*	—	31, 32
255	—	12, 17	*299*	—	27, 32
256	53	—	*300*	7	—
257	9	—	*301*	—	7, 8
258	31	—	*302*	—	45, 44
259	—	14, 15	*303*	—	48, 49
260	—	41, 46	*304*	—	37, 38
261	—	17, 22	*305*	—	50, 49
262	—	29, 34	*306*	—	18, 17
263	14	—	*307*	—	41, 36
264	40	—	*308*	—	24, 29, 28, 23
265	—	54, 53	*309*	—	33, 34, 29

ТАБЛИЦА XXXIX

Тамгообразные изображения керченской «писаной» плиты римского времени — «энциклопедии» сарматских знаков (Пантикапей; Керченский историко-археологический музей, инв. № К-3431)

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
310	42	—	*315*	51	—
311	51	—	*316*	—	33,38
312	—	9, 4	*317*	26	—
313	52	—	*318*	47	—
314	—	30, 25	*319*	36	—

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
320	43	—	*358*	18	—
321	27	—	*359*	—	38, 43, 39, 44
322	17	—	*360*	44	—
323	—	27, 22	*361*	53	—
324	16	—	*362*	52	—
325	33	—	*363*	30	—
326	—	18, 13	*364*	44	—
327	7	—	*365*	54	—
328	12	—	*366*	33	—
329	6	—	*367*	11	—
330	—	15, 20	*368*	—	23, 22
331	—	17, 11, 16, 12	*369*	—	8, 7
332	47	—	*370*	6	—
333	41	—	*371*	—	10, 9, 4, 5
334	17	—	*372*	54	—
335	51	—	*373*	52	—
336	28	—	*374*	52	—
337	—	44, 45, 40	*375*	—	52, 53
338	45	—	*376*	44	—
339	13	—	*377*	—	24, 29
340	—	28, 23, 29	*378*	8	—
341	—	25, 19, 24, 20	*379*	35	—
342	27	—	*380*	36	—
343	52	—	*381*	8	—
344	—	13, 14	*382*	—	39, 40
345	—	50, 45, 49	*383*	—	14, 15, 19, 20
346	—	48, 47	*384*	47	—
347	—	44, 39	*385*	46	—
348	53	—	*386*	—	42, 37
349	—	17, 12	*387*	33	—
350	23	—	*388*	46	—
351	42	—	*389*	23	—
352	—	23, 28	*390*	—	10, 5
353	48	—	*391*	44	—
354	9	—	*392*	—	19, 20
355	37	—	*393*	—	44, 43
356	51	—	*394*	17	—
357	28	—	*395*	24	—

ТАБЛИЦА XL

Тамгообразные изображения керченской «писаной» плиты римского времени — «энциклопедии» сарматских знаков (Пантикапей; Керченский историко-археологический музей, инв. № К-3431)

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
396	—	48, 49	*406*	22	—
397	38	—	*407*	—	13, 14, 18, 19
398	—	24, 19	*408*	51	—
399	—	12, 13	*409*	—	42, 43
400	—	44, 43, 49	*410*	53	—
401	20	—	*411*	22	—
402	32	—	*412*	—	41, 36, 42
403	—	40, 39, 34, 35	*413*	43	—
404	—	38, 43, 42, 37	*414*	12	—
405	—	42, 41	*415*	14	—

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XXXII—XXXVI)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XXXII—XXXVI)
416	—	32, 33	*447*	—	32, 37
417	—	17, 12	*448*	—	43, 44
418	40	—	*449*	16	—
419	8	—	*450*	18	—
420	34	—	*451*	21	—
421	32	—	*452*	39	—
422	16	—	*453*	—	48, 49
423	37	—	*454*	14	—
424	8	—	*455*	—	30, 35
425	—	41, 46	*456*	13	—
426	—	54, 53	*457*	43	—
427	34	—	*458*	17	—
428	8	—	*459*	—	48, 47
429	44	—	*460*	37	—
430	48	—	*461*	13	—
431	38	—	*462*	—	29, 24, 30
432	53	—	*463*	49	—
433	11	—	*464*	49	—
434	—	44, 49	*465*	39	—
435	—	26, 27	*466*	37	—
436	20	—	*467*	—	38, 39
437	34	—	*468*	—	11, 12
438	19	—	*469*	27	—
439	46	—	*470*	52	—
440	28	—	*471*	—	25, 24
441	23	—	*472*	—	7, 8
442	—	33, 38	*473*	—	36, 37
443	—	14, 13	*474*	—	18, 22, 23, 17, 19, 24
444	—	43, 38	*475*	—	33, 32
445	—	14, 19	*476*	—	42, 47, 41, 46
446	39	—	*477*	51	—

ТАБЛИЦА XLI

Ольвия, мраморный лев № 1 (инв. № 17833). Изображения сарматских знаков римского времени на левой боковой стороне

ТАБЛИЦА XLII

Ольвия, мраморный лев № 1 (инв. № 17833). Изображения сарматских знаков римского времени на правой боковой стороне

ТАБЛИЦА XLIII

Ольвия, мраморный лев № 1 (инв. № 17833). Изображения сарматских знаков римского времени на спине и голове льва (вид справа сверху)

ТАБЛИЦА XLIV

Ольвия, мраморный лев № 1 (инв. № 17833). План изображений сарматских знаков и чашеобразных углублений

ТАБЛИЦА XLV

Ольвия, мраморный лев № 1 (инв. № 17833). План изображений сарматских знаков и чашеобразных углублений

ТАБЛИЦА XLVI

Сарматские знаки римского времени на мраморном льве № 1 (Ольвия; Ленинград, Эрмитаж, инв. № 17833)

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLI–XLV)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLI–XLV)
1	56	—
2	41	—
3	26	—
4	49	—
5	26	—
6	28	—
7	—	50, 49
8	—	55, 48
9	48	—
10	27	—
11	31	—
12	41	—
13	64	—
14	63	—
15	62	—
16	41	—
17	62	—
18	62	—
19	23	—
20	57	—
21	—	5, 10
22	—	55, 62
23	—	56, 63
24	41	—
25	33	—
26	57	—
27	41	—
28	56	—
29	28	—
30	62	—
31	27	—
32	23	—
33	64	—
34	26	—
35	40	—
36	—	25, 27
37	41	—
38	28	—
39	—	48, 40
40	28	—
41	40	—
42	—	63, 56
43	27	—
44	1	—
45	48	—
46	25	—
47	41	—
48	40	—
49	49	—
50	64	—
51	—	64, 57, 56
52	57	—
53	55	—
54	34	—
55	—	39, 40
56	33	—
57	25	—
58	—	49, 41
59	64	—
60	18	—
61	40	—
62	33	—
63	57	—
64	26	—
65	28	—
66	—	49, 48
67	32	—
68	—	57, 56
69	26	—
70	—	56, 55
71	26	—
72	—	40, 41
73	—	42, 41
74	—	64, 70
75	—	47, 48
76	31	—
77	56	—
78	47	—
79	49	—
80	—	34, 28
81	4	—
82	55	—
83	—	27, 26
84	—	70, 69, 64
85	70	—
86	28	—
87	—	25, 23
88	49	—
89	62	—
90	1	—
91	56	—
92	—	19, 28
93	—	27, 28
94	28	—
95	69	—
96	—	56, 55
97	—	42, 41
98	—	34, 28
99	—	48, 49, 41, 40
100	63	—
101	49	—
102	—	64, 57
103	—	41, 40
104	—	4, 8
105	—	22, 26, 31
106	48	—
107	40	—
108	28	—
109	57	—
110	—	25, 27
111	62	—
112	41	—
113	69	—
114	26	—
115	—	31, 32
116	—	19, 28
117	—	61, 67, 62
118	—	32, 26
119	41	—
120	—	40, 39
121	—	33, 34
122	—	64, 70
123	33	—
124	64	—

Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLI—XLV)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLI—XLV)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLI—XLV)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLI—XLV)
125	—	42, 41	*140*	28	—
126	41	—	*141*	40	—
127	69	—	*142*	—	41, 42
128	28	—	*143*	69	—
129	—	32, 33	*144*	48	—
130	64	—	*145*	39	—
131	41	—	*146*	—	55, 56
132	49	—	*147*	41	—
133	26	—	*148*	27	—
134	25	—	*149*	28	—
135	—	63, 69	*150*	—	5, 11, 10, 6
136	31	—	*151*	—	34, 33
137	40	—	*152*	62	—
138	41	—	*153*	41	—
139	—	41, 33			

ТАБЛИЦА XLVII

Ольвия, мраморный лев № 2 (инв. № 17832). Изображения сарматских знаков римского времени на левой боковой стороне

ТАБЛИЦА XLVIII

Ольвия, мраморный лев № 2 (инв. № 17832). Изображения сарматских знаков римского времени на правой боковой стороне

ТАБЛИЦА XLIX

Ольвия, мраморный лев № 2 (инв. № 17832). Изображения сарматских знаков римского времени на спине и голове льва (вид слева сверху)

ТАБЛИЦА L

Ольвия, мраморный лев № 2 (инв. № 17832). План изображений сарматских знаков и чашеобразных углублений

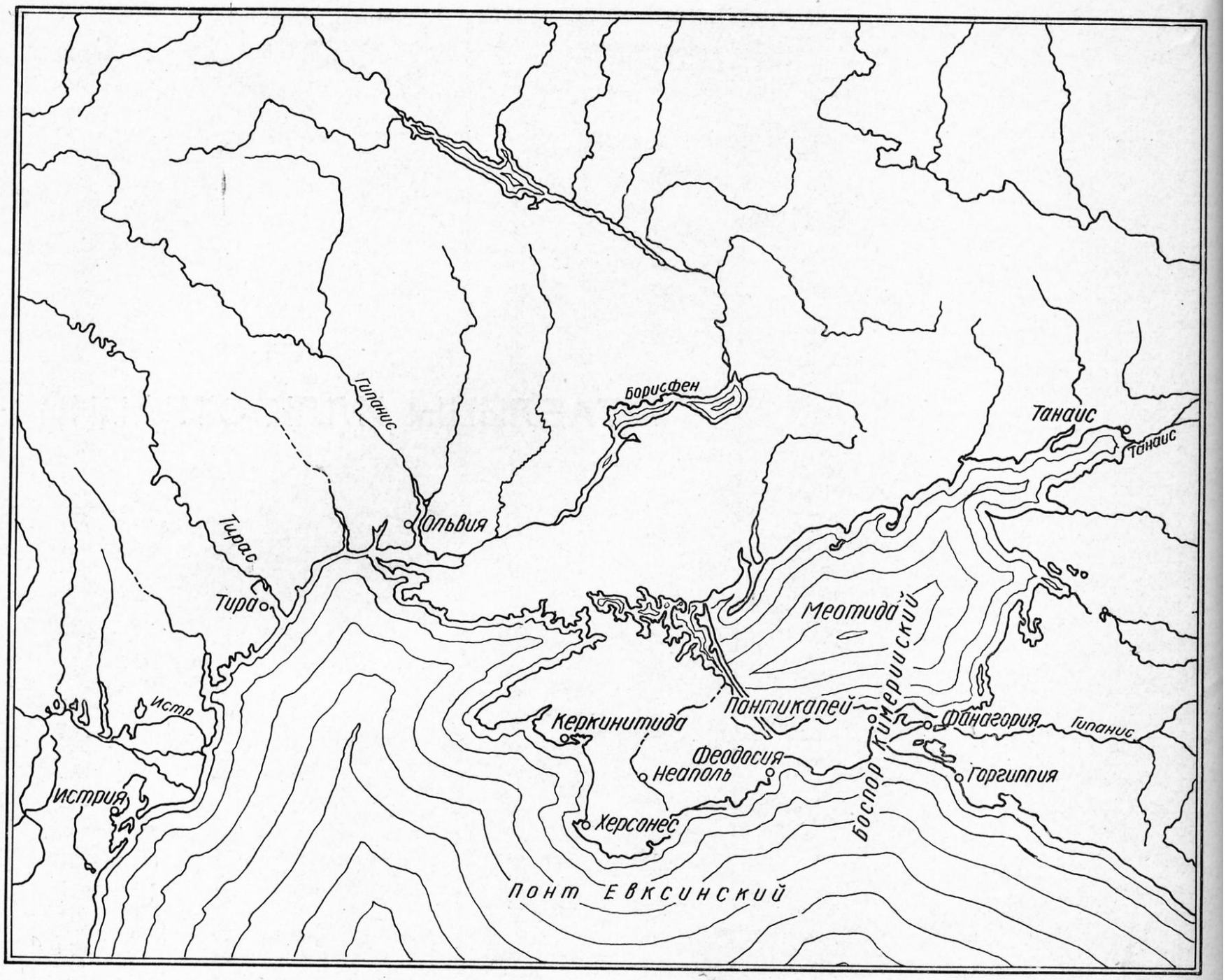
Таблица LI

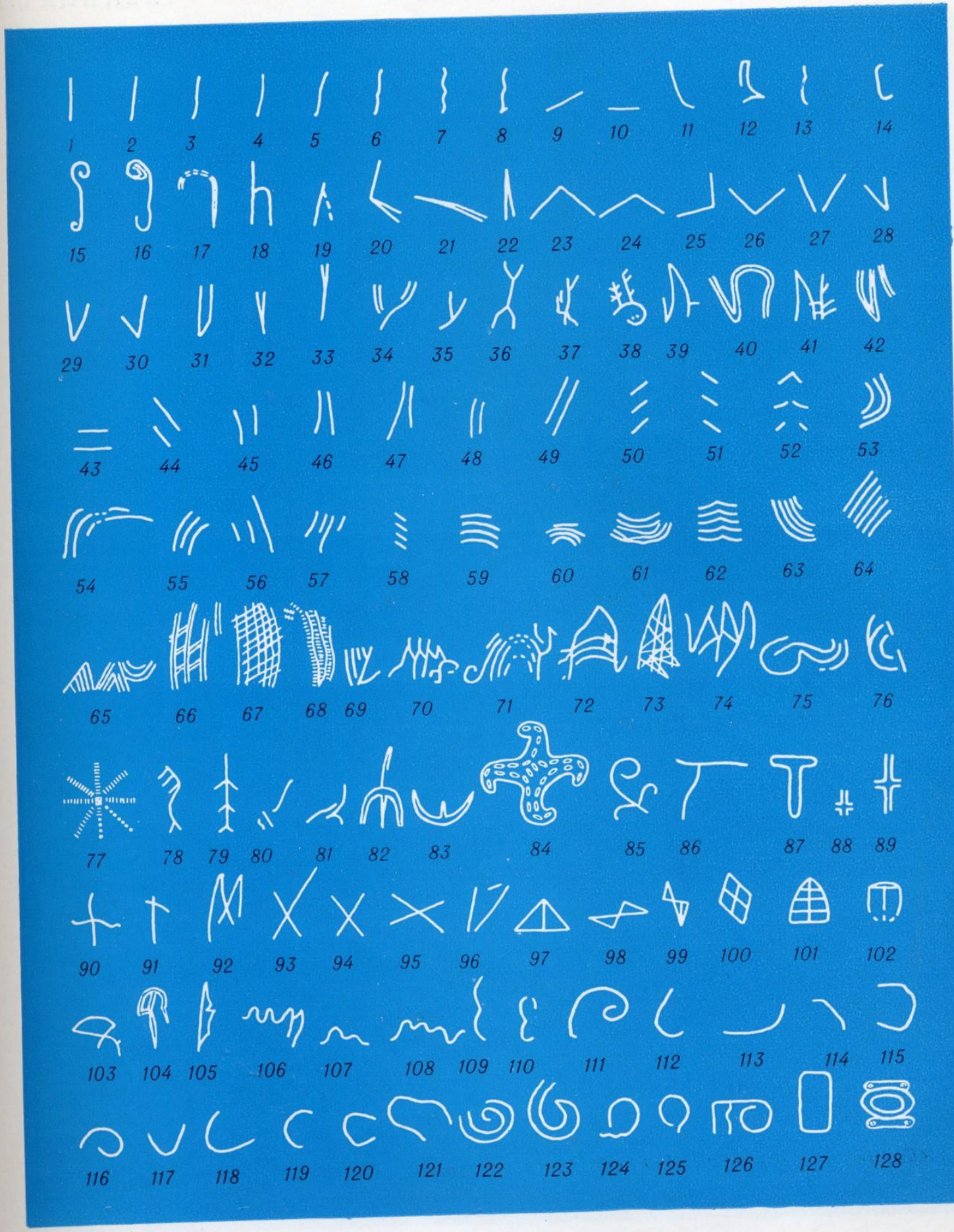
Сарматские знаки римского времени на мраморном льве № 2 (Ольвия; Ленинград, Эрмитаж, инв. № 17832)

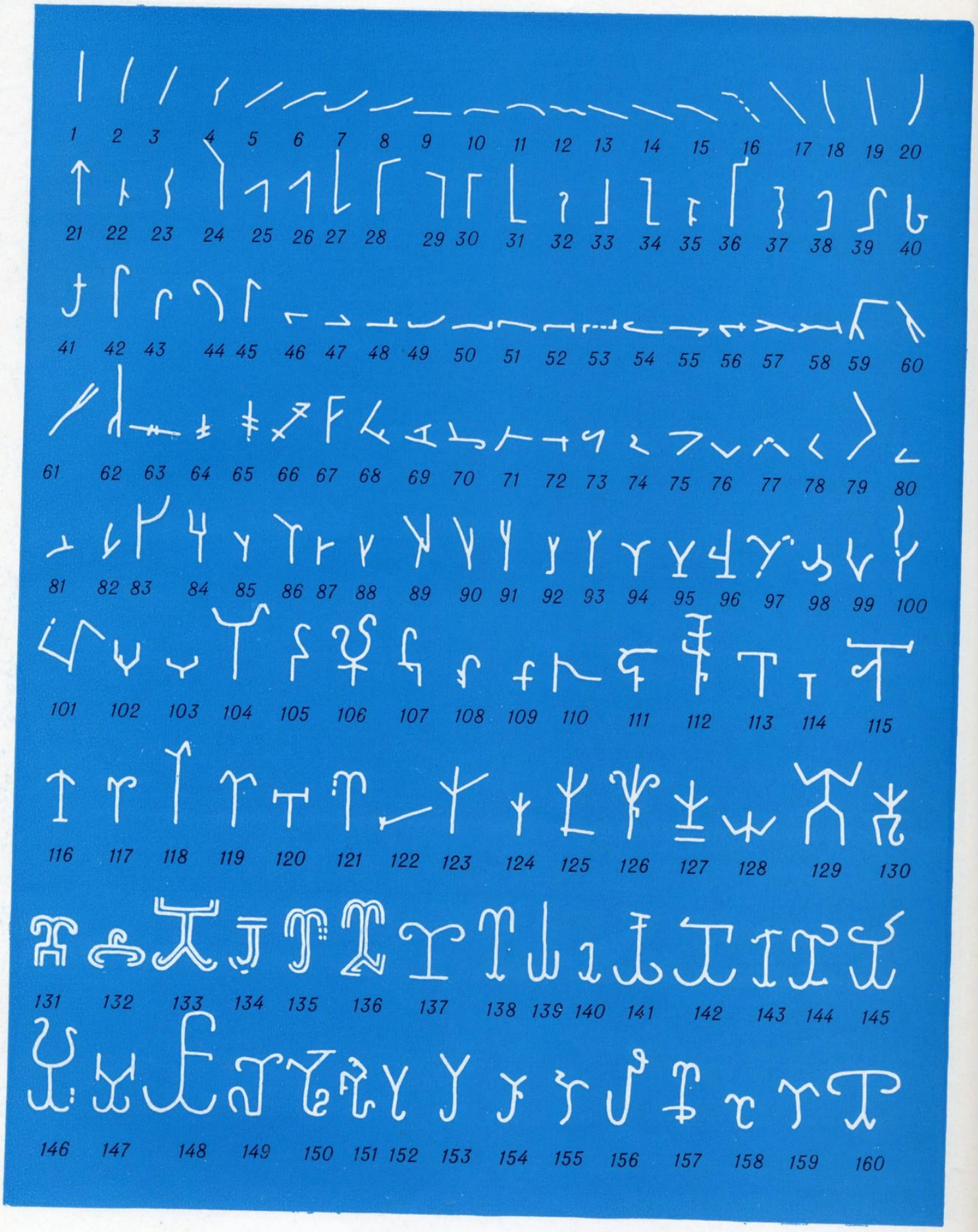
Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLVII—L)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLVII—L)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLVII—L)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLVII – L)
1	30	—	*18*	51	—
2	39	—	*19*	—	22, 30
3	61	—	*20*	—	30, 31
4	40	—	*21*	22	—
5	51	—	*22*	22	—
6	51	—	*23*	56	—
7	32	—	*24*	—	39, 31
8	57	—	*25*	45	—
9	53	—	*26*	—	61, 56
10	45	—	*27*	40	—
11	—	33, 32	*28*	53	—
12	18	—	*29*	53	—
13	—	24, 23	*30*	—	40, 39
14	15	—	*31*	—	24, 25
15	56	—	*32*	25	—
16	—	16, 15, 24	*33*	—	32, 40
17	30	—	*34*	56	—

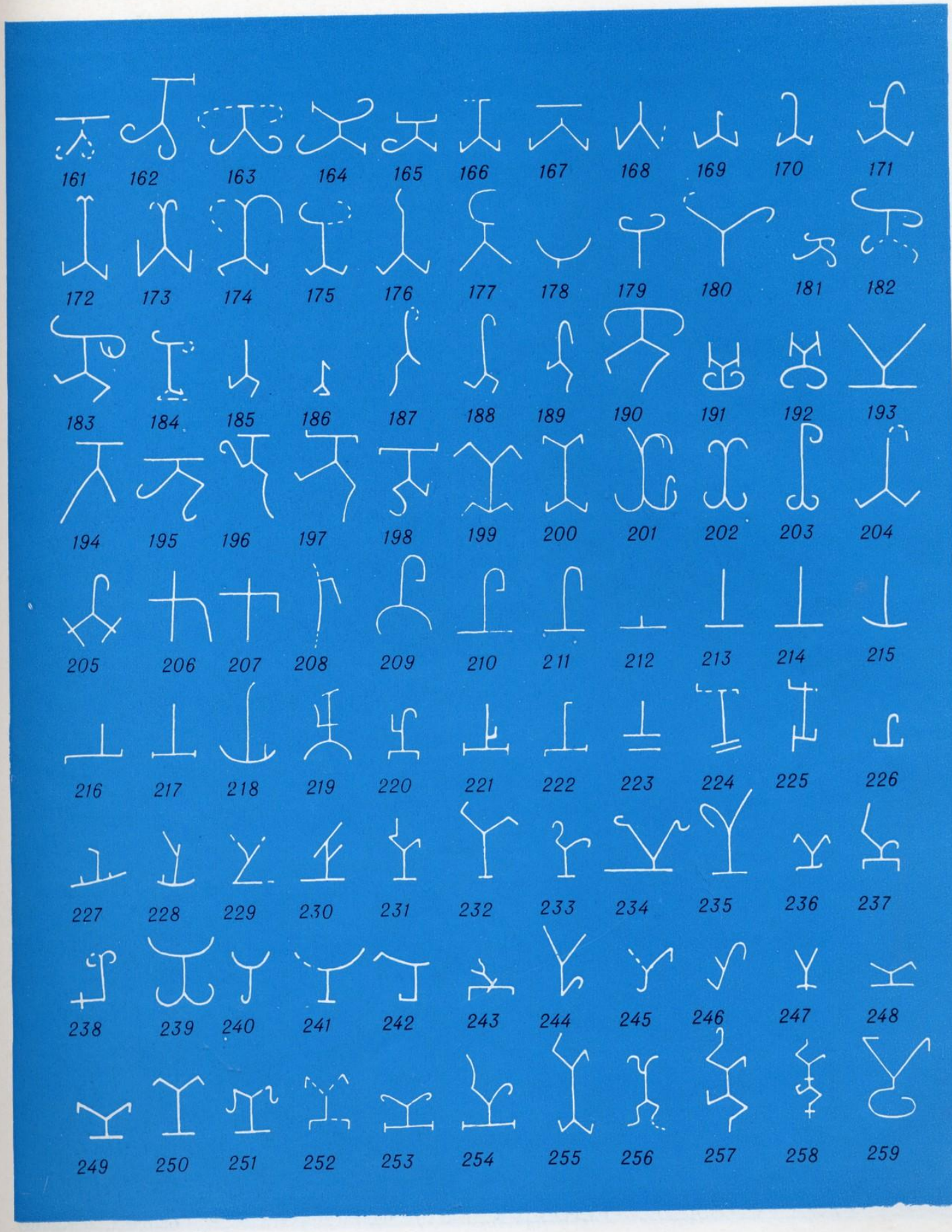
Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLVII—L)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLVII—L)	Номер знака в таблице	Номер квадрата сетки плана со знаком (табл. XLVII—L)	Номера смежных квадратов сетки со знаком (табл. XLVII—L)
35	—	25, 24	*78*	56	—
36	22	—	*79*	51	—
37	—	59, 58	*80*	—	56, 55
38	32	—	*81*	—	58, 57
39	—	15, 7	*82*	30	—
40	—	—	*83*	52	—
41	22	22, 23	*84*	45	—
42	22	—	*85*	40	—
43	—	33, 32	*86*	61	—
44	32	—	*87*	32	—
45	—	58, 59	*88*	—	39, 45
46	52	—	*89*	—	45, 46
47	—	39, 31	*90*	—	50, 51
48	—	16, 15	*91*	31	—
49	—	38, 39	*92*	—	51, 57
50	—	33, 32, 24	*93*	—	40, 32
51	16	—	*94*	—	26, 18
52	—	46, 45, 39, 40	*95*	52	—
53	—	56, 57	*96*	—	63, 64, 58
54	56	—	*97*	—	33, 32
55	—	45, 39	*98*	—	39, 31
56	57	—	*99*	—	56, 57
57	—	23, 15, 24, 16	*100*	—	24, 23. 31
58	—	17, 16	*101*	—	31, 39
59	50	—	*102*	39	—
60	—	31, 30	*103*	57	—
61	30	—	*104*	53	—
62	40	—	*105*	40	—
63	38	—	*106*	50	—
64	15	—	*107*	46	—
65	56	—	*108*	56	—
66	56	—	*109*	51	—
67	31	—	*110*	—	38, 39
68	51	—	*111*	53	—
69	31	—	*112*	31	—
70	—	45, 46	*113*	40	—
71	57	—	*114*	—	30, 31, 22, 23
72	40	—	*115*	39	—
73	—	25, 33	*116*	31	—
74	39	—	*117*	—	32, 40
75	—	25, 17	*118*	40	—
76	—	53, 52, 59	*119*	16	—
77	—	23, 22			

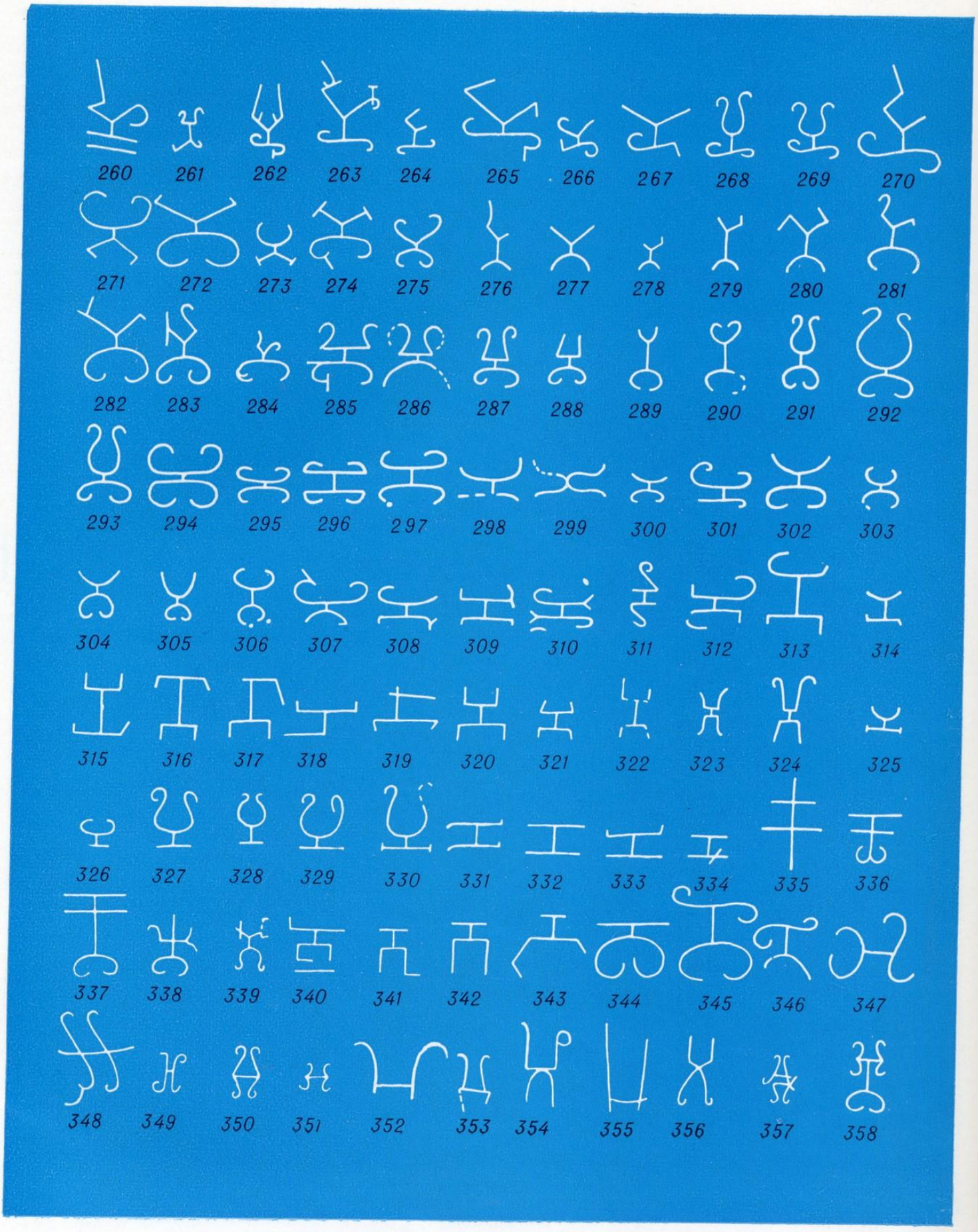
ТАБЛИЦЫ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

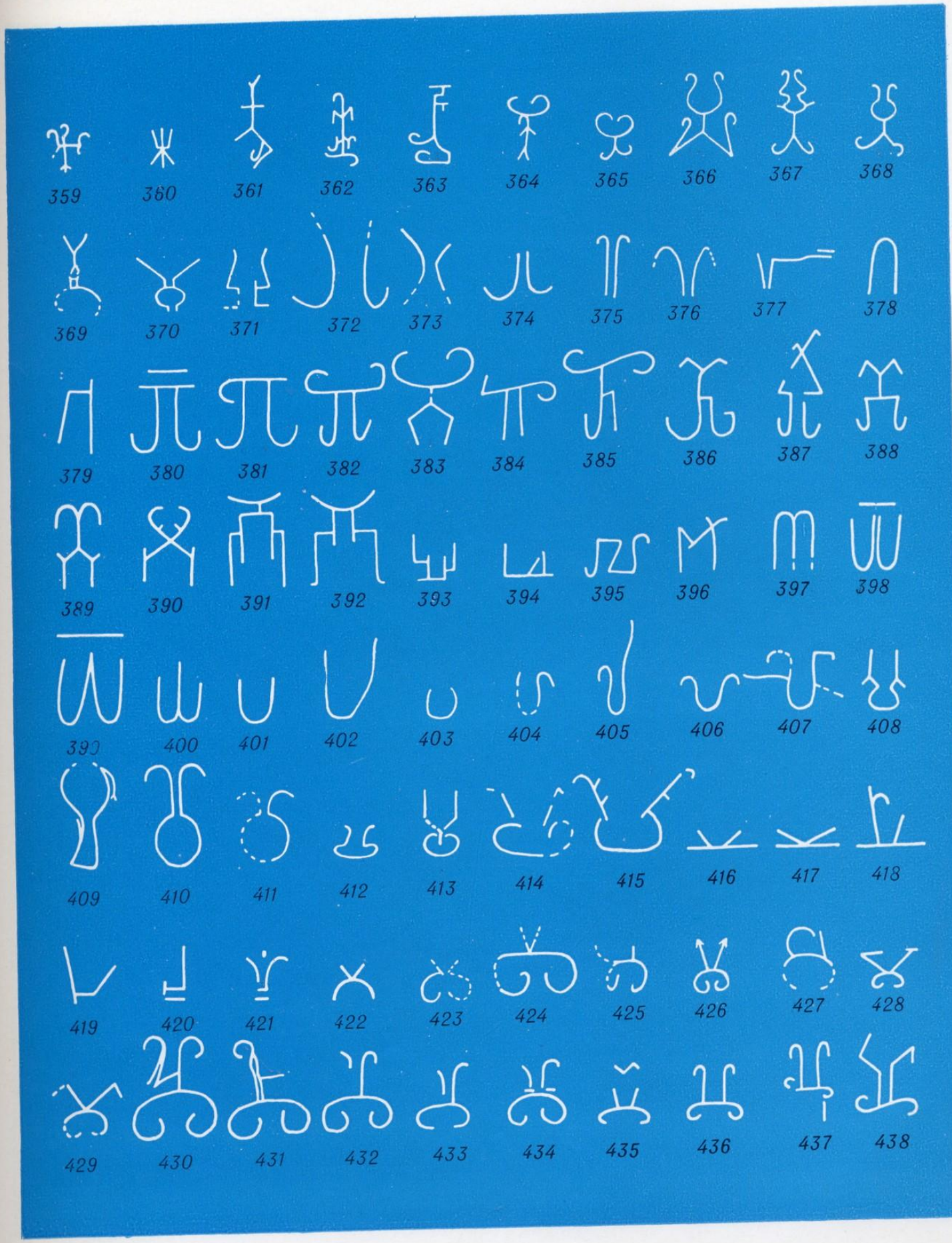

Гипанис
Борисфен
Танаис
Танаис
Ольвия
Тирас
Тира
Истр
Истрия
Меотида
Боспор Киммерийский
Пантикапей
Керкинитида
Фанагория
Гипанис
Феодосия
Неаполь
Горгиппия
Херсонес
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

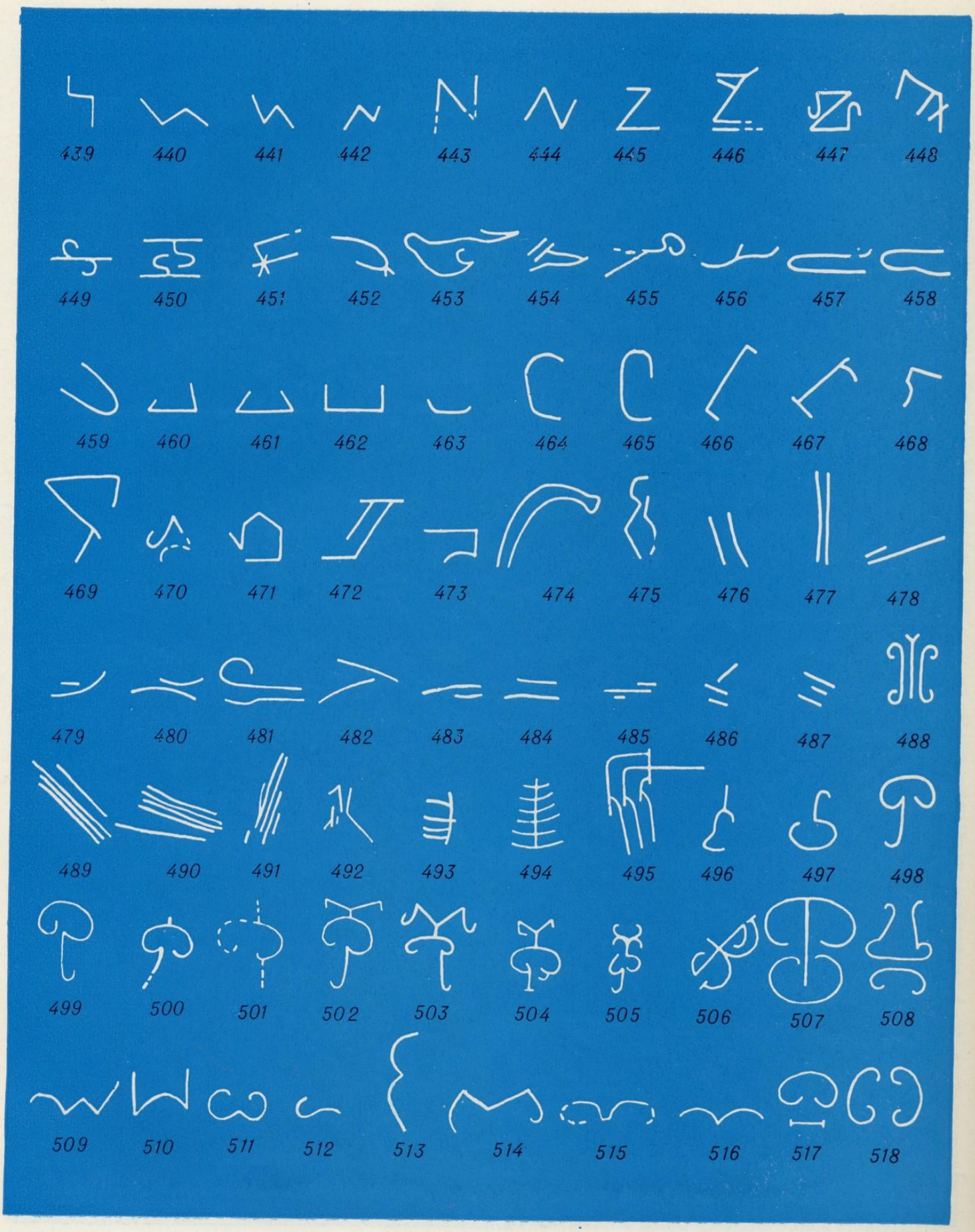

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14
15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42
43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53
54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76
77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89
90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102
103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115
116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128

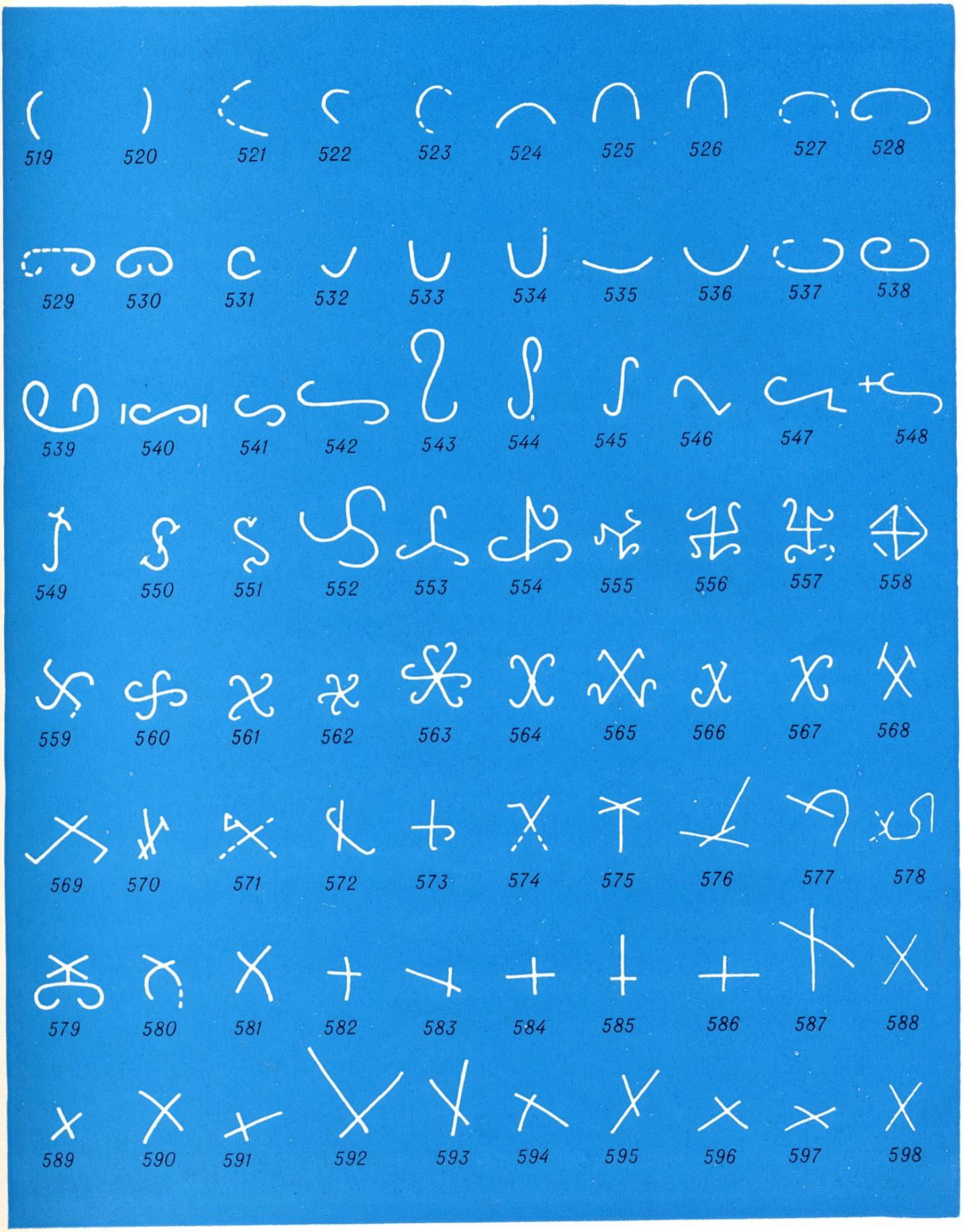

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40
41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60
61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80
81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100
101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115
116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130
131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145
146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160

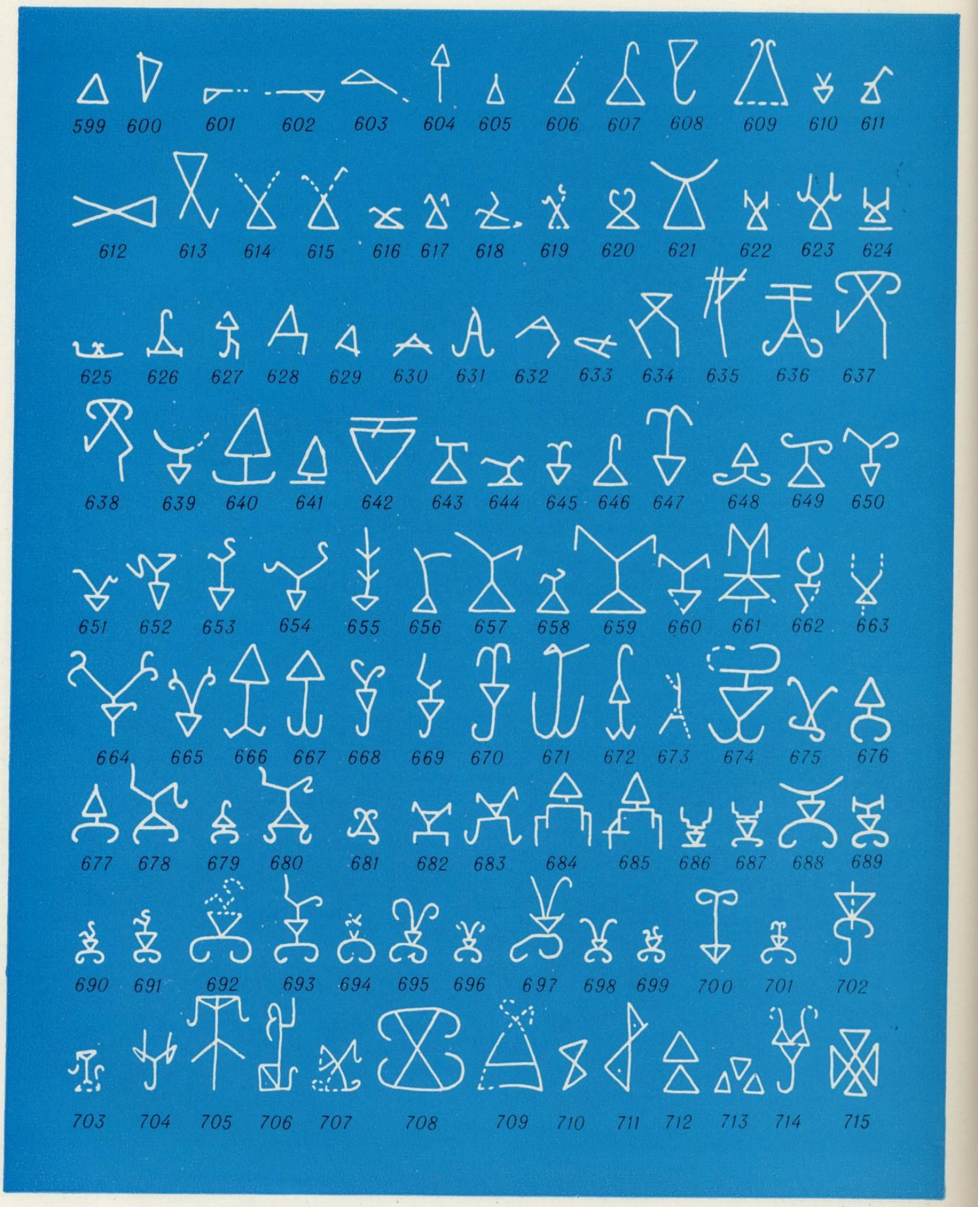

161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171
172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182
183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193
194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204
205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215
216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226
227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237
238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248
249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259

260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270
271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281
282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292
293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303
304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314
315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325
326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336
337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347
348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358

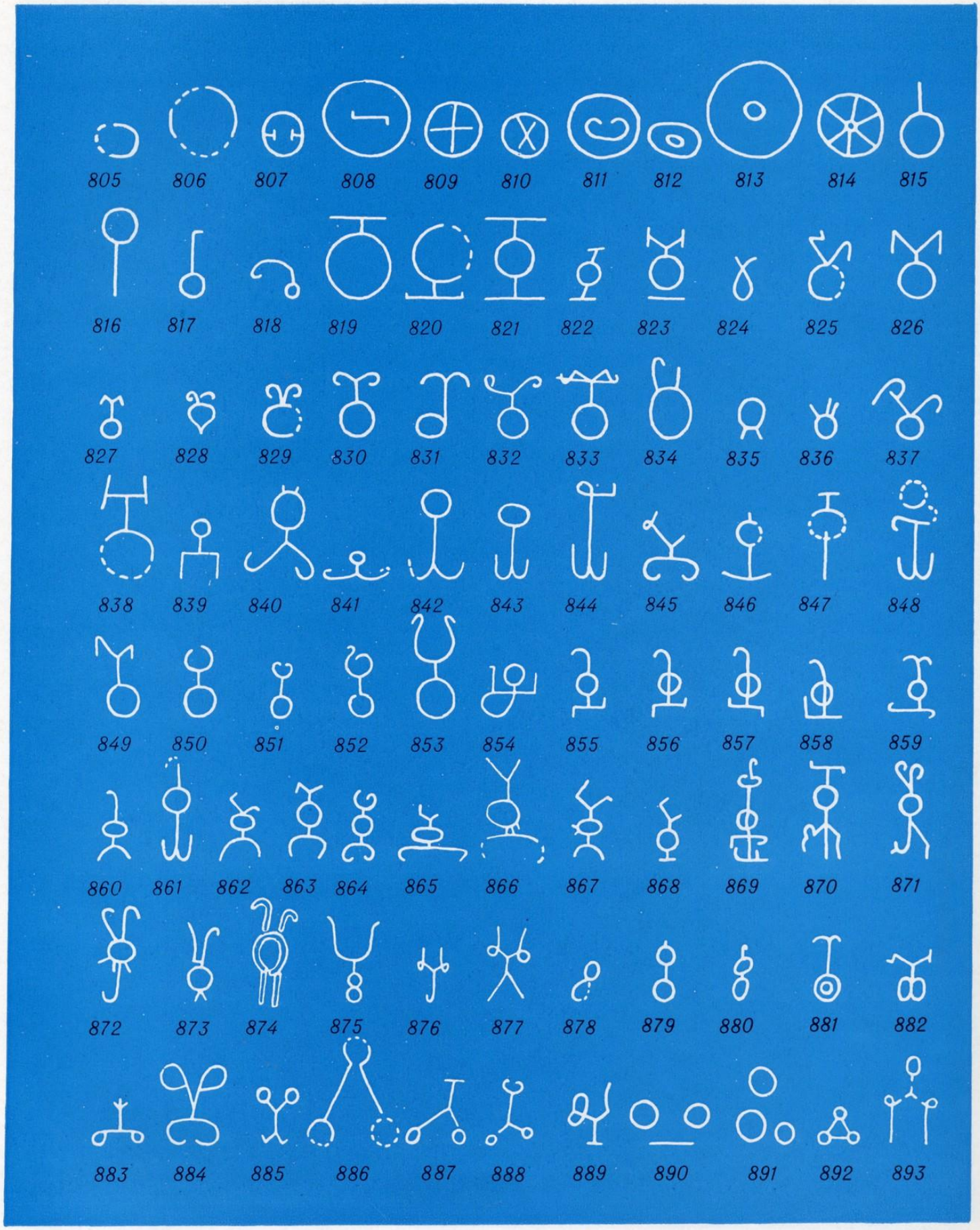

359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438

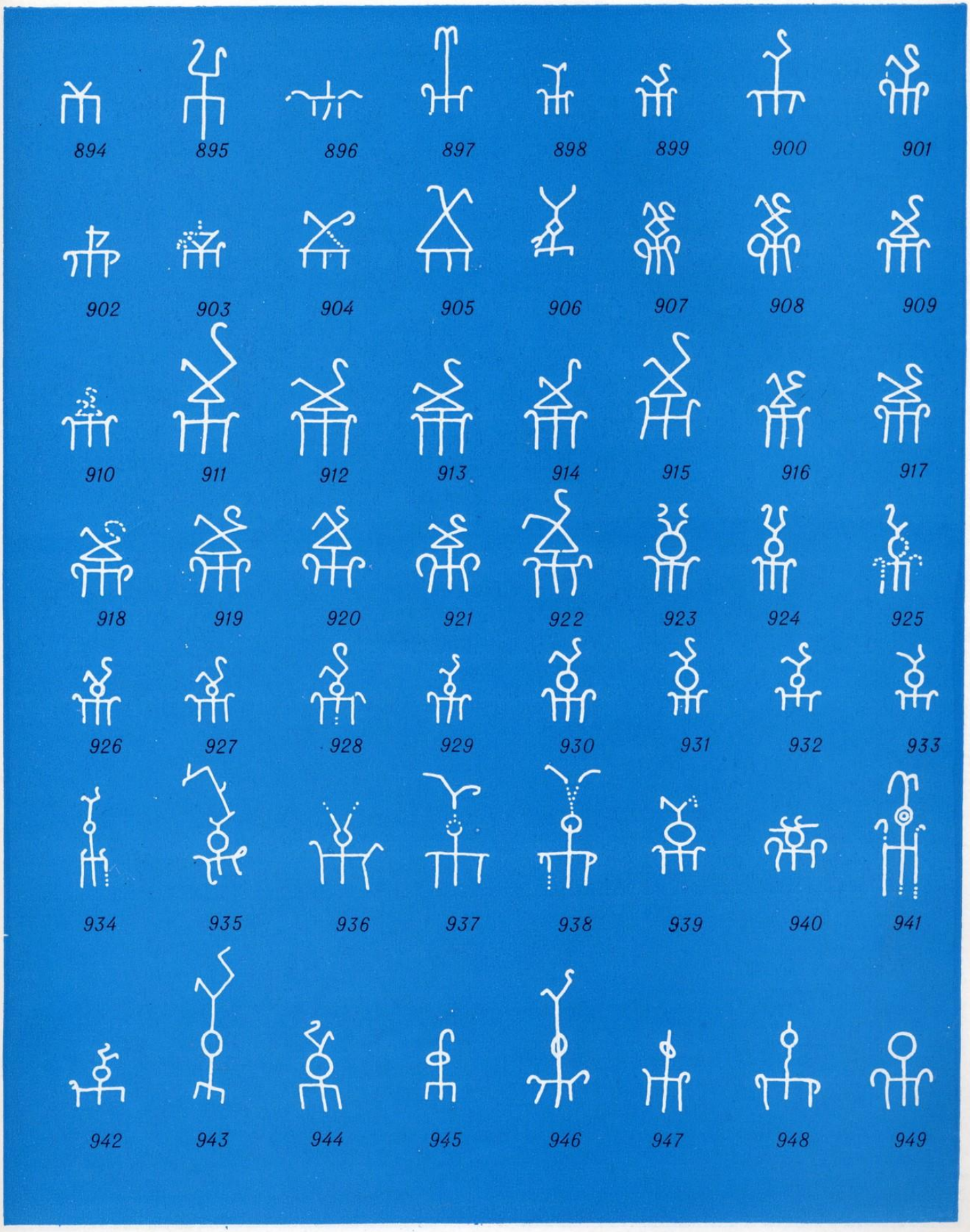

439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518

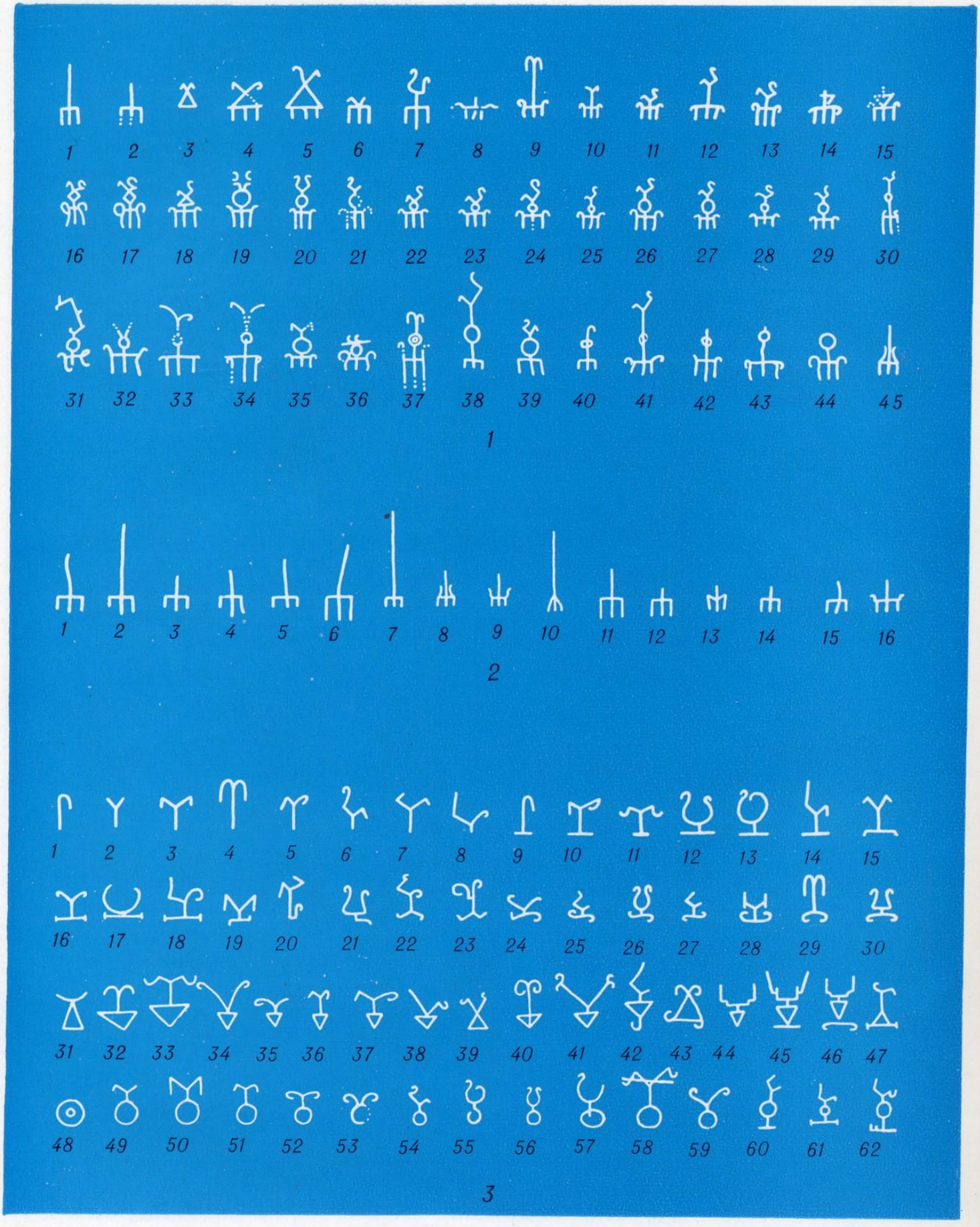

519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598

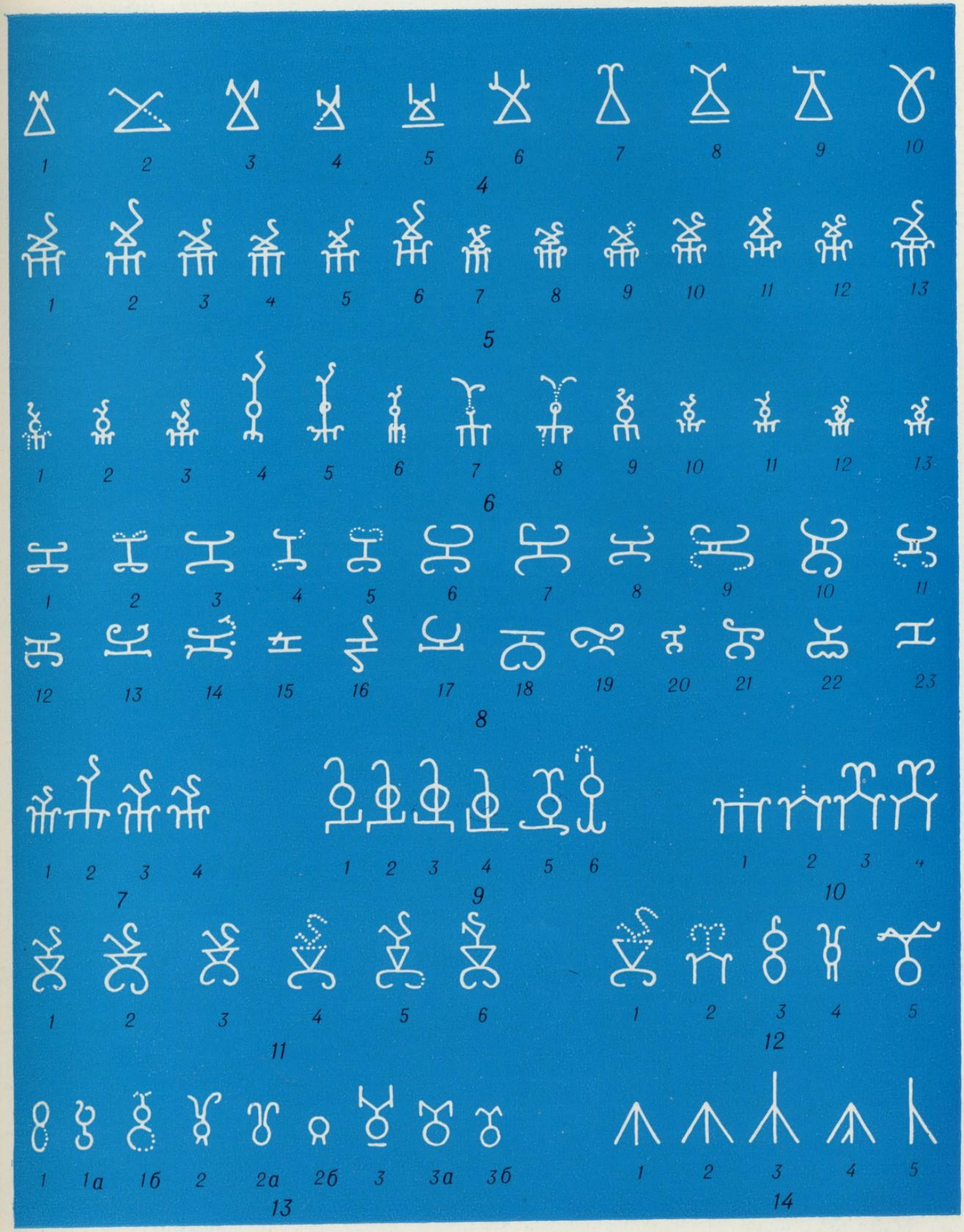

599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611
612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624
625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637
638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650
651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663
664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676
677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689
690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702
703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715

716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726
727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737
738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748
749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760
761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771
772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782
783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793
794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804

805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815
816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826
827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837
838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848
849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859
860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871
872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882
883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893

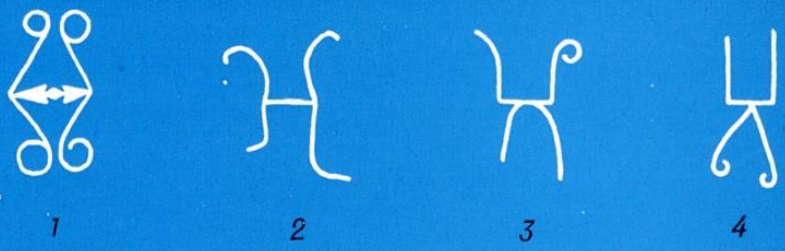

894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45
1
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16
2
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47
48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62
3

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
4
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
5
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
6
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23
8
1 2 3 4
7
1 2 3 4 5 6
9
1 2 3 4
10
1 2 3 4 5 6
11
1 2 3 4 5
12
1 1а 1б 2 2а 2б 3 3а 3б
13
1 2 3 4 5
14

1

1 2 3 4

5 6 7 8

2

1 2 3

1 2 3 4

4

4 5 6

3

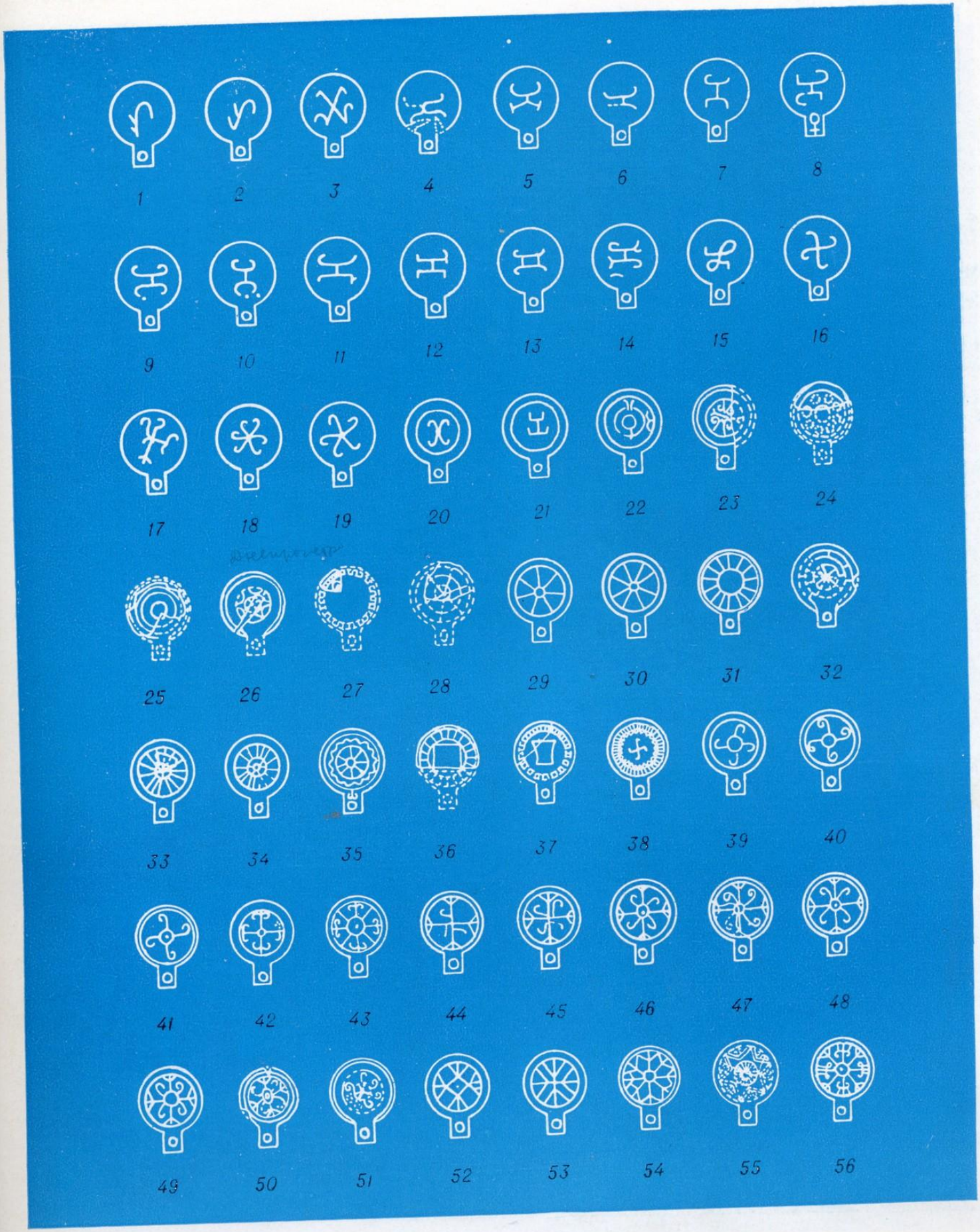
5

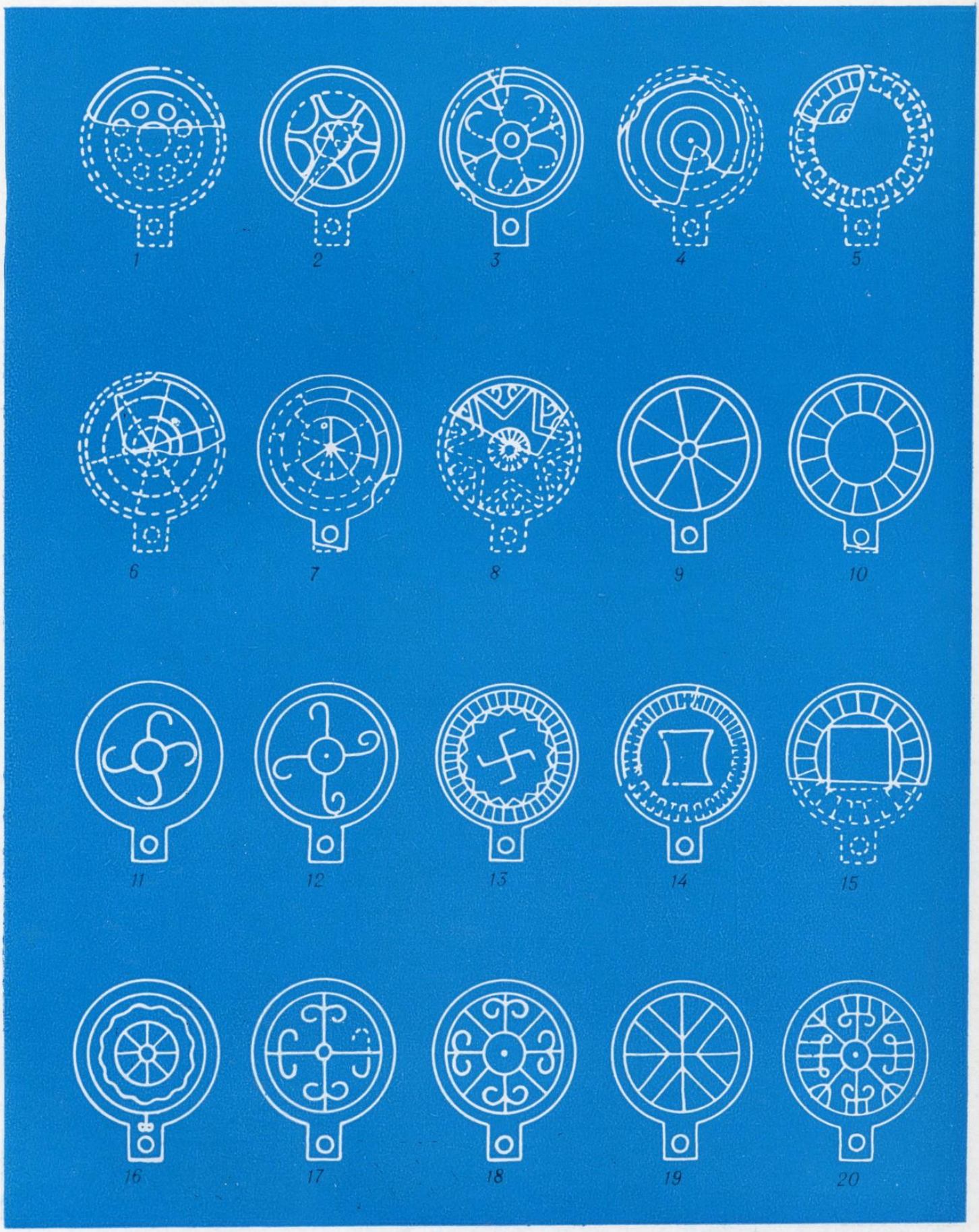

6

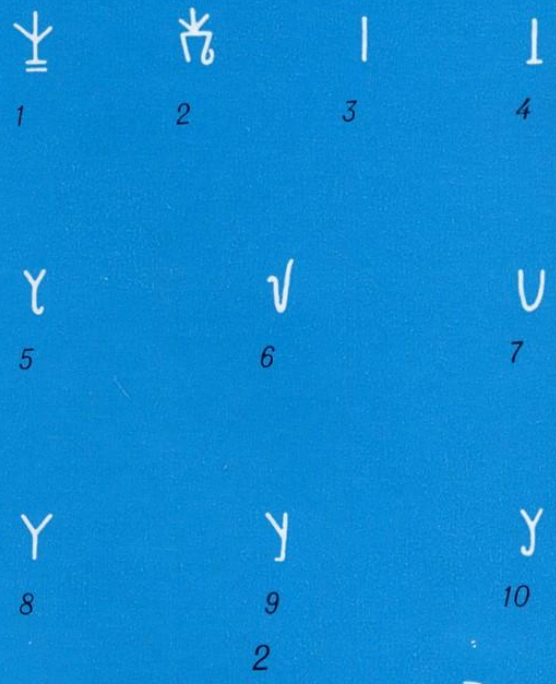
7

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56

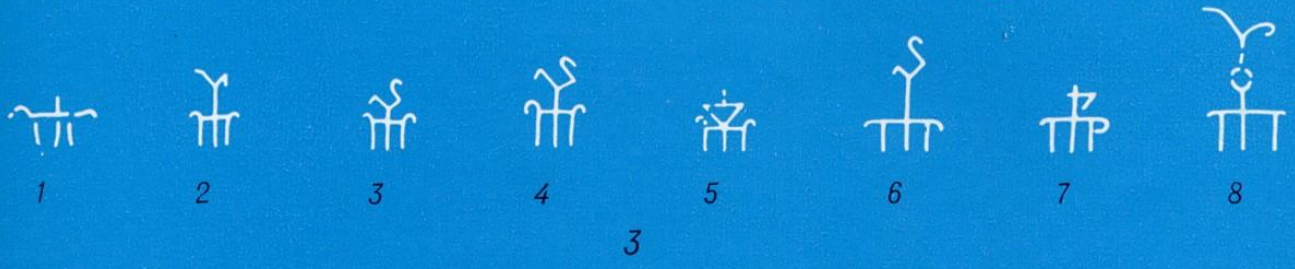

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

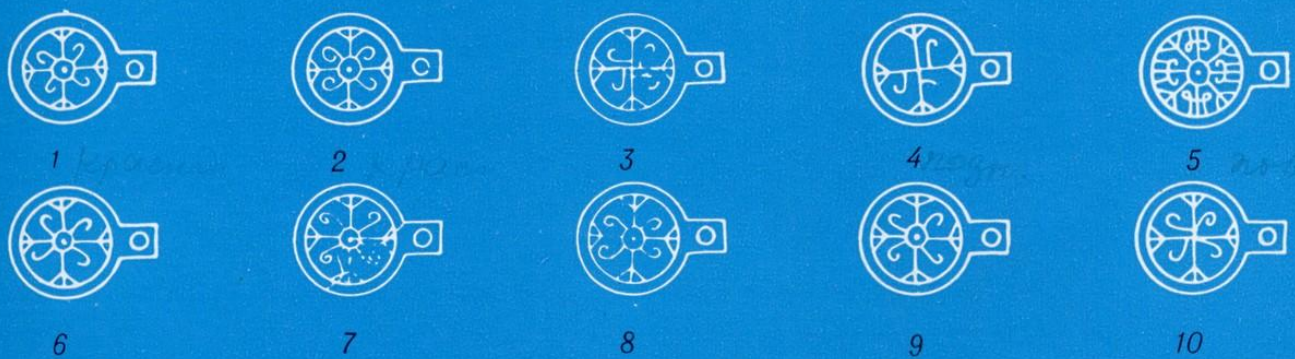
1

2

3

4

1

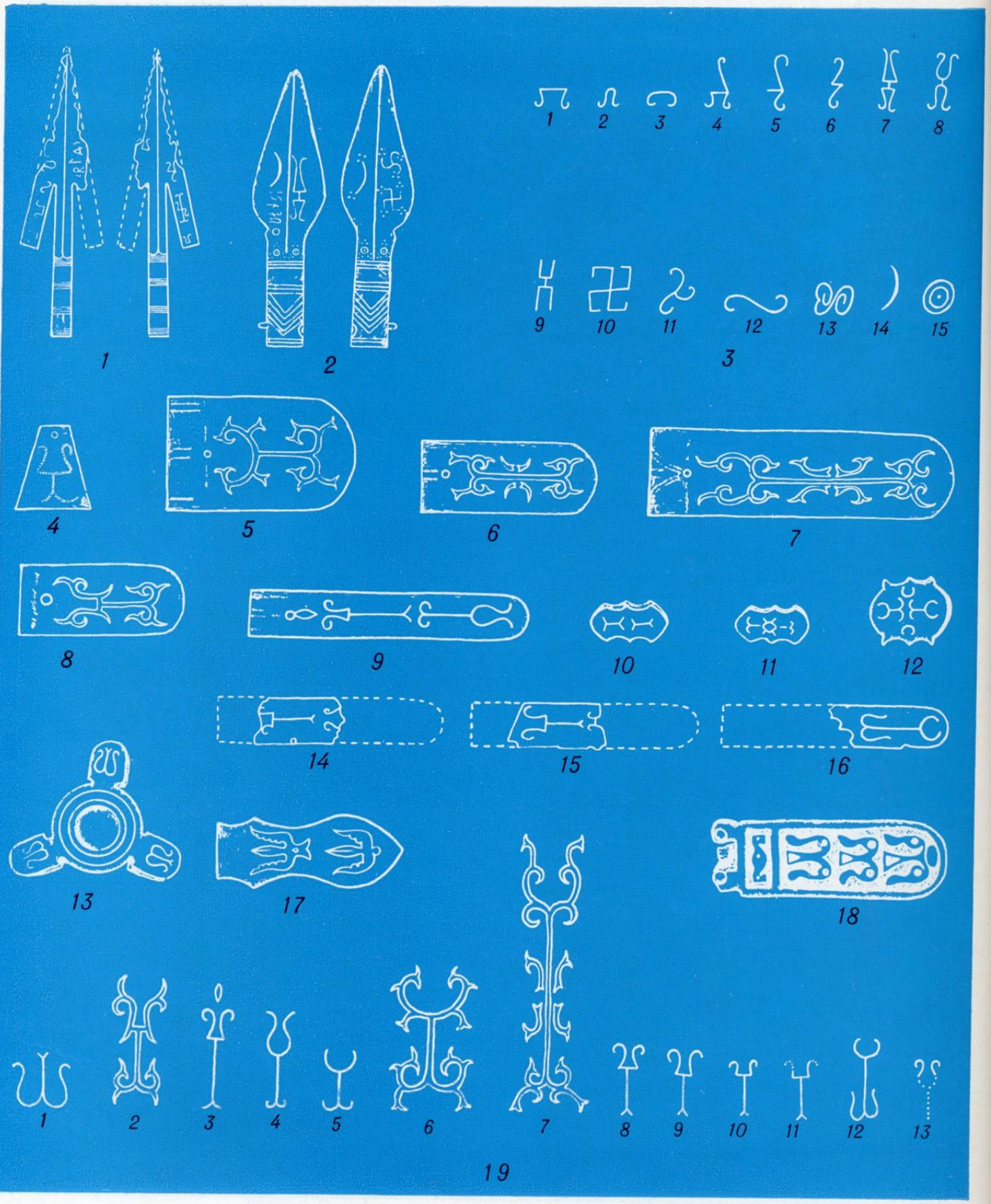

2

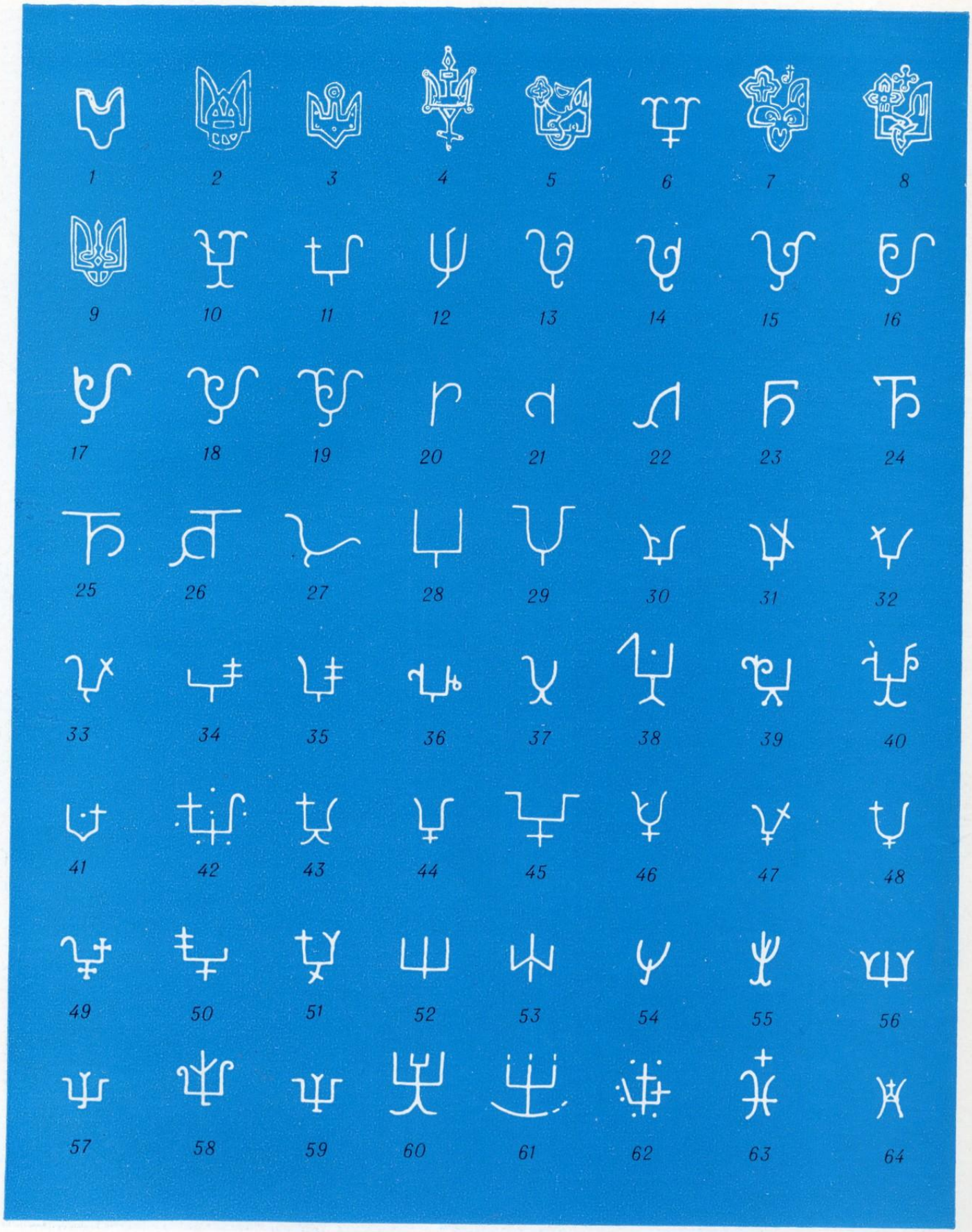

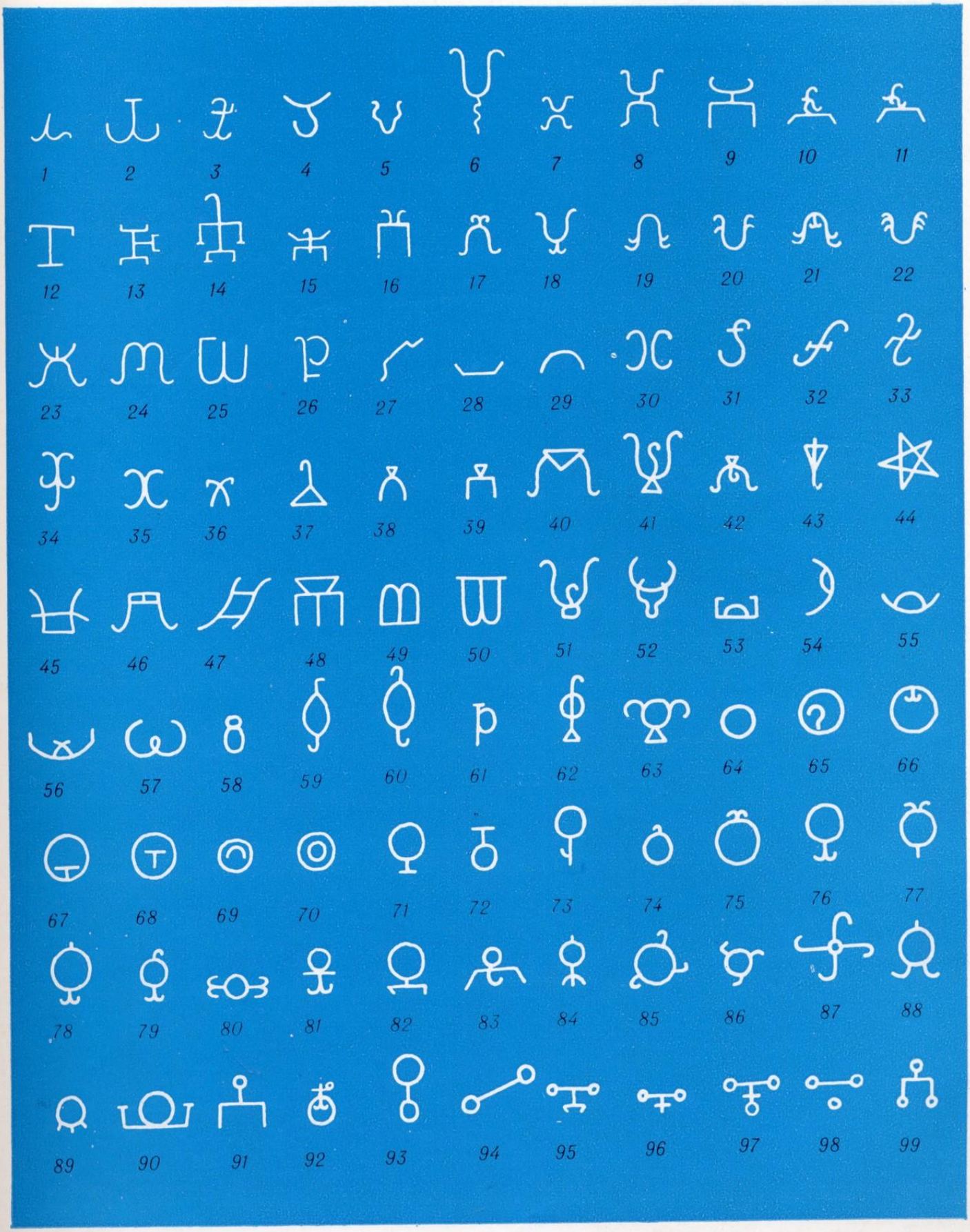
3

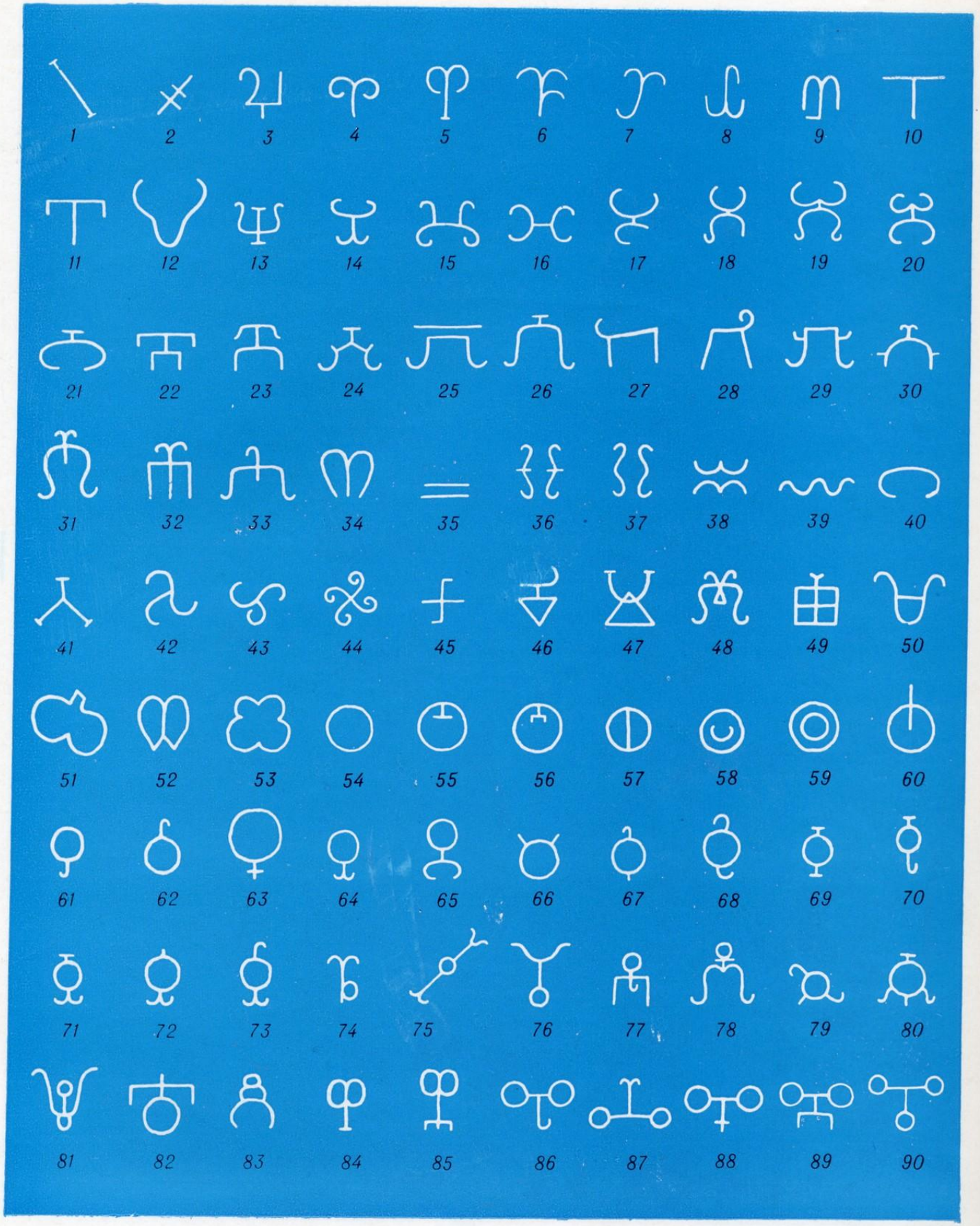
5

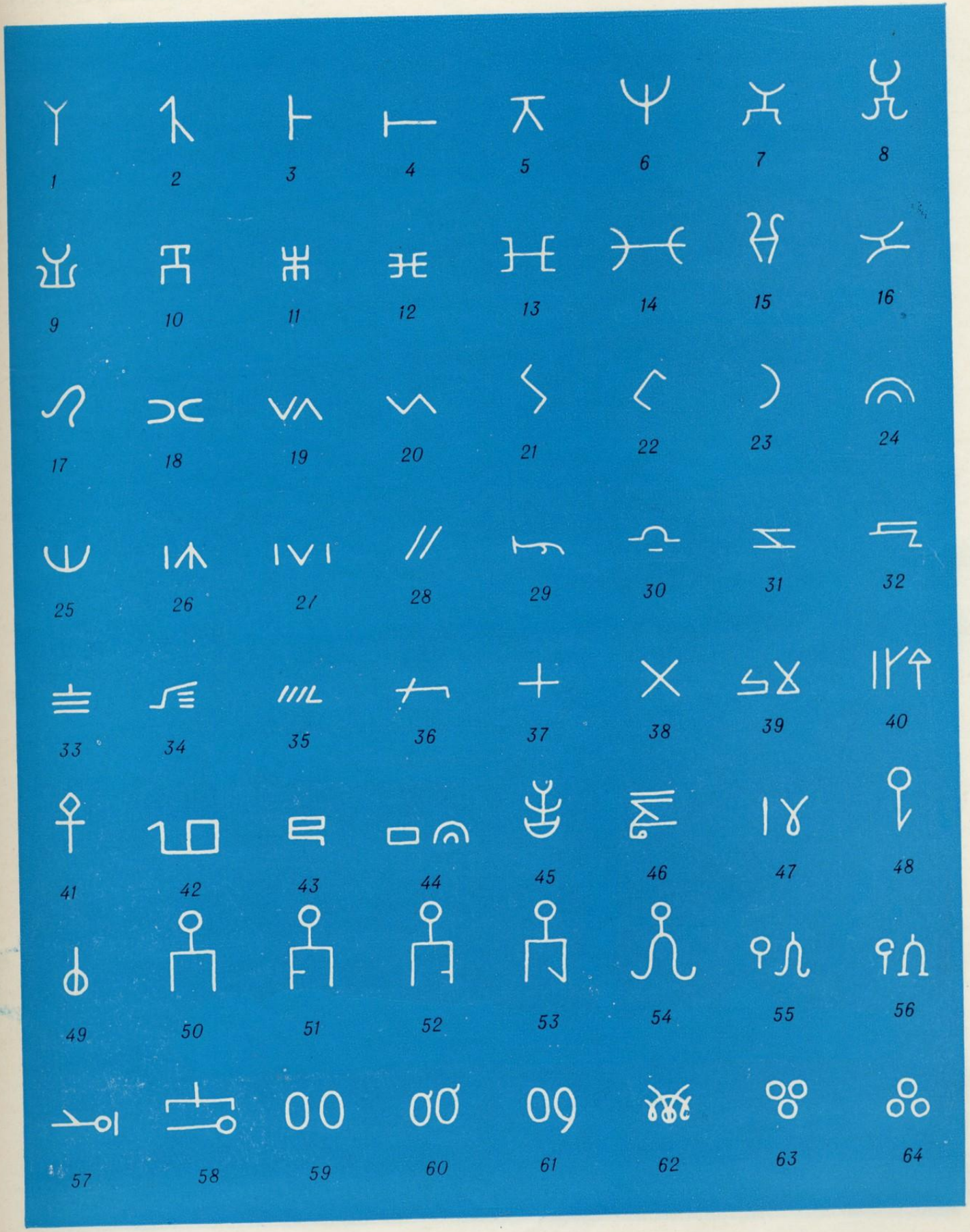

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

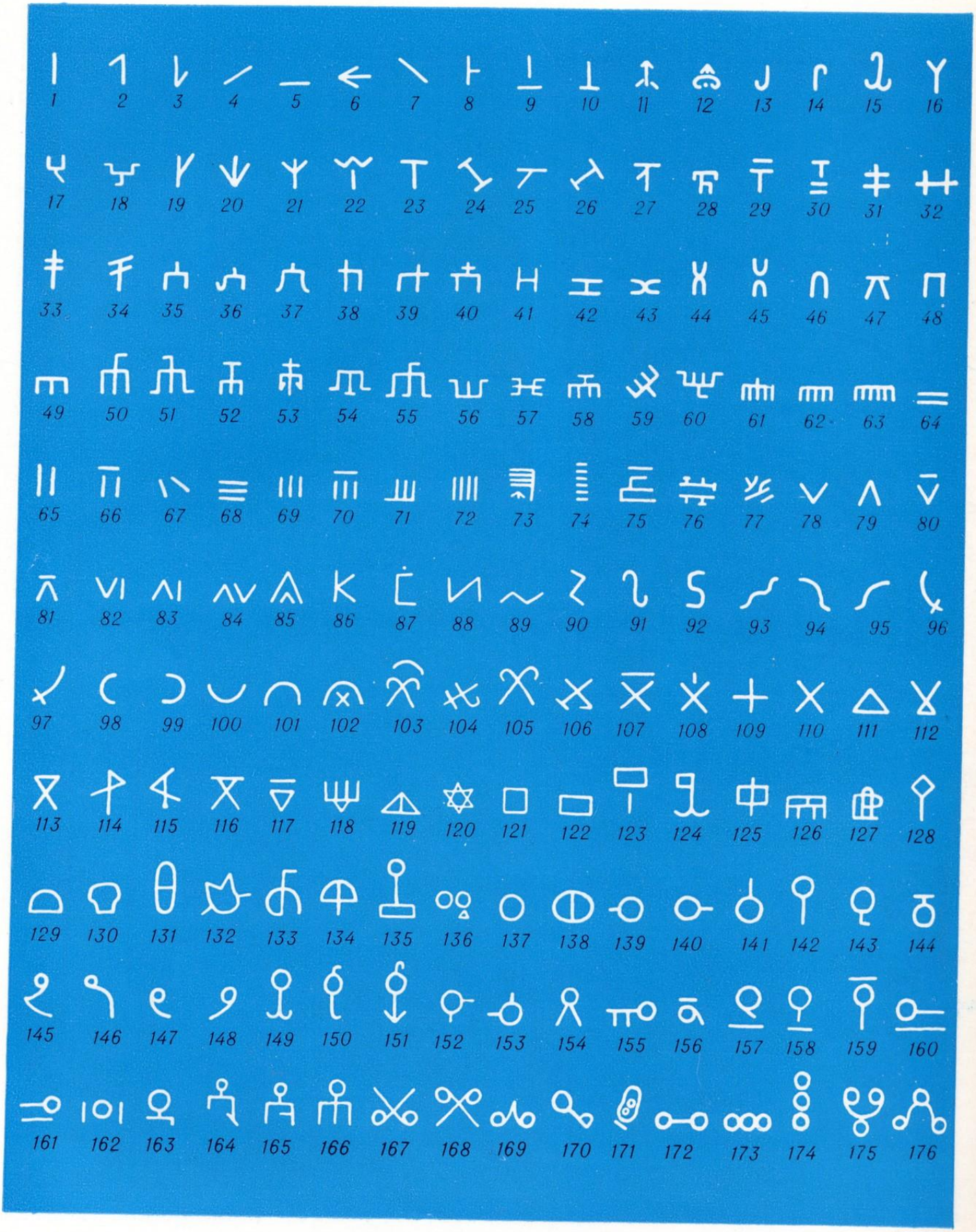

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14
15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42
43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56
57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70
71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84
85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98
99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112
113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126
127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140

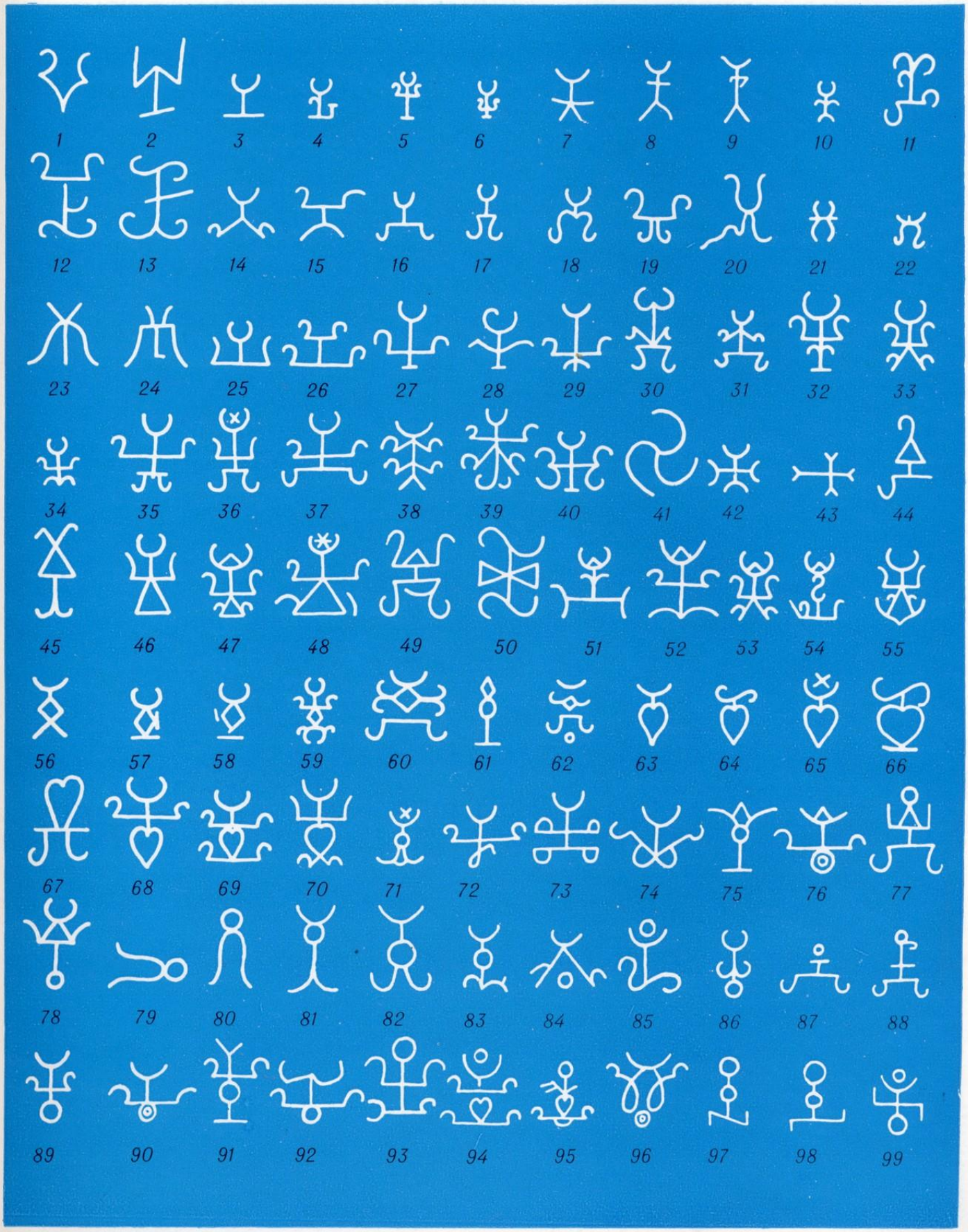

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64

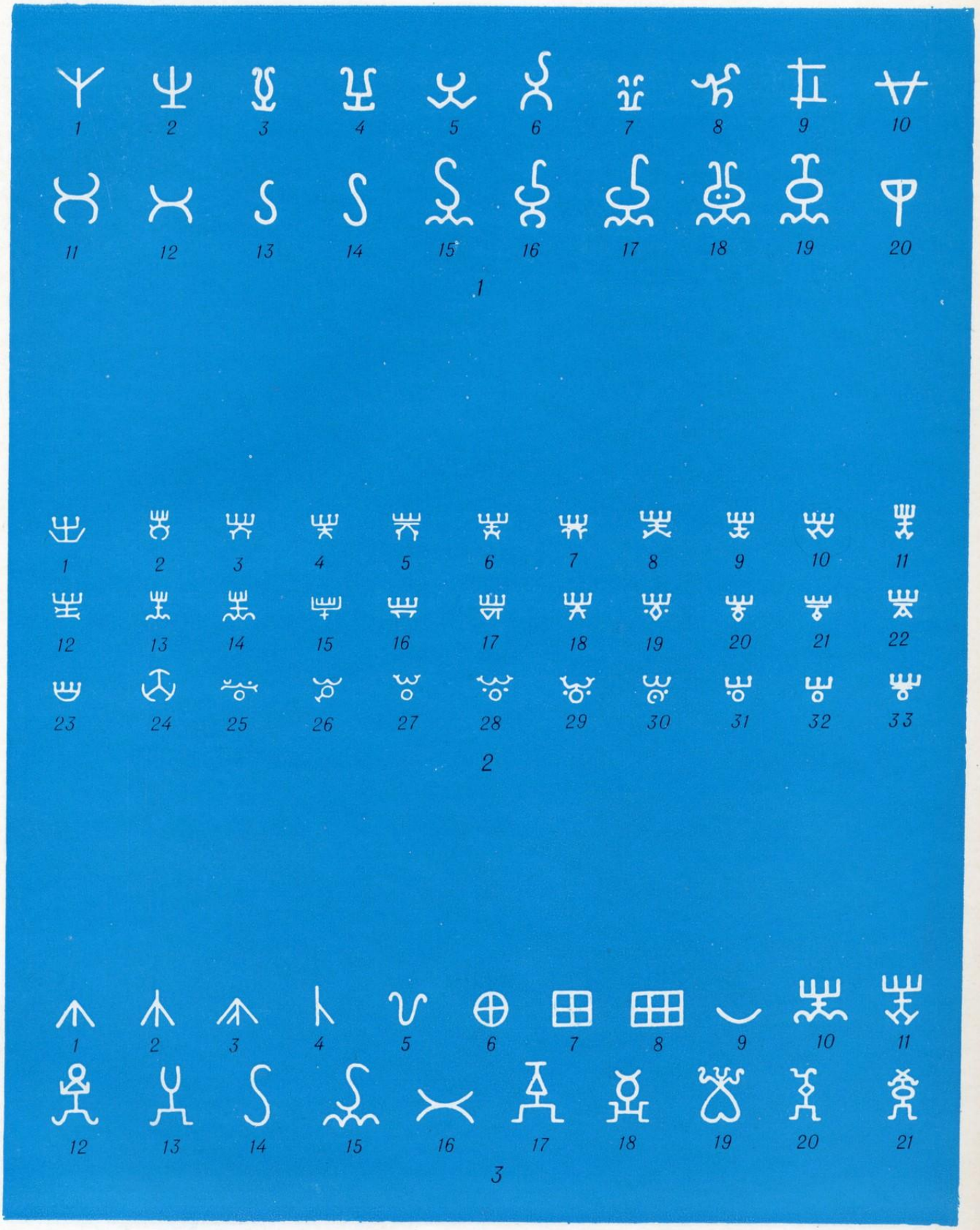

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33
34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44
45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66
67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77
78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88
89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99

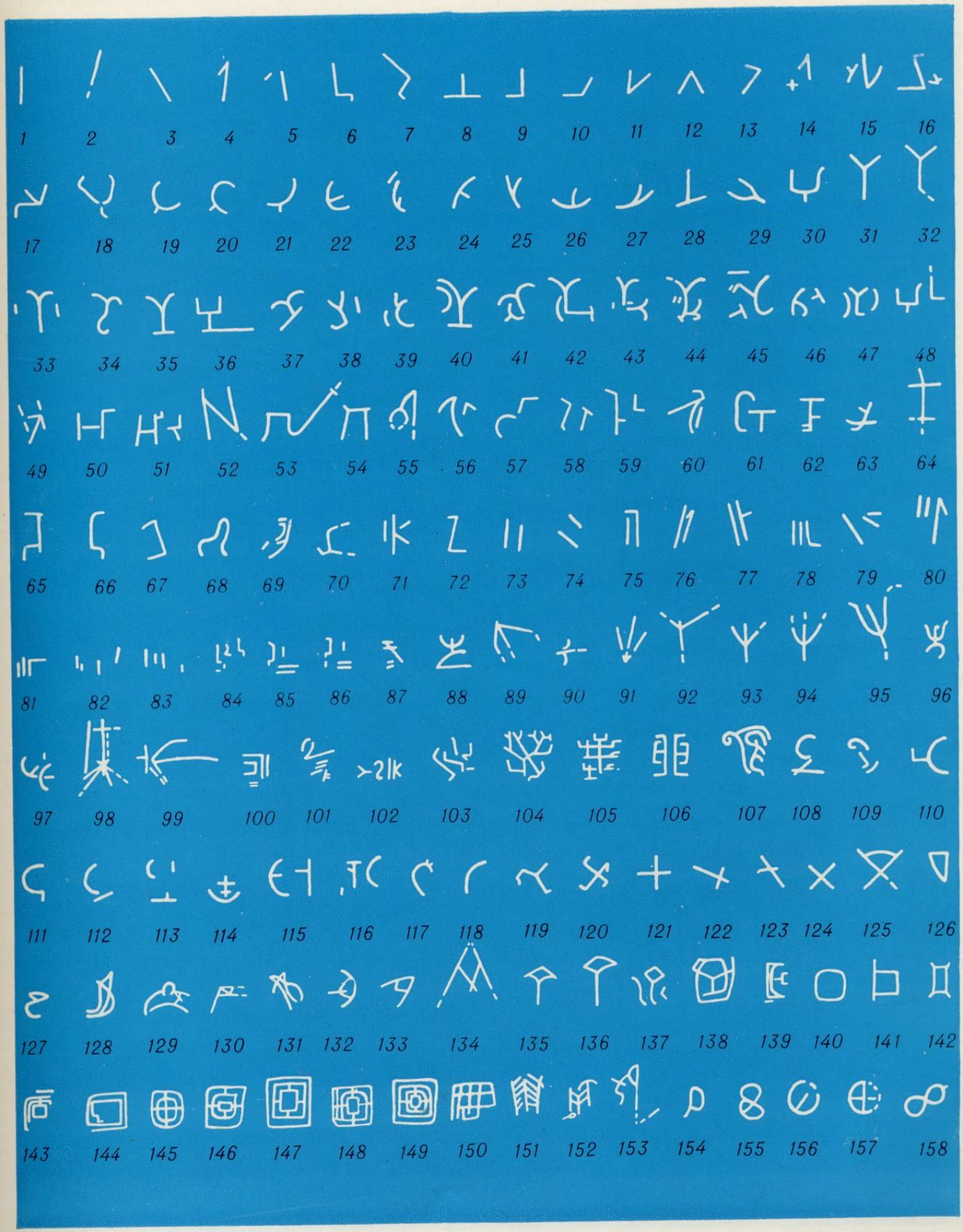

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
31 32 33 34 35 36 37 38 39 40
41 42 43 44 45 46 47 48 49 50
51 52 53 54 55 56 57 58 59 60
61 62 63 64 65 66 67 68 69 70
71 72 73 74 75 76 77 78 79 80
81 82 83 84 85 86 87 88 89 90

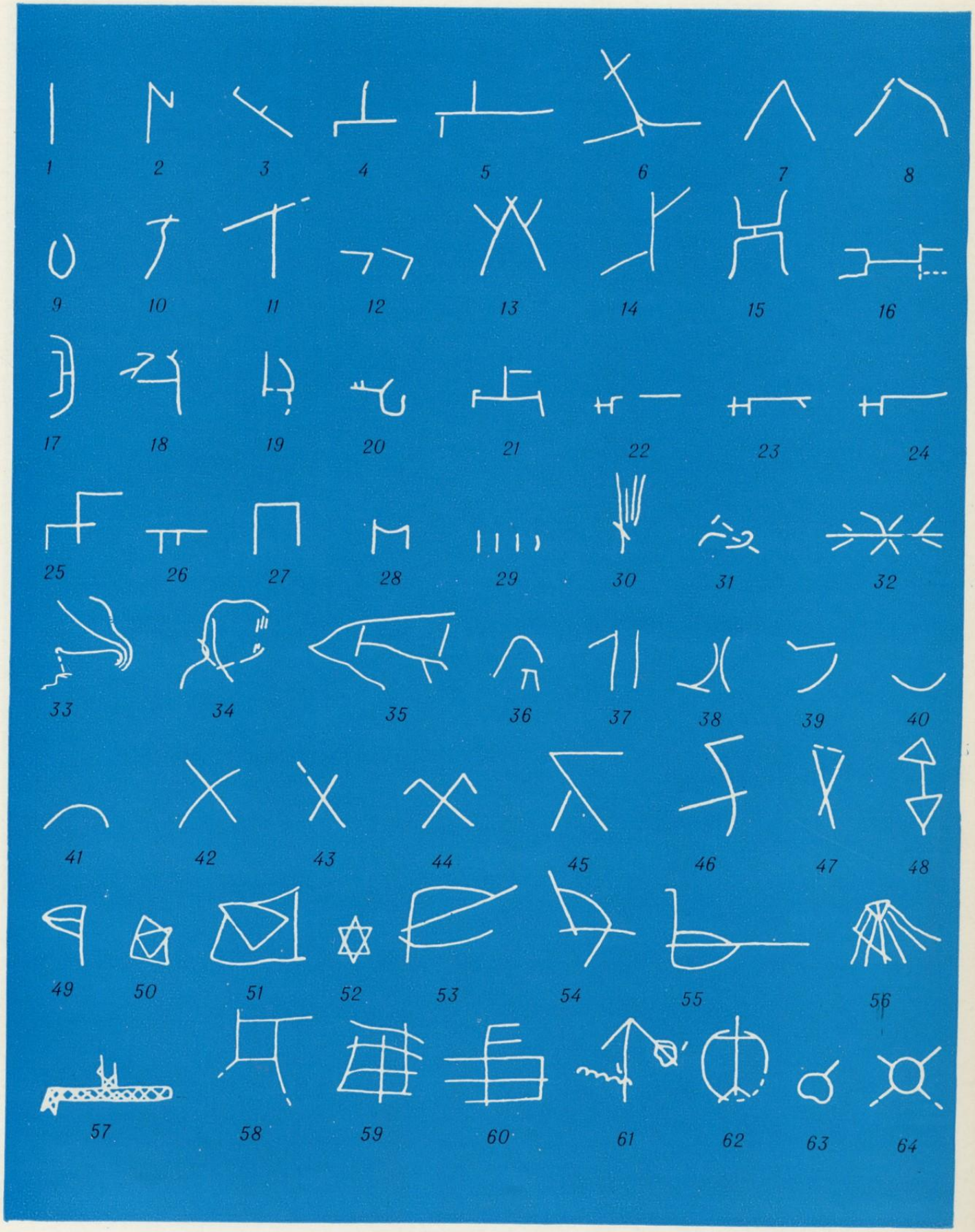

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64

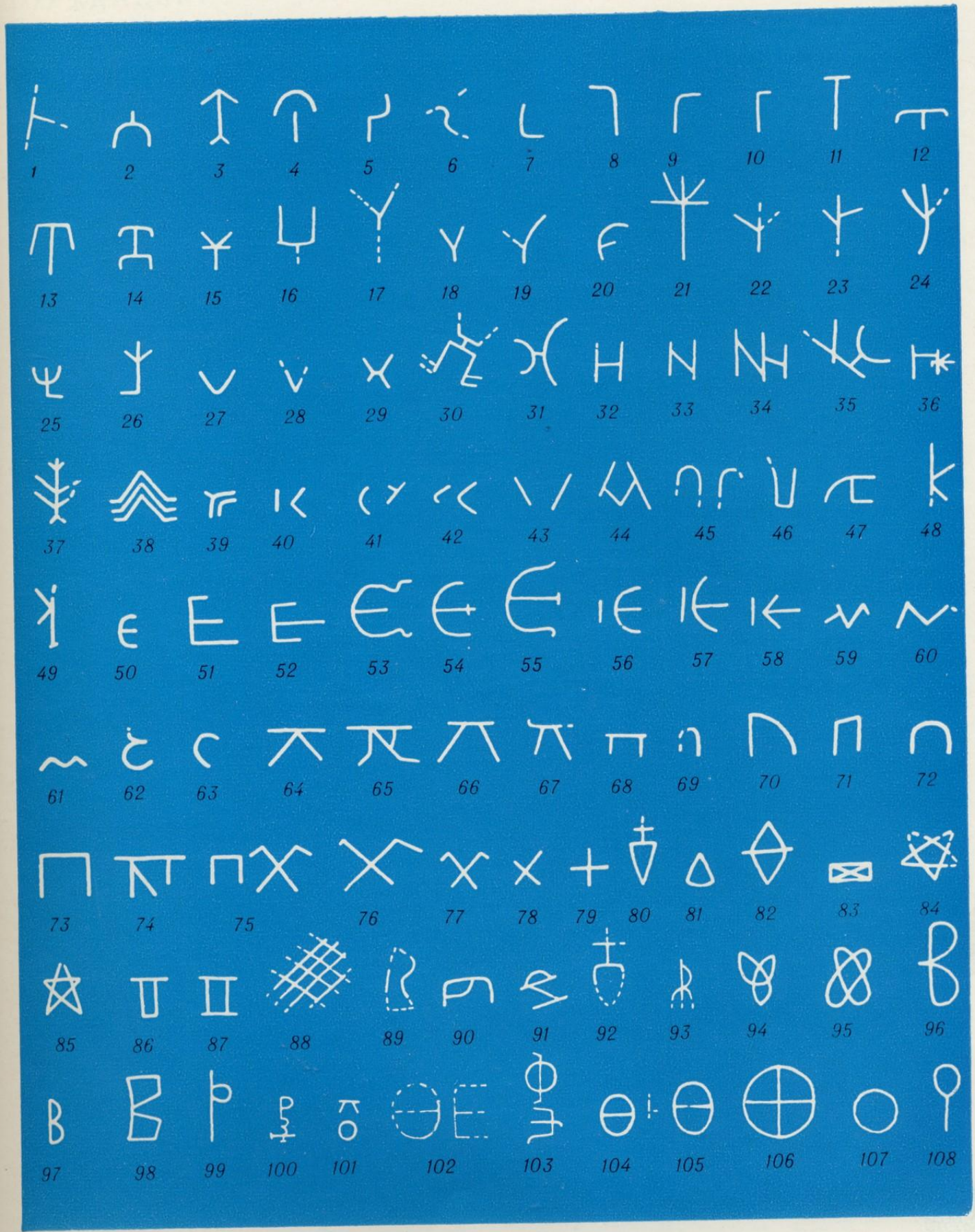

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32
33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48
49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80
81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96
97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112
113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128
129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144
145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160
161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176

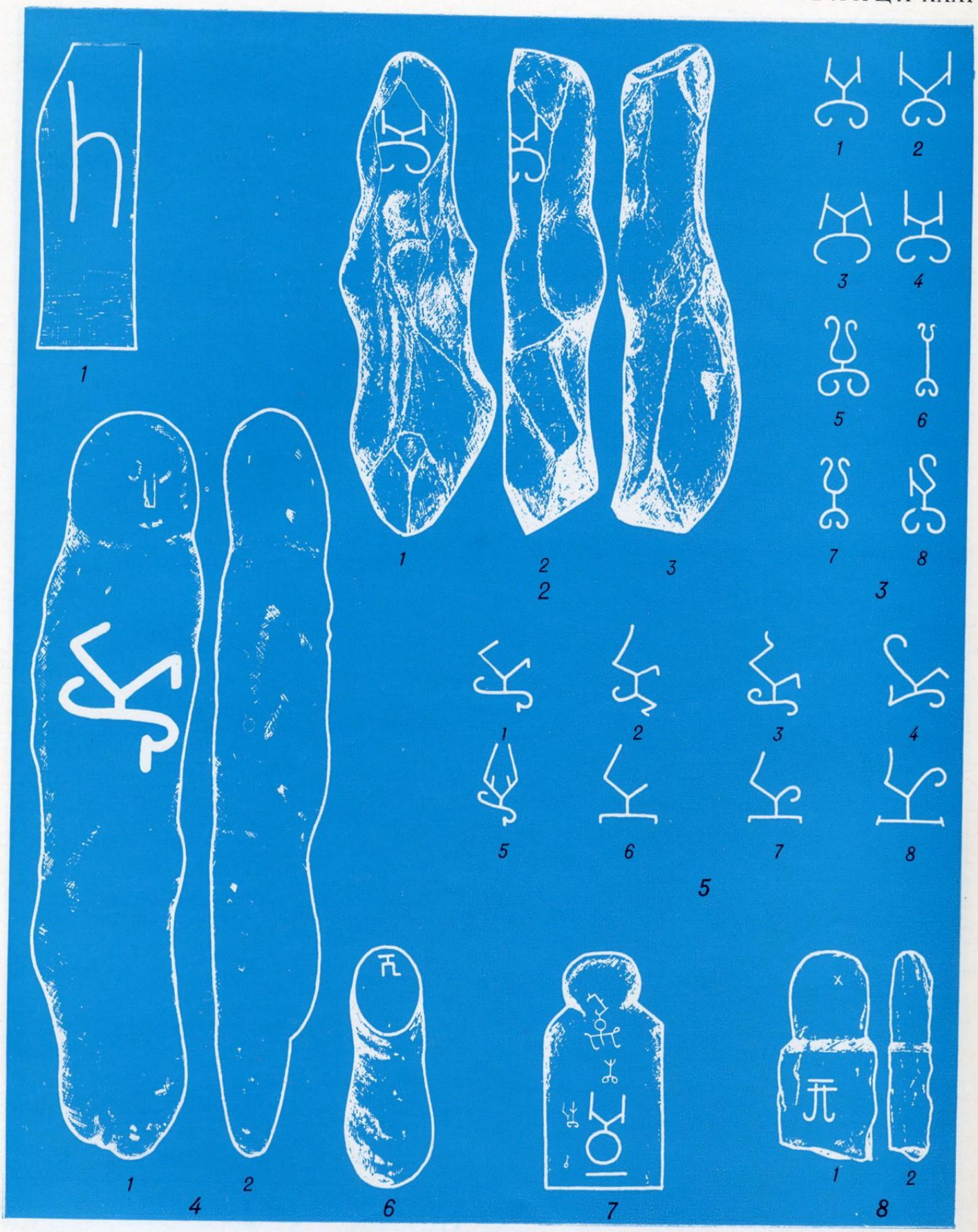

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33
34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44
45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66
67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77
78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88
89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17 18 19 20
1
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33
2
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21
3

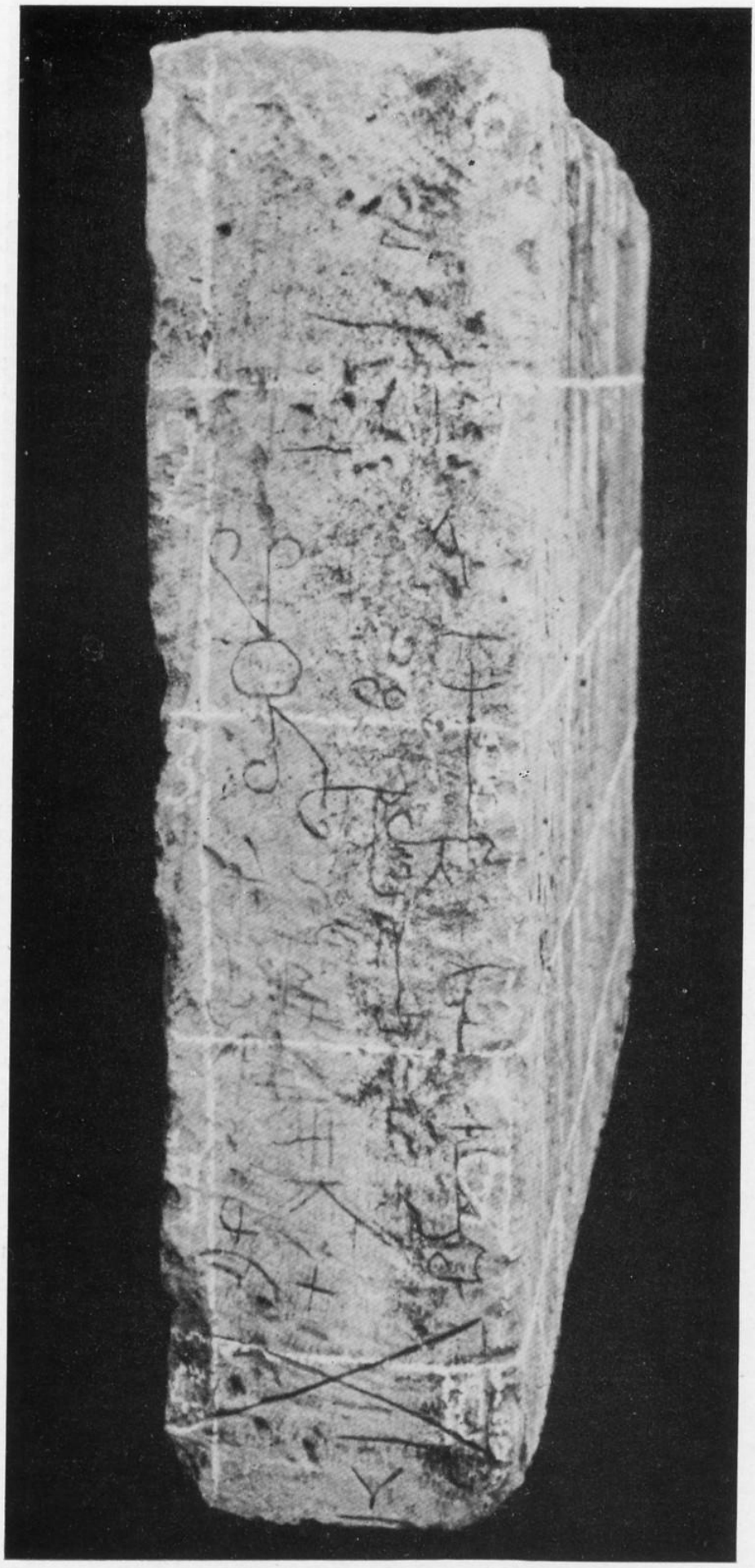

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32
33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48
49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80
81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96
97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110
111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126
127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142
143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158

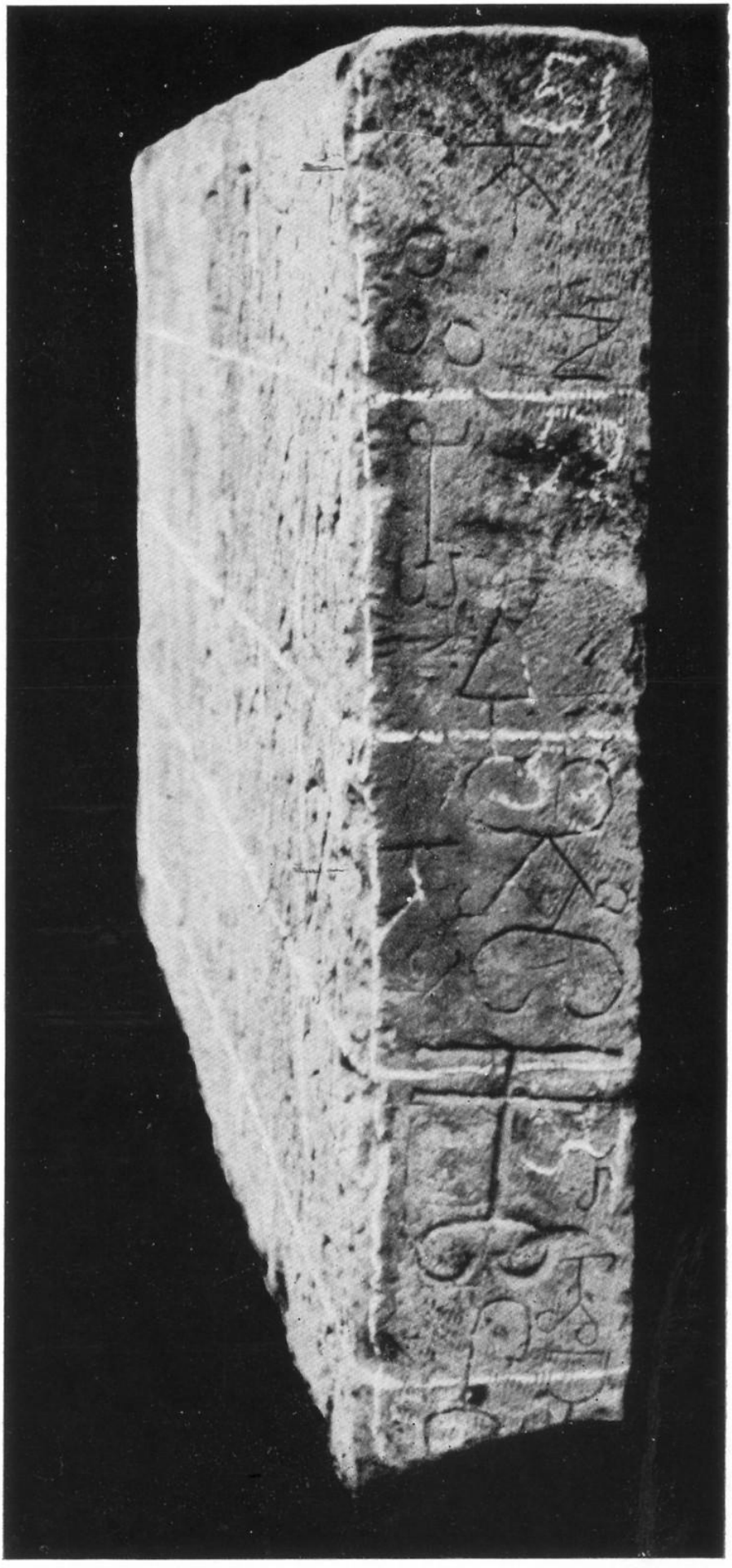

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24
25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48
49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60
61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72
73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84
85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96
97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108

1
1
2
3
2
1
2
3
4
5
6
7
8
3
1
2
3
4
5
6
7
8
5
1
2
4
6
7
8

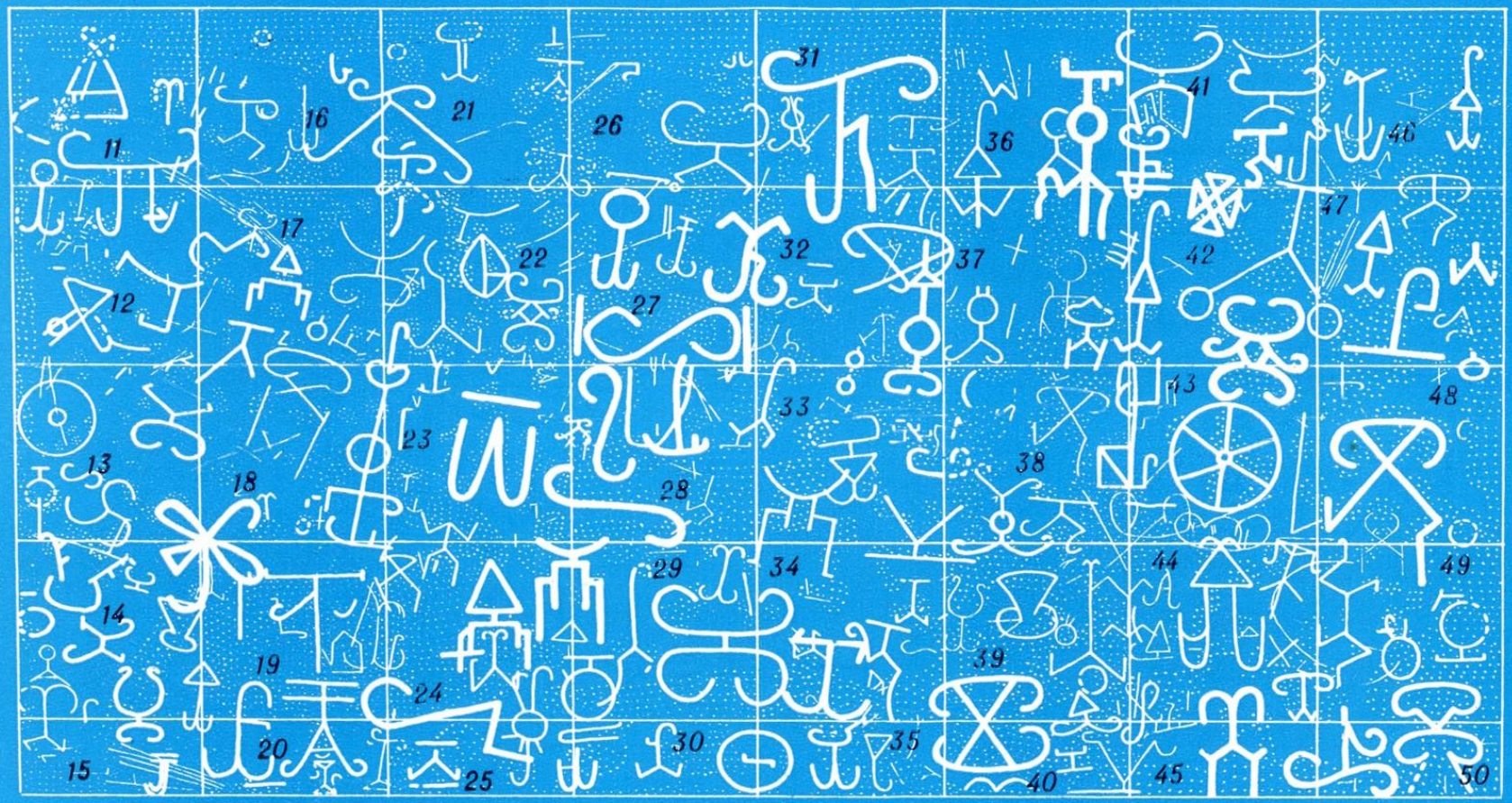
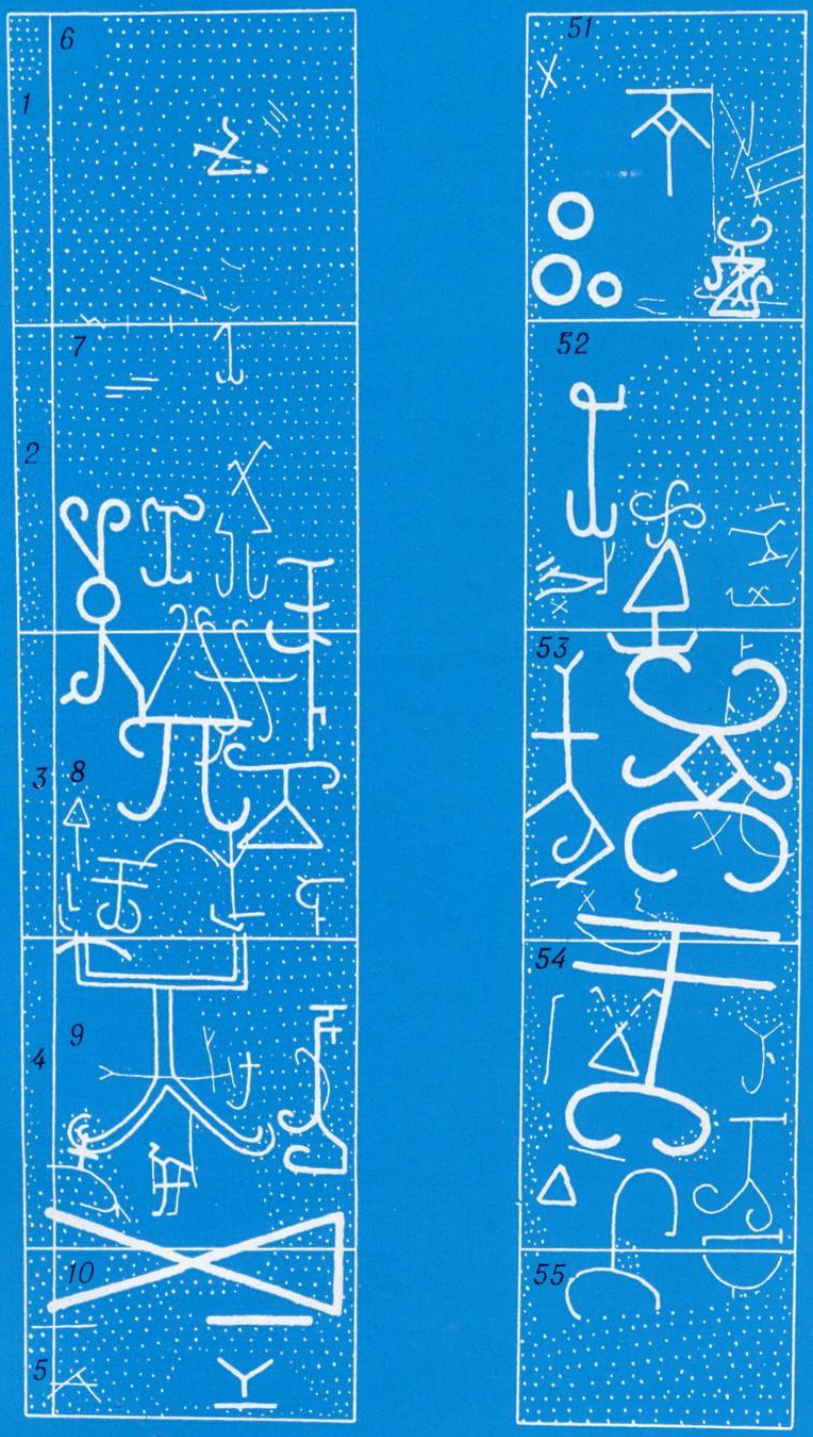
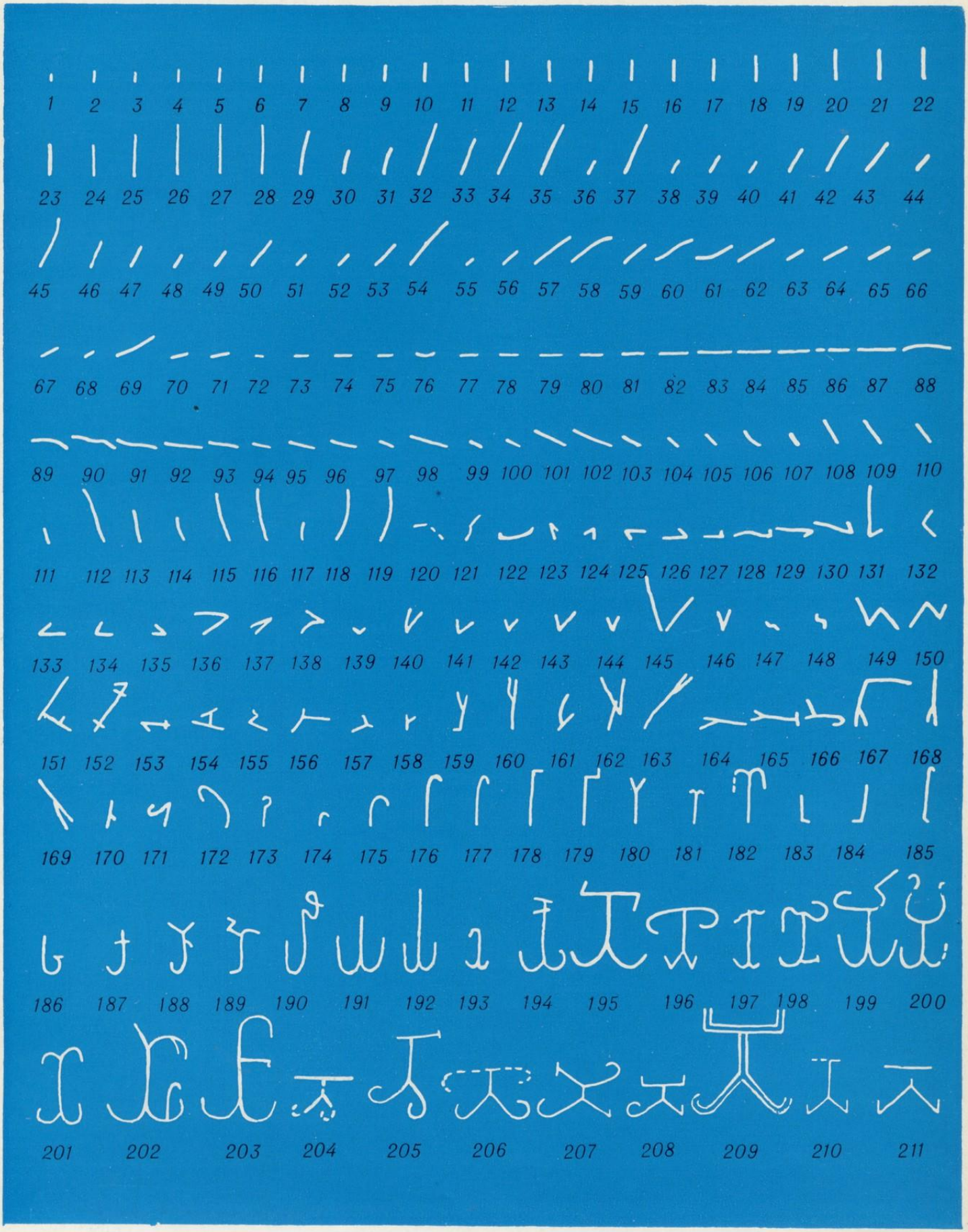
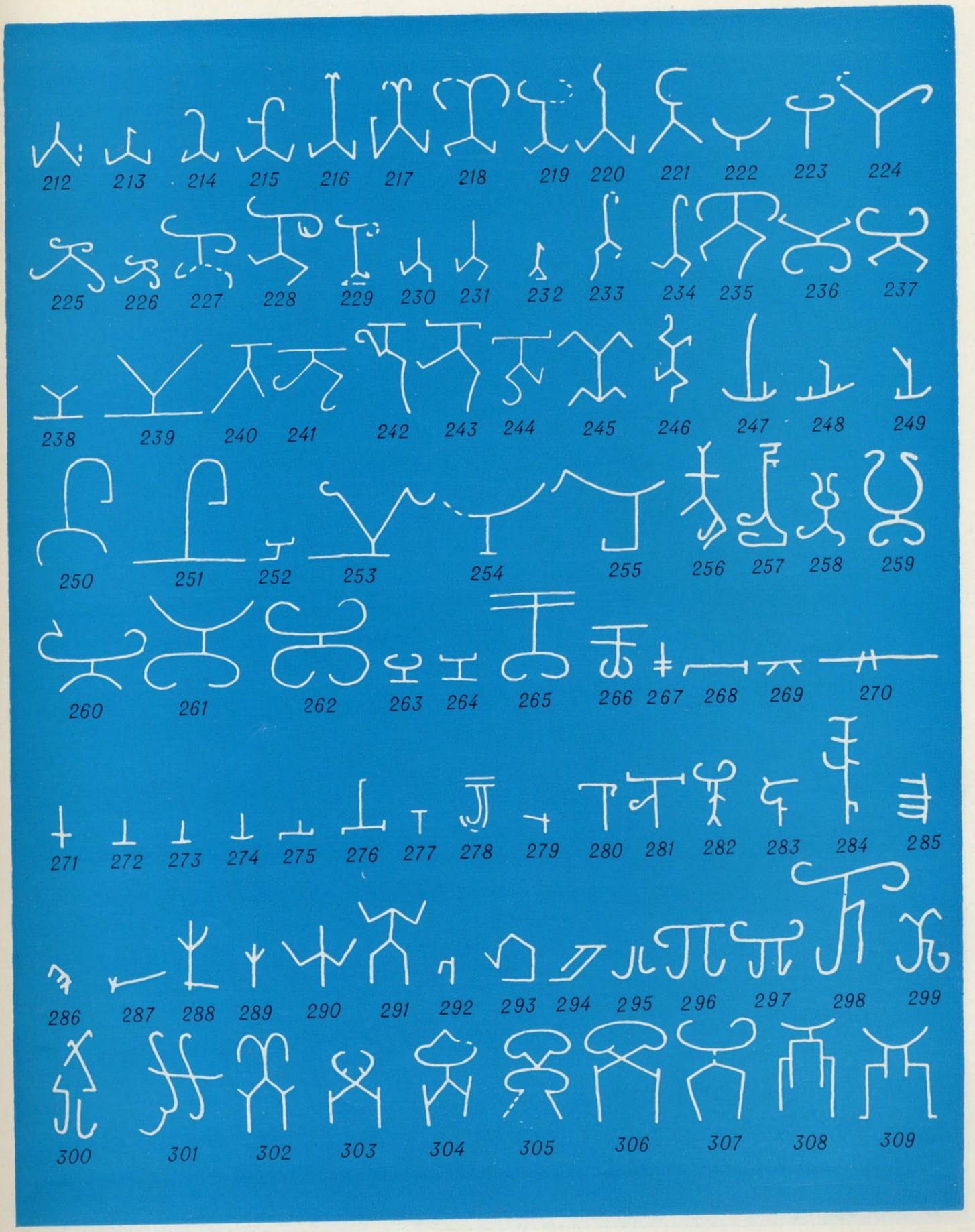
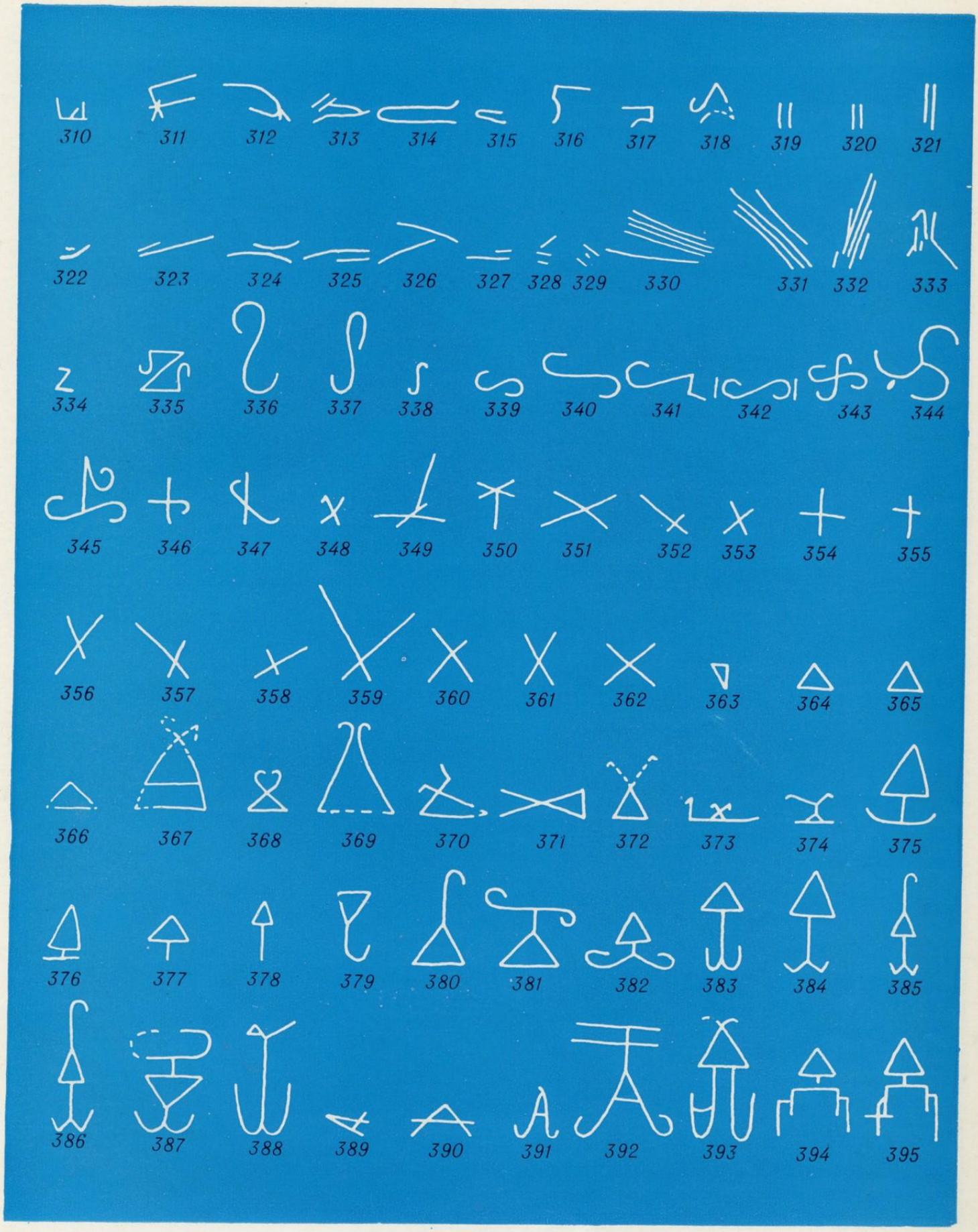

ТАБЛИЦА XXXV

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
51
52
53
54
55

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44
45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66
67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88
89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110
111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132
133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150
151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168
169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185
186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200
201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211

212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224
225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237
238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249
250 251 252 253 254 255 256 257 258 259
260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270
271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285
286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299
300 301 302 303 304 305 306 307 308 309

310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395

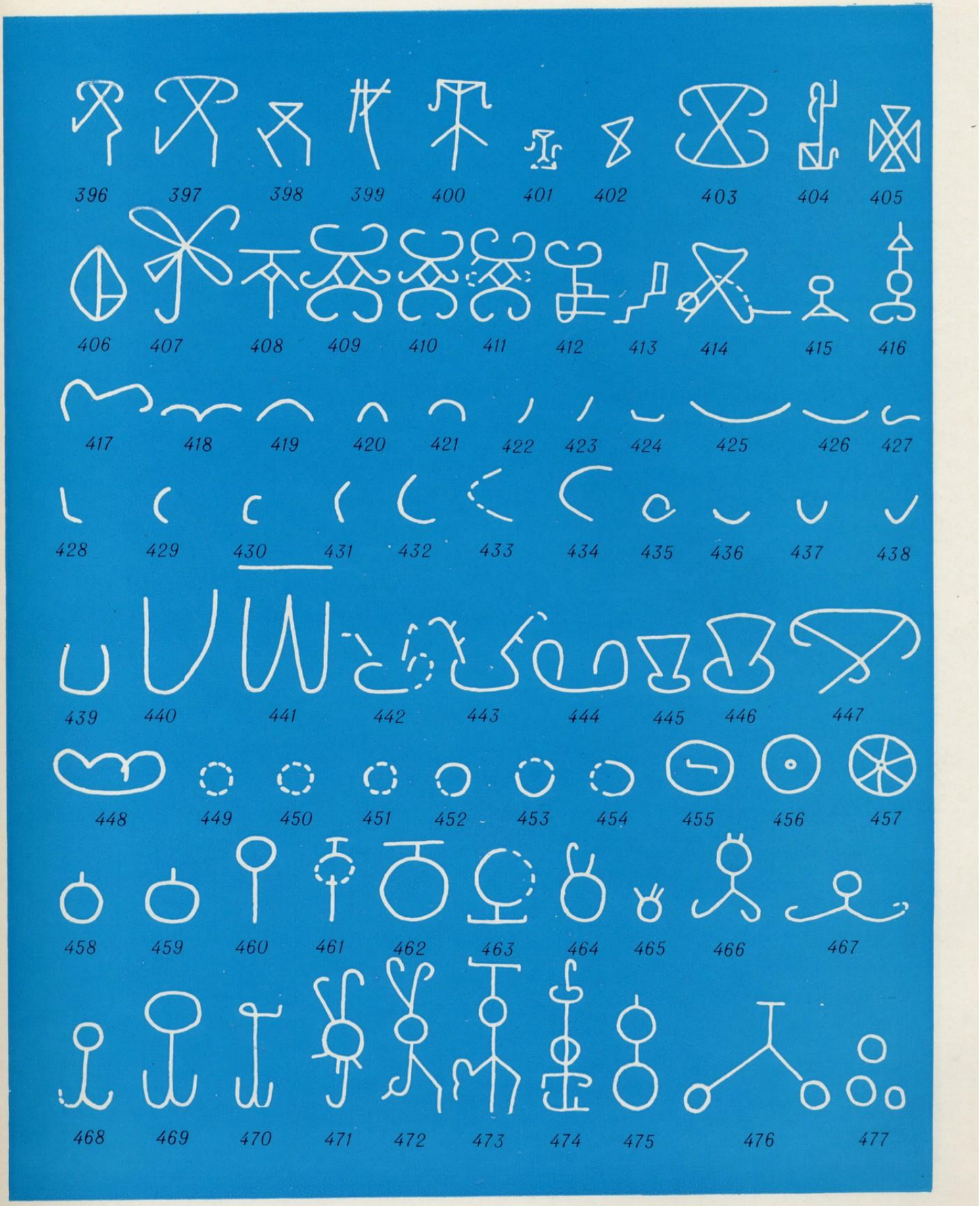
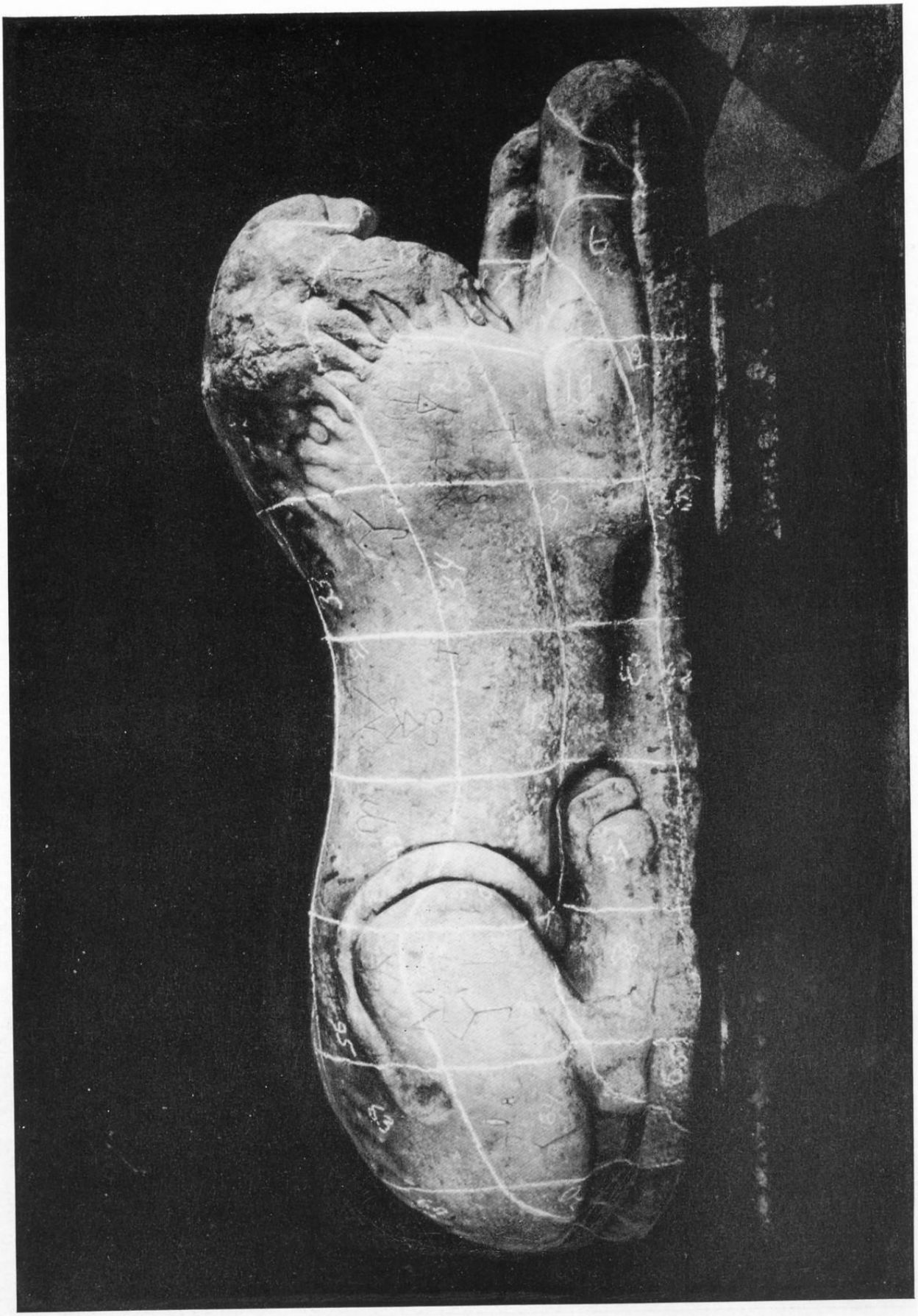
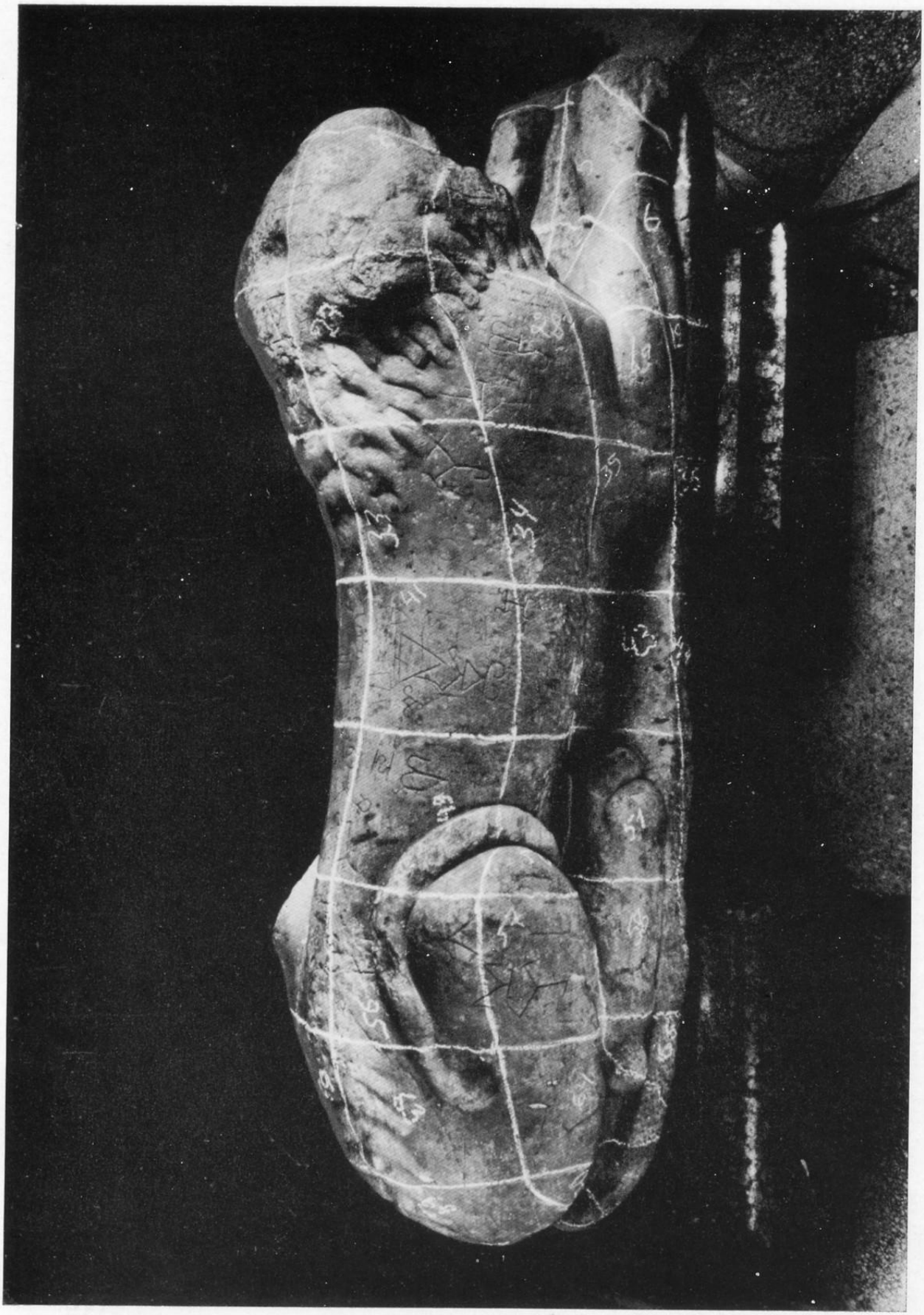
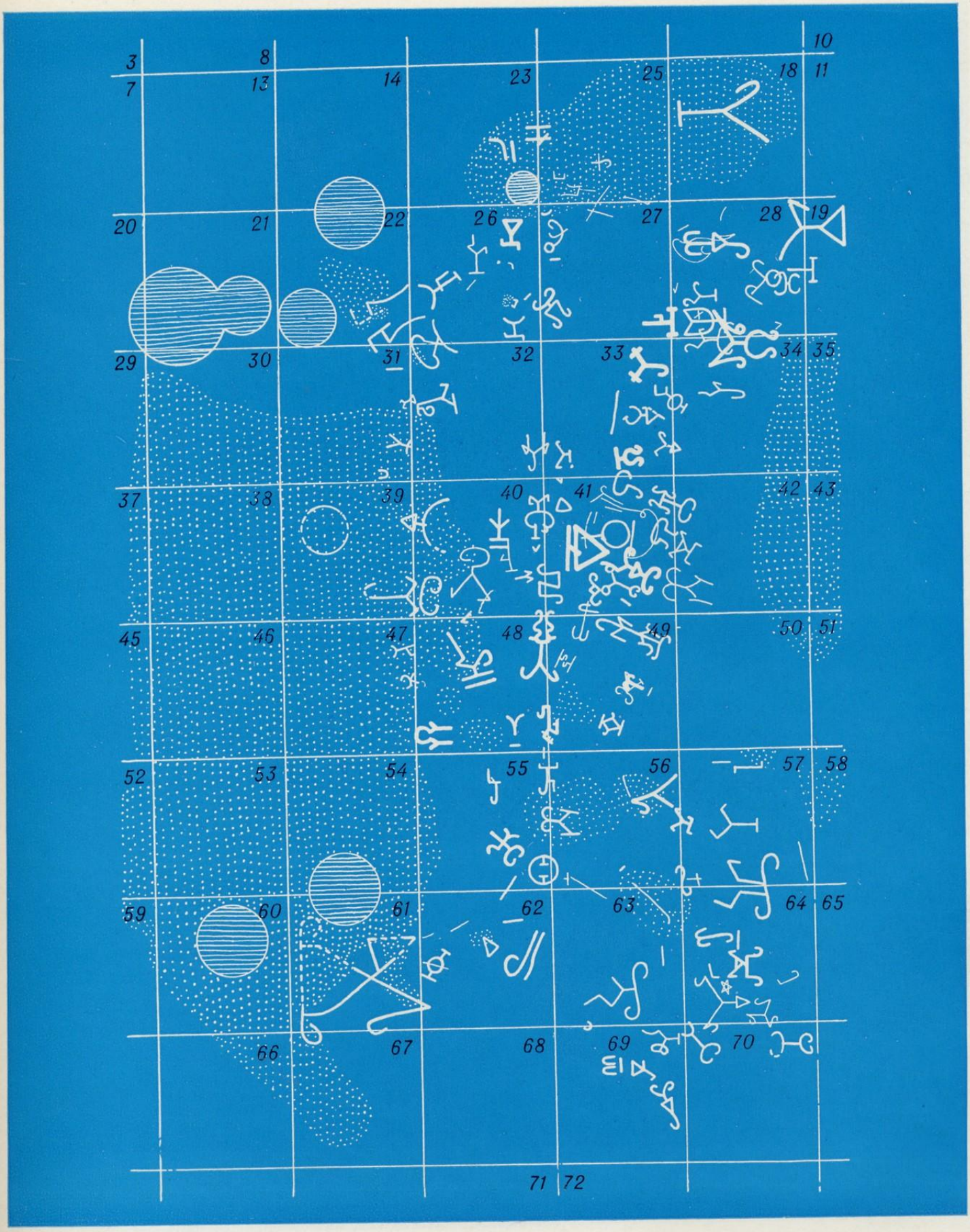

396 397 398 399 400 401 402 403 404 405
406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416
417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427
428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438
439 440 441 442 443 444 445 446 447
448 449 450 451 452 453 454 455 456 457
458 459 460 461 462 463 464 465 466 467
468 469 470 471 472 473 474 475 476 477

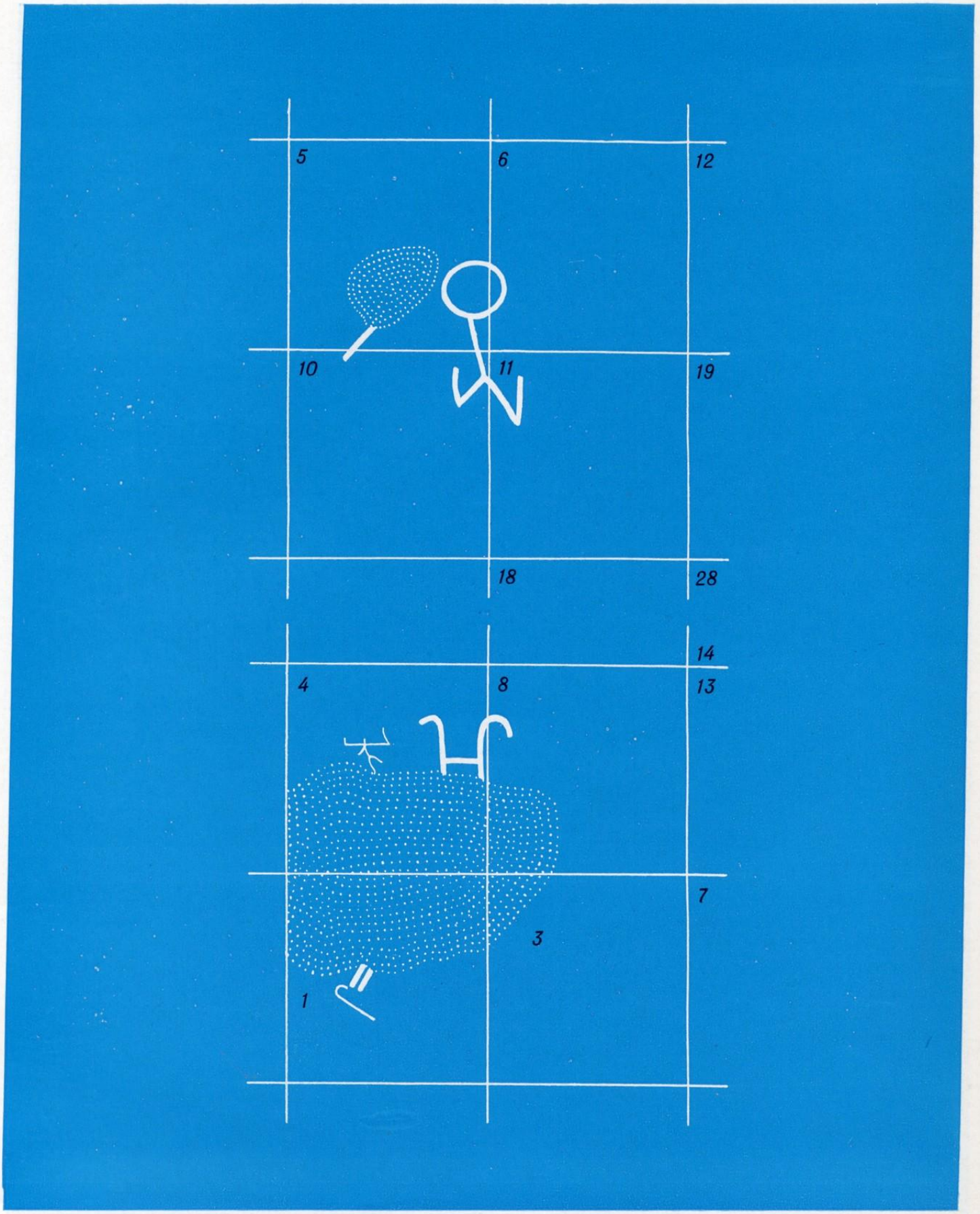
ТАБЛИЦА XLI

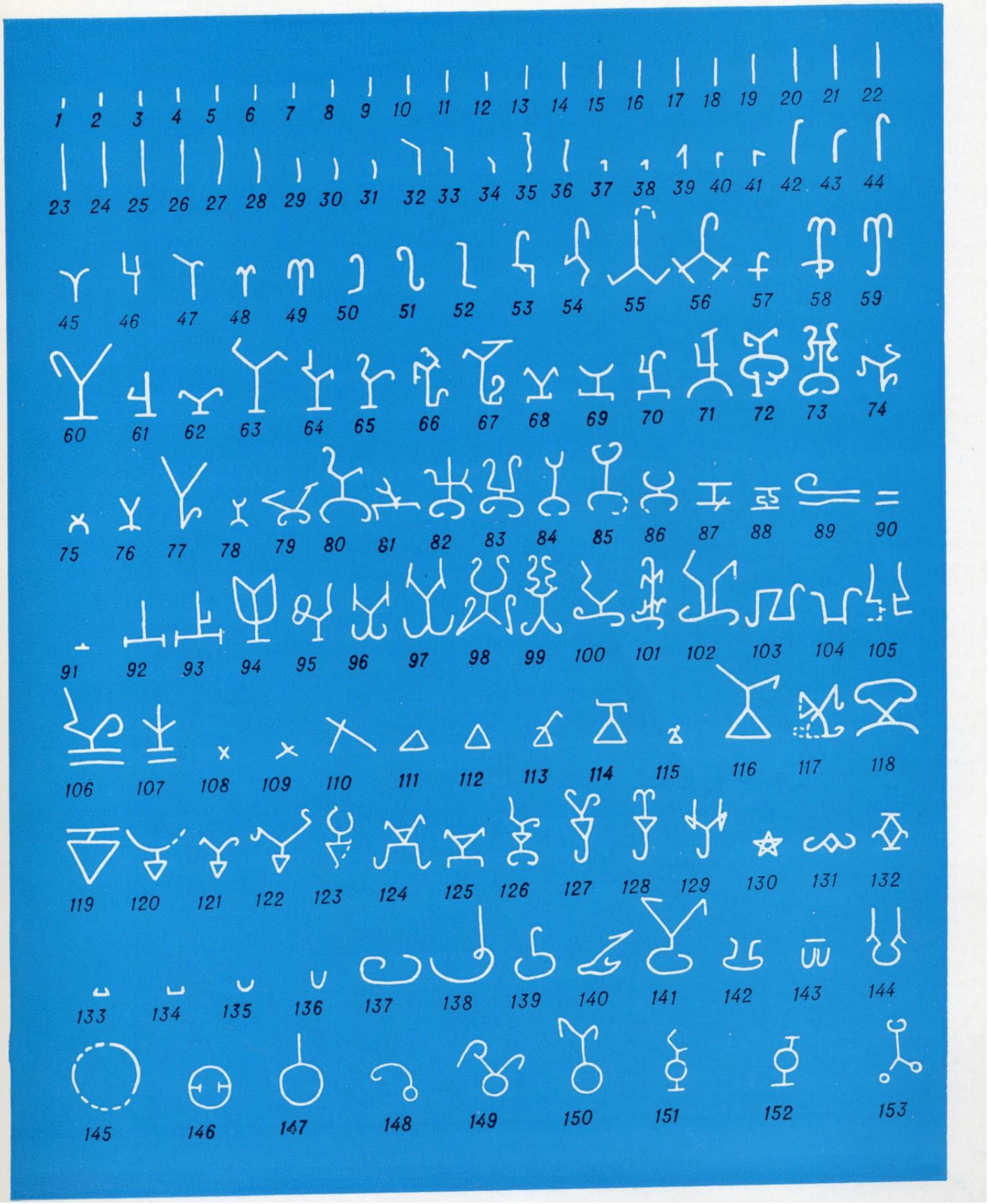

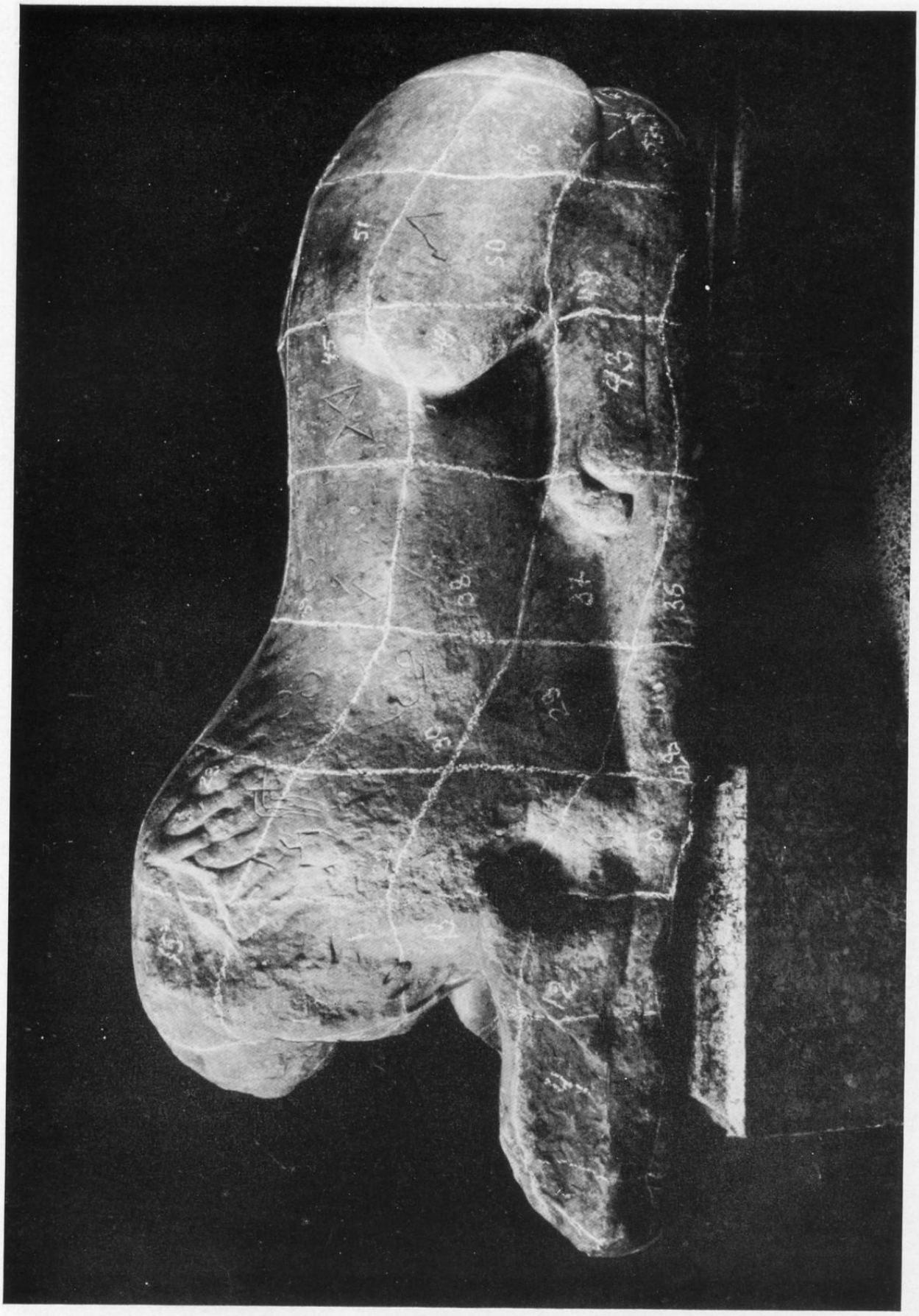

3
8
10
7
13
14
23
25
18
11
20
21
22
26
27
28
19
29
30
31
32
33
34
35
37
38
39
40
41
42
43
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72

5
6
12
10
11
19
18
28
14
4
8
13
7
3
1

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44
45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59
60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74
75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90
91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105
106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118
119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132
133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144
145 146 147 148 149 150 151 152 153

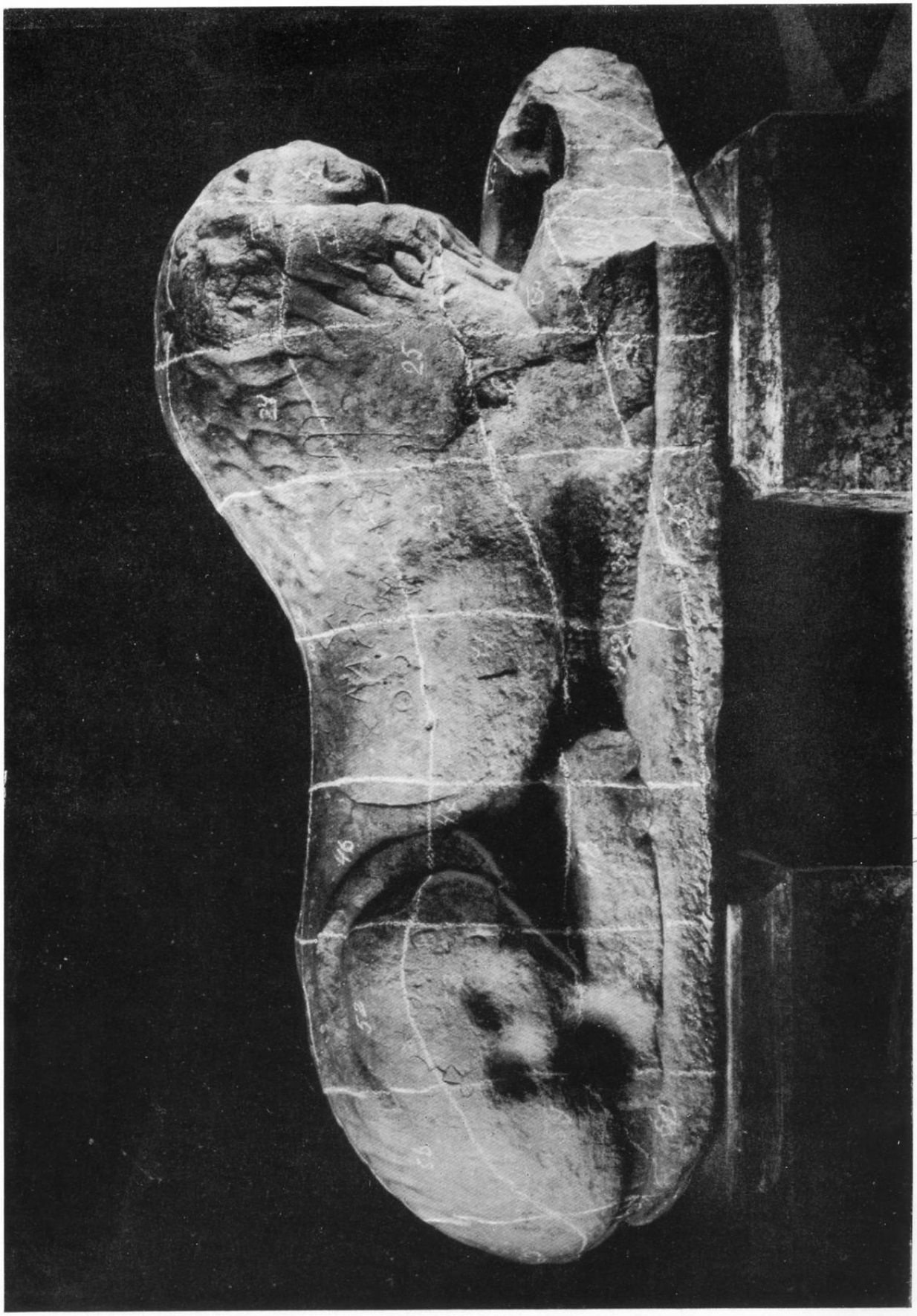
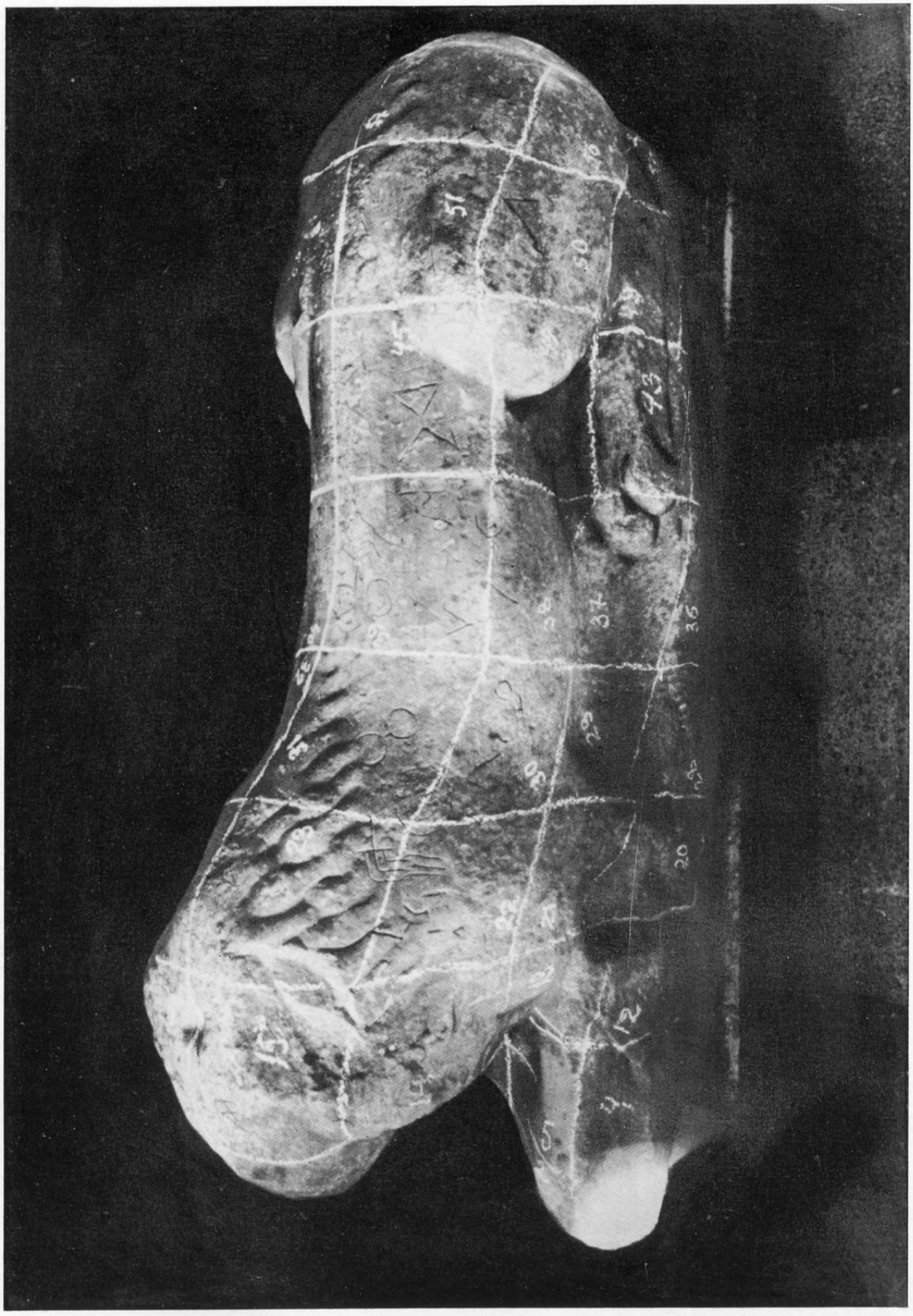
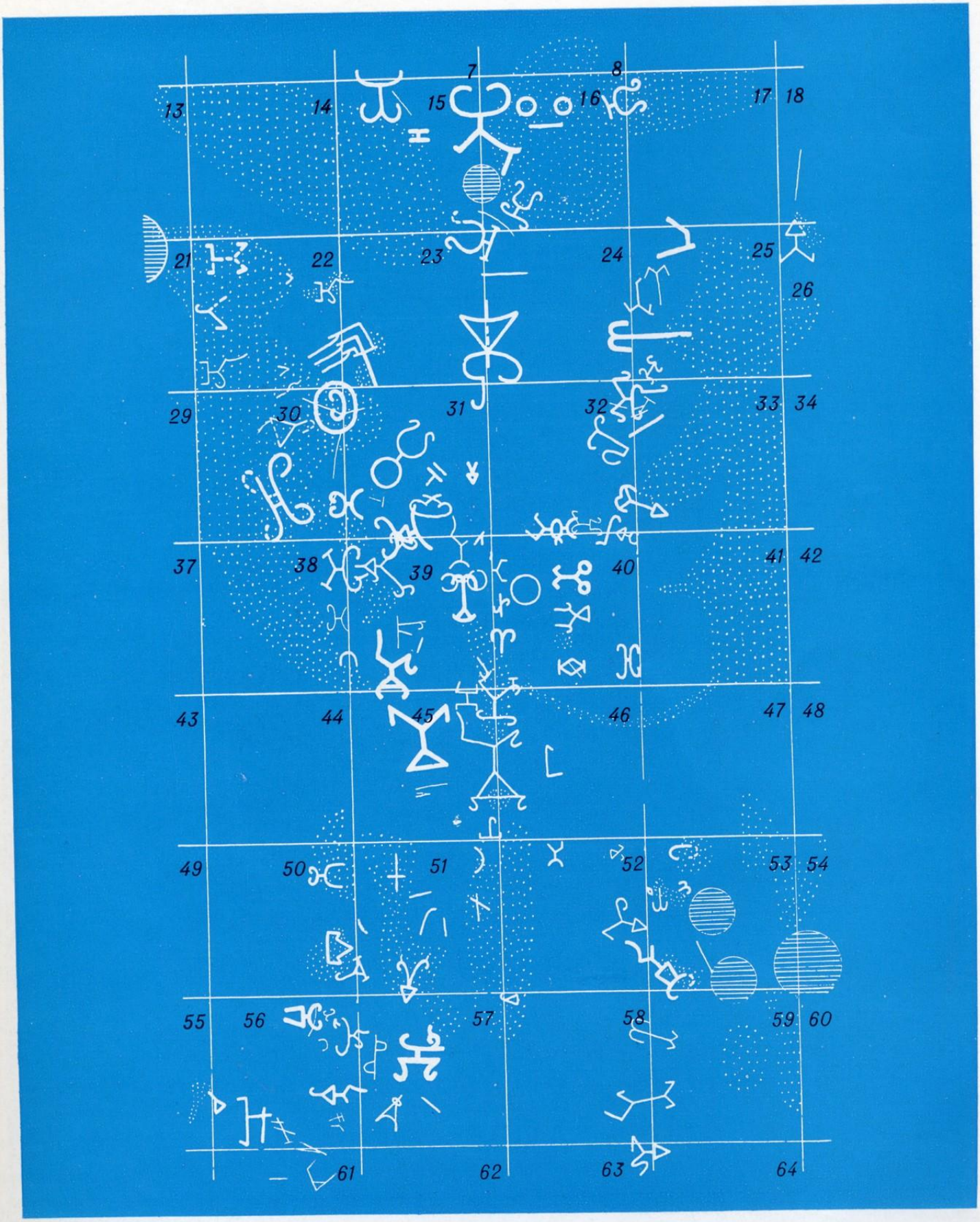
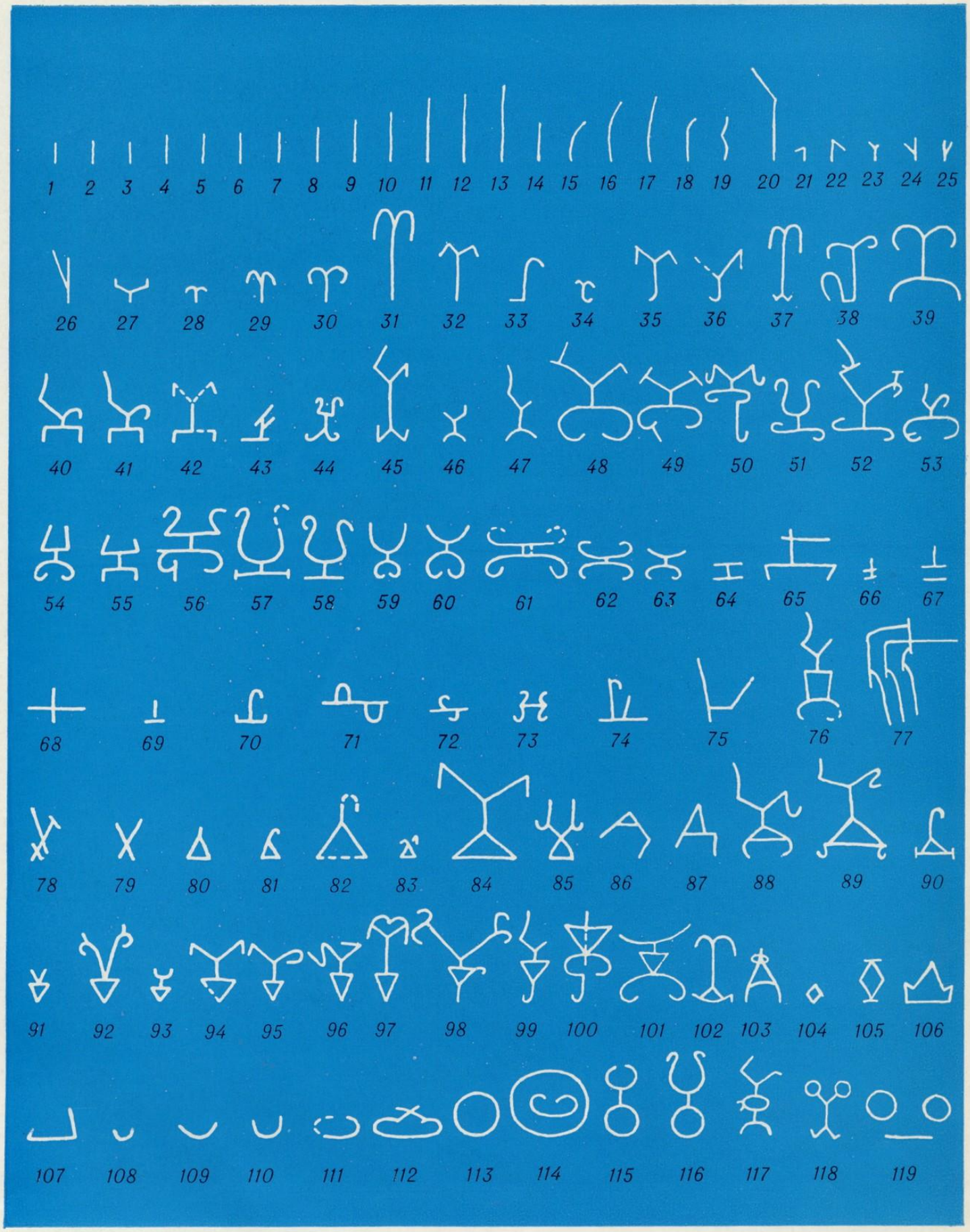

ТАБЛИЦА XLIX

7
8
13
14
15
16
17
18
21
22
23
24
25
26
29
30
31
32
33
34
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25
26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39
40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53
54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67
68 69 70 71 72 73 74 75 76 77
78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90
91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106
107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, № 4. М., 1963.

Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.

Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1926.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935.

Археологические памятники юго-западного Крыма.— МИА, № 34. М.—Л., 1953.

Ашик А. Б. Боспорское царство, ч. I—II. Одесса, 1848; ч. III, 1849.

Белов Г. Д. и *Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.).— МИА, № 34. М.—Л., 1953.

Белов Г. Д. и *Якобсон А. Л.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.).— МИА, № 34. М.—Л., 1953.

Белова Л. Н. Материалы из раскопок кварталов XV—XVIII.— МИА, № 34. М.—Л., 1953.

Беньковский П. О. О терракотовых повозочках из Керчи.— ИАК, вып. 9. СПб., 1904.

Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, т. XVI. Одесса, 1893.

Бертье-Делагард А. Л. О монетах властителей Босфора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1911.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950.

Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— СА, № 4. М., 1964.

Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

Богданова Н. А. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника.— СА, № 3. М., 1965.

Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму.— КСИА АН СССР, вып. 112. М., 1967.

Болтунова А. И. Из черновиков В. В. Латышева.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1951.

Брун Ф. К. Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра.— ЗООИД, т. V. Одесса, 1863.

Бурачков П. О. О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России.— ЗООИД, т. IX. Одесса, 1875.

Веймарн Е. В., Высотская Т. Н. В эпоху великого переселения.— Дорогой тысячелетий. Симферополь, 1966.

Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Труды ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963.

Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966.

Вязьмітіна М. І. Вивчення сарматів на території Української РСР.— Археологія, т. VIII. К., 1953.

Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1953.

Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949.

Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат.—СА, т. XIII. М.—Л., 1950.

Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА, № 25. М.—Л., 1952.

Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.

Гейкель Г. К. Из финляндской археологической литературы.— ИАК, вып. 38. СПб., 1911.

Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, т. V. СПб., 1892.

Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, № 4. М.—Л., 1951.

Голенко К. В. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.— ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960.

Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг.— НС, вып. I. К., 1963.

Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, вып. I. М., 1926.

Греков Б. Д. Киевская Русь. Л., 1953.

Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.— СА, № 4. М., 1960.

Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Керменкыр).— КСИИМК, вып. 70. М., 1957.

Дашевская О. Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского.— СА, № 1. М., 1960.

Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском.— СА, № 1. М., 1962.

Добльхоффер Эрнст. Знаки и чудеса. М., 1963.

Дорогой тысячелетий. Симферополь, 1969.

Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова, ч. II. СПб., 1805.

Драчук В. С. До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем.— НЩ за 1956 р. К., 1957.

Драчук В. С. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі.— СНП, т. XXIII. К., 1958.

Драчук В. С. Деякі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії (До питання про сфери вжитку загадкових знаків).— СНП, т. XXVII. К., 1961.

Драчук В. С. (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962.

Драчук В. С. Стела со знаками из Теребовельщины.— СА, № 2. М., 1967.

Драчук В. С. Родові тамги на предметах побуту.— НТЕ, № 6. К., 1968.

Драчук В. С. Про царські знаки Боспора Кіммерійського.— Археологія, т. XXII. К., 1969.

Драчук В. С. Об исследовании тамгообразных знаков.— Dacia, N. S., XIV. Bucuresti, 1970.

Драчук В. С. Етнографічні знаки володарів Північного Надчорномор'я.— НТЕ, № 3. К., 1970.
Драчук В. С. Об исследовании тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира.— ВДИ, № 4. М., 1970.
Драчук В. С. Про вивчення «загадкових знаків» Південної України у вітчизняній та зарубіжній історичній літературі.— УІЖ, № 1. К., 1970.
Драчук В. С. Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України.— ВАН УРСР, № 7. К., 1970.
Драчук В. С. (Рецензия) Ernö Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— СЭ, № 5. М., 1970.
Драчук В. С. «Загадочные знаки» Северного Причерноморья, ч. I.— Archeologia, XXI, 1970. Warszawa, 1971.
Драчук В. С. Зеркало с загадочными знаками из Ольвии.— СА, № 1. М., 1971.
Драчук В. С. Написи на камені. К., 1971.
Драчук В. С. Символи сонця в народному орнаменті.— НТЕ, № 3. К., 1971.
Драчук В. С. Шаг в неведомое.— Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1971.
Драчук В. С. «Загадочные знаки» Северного Причерноморья, ч. II.— Archeologia, XXII, 1971. Warszawa, 1972.
Драчук В. С. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами.— КСИА АН СССР, вып. 130. М., 1972.
Драчук В. С. Про урядову групу сарматських знаків Північного Причорномор'я.— Археологія, № 5. К., 1972.
Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков н. э.).— Автореферат диссертации. М., 1972.
Драчук В. С. У пошуках загадкових зображень. К., 1972.
Драчук В. С. Царские знаки Боспора.— Eirene, t. 10. Praha, 1972.
Dračuk V. S. Untersuchungen zu den tamgaartigen Zeichen aus dem nordpontischen Randgebiet der Antiken Welt.— Zeitschrift für Archäologie, Ht. II, 1972. Berlin, 1973.
Dračuk V. S. Zu den Forschungsergebnissen über die Königszeichen des Kimmerischen Bosporus.— KLIO, № 56. Berlin, 1974.
Драчук В. С. Пряжка римского времени с тамгообразным знаком.— СХМ, вып. V. К., 1974.
Драчук В. С. Таємниці геральдики. К., 1974.
Драчук В. С. Нові пам'ятки з символічним орнаментом з Дніпропетровського музею.— Археологія, № 18. К., 1975.
Ефименко П. С. Юридические знаки.— ЖМНП, ч. CLXXV—CLXXVI. СПб., 1874.
Живая старина, вып. I—IV. СПб., 1894.
Захаров Н. А. Вновь найденная каменная плита со знаком, из района Кубанских плавень.— ЗСККОАИЭ, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929.
Збруева А. В. Идеология населения Прикамья.— Труды ИЭ, новая серия, т. I. М.—Л., 1947.
Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, № 16. М.—Л., 1951.
ИАК, вып. 9. СПб., 1904.
Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— Труды ИЭ, новая серия, т. XXII. М.—Л., 1954.
Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, т. XIII. М.—Л., 1950.
Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова. СПб., 1851.
ИТУАК, вып. 51. Симферополь, 1914.
Канский В. А. Вновь найденные Недвиговские плиты.— ЗРОИДП, т. 2. Ростов-на-Дону, 1914.
Капанадзе Д. Г. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку».— ВДИ, № 4. М.—Л., 1951.
Карышковский П. О. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья.— Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.
Каспарова К. В. Могильник и поселение Зарубинецкой культуры у д. Отвержичи.— КСИА АН СССР, вып. 112. М., 1967.
Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, вып. VII. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России (с 5 фототипическими таблицами). М., 1887.
Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. (Сост. К. Мельник), вып. I. К., 1893.
Каталог Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля (вып. 1910 г.).
Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. I. М., 1937.
Книпович Т. Н. Танаис. М.—Л., 1949.
Ковалевская В. Б. О некоторых знаковых системах в археологии.— УЗ ТГУ, вып. 236. Тарту, 1969.
Козыренко И. И. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея.— МАСП, вып. I. Одесса, 1957.
Константинов Н. А. Новые данные о происхождении древнерусской письменности.— «Смена», 1951, 25 апреля.
Константинов Н. А. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья (К вопросу о происхождении славянского письма).— Крым, № 7. Симферополь, 1951.
Константинов Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица.— УЗ ЛГУ, № 197, серия филологических наук, вып. 23. Л., 1957.
Константинов Н. А. Народные резные календари.— МАЭ, XX. М.—Л., 1961.
Константинов Н. А. Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья.— ВЛУ, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1963.
Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965.
Корпусова В. Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтовое.— Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг., вып. I. К., 1967.
Кругликова И. Т. Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962.
Кругликова И. Т. Культура Боспора в позднеантичный период.— Античное общество. М., 1967.
Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья.— Труды ГИМ, вып. XII. М., 1941.
Кузнецов П. Предисловие.— В кн.: Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1950.
Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. СПб., 1887.
Латышев В. В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря («Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini»).— ЗРАО, т. IV, вып. 2. СПб., 1889.
Латышев В. В. Загадочные ольвийские надписи.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889.
Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 гг.— МАР, № 9. СПб., 1892.
Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг.— МАР, № 17. СПб., 1895.
Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 годов).— ИАК, вып. 10. СПб., 1904.
Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства.— Pontika. СПб., 1909.
Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.
Лунин Б. В. К вопросу об антропоморфном характере

каменных поделок Гниловского и других южнодонских городищ.— ЗСКҚОАИЭ, кн. I, вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1928.
Лунин Б. В. Один из источников к познанию этнических элементов в населении Танаиса.— ЗСКҚОАИЭ, кн. I, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929.
Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов.— ИАК, вып. 43. СПб., 1911.
Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора.— ИГАИМК, вып. 104. М.— Л., 1934.
Марти Ю. Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина.— ВДИ, № 1. М.—Л., 1941.
Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора.— Из истории Боспора. М.—Л., 1955.
Марченко И. Д. Город Пантикапей.— Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1974.
Махнева О. А. Неаполь скифский. Симферополь, 1968.
Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья.— ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933.
Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище (с 14 рис.).— ИАК, вып. 29. СПб., 1909.
Мишулин А. В. Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР.— ВДИ, № 1. М.—Л., 1947.
Мурзакевич Н. Н. Ольвийские древности.— ЗООИД, т. III. Одесса, 1853.
Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957.
Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.
Нудельман А. А., Рикман Э. А. Новые находки памятников первых веков нашей эры в Молдавии.— АЭИМ. Кишинев, 1968.
ОАК за 1868 г. СПб., 1871.
ОАК за 1872 г. СПб., 1875.
ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
ОАК за 1891 г. СПб., 1893.
Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, т. I. М.—Л., 1921.
Орешников А. В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам.— ИАН СССР, № 2, сер. VII. Л., 1930.
Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси.— Труды ГИМ, вып. 6. М., 1936.
ОРИМ за 1913 г. М., 1914.
Паршина Е. А. Средневековая керамика Ласпи и Симеиза (По материалам раскопок 1966 г.).— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., вып. I. К., 1967.
Петров В. П. Слов'янська писемність за археологічними пам'ятками.— Питання походження і розвитку слов'янської писемності. К., 1963.
Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952.
Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925.
Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент.— УЗ КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948.
Происхождение креста. М., 1927.
Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом. М., 1963.
Розанова Н. П. Монеты скифского царя Фардзоя.— МИА, № 50. М.—Л., 1956.
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас, табл. I—CXII. СПб., 1913.
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Текст, т. I. СПб., 1914.
Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. М.—Л., 1934.
Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, т. VI. М.—Л., 1940.
Рыбаков Б. А. Ремесло.— ИКДР, № 1. М.—Л., 1948.
Рыбаков Б. А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований.— Тезисы доклада на сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР. Симферополь, 1952.
Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности...— ВИ, № 9. М., 1952.
Рыбаков Б. А. Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности...).— СА, т. XVII. М., 1953.
Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, № 1. М., 1965.
Савельев А. И. Два лапидарных памятника.— Древняя и новая Россия, № 4. СПб., 1875.
Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас. СПб., 1909.
Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской обл.— ВДИ, № 3—4. М.—Л., 1940.
Смирнов А. П. Куйбышевская каменная баба.— КСИИМК, вып. XII. М.—Л., 1946.
Смирнов А. П. Работа секторов Института археологии в 1959—1960 годах. Сектор скифо-сарматской археологии.— КСИА АН СССР, вып. 89. М., 1962.
Смирнов К. Ф. Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964.
Смішко М. Ю. Доба полів поховань в західних областях УРСР.— Археологія, т. II. К., 1948.
Соколов Д. Н. О башкирских тамгах.— ТОУАК, т. XIII. Оренбург, 1904.
Сокольский Н. И. Судьба Хрисалиска (К истории Боспора I в. до н. э.).— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.
Соловьев Е. Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию.— Труды V АС. М., 1887.
Соломоник Э. И. О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии.— КСИА АН УССР, вып. 6. К., 1956.
Соломоник Э. И. О таврении скота в Северном Причерноморье (По поводу некоторых загадочных знаков).— История и археология древнего Крыма. К., 1956.
Соломонік Е. І. Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками.— Археологія, т. X. К., 1957.
Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
Соломонік Е. І. Нові пам'ятки з сарматськими знаками.— АП, т. XI. К., 1962.
Соломоник Э. И. (Рецензия) H. Humbach. Die sogenannte sarmatische Schrift.— СА, № 3. М., 1965.
Соломоник Э. И. О клеймлении скота и рабов в древности.— GuRiGRA, 2. Berlin, 1969.
Степанов Ф. Тавріка в символах.— НТЕ, № 6. К., 1971.
Стефани Л. Э. Древности Босфора Киммерийского, т. I. СПб., 1854.
Сысоев В. М. Древности по верхнему течению р. Кубани.— МАК, т. IX. М., 1904.
Тереножкин А. И. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища.— КСИА АН УССР, вып. I. К., 1952.
Тереножкин А. И. Курганы бронзового века на р. Молочной.— КСИА АН УССР, вып. 2. К., 1953.
Тиханова М. А. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры.— МИА, № 6. М.—Л., 1941.
Тиханова М. А. Социально-экономический строй антов в III—V вв. в Молдавии.— История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951.
Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г.— МИА, № 34. М.—Л., 1953.
Толстов С. П. Из предистории Руси.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстой И. И. и *Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
Турчанинов Г. Ф. (Рецензия) Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— СА, № 4. М., 1962.
Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I. К., 1951.
Фелицын Е. Сборник тамг или фамильных знаков западно-кавказских горцев и племени Кабертай Адигского народа.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889.
Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
Фрезер Д. Золотая ветвь, вып. 4. М., 1928.
Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, № 4. М., 1963.
Хазанов А. М. Раннесредневековые зеркала Восточной Европы. Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963.
Ханенко Б. И. и *В. И.* Древности Приднепровья, вып. II. К., 1899; вып. III. К., 1900.
Харко Л. П. Тиритакский монетный клад 1946 г.— ВДИ, № 2. М.—Л., 1949.
Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— Античное общество. М., 1967.
Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров.— СЭ, т. VI—VII. М.—Л., 1947.
Черных П. Я. К истории вопроса о «русских письменах» в Житии Константина Философа.— УЗ ЯГПИ, вып. IX. Ярославль, 1947.
Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.
Черных П. Я. Язык и письмо.— ИКДР, т. II. М.—Л., 1951.
Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— АИБ, т. II. Симферополь, 1962.
Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I. СПб., 1916.
Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.— ПАЭ, вып. 9. М., 1956.
Шелов Д. Б. Древний город Танаис. Одесса, 1961.
Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса.— МИА, № 98. М., 1961.
Шелов Д. Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг.— КСИА АН СССР, № 83. М., 1961.
Шелов Д. Б. Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных.— Grichische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961.
Шелов Д. Б. Исследования Танаиса.— Археологические открытия 1965 года. М., 1966.
Шелов Д. Б. Тамга Римиталка.— Культура античного мира. М., 1966.
Шелов Д. Б. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
Шилов В. П. Раскопки Калиновского курганного могильника.— КСИИМК, вып. 59. М., 1955.
Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году.— ИАК, вып. 9. СПб., 1904.
Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 году.— ИАК, вып. 17. СПб., 1905.
Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 году.— ИАК, вып. 25. СПб., 1907.
Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия.— ИАК, вып. 37. СПб., 1910.
Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году.— ИАК, вып. 40. СПб., 1911.
Шкорпил В. В. Новонайденные боспорские надписи.— ИАК, вып. 63. СПб., 1917.
Штаерман Е. М. О «загадочных знаках» Северного Причерноморья.— ВДИ, № 1. М., 1950.
Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция.— КСИИМК, вып. XXVII. М., 1949.
Шульц П. Н. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.).— История и археология древнего Крыма. К., 1957.
Шульц П. Н. Надгробный рельеф сарматского круга.— Культура античного мира. М., 1966.
Шульц П. Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967.
Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА АН СССР, вып. 103. М., 1965.
Энговатов Н. В. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм.— СА, № 4. М., 1964.
Юргевич В. Н. Ольвийская надпись.— ЗООИД, т. VIII. Одесса, 1872.
Юргевич В. Н. Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889.
Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА, № 17. М.—Л., 1950.
Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.—Л., 1964.
Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.
Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе Руссов в Бердаа в 934—44 гг.— ВВ, XXIV. Л., 1926.
Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.— КСИИМК, вып. 62. М., 1956.
Януш Б. Камінь з загадковими знаками в с. Заздрости (Теребовельського пов.).— ЗНТШ, т. LXXX, кн. VI. Львів, 1907.
Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском.— СА, № 4. М., 1960.

Antoniewicz W. Żelazne oszczepy inkrustowane z Kamienicy, w pow. Jarosławskim.— PA, I, zesz. 3—4. Poznań, 1920.
Arntz H. Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler. Halle, 1938.
Arntz H. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944.
Béla Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Bd. IV. Budapest-Leipzig, 1905.
Бешевлиев В. Ирански елементи у първобългарите.— Античное общество. М., 1967.
Déchelette J. Le culte du soleil aux temps préhistoriques.— RA, 4, XIII. Paris, 1909.
Ebert M. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus.— PZ, Bd. I. Südende-Berlin, 1909.
Eisner J. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933.
Ernö Tárkány Szücs. Eingebrannte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn.— AE, t. XVII, Fasciculi 3—4. Budapest, 1968.
Fettich N. Die Metalkunst der Landnehmenden Ungarn.— AH, XXI. Budapest, 1937.
Frazer J. Taboo and the perils of the soul. London, 1914.
Gisela M. A. Richter. Greek, Etruscan and Roman bronzes. New York, 1915.
Götze A. Ostgotische Helme und symbolische Zeichen.— Mannus. Würzburg, 1909.
Hampel J. Sckythische Denkmäler aus Ungarn. Budapest, 1895.
Hampel J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. II, III. Braunschweig, 1905.
Homeyer G. Die Haus-und Hofmarken. Berlin, 1870.
Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal. Wiesbaden, 1960.
Humbach H. Die sogenannte sarmatische Schrift.— WS, VI, 3. Wiesbaden, 1961.
Jänichen H. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern.— Antiquitas, Reihe 1: AzaG, Bd. 3. Bonn, 1956.
Kieseritzky G. und *Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Kostrzewski J. Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne? — PA, II—III, zesz. 3—4. Poznań, 1921.
Krause W. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937.
László G. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, s. n., XXXIV. Budapest, 1955.
Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vv. I, II, IV, I². Petropoli, 1885, 1890, 1901, 1916.
Mannus, Bd. I. Würzburg, 1909.
Mercklin E. Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe.— AA, Bd. 43, Ht. III/IV, 1928. Berlin und Leipzig, 1929.
Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
Moroşan N. N. Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia.— BMRaB, N 8. Chişinău, 1937.
Moroşan N. N. Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia. Chişinău, 1938.
Nadel B. Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego.— Archeologia, XIII, 1962. Warszawa, 1963.
Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.
Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in Southe Russia. Oxford, 1922.
Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
Rupp H. Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinland.— RFzV, Bd. II. Bonn, 1937.
Sallet A. Saul... oder Saum..., ein kolchischer oder scythischer König.— ZfN, Bd. III. Berlin, 1876.
Schuchhardt K. Vorgeschichte von Deutschland. München und Berlin, 1928.
Śmiszko M. Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem.— WA, XIV. Warszawa, 1936.
Struve Th. Pontische Briefe.— RMfP, Bd. 25, 1870.
Sulimirski T. The Sarmatians. London, 1970.
Unvala J. Sassanian seals and Sassanian monograms.— N. P. Khareghat. Memorial Volume, I. Bombay, 1953.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
Wetzstein. Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker.— Globus, Bd. XXXII, 16. Braunschweig, 1877.
Weule Karl. Afrikanische Bildenschriften.— Kosmos, H. 1. Stuttgart, 1914.
Weule Karl. Vom Kerbstock zum Alphabet. Stuttgart, 1921.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ — Археология и история Боспора
АИЗ — Археологические известия и заметки
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
АЭИМ — Археология, этнография и искусствоведение Молдавии
ВАН УРСР — Вісник Академії наук Української РСР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖС — Живая старина
ЗНТШ — Записки наукового товариства імені Шевченка
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗРОИДП — Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы
ЗСККОАИЭ — Записки Северокавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИКДР — История культуры древней Руси
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной Комиссии
КАМ — Культура античного мира
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматика и сфрагистика
НТЕ — Народна творчість та етнографія
НЩ — Науковий щорічник Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет императорской Археологической Комиссии
ОРИМ — Отчет императорского Российского исторического музея
ПАЭ — Причерноморье в античную эпоху
СА — Советская археология
СНП — Студентські наукові праці Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
Тр.АС — Труды... Археологического съезда
ТОУАК — Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии
Тр.ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр.ИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при Совете Министров ЧИ АССР
УЗ КНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете Министров Кабардинской АССР
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова
УЗ ТГУ — Ученые записки Тартусского государственного университета
УЗ ЯГПИ — Ученые записки Ярославского государственного педагогического института
УІЖ — Український історичний журнал
AA — Archäologischer Anzeiger
AE — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae
AH — Archaeologia Hungarica
AzaG — Abhandlungen zur alten Geschichte
BMRaB — Buletinul Museului Regional al Basarabiei
GuRiGRA — Gesellschaft und Recht im Griechisch-Römischen Altertum
JOSPE — B. Latyschev. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
PA — Przegląd Archeologiczny
PZ — Praechistorische Zeitschrift
RA — Révue archéologique
RFzV — Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte
RMfP — Rheinisches Museum für Philologie
WA — Wiadomości Archeologiczne
WS — Die Welt der Slaven
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

SUMMARY

V. S. Drachuk

SYSTEMS OF SIGNS IN THE NORTHERN BLACK SEA AREAS

(Emblem-Type Signs in the North Pontic Provinces of the Graeco-Roman World)

The solution of many problems pertaining to the North Pontic fringes of the antique world is closely related to the study of various systems of signs widely used in the first centuries A. D. The monograph presents the results of the author's research on tamga-type signs of the northern Black Sea area, which date from Roman times. It is the first analysis in historiography of all the source material on signs, and presents a summary on the study of Sarmatian and Bosporan royal signs, and on the tamga-type ornaments found on Bosporan and Sarmatian monuments of the first centuries A. D. The monograph elucidates the origin of the signs, their development, meaning, historical essence, interpretation, practical usage, etc. The author also states his conclusions on the new aspects of relationship between the Greek and Barbarian worlds. For the first time in the Soviet and foreign historiography about 1.000 tamga-type signs of the North-Pontic fringes of the antique world, dating from the first centuries A. D., have been singled out (against the 300 signs known before). The book also contains comparison tables of signs of different peoples of Europe, Asia and other countries.

The study of the tamga-type patterns of the North-Pontic fringes of the antique world, which was carried out since 1953 and is based on the latest scientific discoveries, has yielded the following results. The tamga-type patterns under consideration fall into three main groups. The largest of them comprises the Sarmatian signs (Tab. III—XI) brought to the North-Pontic region by the Sarmatian tribes. The signs of local origin, which did not belong to the Sarmatians, make up the second group — intricate Bosporan royal signs (Tab. XII) similar to those of Tiberius Eupator (Tab. XIII, Fig. I, No. 18), Sauromatus II (Tab. XIII, Fig. I, No. 20), and Rhescuporis III (Tab. XIII, Fig. I, No. 21). The third group of signs of the North-Pontic area and neighbouring territories is comprised of tamga-type patterns (Tab. XVII).

The tribal sign was the underlying emblem of most of the Sarmatian tamgas. Much later conventionalized representations of things or objects (or parts of them) of the surrounding world were used as tamga signs. This explains the semblance of the Sarmatian tamgas and those of other peoples.

Sarmatian signs were used for various purposes; to brand animals; to designate residents in a given settlement or a small town (a sort of "house register", in this case the sign was carved into the walls of caves and dwellings, or on special stone slabs and other objects previously used for a different purpose, or on the gates and walls of fortified settlements); to mark pastures and watering places (in this case the signs were cut on rocks, large stones, prominent objects near water springs); to mark the household utensils of the owner of the signs, or various objects not yet stamped and not yet belonging to anybody and claimed as property for the first time. The signs of the north Black Sea area were also used for ritual purposes. However, the fact that signs were combined with drawings, that one and the same sign was repeated on the same slab, and that one monument bore a large number of different signs carved by different tools and at various times cannot sustain the assumption that they were used for magic purposes. The signs could be only of a ritual nature if they were inscribed on ritual objects to serve ritual purposes. At times tamgas were carved on the objects without any purpose at all.

The signs of Sarmatian provenance of similar form but drawn on the objects under a different angle or with deviations of certain lines, apparently belonged to different individuals. Primitive pictures found along with Sarmatian signs could have also been Sarmatian tamgas. Among the Sarmatian tribes, as among other peoples, intricate and simple signs coexisted at certain stages of development.

The Sarmatian signs on belt buckles (Tab. XIV, Fig. 9, Nos. 1—3; Tab. XV, Fig. 1; Fig. 2; No. 1; Fig. 3, No. 1, 3; Fig. 5) and on other artifacts, including those of gold, were either the emblems of the kings of Sarmatian origin, or they testify to the fact that, besides the royal workshops, there existed workshops owned by a powerful Sarmatian nobility. A large number of Sarmatian mirror pendants (Tab. XVI) with similar patterns, which were found in different places, suggest that there were specialized craftsmen and/or workshops manufacturing mirrors for a large market.

The study of the second group of signs (Tab. XII) led to the following conclusions. The intricate signs similar to those of Tiberius Eupator (Tab. XIII, Fig. 1, No. 18), Sauromatus II (Tab. XIII, Fig. 1, No. 20), and Rhescupo-

ris III (Tab. XIII, Fig. 1, No. 21) are binominal and constitute a special group which, unlike the rest of the signs, took shape directly in the territory of the Bosporan Kingdom. The origin of the upper (nominal) part of these signs goes back to the Sarmatian name tamgas brought to the Bosporus by the Sarmatians (Tab. XIII, Fig. 3, Nos. 1—62); the lower (dynastic) part may have been derived from the trident, one of the oldest symbols of the Bosporan dynasties (Tab. XIII, Fig. 2, Nos. 1—16). Such a combination of Bosporan and Sarmatian tradition and the resultant new "hybrid" sign of the Bosporan kings (Tab. XII, Nos. 894—949) could have occured and did occur (if our hypothesis will be sustained by further studies) at the beginning of the Sarmatian period in Bosporus' history.

It was under the rule of Dynamis that the Sarmatian tradition began to penetrate into the royal emblems of Bosporus. The sign found on her coins was hardly a regular Greek monogram, as many researchers hold, but rather a nominal sign (Tab. XIV, Fig. 4, No. 1) of the Sarmatian type (Tab. XIV, Fig. 4, Nos. 2—10). Besides the signs of Dynamis, we know of other signs of the Bosporan rulers, which are name signs of Sarmatian origin — the signs of Thothorses (Tab. XIV, Fig. 9, Nos. 1—4) and of Ininphimaies (Tab. XIV, Fig. 8,Nos. 1—8) — who apparently came from the Sarmatian clans wielding temporary power owing to certain historical circumstances. The sign of Thothorses was stamped on coins along with similarly shaped signs of his relatives (Tab. XIV, Fig. 9, Nos. 1—4). At present it is difficult to establish what the exact form of the personal device of Thothorses had been. The Bosporan kings who did not belong to the ruling dynasty were by birth bound to some of the representatives of the Sarmatian nobility whose signs are found on belt clasps and stone slabs either side by side with the devices of the Bosporan kings, or standing separately on other Bosporan monuments of state importance (Tab. XIV, Fig. 12, Nos. 1—5).

The drawing of a separate sign on a slab specially made for this purpose (Tab. XIV, Fig. 12, No. 1) does not necessarily mean a personal emblem (tamga) of one of the Bosporan kings. It might well have been a sign of the king's deputy of Sarmatian origin, or a sign of a Sarmatian tribe leader who had either become related to the Bosporan kings or was their war ally. One of the signs on a well-known Taman slab bearing the name of Eupaterys (Tab. XIV, Fig. 10, No. 1) belonged to Tiberius Eupator, King of Bosporus; another to some nobleman of Sarmatian origin (Tab. XIV, Fig. 10, No. 2). There is no reason to identify the single sign found in Tanais in 1964 (Tab. XIV, Fig. 7, No. 1) with that of the Bosporan King Rhemetalkes. His sign rather resembled that of Tiberius Eupator, which occurs on the clasps of Bosporan craftsmanship (Tab. XIII, Fig. 1, Nos. 16—17). Compared with the signs of Tiberius Eupator (Tab. XIII, Fig. 1, No. 18), it differs only in that the triangle in the upper variable part of the sign (Tab. XV, Fig. 3, No. 2) was replaced with a quadrangle (Tab. XV, Fig. 3, No. 4).

The development of the intricate royal devices of Bosporus (tab. XII) resembling those of Tiberius Eupator (Tab. XIII, Fig. 1, No. 18), Sauromatus II (Tab. XIII, Fig. 1, No. 20) and Rhescuporis III (Tab. XIII, Fig. 1, No. 21), did not take the form of permanent elaboration of the patterns. The most intricate signs appeared at a certain, intermediate rather than final, stage of development (Tab. XII). The turn of the signs to the right or left or an added dash in the upper part are related to the change of the name of the sign's owner (Tab. XIII, Fig. 1, Nos. 18—21). The nature of the changes in the upper part depended on the degree of kinship of the sign's owner (Tab. XIII, Fig. 1, Nos. 20—21). The height of the variable upper part was not necessarily larger than that of the lower which was the same for all the signs. The size and proportions of the two parts depended mostly on the dimensions and forms of those monuments on which they were inscribed.

The intricate Bosporan signs (Tab. XII) of the type of Tiberius Eupator (Tab. XIII, Fig. 1, No. 18), Sauromatus II (Tab. XIII, Fig. 1, No. 20) and Rhescuporis III (Tab. XIII, Fig. 1, No. 21) cannot be classified as Sarmatian signs (Tab. III—XI). This group of signs should be considered as that of Bosporan signs of local origin.

The study of the third group (Tab. XVII) of tamga-type patterns of the North-Pontic area and adjoining territories, which date to the first centuries A. D. and belong to the Sarmatian tribes and to the population of Bosporus as well, led us to the conclusion that all the representations examined are tamga-type patterns which developed from the tamga-type signs of the North-Pontic fringes of the antique world (Tab. III—XII). Since all of them were tribal or personal tamgas (Tab. III—XII), there is no doubt that the sign ornament of the mirror pendants of the Roman period was also in its early stages of development of a tamga nature (Tab. XVII, Nos. 1—20). Subsequently, it became more ornate and decorative in nature (Tab. XVIII, Fig. 1); its relations with the tamga-type representations was gradually lost (Tab. XVIII, Fig. 5, Nos. 2—3). At the same time the study of the tamga-type ornaments (Tab. XVII, Nos. 1—20) clarified the question of the development of the tamga-type signs of the North-Pontic fringes of the antique world (Tab. III—XII), and proved convincingly that these signs were being transformed into ornaments.

Moreover, the study of the tamga-type patterns on the Bosporan and Sarmatian monuments of the Roman period has shown that all the types of patterns we know of today are associated with circular motifs (Tab. XVI, Nos. 23—56; Tab. XVII, Nos. 1—20; Tab. XVIII, Fig. 4, Nos. 1—10). This is due to the fact that the idea of circle was closely related to the solar disc and to the sun. This also explains the presence of cross-shaped lines (Tab. XVII, No. 19), radial beam-like segments (Tab. XVII, Nos. 5, 7—10, 13—16, 18) and stars (Tab. XVII, No. 8) found among the tamga-type patterns in the northern Black Sea area in the Roman period. Ever since the Bronze Age these motifs were associated with the representation of the sun and its rays. The fylfot motifs are also associated with the representation of the sun (Tab. XVII, Nos. 3, 11—13), as well as the motifs of numerous beam-like lines meeting in the center of a circle (Tab. XVII, Nos. 2, 6—7).

It stands to reason that the tamga-type patterns on the mirrors were a combination of various ideas: tamga (at the earliest stages of development of the tamga-type ornaments), ornamental (decorative) and ritual connected both with the round shape of the mirrors (likely to symbolize the solar disc) and with other previously mentioned solar symbols which were featured on the mirrors and constituted an integral part of the ornamental pattern (Tab. XVII).

What definite purpose the magic idea, implied in the mirrors, served their owners is yet difficult to define in all certainty, although some ideas to this effect had been expressed long ago. Judging from ethnographic evidence, the only thing that we can safely assert today is that the representations associated with solar symbols had a protective quality. Only by accumulating new material and further research of tamga-type ornaments (Tab. XVI, Nos. 23—56) we will receive the answer to the question of what definite practical purpose the magic idea embodied in the patterns of the tamga-type ornaments of the Roman period (Tab. XVII, Nos. 1—20) was under various circumstances of everyday life.

Consequently, as far as the ways of development of the tamga-type signs of the North-Pontic fringes of the antique world are concerned (Tab. III—XII), it is only safe to assert that they developed into the tamga-type ornament (Tab. XVI, Nos. 23—56; Tab. XVII, Nos. 1—20). At the earlier stages of development, as we have already mentioned, this ornament still bore the imprint of its affinity with tamgas (Tab. XVII). In the course of time this affinity was lost (Tab. XVIII, Figs. 1, 5). As regards the transformation of the Sarmatian signs into a system of writing, we may assert the following: since each sign was in itself a specific pictogram, it was used by the Sarmatians for "recording" and communicating certain information. As far as the ways of further development of the tamga-type signs are concerned (Tab. III—XII), we do not as yet have sufficient data to make any definite statements with full confidence. There is every reason to believe that they served as a basis on which were developed the tamga-type drawings on belt sets (Tab. XIX, Figs. 5—18, Fig. 19, Nos. 1—13) and on other articles of the Middle Ages, as well as the widely known "Rurikovichi devices" (Tab. XXI, Nos. 1—64) which were the heraldic symbols of the Kiev State. On the whole, the long-term direction of scientific research into this problem is quite clear, and we hope that sooner or later we will provide the answers to the now posed questions on the study of the "mysterious signs" (tamga-type drawings) of the North-Pontic area. These unique and valuable historical monuments command the growing interest of scholars in various countries, which will yield the correct solution of a number of complex and important scientific problems.

RÉSUMÉ

V. S. Dratchouk

LES SYSTEMES DES SIGNES DU LITTORAL SEPTENTRIONAL DE LA MER NOIRE

(Les signes en forme de tamga de la périphérie nord-pontique de l'Antiquité, datant des premiers siècles de notre ère)

La solution de nombreux problèmes de la périphérie nord-pontique du monde antique est liée à l'étude des systèmes variés de signes qui se sont répandus au cours des premiers siècles de notre ère. La monographie est consacrée aux résultats des recherches entreprises par l'auteur, sur les représentations en forme de *tamga*, d'époque romaine du littoral septentrional de la mer Noire. Pour la première fois, dans l'historiographie, une analyse est faite de toutes les sources concernant ces signes et il est fait un exposé des résultats des recherches sur les signes sarmates, les signes des rois du Bosphore, les ornements *tamga* sur les monuments sarmates et ceux du Bosphore, datant des premiers siècles de notre ère. En outre on y traite les questions de l'origine des signes, de leur développement, de leur valeur logique, de leur essence historique, de leur déchiffrement, de leur utilisation pratique, etc., on y expose des conclusions sur des aspects nouvellement connus des relations de deux mondes: celui des Grecs et celui des Barbares. Pour la première fois dans l'historiographie de notre pays et de l'étranger on a rendu publiques environ mille représentations en forme de *tamga* de la périphérie nord-pontique du monde antique des premiers siècles de notre ère (il y en avait environ trois cents avant cette publication). Des tableaux comparatifs des signes appartenant à différents peuples d'Europe, d'Asie et d'autres continents y sont aussi présentés.

Les recherches sur les représentations en forme de *tamga* de la périphérie nord-pontique du monde antique, effectuées à partir de 1953 et poursuivies, compte tenu des nouvelles découvertes archéologiques, nous avons permis d'arriver aux conclusions suivantes. Toutes ces représentations se composent de trois groupes essentiels. Le plus grand est formé de *tamga* sarmates, apportés par les tribus sarmates sur le littoral septentrional de la mer Noire (tabl. III—XI). Le deuxième groupe, celui des signes de provenance locale, et n'appartenant pas aux Sarmates, contient les signes complexes des rois du Bosphore (tabl. XII), de Tibère Eupator (tabl. XIII, fig. 1, № 18), de Sauromates II (tabl. XIII, fig. 1, № 20) ou de Reskouporis III (tabl. XIII, fig. 1, № 21). Le troisième groupe de représentations en forme de *tamga* du littoral septentrional de la mer Noire et des régions limitrophes est constitué d'ornements en forme de *tamga* (tabl. XVII).

A l'origine de la grande majorité des *tamga* sarmates on trouve la représentation d'un signe générique. Ultérieurement, les représentations conventionnelles, entières ou partielles, des objets du monde environnant ont également servi de signes *tamga*. Cela explique la ressemblance des *tamga* sarmates avec ceux des autres peuples.

Les signes sarmates étaient employés à des fins différentes: pour marquer les animaux; pour faire connaître les habitants d'un hameau ou d'un oppidum quelconque (c'était alors une sorte de „liste nominative" des habitants; dans ce cas on les gravait sur les parois des cavernes ou les murs des maisons, ou bien on les plaçait sur les dalles spéciales en pierre, sur les objets ayant servi auparavant à d'autres fins, et aussi sur les portes et les murs des oppidums, etc.); pour marquer les pâturages et les abreuvoirs (on les gravait alors sur des roches, sur de grandes pierres, sur les objets bien en vue, près des sources d'eau, etc.); pour marquer les ustensiles appartenant au propriétaire du *tamga* et des objets trouvés sans estampille et n'appartenant à personne, mais déclarés pour la première fois propriété de quelqu'un, etc. Les signes du littoral septentrional de la mer Noire étaient utilisés aussi à des fins magiques. Pourtant la répétition sur une même dalle des signes à forme identique, la combinaison de signes avec les dessins, la concentration sur un même monument d'un grand nombre de signes différents exécutés avec des poinçons différents et à des époques différentes ne peuvent pas être considérées comme une preuve suffisante de leur utilisation pour des besoins cultuels. Seuls les signes gravés sur des objets de culte, dans un but cultuel, avaient un caractère sacré. Parfois on gravait les signes *tamga* sans but défini.

Les signes sarmates, identiques quant à leur forme, mais représentés sous des angles différents ou avec une déviation d'une de leurs lignes, appartenaient probablement à différentes personnes. Les dessins primitifs qu'on trouve à côté des signes sarmates pouvaient être, eux aussi, des *tamga* sarmates. Chez les tribus sarmates, comme chez d'autres peuples, à certaines époques, des signes de forme complexe coexistaient avec ceux de forme simple.

Les *tamga* sarmates sur les boucles de ceinture (tabl. XIV, fig. 9, № 1—3; tabl. XV, fig. 1, 2, № 1; fig. 3,

№ 1, 3; fig. 5) et les autres produits artisanaux, objets en or y compris, étaient soit des signes des rois originaires du milieu sarmate, soit la preuve de l'existence, en dehors des ateliers royaux, d'autres, appartenant à la puissante aristocratie sarmate. L'existence d'une grande quantité de pendentifs-miroirs sarmates (tabl. XVI) de différentes régions, sur lesquels figurent les mêmes représentations, indique qu'il existait des artisans (ou des ateliers) spécialisés, produisant des miroirs pour un marché étendu.

En étudiant les signes du deuxième groupe (tabl. XII) nous sommes venus à la conclusion suivante. Les signes complexes des rois du Bosphore, par exemple de Tibère Eupator (tabl. XIII, fig. 1, № 18) de Sauromates II (tabl. XIII, fig. 1, № 20) ou de Reskouporis III (tabl. XIII, fig. 1, № 21) sont à deux termes. Ils représentent un groupe spécial, formé à la différence de tous les autres signes directement sur les territoires du royaume de Bosphore. Les sources de la partie supérieure (il s'agit de la partie nominative) de ces signes se trouvent dans les *tamga* nominatifs apportés par les Sarmates sur le territoire du Bosphore (tabl. XIII, fig. 3, № 1—62). Il est fort probable que la partie inférieure (la partie dynastique) est redevable de son origine à la représentation d'un trident (l'un des symboles anciens des dynasties du Bosphore (tabl. XIII, fig. 2, № 1—16). Cette fusion des traditions sarmates et de celles du Bosphore, ainsi que la formation d'un signe nouveau ("hybride") des rois du Bosphore (tabl. XII, № 894—949) a pu avoir lieu et s'est opérée (si notre hypothèse se confirme par des recherches ultérieures) au début de la période sarmate dans l'existence du Bosphore.

La tradition sarmate a pénétré pour la première fois dans l'emblème des rois du Bosphore sous le règne de Dynamis. Le signe gravé sur ses monnaies n'était probablement pas un simple monogramme grec (comme certains chercheurs l'estiment) mais le signe nominatif (tabl. XIV, fig. 4, № 1) de type sarmate (tabl. XIV, fig. 4, № 2—10). Outre les signes de Dynamis on connaît d'autres signes des rois du Bosphore comme étant des signes nominatifs d'origine sarmate. Il s'agit des signes de Phophorse (tabl. XIV, fig. 9, № 1—4) et d'Iniphimaies (tabl. XIV, fig. 8, № 1—8) qui étaient de toute évidence originaires des tribus sarmates. Par la force des circonstances historiques, ils se sont trouvés provisoirement au pouvoir. Le signe de Phophorse était gravé sur les monnaies à côté des signes, de forme plus ou moins identique, de ses parents (tabl. XIV, fig. 9, № 1—4). Pour le moment il ne nous est pas possible de définir la forme exacte du signe de Phophorse lui-même. Certains représentants de l'aristocratie sarmate, sans appartenir à la dynastie au pouvoir, devenaient rois du Bosphore. Ils étaient des représentants de cette aristocratie dont nous trouvons les signes sur les boucles de ceinture et sur les dalles de pierre à côté des signes des rois du Bosphore, ou séparément sur d'autres monuments du Bosphore, ayant une portée nationale (tabl. XIV, fig. 12, № 1—5).

La représentation d'un signe séparé sur la dalle exécutée spécialement à cette fin ne veut pas dire obligatoirement que ce signe était le *tamga* personnel de l'un des rois du Bosphore. Il pouvait appartenir également soit au gouverneur général du roi, originaire du milieu sarmate, soit au chef militaire des tribus sarmates, apparenté ou allié aux rois du Bosphore. L'un des signes de la célèbre dalle tamane avec l'inscription d'Eupatery (tabl. XIV, fig. 10, № 1) appartenait au roi du Bosphore Tibère Eupator, l'autre à un représentant de la noblesse sarmate (tabl. XIV, fig. 10, № 2). Il n'y a pas de raison de considérer que le signe unique sur la dalle, trouvé à Tanais (1964) (tabl. XIV, fig. 7, № 1), ait été le signe du roi du Bosphore Rimetalkes. A ce dernier appartenait plutôt un signe semblable à celui de Tibère Eupator et qui se voit sur les boucles de ceinture du Bosphore (tabl. XIII, fig. 1, № 16—17). Il ne se distingue de celui de Tibère Eupator (tabl. XIII, fig. 1, № 18) que par la substitution d'un rectangle (tabl. XV, fig. 3, № 4) au triangle de la partie supérieure variable (tabl. XV, fig. 3, № 2).

Le développement des signes complexes des rois du Bosphore (tabl. XII) du type des signes de Tibère Eupator (tabl. XIII, fig. 1, № 18), de Sauromates II (tabl. XIII, fig. 1, № 20), de Reskouporis III (tabl. XIII, fig. 1, № 21) ne se caractérise pas par une complication continue de la forme de leur représentation. Les formes les plus complexes n'apparaissaient qu'à certaines époques intermédiaires (et non finales!) du développement (tabl. XII). Le changement de la direction de ces signes à gauche ou à droite, ou l'ajout d'un nouveau trait dans la partie supérieure du signe sont dus au changement de nom du propriétaire du signe (tabl. XIII, fig. 1, № 18—21). Le caractère des changements de la partie supérieure dépendait du degré de parenté du propriétaire (tabl. XIII, fig. 1, № 20—21). La hauteur de la partie supérieure variable des signes ne dépassait pas toujours la hauteur de la partie inférieure qui était commune à tous. Les dimensions et les proportions des deux parties dépendent le plus souvent des dimensions et de la forme des monuments sur lesquels elles sont gravées.

Les signes complexes des rois du Bosphore (tabl. XII), tels les signes de Tibère Eupator (tabl. XIII, fig. 1, № 18), de Sauromates II (tabl. XIII, fig. 1, № 20) ou de Reskouporis III (tabl. XIII, fig. 1, № 21), ne peuvent pas être considerés comme les signes sarmates (c'est-à-dire des *tamga*) (tabl. III—XI). Il faut plutôt considérer ce groupe de signes comme un groupe de signes du Bosphore d'origine locale.

Les recherches sur le troisième groupe (tabl. XVII) de représentations en forme de *tamga* du littoral septentrional de la mer Noire et des régions limitrophes, datées des premiers siècles de notre ère et appartenant aux tribus sarmates aussi bien qu'à la population du Bosphore, nous ont amenés à la conclusion que toutes les représentations examinées sont un ornement en forme de *tamga* qui s'est développé à partir des signes en forme de *tamga* de la périphérie nord-pontique du monde antique (tabl. III—XII). Du fait que tous les signes étaient des signes génériques et des *tamga* personnels (tabl. III—XII), nous ne doutons pas que l'ornement à signes des pendentifs-miroirs de l'époque romaine, avait aussi, aux débuts de son développement, un caractère de *tamga* (tabl. XVII, № 1—20). Par la suite, il prend un caractère de plus en plus ornemental et décoratif (tabl. XVIII, fig. 1); sa relation avec la représentation des *tamga* s'oublie peu à peu (tabl. XVIII,

fig. 5, № 2—3). En même temps, l'étude des ornements en forme de *tamga* (tabl. XVII, № 1—20) a contribué à l'éclaircissement de la question sur l'avenir des signes *tamga* de la périphérie nord-pontique du monde antique (tabl. III—XII) car elle a prouvé indubitablement que ces signes se sont developpés en ornement.

En outre les recherches sur les ornements en forme de *tamga* découverts sur les monuments sarmates et du Bosphore de l'époque romaine ont démontré que toutes les espèces d'ornements connus actuellement se rattachent aux motifs du cercle (tabl. XVI, № 23—56; tabl. XVII, № 1—20; tabl. XVIII, fig. 4, № 1—10). Ce phénomène est dû au fait que depuis l'âge du Bronze, dans l'imagination des hommes, les motifs de cercles étaient inséparablement liés à l'idée du disque solaire. Ce phénomène explique l'existence, parmi les schémas des ornements en forme de *tamga* du littoral septentrional de la mer Noire de l'époque romaine, de motifs des lignes disposées en forme de croix (tabl. XVII, № 19), de segments disposés radialement (tabl. XVII, № 5, 7—10, 13—16, 18) et d'„étoiles" (tabl. XVII, № 8). Depuis l'âge de Bronze ces motifs étaient également liés à la représentation du soleil et des rayons solaires. Les motifs de la croix gammée (tabl. XVII, № 3, 11—13) et de plusieurs lignes radiformes concentrées au milieu du cercle (tabl. XVII, № 2, 6—7) sont aussi liés à la représentation du soleil.

Tout cela nous amène à penser que l'ornement en forme de *tamga* sur les miroirs était porteur de diverses idées: symboles *tamga* (aux premières étapes du développement des ornements *tamga*), symboles ornementaux (décoratifs), symboles magiques, qui se rattachent aussi bien à la forme ronde du miroir (peut-être symbolisant le cercle du soleil) qu'aux autres symboles cités, qui étaient des parties intégrantes du schéma ornemental (tabl. XVII). (Rappelons que ces symboles étaient représentés sur des miroirs). Pourtant l'interprétation concrète de l'idée magique personnifiée dans les miroirs et son rôle dans la vie quotidienne de leurs propriétaires reste encore à être devinée, même si certaines suppositions ont été déjà émises à ce sujet. La seule chose que nous pouvons affirmer avec certitude et partant des exemples ethnographiques, c'est que ces représentations, ces formes qui se rattachaient aux symboles du soleil, avaient une valeur protectrice. Seules l'accumulation de données nouvelles et les recherches ultérieures sur les ornements en forme de *tamga* (tabl. XVI, № 23—56) répondront de facon définitive à la question de savoir quels buts pratiques et concrets avaient les idées magiques incorporées dans les schémas des ornements en forme de *tamga* à l'époque romaine dans la vie quotidienne (tabl. XVII, № 1—20).

Donc, en ce qui concerne le développement des signes en forme de *tamga* de la périphérie nord-pontique du monde antique (tabl. III—XII), nous ne pouvons affirmer avec certitude que leur évolution vers l'ornement *tamga* (tabl. XVI, № 23—56; tabl. XVII, № 1—20). Aux premières étapes du développement d'un ornement *tamga,* comme nous l'avons déjà dit, on avait encore conscience de leur lien avec les *tamga* (tabl. XVII). Avec le temps, ce lien disparaît peu à peu (tabl. XVIII, fig. 1, 5). Quant à la transformation des signes sarmates en écriture, on ne peut dire que ce qui suit: puisque chaque signe était un pictogramme spécifique, ils étaient utilisés dans la société sarmate pour les „inscriptions" et la transmission de certaines informations précises. Il n'y a pas de raisons suffisantes d'affirmer quoi que ce soit de plus. Quant aux autres voies de dévoloppement des signes en forme de *tamga* du littoral septentrional de la mer Noire à l'époque romaine (tabl. III—XII), on ne peut rien dire d'une manière précise. Il y a lieu de croire qu'ils étaient à la base de la formation des représentations en forme de *tamga* sur les ceintures (tabl. XIX, fig. 5—18, fig. 19, № 1—13) et d'autres assortiments du haut Moyen Age, et aussi des „signes célèbres des Rurik" (tabl. XXI, № 1—64) qui étaient les signes héraldiques de l'Etat de Kiev. L'orientation et les voies en perspective pour les recherches futures, dans l'ensemble, sont claires pour nous, et nous espérons répondre, dans un proche avenir, aux questions qui se posent encore dans l'étude des „signes énigmatiques" (représentations en forme de *tamga*) du littoral septentrional de la mer Noire. L'intérêt sans cesse croissant des savants de différents pays pour ces signes d'une valeur historique unique et inestimable, sera le gage d'une juste solution de tout un nombre de problèmes scientifiques complexes et importants.

ZUSAMMENFASSUNG

V. S. Dratschuk

ZEICHENSYSTEME IN NÖRDLICHEN SCHWARZMEERGEBIET

(Tamgaartige Zeichen der nordpontischen Peripherie der antiken Welt in den ersten Jahrhunderten unserer Zeitrechnung)

Viele Probleme der nordpontischen Peripherie der antiken Welt sind nur im Zusammenhang mit der Forschung verschiedener Zeichensysteme zu lösen, die sich in den ersten Jahrhunderten u. Z. verbreitet hatten. In der vorliegenden Monographie betrachtet der Verfasser Ergebnisse seiner Untersuchungen der tamgaartigen Zeichnungen im nördlichen Bereich des Schwarzen Meeres, die aus der römischen Zeit stammen. Zum ersten Mal in der Historiographie werden alle Quellen über Zeichen solcher Art analysiert. Es werden Ergebnisse der Untersuchung von sarmatischen Zeichen, bosporanischen königlichen Zeichen und tamgaartigen Ornamenten auf bosporanischen und sarmatischen Denkmälern der ersten Jahrhunderte u. Z. dargelegt. Im Buch werden Fragen von Herkunft der Zeichen, ihrer Entwicklung, ihrem Sinn, ihrem geschichtlichen Wesen, ihrer Deutung, ihrem praktischen Gebrauch u. s. w. erläutert. Es enthält Folgerungen über neue Seiten der Beziehungen zwischen altgriechischer und barbarischer Welt. Zum ersten Mal in der inländischen und ausländischen Historiographie sind etwa 1000 tamgaartige Darstellungen zusammengetragen worden, die in der nordpontischen Peripherie der antiken Welt in den ersten Jahrhunderten u. Z. erschienen sind (bisher waren etwa 300 solche Zeichen bekannt). Ausserdem sind Vergleichstafeln von Zeichen verschiedener Völker Europas, Asiens und anderer Kontinente angegeben.

Seit 1953 arbeitet der Verfasser unter Berücksichtigung neuester wissenschaftlicher Entdeckungen an der Erforschung tamgaartiger Darstellungen der nordpontischen Peripherie der antiken Welt. Die Resultate können folgendermassen zusammengefasst werden. Die zu betrachtenden tamgaartigen Zeichen bilden drei Hauptgruppen. Zur grössten Gruppe gehören sarmatische Tamgen (Taf. III—XI), die von sarmatischen Stämmen in den nördlichen Bereich des Schwarzen Meeres gebracht waren. Die zweite Gruppe umfasst die zu den Sarmaten nicht gehörenden Zeichen örtlicher Herkunft, es sind kompliziert aufgebaute königliche Zeichen aus Bospor (Taf. XII) von der Art der Zeichen von Tiberius Eupator (Taf. XIII, Abb. 1, N. 18), von Sauromates II (Taf. XIII, Abb. 1, N. 20) und von Rescuporis III (Taf. XIII, Abb. 1, N. 21). Tamgaartige Ornamente (Taf. XVII) bilden die dritte Gruppe der tamgaartigen Darstellungen des nördlichen Bereichs des Schwarzen Meeres.

Das Ausgangszeichen der Mehrheit von sarmatischen Tamgen war die Darstellung des Sippensinnbildes. Später wurden auch vereinfachte Zeichnungen von Gegenständen der Umgebung oder ihren Teilen als Tamga-Zeichen verwendet. Dadurch lässt sich die Ähnlichkeit der sarmatischen Tamgen mit denen anderer Völker erklären.

Die sarmatischen Zeichen wurden für verschiedene Zwecke gebraucht: zum Brandmarken von Vieh, zum Kennzeichen für Personen, die in einer bestimmten Siedlung lebten (eine Art vom „Hausbuch", die Zeichen wurden dabei an Höhlenwänden und Behausungsmauern, an speziellen Steinplatten und verschiedenen Gegenständen, die oft dazu wiederholt gebraucht wurden, oder an Toren und Mauern der Siedlungen angebracht), zum Kennzeichnen von Weiden und Tränken (die Zeichen wurden dabei auf Felsen, grossen Steinen, auffallenden Gegenständen in der Nähe von Wasserquellen u. s. w. angebracht), zum Kennzeichen von Gegenständen des Haushaltes des Tamgabesitzers und von verschiedenen Gegenständen, die noch keine Marke trugen oder noch niemandem gehörten und erst dann zum Besitz des Zeicheneigentümers erklärt wurden. Die Zeichen des nördlichen Schwarzmeerbereichs dienten auch magischen Zwecken. Allerdings können solche Faktoren wie Kombination von Zeichen und Bildern, Wiederholung von mehreren gleichen Zeichen auf einer Platte, Vorhandensein einer grossen Zahl unterschiedlicher, bei verschiedenen Steinmetzen zu verschiedenen Zeiten auf ein und demselben Denkmal eingehauen Zeichen kein Zeugnis von der Verwendung dieser Sinnbilder für kultische Ziele sein. Sie könnten erst dann einem solchen Zweck dienen, wenn man sie auf kultischen Denkmälern zu einem kultischen (magischen) Ziel anbrachte. Manchmal wurden tamgaartige Zeichen auch rein mechanisch, ohne bestimmte Absicht eingeritzt.

Zeichen sarmatischer Herkunft, die eine ähnliche Form hatten, aber unter anderem Winkel oder mit Abweichung von der Linienführung auf Gegenständed dargestellt waren, wurden anscheinend von verschiedenen Personen angebracht. Primitive Bilder, die neben den sarmatischen Zeichen vorkommen, könnten auch sarmatische Tamgen sein. Bei sarmatischen Stämmen wie bei anderen Völkern existierten in bestimmten Perioden kompliziert aufgebaute Zeichen zusammen mit Zeichen von einfachen Formen.

Sarmatische Sinnbilder auf Gürtelschallen (Taf. XIV, Abb. 9, N. 1—3, Taf. XV, Abb. 1, Abb. 2, N. 1, Abb. 3, N. 1, 3, Abb. 5) und auf anderen Erzeugnissen des Kunstgewerbes (auch solchen aus Gold) waren entweder Zeichen der Könige sarmatischer Herkunft oder sie gehörten der sarmatischen Aristokratie, was aber voraussetzt, dass es neben den königlichen Werkstätten auch solche der einflussreichen sarmatischen Aristokratie gab. Eine grosse Anzahl von in verschiedenen Gebieten gefundenen Anhängespiegeln (Taf. XVI), die dieselbe Zeichnung tragen, weist darauf hin, dass es Handwerker oder sogar Werkstätten geben konnte, die sich auf die Herstellung von Spiegeln für einen breiten Markt spezialisiert hatten.

Bei der Untersuchung der zweiten Gruppe (Taf. XII) kam man zu den folgenden Schlussfolgerungen. Komplizierte königliche Zeichen von der Art des Zeichens des Tiberius Eupator (Taf. XIII, Abb. 1, N. 18), des Sauromatus II (Taf. XIII, Abb. 1, N. 20) und des Rescuporis III (Taf. XIII, Abb. 1, N. 21) sind zweigliedrig und stellen eine besondere Gruppe dar, welche zum Unterschied von allen anderen Zeichen unmittelbar auf dem Territorium des bosporanischen Königreiches entstand. Die oberen — namentlichen — Zeichenteile entstanden aus den namentlichen sarmatischen Tamgen, die nach Bospor von den Sarmaten gebracht worden waren (Taf. XIII, Abb. 3, N. 1—62). Es ist nicht ausgeschlossen, dass der untere — dynastische — Zeichenteil seine Herkunft der Darstellung des Dreizacks— eines der ältesten Sinnbilder der bosporanischen Dynastien (Taf. XIII, Abb. 2, N. 1—16) verdankt. Solche Verschmelzung von der bosporanischen und sarmatischen Tradition und Herausbildung eines neuen „Hybridzeichens" der bosporanischen Könige (Taf. XII, N. 894—949) konnte stattfinden und geschah wahrscheinlich am Anfang der sarmatischen Periode des bosporanischen Reiches (sofern diese Hypothese durch weitere Untersuchungen bestätigt wird).

Zum ersten Mal drang die sarmatische Tradition in die königliche Symbolik Bospors während der Regierung von Dynamis ein. Das auf ihren Münzen vorkommende Zeichen war anscheinend kein gewöhnliches Monogramm (obwohl das die Ansicht vieler Forscher ist), sondern ein Namenszeichen (Taf. XIV, Abb. 4, N. 1) der sarmatischen Art (Taf. XIV, Abb. 4, N. 2—10). Ausser des Zeichens von Dynamis sind auch anderen bosporanischen Herrschern gehörende Namenszeichen sarmatischer Herkunft bekannt, so das Zeichen von Thothorses (Taf. XIV, Abb. 9, N. 1—4) und von Ininphimaies (Taf. XIV, Abb. 8, N. 1—8), die allem Anschein nach sarmatischer Herkunft waren, aber auf Grund gewisser historischer Umstände eine bestimmte Zeit die Macht ausübten. Das Zeichen von Thothorses wurde auf Münzen neben den in ihrer Form ähnlichen Zeichen seiner Verwandten (Taf. XIV, Abb. 9, N. 1—4) angebracht. Gegenwärtig kann man nicht ermitteln, von welcher Form das eigentliche Zeichen des Thothorses war. Zu bosporanischen Königen wurden auch einige Vertreter des sarmatischen Adels, die nicht zur regierenden Dynastie gehörten und deren Zeichen auf Gürtelschnallen und Steinplatten entweder neben den Zeichen der Könige oder einzeln auf anderen bosporanischen Denkmälern von staatlicher Bedeutung zu finden sind (Taf. XIV, Abb. 12, N. 1—5).

Die Darstellung des einzelnen Zeichens auf einer besonderen, zu diesem Zweck bestimmten Platte (Taf. XIV, Abb. 12, N. 1) bedeutet noch nicht, dass dieses Sinnbild unbedingt die persönliche Tamga eines bosporanischen Königs war. Es konnte auch das Zeichen eines königlichen Statthalters sarmatischer Herkunft sein, oder einem Anführer der sarmatischen Stämme gehören, der entweder in verwandtschaftlichen Beziehungen mit bosporanischen Königen stand, oder ihr Kriegsverbündeter war. Das eine der Zeichen auf der bekannten Tamaner Platte mit der Inschrift von Eupaterys (Taf. XIV, Abb. 10, N. 1) gehörte dem bosporanischen König Tiberius Eupator, das andere war das Symbol eines Adligen sarmatischer Herkunft (Taf. XIV, Abb. 10, N. 2). Es gibt keinen Grund zur Annahme, dass das einzelne Zeichen auf der 1964 in Tanais gefundenen Platte (Taf. XIV, Abb. 7, N. 1) das Sinnbild des bosporanischen Königs Remetalkes war. Diesem König gehörte eher das dem Symbol des Tiberius Eupator ähnliche, auf Schnallen bosporanischer Herstellung vorkommende Zeichen (Taf. XIII, Abb. 1, N. 16—17). Sein einziger Unterschied vom Zeichen des Tiberius Eupator (Taf. XIII, Abb. 1, N. 18) besteht darin, dass das Dreieck im variierten Oberteil (Taf. XV, Abb. 3, N. 2) durch ein Viereck (Taf. XV, Abb. 3, N. 4) ersetzt worden war.

Die Entwicklung von bosporanischen, kompliziert aufgebauten königlichen Zeichen (Taf. XII) von der Art des Zeichens des Tiberius Eupator (Taf. XIII, Abb. 1, N. 18), des Sauromates II (Taf. XIII, Abb. 1, N. 20) und des Rescuporis III (Taf. XIII, Abb. 1, N. 21) ging nicht den Weg einer ständig komplizierter werdenden Form. Die kompliziertesten Formen entstanden nur auf bestimmten, nicht End.-sondern Zwischenstufen der Entwicklung (Taf. XII). Die Wendung dieser Zeichen nach links oder rechts, oder das Vorhandensein eines zusätzlichen Striches im Oberteil bedeuteten, dass sie verschiedenen Zeichenbesitzern gehörten (Taf. XIII, Abb. 1, N 18—21). Die Art der Veränderungen im Oberteil hing von der Verwandtschaftsgrad des Zeichenbesitzers ab (Taf. XIII, Abb. 1, N. 20—21). Die Höhe des variierten Oberteiles übertraf die Höhe des gemeinsamen Unterbaus des Zeichens nicht immer. Die Grösse und Proportionen beider Teile stehen meistens in direkter Abhängigkeit von den Abmessungen und der Form der Denkmäler, auf denen sie vorkommen.

Kompliziert aufgebaute Zeichen von Bospor (Taf. XII) von der Art der Zeichen des Tiberius Eupator (Taf. XIII, Abb. 1, N. 18), des Sauromates II (Taf. XIII, Abb. 1, N. 20) und des Rescuporis III (Taf. XIII, Abb. 1, N. 21) dürfte man als sarmatische Zeichen (Taf. III—XI) nicht ansprechen. Diese Gruppe der Zeichen sollte man als eine Gruppe der bosporanischen Zeichen örtlicher Herkunft betrachten.

Die Untersuchung der dritten Gruppe (Taf. XVII) der tamgaartigen, auf die ersten Jahrhunderte u. Z. datierbaren und sowohl den sarmatischen Stämmen, als auch der Bevölkerung von Bospor gehörenden Zeichnungen im nördlichen Bereich des Schwarzen Meeres (auch in den anschliessenden Gebieten) hat zu der Folgerung geführt, dass alle hier behandelten Darstellungen eine Art von tamgaartigen Ornamenten sind, die sich aus den tamgaartigen Zeichen der nordpontischen Peripherie der antiken Welt entwickelt hatten (Taf. III—XII). Da alle diese Zeichen Stammes- und Eingentumstamgen waren, gibt es

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 5

ВВЕДЕНИЕ 7

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМЫ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

Исследование тамгообразных знаков Северного Причерноморья в дореволюционный период 14

Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира в исторической литературе 1920—1940 гг. 24

Изучение тамгообразных знаков Северного Причерноморья на современном этапе . 36

ЧАСТЬ II

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сарматские знаки 53

Царские знаки Боспора 61

Боспорские и сарматские памятники римского времени с тамгообразным орнаментом 75

О путях развития тамгообразных знаков Северного Причерноморья 86

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 97

Приложение I. Антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами . . . 100

Приложение II. «Энциклопедические» собрания сарматских знаков 105

Пояснения к таблицам 110

Таблицы иллюстраций . . . . . 160—161

Литература 161

Список сокращений 166

Summary 167

Résumé 170

Zusammenfassung 173

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ ДРАЧУК

СИСТЕМЫ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ)

Редактор Л. Л. Ващенко
Художественный редактор С. П. Квитка
Оформление художника А. Ф. Пономаренко
Технический редактор Б. М. Кричевская
Корректоры Т. А. Коваль, А. И. Разбицкая

Сдано в набор 9.X 1974 г. Подписано к печати 6.III 1975 г. БФ 00141. Зак. 583. Изд. № 53. Тираж 10 000. Бумага № 1, 84×108¹/₁₆. Печ. физ. листов 11+3,25 на мелованной бумаге. Условн. печ. листов 23,94. Учетно-изд. листов 26,27. Цена 2 руб. 52 коп.

Издательство «Наукова думка», Репина, 3.

Отпечатано на книжной фабрике «Жовтень» республиканского производственного объединения «Поліграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, Артема, 23а.

В. С. ДРАЧУК

СИСТЕМЫ ЗНАКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ